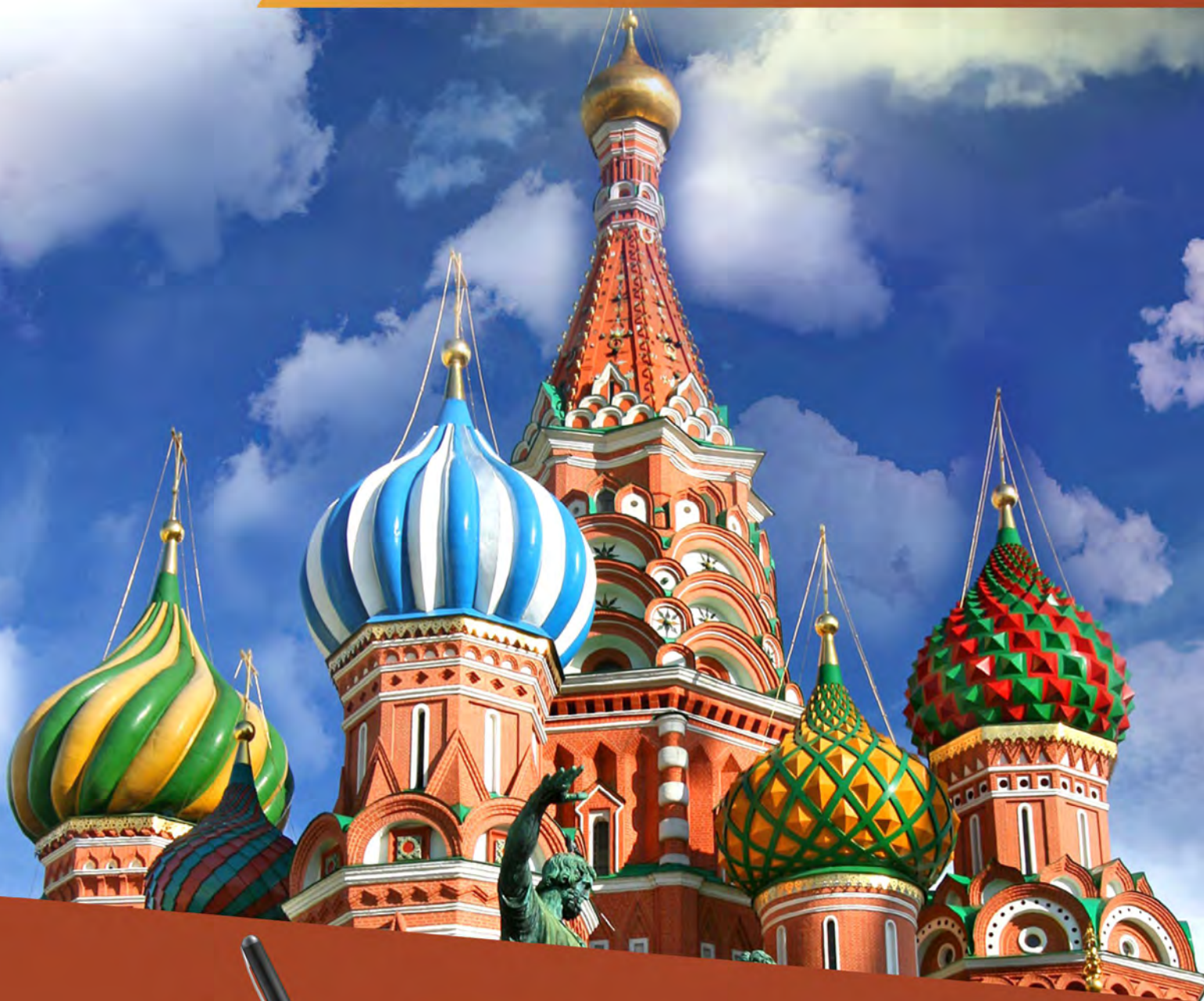

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

**ПИСАТЕЛИ
МОСКВЫ
И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ПИСАТЕЛИ
МОСКВЫ
И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Энциклопедическое издание

Новокузнецк
«Союз писателей»
2022

УДК 82-822
ББК 84(2=411.2)6Я2
ПЗ4

Писатели Москвы и Московской области : энциклопедическое
ПЗ4 издание / ред.-сост. Ю. Рушак. — Новокузнецк : Союз писателей,
2022. — 204 с.

ISBN 978-5-00143-736-9

С давних времён Москва являлась одним из культурных центров России. Здесь родились А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский и многие другие. Тут писали свои лучшие произведения А. П. Чехов, А. М. Горький, А. И. Бунин, В. Я. Брюсов, В. В. Маяковский, С. А. Есенин и так далее. Сегодня литераторы нового поколения продолжают сложившиеся традиции, умножают их и создают новые. Авторы из Москвы и Московской области публикуют романы и сборники, участвуют в коллективных проектах, занимаются общественной деятельностью, проводят творческие вечера и становятся победителями тематических премий и конкурсов. Лучшие произведения современников вошли в это энциклопедическое издание. Разные люди, разные судьбы, разные жанры ждут читателей на его страницах. Помимо стихов и рассказов, здесь можно познакомиться с биографиями писателей, их мыслями в форме интервью и рецензиями на книги. Литературная столица открывает свои двери для тех, кто хотел бы заглянуть в зеркало современности, найти в нём себя, увидеть всё хорошее и плохое, что есть вокруг нас.

УДК 82-822
ББК 84(2=411.2)6Я2

ISBN 978-5-00143-736-9

© Рушак Ю. И., составление, 2022
© Издательство «Союз писателей»,
оформление, 2022
© ИП Соседко М. В., издание, 2022

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Произведения.....	27
Рецензии	180
Интервью.....	196
Содержание	202

Лариса АГАФОНОВА

Адамова Лариса Евгеньевна

Прозаик и поэт, автор женской психологической прозы, поэт. Член Союза писателей XXI века.

Детство и юность будущей писательницы прошли в Ростовской области. Вместе с семьёй она жила в студенческом городке Персиановском. Родные оказали большое влияние на формирование личности Ларисы и выбор ее профессии. Она является педагогом в четвёртом поколении – фактически продолжает династию.

Писать стихи Лариса любила с раннего детства, а первый рассказ написала в четырнадцать лет. С тех пор литература навсегда стала частью её жизни. У автора два высших образования: филологическое и психологическое. Лариса – кандидат психологических наук, доцент, преподаватель Российского нового университета, практикующий психолог и сертифицированный коуч, автор более 170 работ в области филологии и психологии. Несколько лет Лариса преподавала английский язык и психологию в Донском государственном аграрном университете, была заведующим кафедрой иностранных языков и не мыслила себя без английского языка. Но у судьбы появились свои планы, и новый этап жизни оказался связан с переездом в Москву и работой в должности директора по

персоналу в крупной IT-компании и психологической практикой.

Сейчас Лариса – успешный карьерный коуч, она ведёт частную психологическую практику, одновременно преподаёт психологию и коучинг и получает от своей работы колоссальное удовлетворение. Лариса – член Ассоциации практических психологов и коучей (АППК). Обожает путешествовать, привозя из каждой поездки новых персонажей для своих произведений.

Интересные факты из жизни

- Лариса Агафонова – автор рубрики «Психология творчества» в журнале «Союз писателей» и рубрики «Литературные посиделки с психологом» в литературной газете «Хроники настроения».
- Лариса стала лицом обложки литературного журнала «Союз писателей» № 3/2020.
- В течение двух лет писатель вела рубрику «Психология творчества» на международном радио «Вместе».
- Лариса участвует в жизни Международного союза русскоязычных писателей не только в качестве автора, но и в роли члена жюри литературных конкурсов.

Награды писателя

- Дважды лауреат программы «Новые имена современной литературы» (издательство «Союз писателей»).
- Роман «Надо только выучиться ждать» – победитель интернет-голосования конкурса «Книга-Сибирь» в номинации «Лучшее издание художественной литературы».
- Обладатель Гран-при «Автор года – 2019» от Коллегии поэтов и прозаиков.

Библиография

1. Роман «Счастливой быть не запретишь» (2017).
2. Роман «Надо только выучиться ждать» (2018).

3. Сборник рассказов «Кладовая женских тайн» (2018).
4. Сборник «Психология творчества. Рецепты на пути к успеху» (2019).
5. Роман «Заглянуть за горизонт» (2019).
6. Сборник малой прозы и стихотворений «За каждой строчкой чья-то жизнь» (2020).
7. Сборник стихотворений «Сегодня самый лучший день в году» (2021).
8. Рассказы и стихи печатаются в журналах, сборниках и альманахах («Зинзивер», «Смена», «Союз писателей», «Муза», «Золотое руно», «Новое слово», «Третье дыхание», «Первая отметка», «Автор года – 2019», «Два шага до триумфа» и др.).

См. страницы: 27

Борис АЛЕКСЕЕВ

🌐 www.borisalekseev.ru

Заслуженный писатель МГО Союза писателей России.

Родился в 1952 году в Москве. Окончил Московский инженерно-физический институт. Работал в Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова.

В 1980 году оставил физику и посвятил себя изобразительному искусству. Вступил в Московский союз художников (МСХ).

Первые литературные опыты приходятся на 2010 год. Долгое время писал в стол, не вынося сочинения на суд читателей. В 2016 году впервые участвовал в литературном конкурсе. За рассказ «Кыргыз-гоад» удостоен звания «Серебряный лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси». В 2017 году вступил в Союз писателей России (МГО).

В настоящее время живёт и работает в Москве.

Основные литературные награды

- Лауреат литературной премии им. В. Гиляровского за 2016 г.
- Дипломант конкурса им. О. Генри («Роскон – 2017») – приз читательских симпатий.
- Лауреат Третьего открытого конкурса поэзии «Мещёрская лира» (1 место), 2017 г.
- Дипломант литературной премии мира за 2017 г.
- Лауреат медали-премии им. С. Надсона, 2017 г.
- Дипломант литературной премии Союза писателей России «Серебряный крест» за 2018 г.
- Дипломант литературного конкурса Союза писателей России «Лучшая книга года», 2016–2018 гг.
- Дипломант Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник», 2019 г.
- Награждён медалью И. А. Бунина «За верность отечественной литературе» (Союз писателей России, декабрь 2019 г.).
- Дипломант Национальной литературной премии им. В. Распутина 2019 г. (шорт-лист, книга «Кожаные ризы»).
- Награждён медалью И. А. Бунина «За верность отечественной литературе», 2019 г.
- Награждён почётным званием «Заслуженный писатель МГО Союза писателей России», 2019 г.
- Награждён медалью МГО СПР «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», 2020 г.
- Медаль МГО СПР «Цветавские костры», 2021 г.
- Дипломант Лондонской премии по литературе за 2016–2020 гг.
- Лауреат лит. конкурса им. М. Волошина за 2021 г.
- Лауреат лит. конкурса «Волшебное перо» (премия им. М. М. Пришвина) за 2021 г.
- Победитель лит. конкурса «Литературная республика» за 2021 г.
- Лауреат лит. конкурса «Лучшая книга года» (премия им. Ф. М. Достоевского) за 2021 г.
- Награждён орденом «За вклад в литературу России XXI века», 2020 г.

Библиография

Поэзия:

- «Житейское море» (сборник стихов) 2014 г.
- «Цвет не тает...» (сборник стихов) 2017 г.
- «Заметы сердца на полях» (сборник стихов) 2020 г.

Проза:

- «Второе полушарие» (сборник рассказов), 2017 г.
- «Неделя длиною в жизнь» (сборник эссе), 2017 г.
- «Ильинский волнорез» (сборник повестей и рассказов), 2018 г.
- «Свобода воли» (повесть), 2019 г.
- «Кожаные ризы» (сборник рассказов), 2019 г.
- «Количество жизни» (сборник рассказов), 2020 г.
- «Любви чудесная квинтоль» (сборник повестей и рассказов), 2020 г.
- «Под знаком доброты» (сборник рассказов), 2020 г.
- «Тайная парадигма времени» (сборник фантастики), 2020 г.
- «Сказки для детей (от 5-ти лет и младше до 7-ми лет и старше)», 2020 г.

См. страницы: 30

Александр АТУЭЙ

Родился в 1963 году в деревне Михали Егорьевского района Московской области. Писать начал будущий автор ещё в школе. Певучесть стиха Пушкина и Есенина не давала юному любителю поэзии покоя, и вот так его первые вирши родились на свет. Писал, конечно, о природе, поскольку вырос в сельской местности. Хотелось воспеть красоту местных лесов и полей, удивительные по своей сущности явления природы, здешних обитателей фауны. В девятом классе даже написал небольшую поэму о вожде мирового пролетариата, которая была признана лучшей среди сочинений на районной олимпиаде. После поступления в институт переключился на лирический лад, и там же стихосложение постепенно угасло.

После окончания Коломенского педагогического института в 1986 году пошёл служить в армию, а по возвращении на гражданку работал в Чашниковской сельской школе учителем физики, математики, черчения и рисования. К тому времени семья пополнилась — родилась дочка. Поэтому по профессии работал недолго: пошёл искать место, где можно было получить или заработать жильё.

Судьба привела сначала в институт точных технологий в Зеленограде. Там занимался разработкой программ и оснастки для тестирования микросхем. Литературное творчество в этом периоде жизни было заброшено. В начале девяностых годов, с распадом Советского Союза, развалилась и микроэлектроника. Пришлось снова менять профессию. На этот раз жребий выпал на предприятие тепловых станций и газового хозяйства. Там начал свою карьеру со слесаря и прошёл долгий путь роста в области теплоэнергетики: начальник смены тепловой станции, заместитель начальника станции, начальник станции, ведущий инженер, главный инженер предприятия, директор предприятия. Работает там по сегодняшний день. Предприятие включено в состав Московской объединённой энергокомпании.

Тяга к литературному творчеству проснулась снова в 2016 году. Но уже стал писать в прозе. Первые произведения публиковал на портале «Проза.ру» под псевдонимом Александр Атуэй. Потом стал участвовать в литературных конкурсах с довольно неплохими результатами:

Финалист национальной литературной премии «Писатель года» в основной номинации за 2017 год.

Номинант премии «Писатель года» 2018 и 2019 годов.

Победитель конкурса «Письмо Тургеневу».

Лауреат программы «Новые имена современной литературы» (2018).

Победитель литературной премии журнала «Союз писателей» (2019).

Был принят в Российский союз писателей.

Награждён медалью Маяковского за вклад в развитие русской культуры и литературы.

В последнее время переключился на драматургию. Неизменный участник Международного творческого конкурса пьес «Автора на сцену» (шорт-лист 2018 и 2019 годов).

Член Национальной ассоциации драматургов.

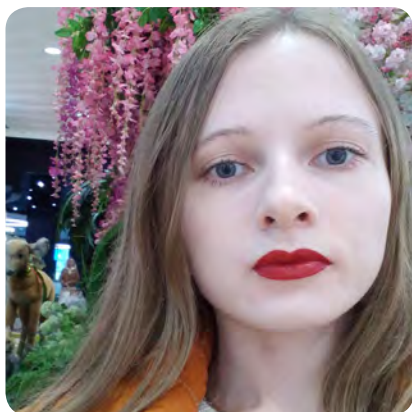
Победитель конкурса «Сила слова» на лучшую пьесу для драматических театров Министерства обороны Российской Федерации.

Библиография

- «В одно окно смотрели двое» (рассказы, повесть).
- «Пиши под дождём» (рассказы, повести).
- Сборник пьес.

См. страницы: 37

Юлия БЕАННА

Юлия Беанна родилась 10 марта 1989 года в Москве. Обучалась в классе с музыкальным уклоном, попутно выступая в составе школьного хора. После окончания школы будущий писатель поступила в музыкальное училище, где получила профессию джаз-вокалистки. Позже Юлия пела в ансамбле русской народной песни и преподавала вокал.

Свою первую книгу Юлия написала в возрасте пяти лет – в толстой тетради на пружинках. Повесть рассказывала о приключениях сказочных существ в виде людей с клювами попугаев. К двенадцати годам таких книг-тетрадей о человекопопугаях набралось больше десятка. Также Юлия писала песни разных жанров – от русских народных до тяжёлого рока – на русском и английском языках.

Первая профессиональная публикация состоялась в 2014 году, когда писатель прошла отбор в антологию мистических рассказов

«Писатели-мистики XXI века», подготовленную издательством «Союз писателей». Далее были победы в конкурсах памяти Вячеслава Первушина и Вадима Шефнера, «Новые сказки», прохождение отборов в различные литературные проекты. В 2015 году свет увидела сольная книга Юлии Беанны «Кровь» – мистический триллер о призраке самоубийцы, преследующем свою возлюбленную. На данный момент Юлия работает преимущественно в жанрах философской лирики и остросюжетной прозы и регулярно издаётся в поэтических и хоррор-сборниках.

Библиография

1. Коллективный сборник «Писатели-мистики» (2014, издательство «Союз писателей», Новокузнецк).
2. «Кровь» (2015, издательство «Союз Писателей», Новокузнецк).
3. Онлайн-альманах издательства «Снежный ком».
4. Электронный журнал «Бумажный слон».
5. Хрестоматия «По ту сторону реальности» (2016, издательство «Союз писателей», Новокузнецк).
6. «Золотой томик стихов № 1» (2016, издательство «Союз писателей», Новокузнецк).
7. «Золотой томик стихов № 2» (2016, издательство «Союз писателей», Новокузнецк).
8. «#Суперлунные истории» (2017, издательство «Союз писателей», Новокузнецк).
9. «47 отголосков тьмы» (издательство «Союз писателей», Новокузнецк).
10. «Золотой томик поэзии I» (2018, издательство «Союз писателей», Новокузнецк).
11. «Снэффи» (2018, «Altaspera Publishing»).
12. «Писатели XXI века. 2018» (2018, издательство «Союз писателей», Новокузнецк).
13. «Расколбаска» (2019, издательство «Союз писателей», Новокузнецк).
14. «Про100 поэзия. №1» (2019, издательство «Союз писателей», Новокузнецк).
15. «Лес Хрустальный» (2020, «Литрес»).
16. «Откровение. 2021» (2021, издательство «Союз писателей», Новокузнецк).
17. «Новые сказки. Книга VIII» (2021, издательство «Союз писателей», Новокузнецк).
18. Антология «Союз писателей. 10 лет» (2021, издательство «Союз писателей», Новокузнецк).
19. Альманах «Рукопись души» (2022, издательство «Четыре», Санкт-Петербург).
20. Альманах «Серебро слов» (2022, издательство «Серебро слов», Москва).

21. Журнал «Союз писателей» (издательство «Союз писателей», Новокузнецк).
22. Журнал «Страна Озарение» (издательство «Союз писателей», Новокузнецк).

См. страницы: 44, 196

Татьяна БИРЮКОВА

Говорят, что в 70 лет открывается второе дыхание. Перейдя эту черту, жизнь бежит уже по накатанной колее, но наполняется совсем другими красками. Острее чувствуешь рассветы и закаты, небо открывается невиданной доселе глубиной и голубизной, каждое утро встречаешь с благодарностью, радостью, как подарок, но тихая грусть заполнила уголок сердца и уже не покинет его. Мне предстоит узнать, каково это на самом деле, а пока вижу бело-розовый сад, тюльпаны и ландыши, готовые раскрыться через день-два пионы, слышу щебетание птичек, шуршание капель дождя, стекающих по крыше.

Горячий кофе, как и прежде, согревает душу, с каждым глоточком появляются новые образы, и вот мысль уже рифмуется слова. Хочется, чтобы вдохновение не покидало, радость видеть и чувствовать была преобладающей, друзья – ненавязчиво рядом и подерживали в трудные минуты, а дети и внуки не огорчали.

См. страницы: 45

Альфред БОДРОВ

См. страницы: 52

Татьяна ГОЛОСОВА

Живёт в городе Видное Московской области.

Окончила Самарский государственный архитектурно-строительный университет. По специальности инженер-строитель.

Увлекается ландшафтным дизайном и фотографией.

Писать стихи начала в ранней юности. Предпочтение отдаёт детской поэзии с разнообразными сюжетами и неожиданными концовками. Большое внимание уделяет и другим направлениям, в частности, любовной и пейзажной лирике, ироническому жанру.

Публиковалась в международных литературно-художественных альманахах «Родники любви», «Афродита ОКСА», «ARTES

LIBERALES», «Волшебная страна», сборниках «Artelen» и «Arteleshka», альманахах Российского союза писателей.

Участвовала в Международном фестивале «Книжная Сибирь», где презентовала одну из своих книг.

Номинант национальной литературной премии «Поэт года – 2014» в номинациях «Детская литература» и «Юмор», «Поэт года – 2015» в номинации «Детская литература», номинант литературной премии «Наследие-2015», «Поэт года – 2020» в номинации «Любовная лирика».

Произведения включены в «Антологию русской поэзии» за 2020 год издательства Российского союза писателей.

Награждена медалью «Иван Бунин 150 лет».

Библиография

- В 2012 году выпустила свой первый иллюстрированный сборник детских стихов «Звездопад в ладошке». Ташкент.
- В 2015 году вышел второй иллюстрированный сборник стихотворений для детей «Щенок-проказник!» Новокузнецк.
- В 2020 году выпустила сборник любовной лирики «Любовь и разлука...» Новокузнецк.

См. страницы: 61

Инна ДЕМИНА

Демина Инна Алексеевна родилась и выросла в подмосковном городе Солнечногорске. В настоящее время живёт в Москве.

Окончила Российский государственный социальный университет по специальности «психология».

На данный момент изданы личные сборники стихов «Мечте хотела бы я сказать...», «Мой первый год с душой поэта».

Принимала участие в конкурсном альманахе номинантов на премию «Поэт года – 2021», «Наследие-2021» портал «Стихи.ру». Участник различных коллективных поэтических сборников.

Финалист Международного конкурса Open Eurasia – 2021.

Является участником литературного объединения имени Героя Советского Союза, писателя В. В. Карпова при Военно-художественной студии писателей ФГБУ «Центральный Дом Российской Армии имени М. В. Фрунзе» Минобороны России.

См. страницы: 66

Доктор ЗАЙЦЕВА

Зайцева Олеся Викторовна

Писатель и врач-стоматолог.

Живёт, пишет и ведёт приём в Москве. Успешно совмещает профессию врача и любимое дело – написание книг. Пишет в жанре романтического фэнтези: является автором саги «Повелители снов».

Детские книги о приключениях Доктора Зубика выходят под псевдонимом Доктор Зайцева. В этом уникальном проекте совместились два любимых дела автора: писать и лечить. Книги неизменно нравятся детям за

лёгкий слог и красочные картинки и их родителям – за полезную информацию, которую они доносят до наших юных читателей.

Ведет волонтерский проект – стоматологический портал для пациентов Zub-Zub.ru. Главный редактор и консультант проекта.

Член Российского союза писателей.

Член Московского союза литераторов (МСЛ).

Член International Academy of Russian Literature – Международной академии русской словесности (МАРС, Австралия, Сидней).

Член Евразийской творческой гильдии (Лондон), 2021.

Член Союза детских и юношеских писателей (Союз ДетЛит).

Член Интернационального союза писателей.

Лауреат 1-й степени I Международного фестиваля русскоязычной поэзии «Поэт года» в номинации «Детские стихи», 2021.

III место в Международном конкурсе «Voices of Friends: Poetry and Art» в категории «Поэзия», сентябрь 2021.

Диплом «Серебряная лира» в Международном литературном конкурсе имени Агнии Львовны Барто, организованном МАРС. Стихи из серии книг «Советы доктора Зубика» (поэтические мини-уроки для детей) 04.12.2021, Сидней, Австралия.

Лонг-лист литературной премии в области медицины «Здравомыслие-2022».

Диплом за участие в конкурсе «Серебряная нить», Санкт-Петербург, 2022.

Член жюри II Международного литературно-фотохудожественного конкурса «Под сенью дружных муз», сентябрь 2021.

Шорт-лист III Международного литературного фестиваля им. А. С. Пушкина, 24.07.2021.

Шорт-лист I Международного фестиваля «Золотое перо Москвы – 2021».

Шорт-лист I Международного фестиваля русскоязычной поэзии «Поэт года – 2021».

Номинант Московской литературной премии – 2019.

Участник Московской международной книжной выставки-ярмарки – 2020

Участник Международного литературного фестиваля фантастики «Аэлита – 2020»

Участник 2-го Международного литературного фестиваля им. А. С. Пушкина – 2020

Библиография

Сага «Повелители снов»:

- Повелители снов. Предание
- Повелители снов. Лерой
- Повелители снов. Зоя
- Повелители снов. Демид
- Повелители снов. Странники

Романы:

- «Когда не всё равно»
- «Одинокая Волчица»

Серия детских книг «Доктор Зубик»:

«Советы Доктора Зубика»

- Щётка и паста
- Про кариес
- Про язык
- Вредные привычки
- Чистим зубки
- Брекеты
- Инструменты
- Флосс
- Молочный зуб

«Доктор Зубик ставит пломбу»

«Уроки Доктора Зубика»

«Доктор Зубик и доктор Тюбик»

«Волшебная гирлянда»

Публикации в сборниках и альманахах.

См. страницы: 72

Елена ЗАРЩИКОВА

🌐 vk.com/lenty4aya

Зарщикова Елена Александровна родилась 12 августа 1984 года в городе Москве, где и проживает по сегодняшний день. В 2008 го-

ду окончила факультет менеджмента в Московском государственном открытом университете.

Свой творческий путь начала в школьные годы, но наиболее активно пишет последние три года – поэзию, в том числе для детей.

Публиковалась в сборниках «Против шерсти» от Русского литературного центра и «Чи100 поржать» от издательства «Союз писателей». Кроме того, печаталась на страницах журнала «Союз писателей».

См. страницы: 73

Сергей КАЛАБУХИН

Сергей Владимирович Калабухин родился в 1958 году в городе Коломне Московской области, где и проживает до сих пор. Публиковался в газетах, журналах и интернет-изданиях России, Белоруссии, Украины, США, Англии, Канады, Австралии и Финляндии. Автор двенадцати книг: «Лабиринт чувств», избранное (2008); «Спорные мысли», сборник эссе (2011); «Тайные хроники», сборник научно-фантастических рассказов (2011); «Спасти Герострата», сборник рассказов (2013); «Взрослые сказки», сборник рассказов (2014); «Мой Лермонтов», монография (2015); «Мысли по поводу...», сборник эссе (2015); «Необыкновенные приключения обыкновенных людей», сборник научной фантастики (2017); «Исповедь царя Бориса», роман (2018); «Эпизоды жизни», сборник рассказов (2019); «Лермонтов от и до», сборник (2019); «Критические мысли», сборник статей (2020).

Член Союза писателей России.

Награждён Почётным дипломом СП России имени Александра Трифоновича Твардовского, дипломом СП России «За сохранение литературных традиций и активную работу по пропаганде исторического и культурного наследия древнего города Коломны», медалью СП России «Иван Бунин 150 лет», медалью «И. И. Лажечников» и другими наградами.

Лауреат Третьего Всероссийского фестиваля «Господин Ветер» в номинации «Проза» (2012), дипломант Пятого Всероссийского фестиваля «Господин Ветер» в номинации «Проза» (2015), лауреат литературного конкурса «Звёздное перо» имени Георгия Кольцова (2017), финалист Германского международного литературного конкурса русскоязычных авторов «Лучшая книга года» (2018).

См. страницы: 74

Катерина КАЛЮЖНАЯ

Родилась, выросла и живёт в Москве. В детстве будущий писатель увлекалась кино, особенно сериалами. И даже пробовала вместе с подругой по даче придумывать сценарии своих мыльных опер. Это было очень наивно, но невероятно интересно. Любовь к чтению проснулась в подростковом возрасте вместе с желанием писать неловкие стихотворения о своих переживаниях. Начав странствие по литературной вселенной с любовных и приключенческих романов, очень скоро Катерина стала читать всё, что попадётся под руку. Сегодня она отдаёт предпочтение

остросюжетным жанрам и прежде всего фэнтези.

В 2005 году Катерина получила диплом врача, но уже в 2010-м искала себя заново, так как поняла: медицина — не её призвание. Тогда же она начала писать свою первую книгу — роман о приключениях девушки, по неосторожности сунувшейся искать сверхъестественный мир. Сегодня он только готовится к публикации. В 2013 году Катерина стала заниматься переводами в паре английский-русский. В 2014 году нашла своё призвание в области копирайтинга. Катерина выполняла заказы на специализированных биржах и завязала сотрудничество с издательством «Союз писателей» в качестве автора рекламных статей и пиар-менеджера, позже стала работать в области журналистики и редатуры. Она получила дипломы Европейской школы корреспондентского образования по связям с общественностью в 2018 году и по журналистике в 2022 году.

Дебютная публикация состоялась в 2014 году в сборнике, приуроченном к юбилею М. Ю. Лермонтова, — «Герой нашего времени. Каков он?» На счету Катерины Калужной пять опубликованных романов. Это тетралогия, включающая произведения «Демоны мрака», «Тайны тёмной цитадели», «Сердце Дьявола», «Призраки Белой Крепости», и внецикловый роман «Первый день вечности». Рассказы из цикла «Рядовая ведьма» были опубликованы в нескольких номерах журналов «Союз писателей» и «Страна Озарение», в сборнике «Библиотека современной прозы. Том 10. Сказки для взрослых». Катерина — двукратный лауреат программы «Новые имена современной литературы» в издательстве «Союз писателей», участник программы «От рукописи до книги» в Академии литературного успеха, её книги дважды представлялись на фестивале «Книжная Сибирь» и номинировались на премию «Книга года: Сибирь-Евразия».

См. страницы: 75, 193, 200

Андрей КЛЫПИН

Клыпин Андрей Геннадьевич — автор ряда персональных сборников стихотворений, участник многих поэтических сборников и альманахов, автор рассказов. Его стихи и проза неоднократно печатались на страницах журнала «Свет столицы» в 2021 году.

Полковник в отставке, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса.

Член литературного объединения имени Героя Советского Союза, писателя Владимира Васильевича Карпова при Военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии.

Российским союзом писателей награждён медалями «Георгиевская лента 250 лет», «Антон Чехов 160 лет», «Афанасий Фет 200 лет».

Библиография

Публиковался в альманахах «Академия поэзии» (№ 1, 2022), «Георгиевская лента», «Антология русской поэзии 2019», «Антология русской поэзии 2020», «Российский союз писателей. Стихи 2019», в литературно-художественных сборниках «Верность Отечеству» (2022), «Любовь и верность» (2022), в сборнике современной поэзии «Modern Poetry» (2021), журналах «Свет столицы» (№ 9–12, 2021 и № 1 и № 9, 2022), «Тыл Вооружённых Сил».

Персональные сборники стихотворений:

- «Всё прожитое наше достояние». М., 2016;
- «Нельзя душе без вдохновенья». М., 2017;
- «В океане жизни сто ветров». М., 2019;
- «Я отражаюсь в этом мире». М., 2022.

См. страницы: 77

Светлана КОППЕЛ-КОВТУН

Светлана Анатольевна Коппел-Ковтун родилась в 1969 году. Публицист, эссеист, поэт, автор сказок для детей и взрослых.

Учредитель и руководитель Международного клуба православных литераторов «Омелия» (2007), объединяющего в своём составе русскоязычных литераторов из Украины, России, Белоруссии, Грузии, Молдавии, Латвии, Америки, Германии, Швейцарии, Франции, Израиля, Канады, Австралии, Сербии. Награждена орденом «1020 лет Крещения Руси» «за усердные труды во славу святой Церкви».

В журналистике с 1992 года. Начинала на телевидении, в качестве телеведущей и автора цикла передач на религиозно-философскую тематику, затем работала корреспондентом региональной газеты. С 2004-го была сотрудником редакции всеукраинского миссионерско-просветительского журнала «Мгарский колокол»; до июля 2013 года – ответственный редактор этого ежемесячника.

Автор нескольких книг, вышедших в Австралии, Канаде, Австрии, Украине, России. Регулярно публикуется в СМИ.

Библиография

- «Сквозь тень» (2013) – избранные стихи разных лет;
- Философская сказка-притча «Высекательница Искр» (2013);
- «Трагедия Украины» (2015);
- «Читаю знаки» (2016) – стихи разных лет;

- «В чуланчике изношенных вещей» (2016). Сборник сказок для детей от пяти до ста пяти;
- «Ксеньюшка, голубка Христова» (2016). Рассказ о жизни блж. Ксении Петербургской с приложением статей о том, кто такие святые и о феномене юродства;
- «Макаровы крылья» (2016);
- Статья о Владимире Дале в книге «Сыны России, прославившие Отечество. ВЛАДИМИР. От равноапостольного князя до Святейшего патриарха и президента России» (2017);
- DiskBook «Жена Океана». Серия «Новые сказки» (2017);
- «Я думаю по-русски» (2017). Сборник статей о знаменитых людях, жизнь и творчество которых отражают менталитет русского человека. Среди них Владимир Даль, свт. Тихон (Белавин), преподобный Иона Киевский, Марина Цветаева, Александр Блок, Андрей Платонов, Валентин Распутин, Николай Зиновьев и другие;
- «Полотно» (2018). Стихи, дневники, афоризмы;
- «Человеки» (2019). Эссе, стихи, афоризмы;
- «Словесный бисер. Афоризмы и размышления» (2020);
- «Знать человека – знать его вечное». Эссе, миниатюры, дневниковые записи разных лет (2021).

См. страницы: 82

Виктор КОРОЛЕВ

Королев Виктор Владимирович родился в 1949 г. в Кемерово в семье военного журналиста-фронтовика. Окончил Уральский госуниверситет, Новосибирскую высшую партшколу, Академию общественных наук при

ЦК КПСС, Московскую школу экономики. Кандидат исторических наук. Член Союза журналистов РФ. Много лет жил и работал в Москве: в Аппарате Президента СССР – консультантом, зав. сектором информации и анализа писем, Торгово-промышленной палате РФ – гл. экспертом, Министерстве культуры РФ – руководителем пресс-службы, а также на телевидении, в различных коммерческих структурах. Последние 17 лет до пенсии – редактором столичных финансовых журналов.

В Москве был принят в Союз писателей России.

Автор 20 книг, в том числе на иностранных языках. Лауреат всероссийских литературных конкурсов, дипломант премии Министерства обороны РФ в области культуры и искусства (номинация «Литературное творчество») и других. В настоящее время живёт в г. Екатеринбурге.

Список основных книг

1. По следам Пушкина. – Новокузнецк : Изд-во Союз писателей, 2016. – 400 с. (ISBN 978-5-00073-368-4). <https://www.litres.ru/viktor-korolev/po-sledam-pushkina/>.
2. Донна Соль и все её мужья. – Новокузнецк : Изд-во Союз писателей, 2016 – 108 с. (ISBN 978-5-00073-764-4). <https://knigi-market.ru/donna-sol-i-vse-eyo-muzhya-viktor-korolev/>.
3. Шляпа камер-юнкера. – Новокузнецк : Изд-во Союз писателей, 2016 – 124 с. (ISBN 978-5-00073-412-4). <https://knigi-market.ru/shlyapa-kamer-yunkera-viktor-korolev/>.
4. Пушкин и Аракчеев. – Новокузнецк : Изд-во Союз писателей, 2016 – 111 с. (ISBN 978-5-00073-636-4). <https://knigi-market.ru/pushkin-i-arakcheev-viktor-korolev/>.
5. Генерал Милорадович. – Новокузнецк : Изд-во Союз писателей, 2017 – 100 с. (ISBN 978-5-00073-557-2). <https://knigi-market.ru/general-miloradovich-viktor-korolev/>.
6. Жё тэм, мон шер... / Рассказы. – Новокузнецк : Изд-во Союз писателей, 2017 – 87 с. (ISBN 978-5-00073-484-1). <https://knigi-market.ru/zhyotem-mon-sheer-viktor-korolev/>.
7. Еликанида и Анна. / Рассказы. – Новокузнецк : Изд-во Союз писателей, 2017 – 120 с. (ISBN 978-5-00073-741-5). <https://knigi-market.ru/yelikanida-i-anna-viktor-korolev/>.
8. Марианна Ярославская. – Новокузнецк : Изд-во Союз писателей, 2018 – 103 с. (ISBN

978-5-00073-567-1). <https://knigi-market.ru/marianna-yaroslavskaya-viktor-korolev/>.

9. Баллада о непобеждённом. – Новокузнецк : Изд-во Союз писателей, 2018 – 139 с. (ISBN 978-5-00073-902-0) <https://knigi-market.ru/ballada-o-nepobezhdennom-viktor-korolev/>.
10. Шкатулка, полная историй о героях. – Новокузнецк : Изд-во Союз писателей, 2018 – 290 с. (ISBN 978-5-00073-846-7). <https://knigi-market.ru/3309/>.
11. Киселевы: три брата, две сестры. Век XIX-й. / Исторический роман. Новосибирск : Академиздат, 2019 – 140 с. (ISBN 978-5-6041997-7-0).
12. Жизнь и удивительные приключения Арчибальда Керра, английского дипломата. / Исторический роман. Новосибирск : Академиздат, 2020 – 220 с. (ISBN 978-5-6043924-1-6).
13. Самый страшный день войны. / Роман. – Новокузнецк : Изд-во Союз писателей, 2021 – 130 с. (ISBN 978-5-00143-565-5) <https://knigi-market.ru/samyy-strashnyy-den-voyny-viktor-korolev/>.
14. Анжелика Балабанова pro & contra известных личностей. / Исторический роман-памфлет. – Новокузнецк : Изд-во Союз писателей, 2022 – 256 с. (ISBN 978-5-001-43-657-7) <https://knigi-market.ru/anzhelika-balabanova-pro-contra-izvestnykh-lichnostey-viktor-korolev/>.

См. страницы: 92, 180, 197

Андрей КОСТАКОВ

Костаков Андрей Михайлович родился в Ленинграде 5 апреля 1962 года.

С 1969 по 1977 год – обучение в 497-й школе города Ленинграда.

С 1977 по 1979 год – обучение в Ленинградском Суворовском военном училище.

С 1979 по 1984 год – обучение в Пушкинском высшем ордена Красной Звезды училище радиоэлектроники противовоздушной обороны (инженерный факультет).

С 1984 по 2003 год – служба в Вооружённых силах СССР и России.

С 2004 года по настоящее время работает в ПАО Сбербанк.

Место жительства – город Балашиха Московской области.

Библиография

С 1993 года стихотворения, загадки, считалки, скороговорки опубликованы в российских журналах и газетах – «Стригунок», «Миша», «Колобок и Два Жирафа», «Остров Сокровищ», «Игрушечка», «Воин», «Трамвай», «Мурзилка», «Семья», «Крестьянская Россия», «Домашняя газета».

Книги для детей:

- «Кроссворды в рифмах», РОСМЭН, Москва, 1999, ISBN 5-219-00579-0 / 5-8451-0223-5;
- «Капитан» Считалки, ОМЕГА, Москва, 2002, ISBN 5-93209-395-1;
- «Кошки на дорожке» Считалки, ОМЕГА, Москва, 2002, ISBN 5-93209-396-X;
- «Изучила карате сороконожка», Союз писателей, Новокузнецк, 2022, ISBN 978-5-00143-636-2;
- «Шла на цыпочках слониха», Союз писателей, Новокузнецк, 2022, ISBN 978-5-00143-643-0;
- «Раз увидел кот кита...», Союз писателей, Новокузнецк, 2022, ISBN 978-5-00143-656-0;
- «На балу у Снежной королевы», Союз писателей, Новокузнецк, 2022, ISBN 978-5-00143-684-3.

Ссылки

«Изучила карате сороконожка» в интернет-магазинах:

- **КНИГИ-МАРКЕТ:** knigi-market.ru/izuchila-karate-sorokonozhka-andrey-kostakov/;
- **OZON:** www.ozon.ru/product/izuchila-karate-sorokonozhka-andrey-kostakov-588827463/?sh=ch17quWwTA;
- **Wildberries:** www.wildberries.ru/catalog/81458896/detail.aspx?targetUrl=GP.

См. страницы: 100

Борис КРАСИЛЬНИКОВ

Красильников Борис Михайлович родился 28 апреля 1957 года в городе Москве. Метролог, ветеран труда, член Союза писателей России.

Лауреат премии «Лучшая книга», 2021, премия им. А. А. Блока МГО Союза писателей России за книгу «Свиристели».

Победитель в конкурсе международного форума «Москва-Шанхай», «за искренность в поэзии», 2018 (МГО СПР).

Победитель в конкурсе альманаха «Литературная Республика» в номинации «Поэзия», 2019 (МГО СПР).

Лауреат конкурса альманаха «Северные цветы», 2018, МГО «Союз независимых авторов и издателей».

Финалист поэтического конкурса им. И. Григорьева (1923-1996) «Душа добру открыла двери», 2016, Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России.

Финалист конкурса на приз журнала «Союз писателей» литературного агентства «Новые имена», 2017.

Финалист конкурса «Наше священное ремесло...» к 130-летию юбилею А. А. Ахматовой, 2019 (МГО СПР)

Финалист 7-го ежегодного Международного литературного конкурса «Открытая Евразия», 2018, Евразийская Творческая Гильдия (Лондон) и т. д.

Библиография

Книги:

- «Свиристели». Сборник стихотворений. – Издательство НП «Литературная Республика» со-

- вместно с МГО СПР, Москва, 2020, ISBN 978-5-7949-0741-4.
- «Пёстрая лента». Сборник стихотворений. – Издательство «Союз писателей», 2018, Новокузнецк – 44 с. ISBN 978-5-00073-909-9.

Коллективные сборники:

1. Подборка стихов в сборнике стихов и прозы «Писатели Москвы и Московской области. Издательство «Союз писателей», Новокузнецк, 2015 г. – 182 с. ISBN 978-5-00073-192-5.
2. Подборка стихов в сборнике стихов «От имени любви». Издательство «Союз писателей», Новокузнецк, 2016 г. – 148 с. ISBN 978-5-00073-408-7.
3. Подборка стихов в сборнике стихов «Золотой томик стихов» – Выпуск 3. Издательство «Союз писателей», Новокузнецк, 2017 г.-192 с. 6-5. УДК 82-882.
4. Подборка стихов в сборнике стихов «Стихи 2017» – Книга пятая. 2017 г. Издательство РСРП-310 с. ISBN 978-5-4477-1069-9.
5. Подборка стихов в сборнике Россия-Латвия 2018 Каталог: Московская городская организация Союза писателей России – 2018 – 174 с. ISBN 978-5-7949-0645-5. НП Литературная Республика.
6. Подборка стихов в сборнике Литературная Республика. № 1 – 2017 – М.: Московская городская организация Союза писателей России – 2017 – 232 с. ISBN 978-5-7949-0615-8. НП Литературная Республика. Авторы, 2017.
7. Подборка стихов в энциклопедии «Современная российская литература – 2017»: М.: Московская городская организация Союза писателей России – 2017 – 356 с. ISBN 978-5-7949-0582-3. НП Литературная Республика.
8. Подборка стихов в Антологии современной поэзии «Многообразие...» – выпуск 17 – 2017 г., Алматы, ТОО Издательство LEM – 100 с. ISBN 978-601-239-488-7.
9. Подборка стихов в Антологии стихов и прозы «Литературная Евразия» – третий номер. Кострома. Издательский Дом Максима Бурдина, 2017, 880 с. ISBN 978-5-906983-26-8.
10. Подборка стихов в Собрании сочинений авторов XXI века «Литературный фонд» Проза. Драма. Поэзия. (Антология) – М.: Русский литературный центр – 286 с. Москва – 2018 ISBN 978-5-00014-193-9.
11. Подборка стихов в сборнике «Москва – Шанхай», 2018. М.: Московская городская организация Союза писателей России – 2018 – 296 с. ISBN 978-5-7949-0649-3.
12. Подборка стихов в Евразийском литературном сборнике «Нить» т. 2, 2018. Лондон, издательство Hertfordshire Press Ltd – 2018 – 61 с. ISBN 978-1-910886-86 1.
13. Подборка стихов в Альманаче «Северные цветы» – М.: Издательство «Городская организация Союза писателей», 2018 – 106 с. ISBN 978-5-00014-198-4.
14. Подборка стихов в Сборнике Пятого Большого Международного конкурса «Восхождение», ООО Издательство «Серебро Слов» – 2018. – 125 (1) с. ISBN 978-5-907026-56-8.
15. Подборка стихов в Большой Книге Лауреатов литературных конкурсов. Московская городская организация Союза писателей России – 2017. – М., 2018. – 430 с. ISBN 978-5-7949-0631-8. НП Литературная Республика.
16. Подборка стихов в Антологии современной поэзии «Многообразие...» – выпуск 18 – 2018 г., Алматы, ТОО Издательство LEM – 100 с. ISBN 978-601-239-530-3.
17. Подборка стихов в Антологии стихов и прозы «Литературная Евразия» – третий номер. Кострома. Издательский Дом Максима Бурдина, 2018, 624 с. ISBN 978-5-907096-21-9.
18. Подборка стихов в сборнике «Москва – Шанхай», 2018. М.: Московская городская организация Союза писателей России – 2018 – 296 с. ISBN 978-5-7949-0649-3.
19. Подборка стихов в Евразийском литературном сборнике «Нить», т. 2, 2018. Лондон, издательство Hertfordshire Press Ltd – 2018 – 61 с. ISBN 978-1-910886-86-1.
20. Подборка стихов в «Антологии русской поэзии-2018» – Издательство – РСРП 2018, 320 с. ISBN 978-5-4477-1245-7.: ил.
21. Подборка стихов в энциклопедии стихов и прозы «Писатели русского мира: 21 век» – т. 1. Кострома. Издательский Дом Максима Бурдина, 2019, 480 с. ISBN 978-5-6042522-6-0.
22. Подборка стихов в альманаче «Пятое время года» – Волгоград: Перископ – Волга, 2019 – 376 с. ISBN 978-5-6042775-6-0.
23. Подборка стихов в сборнике современных авторов к 80-летию И. Бродского «Я думаю это от Бога» – Волгоград: Перископ – Волга, 2020 – 312 с. ISBN 978-5-907288-09-6.
24. Подборка стихов в Антологии современной поэзии «Многообразие...» – выпуск 19 – 2019 г., Алматы, ТОО Издательство LEM – 100 с. ISBN 978-601-239-556-3.
25. Подборка стихов в сборнике «Наше священное ремесло...» к 130-летию юбилею А. А. Ахматовой. – Московская городская организация Союза писателей России, 2019 – 200 с. ISBN 978-5-7949-0699-8. НП Литературная Республика.
26. Подборка стихов в сборнике «Крым наш» Московская городская организация Союза писателей России, 2021 – 288 с. ISBN 978-5-7949-0913-5. НП Литературная Республика.

27. Подборка стихов в сборнике «Бегущие по волнам», Московская городская организация Союза писателей России, 2021 – 294 с. ISBN 978-5-7949-0902-9. НП Литературная Республика.
28. Подборка стихов в Американском альманахе русской литературы «Dovlatov». Издательский Дом Максима Бурдина, 2021, 674 с. ISBN 978-5-6045256-7-8.

См. страницы: 109, 182

Светлана КУЗЬМИНА

Светлана Владимировна Кузьмина родилась в 1976 году в г. Хотьково Московской области. Член литературного объединения «Свиток» г. Сергиева Посада, член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Кленовая мозаика» (2003), «Неправильный соловей» (2004), «Два Я» (2005), «Между двух зим» (2006) «По кромке Млечного Пути» (2008), «Вопреки» (2009), «Семь» (2011), «Путь к тебе» (2012), «Стиха серебряная нить» (2014), «Качели» (2016), «По циферблату собственной судьбы» (2019), «Узники пандемии. Дневник одной самоизоляции» (2020). Публиковалась в России и за рубежом. Финалист, дипломант, лауреат различных межрегиональных, всероссийских и международных конкурсов и фестивалей.

См. страницы: 117

Ирина КУРАМШИНА

Ирина Курамшина (сетевой ник IRINA). Член Российского союза писателей (РСП), член Московского содружества литераторов (МСЛ), член Русского литературного клуба. Родилась в Сибири, школу окончила на Таймыре, проживает в Москве, по специальности – экономист, бухгалтер, в настоящий момент на пенсии.

Ирина пишет стихи, повести, рассказы о своих современниках – женщинах мегаполиса, публицистические статьи и заметки, является редактором на литературном сайте «Решето-рия». С 2005 года публикуется в литературных альманахах, сборниках, газетах и журналах, принимает активное участие в сетевых конкурсах. С 2012 года сотрудничает с журналом «Председатель ТСЖ», где регулярно публикуются ее статьи, связанные с профессиональной деятельностью. По её рассказам школьники пишут сочинения, учителя России разрабатывают методические пособия. Практически на каждой виртуальной книжной полке учительских сайтов можно встретить произведения Ирины. А особой популярностью пользуются рассказы «Сыновний долг» и «Эквивалент счастья». С отрывками из этих рассказов школьники выступают на конкурсах чтецов. Также Ирина – автор трёх поэтических сборников и семи сборников прозы. Помимо литературного творчества, Ирина увлекается живописью, пишет маслом, гуашью, цветными карандашами и маркерами, обожает графику. «Я, как кот Матроскин из Простоквашино, ещё и вышивать могу крестиком, – смеётся она. – И на машинке строчить, и... Мне кажется, что все творческие люди – творческие по жизни в любых её про-

явлениях и направлениях. Так что тихий размеренный быт – не для меня».

«Как человек яркий, разносторонний, Ирина свободно чувствует себя в любом жанре, однако известность заработала, в первую очередь, своими рассказами – миниатюрами, сюжеты которых берутся прямо из окружающего нас будничного мира (из «сора», как сказала бы незабвенная Анна Андреевна), из того, мимо чего мы равнодушно, а то и с некоторым раздражением проходим каждый день. Ирине дано видеть в этих картинках нечто более глубокое, то, что заставляет иной раз улыбнуться, иной раз крепко задуматься, иной раз – вздохнуть...»

Валерий Волков, главный редактор литературного сайта «Решетория»

Библиография

- Литературные альманахи и журналы «Страна Озарение», «Союз писателей», с 2005-го;
- Сборник современной прозы, изд-во «Гусли»;
- Сборник «Литературные страницы» Московского содружества литераторов;
- Альманах «Автограф» литературного портала «Что хочет автор»;
- Газета «Школьник» ИТО «Семрик»;
- Литературный журнал «Домосед», изд-во Центральной библиотеки № 88 им. А. С. Грибоедова
- Сборник стихотворений «Стою на перепутье мыслей», типография ООО «Телер»;
- Сборник стихотворений «Горсть тепла», изд-во ООО «РусНеруд»;
- Сборники рассказов «Жизнь наоборот» и «Игры в детективов», изд-во ООО «РусНеруд»;
- Сборник стихов современных поэтов «Имя твоё – женщина». Германия, изд-во Стелла;
- Литературные альманахи современных русских авторов «Русский Stil – 2008», «Русский Stil – 2010». Изд-во Стелла, Германия;
- Журнал «Председатель ТСЖ» с 2012 г.;
- Сборник рассказов и повестей «Антропочервизм», изд-во «Ирис-групп»;
- Ежегодные сборники Российского союза писателей «Проза» и «Стихи»;
- Сборник стихотворений «Формула осени» издательства «Союз писателей»;
- Повесть «Охота на красивую жизнь», сборники рассказов «Тесный мир», «Антропочервизм», «Сыновний долг», «Игры в детективов», роман «Чужой птенец, или Биологическая адаптация», сборники стихотворений «По океану будней», «Горсть тепла для тебя». Изд-во «Союз писателей»;
- Сайт «Клерк.ру»;

- Литературный сайт «Решетория» с 2008 года, сетевой ник IRINA.

См. страницы: 121

Андрей ЛИСЬЕВ

Андрей Владимирович Лисьев – российский писатель, работающий в различных жанрах, включая постапокалиптику и фантастику.

Родился 20 октября 1971 года в Минске. Выпустившись из школы в 1988 году, переехал учиться в Ленинград, в 1992 году окончил Ленинградское высшее военно-политическое училище ПВО по направлению «военная психология». Второе образование – финансист, рынок ценных бумаг. Имеет четверых детей. Живёт и работает в Москве.

Дебютировал под псевдонимом с книгой «Сатир и муза» в издательстве «Книгобек» в 2012 году.

Награды

Лучшая книга Вселенной, 2019 // Ржавый Артём. Лучший монстр. Каменный ужас. Метро 2033: Зима милосердия (2019).

РосКон, 2020 // Рассказ за час Десятая планета системы Гиза.

Аэлита, 2021 // Орден «Рыцарь фантастики» имени И. Халымбаджи.

Золотое перо Москвы, 2021 // Фантастика и фэнтези. Бронзовое перо.

Лауреат 2-й степени в номинации «Рассказ» премии имени Н. С. Лескова, 2021 // «Настоящий!» 2020.

Библиография

Автор нескольких рассказов, опубликованных в сборниках «Точки» и альманахе «Русский колокол» в разные годы.

Повесть «Копьё прозрения» издана в составе сборника «Русская фантастика 2018. Том первый».

В 2019 году издан роман «Зима милосердия», который стал 100-й книгой «Вселенной Метро 2033».

В 2022 году опубликовал роман «Сломанное небо Салактионы», написанный в жанре социальной научной фантастики.

См. страницы: 127, 185

Ирэн ЛОВАТТ

Ирэн Ловатт — один из творческих псевдонимов Ирины Игоревны Алтыновой. Писатель-мистик, поэт, общественный деятель, соединяющий в своей биографии множество различных, часто самых противоречивых факторов. Так, родившись в Москве, все летние месяцы проводила на море, в Одессе. С самого детства много и активно путешествуя по всему миру, изучала традиции и культуру разных стран.

Окончила МИЭМ, ИПСИ, МИОО, училась в Оксфорде.

Автор более 50 книг для взрослых и детей, а также учредитель постоянного сборника Клуба Друзей, состоящего из стихотворений и картин участников творческого коллектива.

В последние годы выпустила серию календарных, астрологических и психологических книг.

С 2002 по 2003 год вела несколько рубрик в бортовой газете «Мир Аэрофлота», впоследствии печаталась в многочисленных газетных и журнальных изданиях.

В 2012 году вышли первые детские книги автора.

В 2003-м был снят полноформатный художественный фильм-сказка «Проделки бабы Яги» по одноимённому произведению автора, а в 2018-м документальный фильм о счастье.

В 2021–2022-м появились на свет несколько мультипликационных фильмов по сюжетам её сказок, а также запущен в производство музыкальный авторский диск «Четыре сезона».

С 2016 года автор является постоянным участником российских и международных книжных выставок. Имеет многочисленные грамоты и награды за активную творческую и благотворительную деятельность.

Много внимания уделяет сотрудничеству с библиотеками, укрепляя связь между писателями и читателями.

См. страницы: 128, 187, 198

Павел ЛУКОВ

Луков Павел Николаевич родился в 1961 году в п. Быково Раменского района Московской области. Образование высшее. Ветеран боевых действий в Афганистане. Писатель, драматург, публицист. Номинант премии «Писатель года – 2013».

См. страницы: 133

Юрий МАРТИШИН

Юрий Фёдорович Мартишин родился 15 октября 1963 г. в городе Электросталь Московской области, где в настоящее время и проживает.

Окончил Московское медицинское училище № 7.

Член Союза писателей России.

Награждён литературной медалью «Иван Бунин 150 лет» (СП РФ).

Удостоен звания «Почётный писатель Москвы» решением Высшего творческого совета МОО СПР № 12 от 18 июля 2017 г.

Призёр литературного конкурса «Край ты мой родной», «Мосприрода», 2015 год.

Второе место в Международном литературном Гайдаровском конкурсе – 2017. Номинация «Стихи (взрослые)» за стихотворение «Федотьево». Учредитель – Международное творческое объединение детских авторов (МТО ДА).

Библиография

Автор шести книг стихотворений:

- «Начало» (Электросталь, 2004);
- «Откровение» (Москва, 2006);
- «Прости, или Последний лист любви» (Электросталь, 2010);
- «В полёте безумий» (Москва, 2013);
- «По накатанной» (Москва, 2017);
- «Наши судьбы» (Москва, 2021).

Журнальные и иные публикации стихотворений:

«Страна Озарение», Новокузнецк; «Пять стихий», Горловка; «Отражение», Гатчина (№ 33, 2013; № 37, 2015); «Союз писателей», Новокузнецк (№ 1-№ 9/10, 2015; № 1, 2016), «Наше поколение», Кишинёв; «ЛитОгранка», Новокузнецк; «Педагогический ИМИДЖ», Иркутск; «Южная звезда»

(№ 4(53), 2015; № 3(68), 2018), Ставрополь; «Литературная Ингушетия», Назрань; «Чешская звезда», Карловы Вары; «Выходной день», Абакан (№ 10(38), 2014; № 2(50), 2017); «В Яблочко», Гатчина (№ 41-45, 2014-2015); «Мир животных», Гомель; «Бульвар зелёный», Омск; «Автограф», Донецк; «ЛИТгостиная», Москва (№ 1(10)-2(11), 2015); литературный журнал «Иван-да-Марья», Чебоксары (№ 7(19), июль, № 10(22), октябрь 2016); «Невский альманах», Санкт-Петербург (№ 92) 2016; № 5(103), 2018). Межрегиональный литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» (№ 3, 2017-№ 1, 2018). Сборник стихотворений авторов сайта «Ты-Поэт» (Волгоград, 2017). Авторский литературный журнал «Северо-Муйские огни» (№ 1 (65), январь-февраль 2018 года, Бурятия, Северомуйск). Коллективный сборник «100 слов о...» (2020, издатель «Логос», Ставрополь). Коллективный сборник произведений «Внеклассное чтение» (2021, «СП», Новокузнецк).

Альманахи:

«Автограф» МСП Новый Современник (Рязань), «Литературная республика» (Москва), «Рифмованный мир» (Тольятти), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Арина» (27-2015, 29-2016-32-2018) (Нижний Новгород), Б-ка лит. газеты «Лик» (Ленинск-Кузнецкий), «Сияние лиры» (Москва). Ковчег (Тула).

Многочисленные сетевые публикации:

Эл. приложение «Огни над Бией» (№ 27-28, 2014; № 44-45, 2018); литературно-публицистический журнал «Литера Nova», № 3(6), 2016; литературный клуб «Первая роса»; литературный клуб «Планета писателя»; сетевой журнал «Творческая Россия»; сетевой альманах «Снежный ком»; литературный журнал «Автограф», № 7-8, 2016 (Донецк); литературный журнал для юношества «Ступени» (№ 18, 2017; № 22-23, 2018); литературные порталы: «Fabulae.ru», «Изба-читальня», «Ты поэт» и др.

См. страницы: 135

Ольга МИТЬКИНА

🌐 vk.com/olgasmitkina

Живёт и работает в Москве. Окончила юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и Лондонский университет, кандидат юридических наук. Стихи и рассказы пишет с 13 лет. Активно публикуется в последние десять лет.

Библиография

1. Сборник рассказов «Илья». Издательство «Союз писателей», г. Новокузнецк.
2. «Любовь сквозь время». Издательство «Союз писателей», г. Новокузнецк.
3. «Фокс». Издательство «Союз писателей», г. Новокузнецк.
4. «Солнечный зайчик». Издательство «Союз писателей», г. Новокузнецк.
5. «Сокровища американской поэзии». Издательство «Союз писателей», г. Новокузнецк.
6. «Волшебное кольцо». Издательство «Союз писателей», г. Новокузнецк.
7. «Волшебная книга». Издательство «Союз писателей», г. Новокузнецк.
8. Публиковалась в литературных журналах и альманахах: «Российская литература», «Современная литература России», «Спутник», «Автограф», «Бег», «Литературная столица», «Союз писателей», «Люблю Отчизну я», сборниках проекта «Библиотека современной поэзии».
9. Участвовала в коллективных проектах издательства «Союз писателей»: Ваза желаний. Книга для релаксации. 2021 и 2022 годы, Первая отметка. Выпуск 2, Весёлый карандаш. Выпуск 1, Сборник стихотворений «В контакте с Пушкиным», 55-словники. Выпуск 6, Золотой томик поэзии I., Писатели – детям. Выпуск 7., Новогодние сказки. Выпуск 2., Рождественская пластинка и других.

См. страницы: 137

Александр МОРЕВ

🌐 vk.com/id247868662

*Всё, что было ранее написано,
По ветру развеяно, в былом.
И теперь обратно, заново
Не напишешь даже и пером.*

**А.В. Морев, цитата из произведения
«Жизненный Путь»**

Морев Александр Васильевич родился в городе Апрелевке Наро-Фоминского района Московской области 6 августа 1972 года. В мае 1980 года переехал в посёлок Селятино Наро-Фоминского района Московской области на постоянное место жительства.

Образование высшее техническое: МГТУ ГА (МИИ ГА).

Работал во многих авиакомпаниях по специальностям от авиатехника до ведущего инженера по авиационному и радиоэлектронному оборудованию (АиРЭО/ОТК/ОС) более 20 лет. Ремонтировал, испытывал, обслуживал и эксплуатировал авиатехнику отечественного и импортного производства.

Участвовал в полётах в составе экипажа в качестве ИАС.

В 2016 году вступил в ряды некоммерческой общественной организации НРООДИ, с марта 2020 года возглавил данную организацию в качестве председателя.

В 2018 году постановлением главы Наро-Фоминского городского округа награждён Благодарственным письмом за высокий профессионализм, добросовестный труд, активную общественную деятельность.

В его творчестве по большей части преобладают пейзажные зарисовки о красоте на-

шей матушки Природы. Автор описывает и делает небольшие наброски к иллюстрациям и фотографиям, выполненным им на природе во время пеших прогулок. Также пишет стихи и прозу лирической, любовной, городской, религиозно-философской, детской, фантастической, юмористической и другой тематики, которая, по его словам, ему интересна и затрагивает струнки души...

Публиковался в каталогах современной литературы за 2021 и 2022 годы, в конкурсных альманахах Российского союза писателей: «Поэт года – 2020» и «Поэт года – 2021», «Наследие-2020», а также печатался в литературно-художественном альманахе «Дубрава», вып. 2. – Тамбов: ООО «ТПС», 2017. – 68 с. ил., фот.

Награждён дипломами:

- номинант литературной премии «Наследие» за 2020 год;
- номинант национальной литературной премии «Поэт года» за 2020 год;
- номинант национальной литературной премии «Поэт года» за 2021 год.

Награждён общественными наградами:

- знаком отличия «Звезда „НАСЛЕДИЕ“» III степени – 10 октября 2020 г.;
- медалью «Иван Бунин 150 лет» – 25 января 2021 г.;
- медалью «Фёдор Достоевский 200 лет» – 25 января 2022 г.
- памятной медалью «С ЮБИЛЕЕМ 50 лет» от 9 августа 2022 г.,
- памятной медалью «В ОЗНАМЕНОВАНИЕ СТОЛЕТИЯ СО ДНЯ ОБРАЗОВАНИЯ СССР», удостоверение подписано Председателем ЦК КПРФ Г. А. Зюгановым. От 30 августа 2022 г.

С некоторыми стихами автора, произведениями, цитатами и изречениями можно ознакомиться на его страницах литературных порталов:

Стихи: stihi.ru/avtor/alexandrmorev

Проза: proza.ru/avtor/alexandrmorev

См. страницы: 139

Михаил МОСКОВЕЦ

Московец Михаил Евгеньевич родился в 1998 году в Москве. Окончил бакалавриат и магистратуру юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, работает юристом.

Писать начал в 17 лет. Первое произведение – философская повесть «Сентябрь», изданная маленьким тиражом «для друзей». Затем перешёл к написанию рассказов, многие из которых опубликованы на личном канале «Мой брат писатель» на Яндекс.Дзене (там также выложены и стихотворения).

Жанры рассказов различны – от триллера до романтики, от «будничного» до философской мистики. Все они написаны скрупулёзно и точно, сюжет каждого интригует и держит читателя в напряжении до самого конца.

Ввиду большой амплитуды жанров рассказы могут быть интересны широкому кругу читателей – от подростков до людей среднего возраста, от любителей посмеяться до любителей углубиться в книгу и поразмыслить.

Библиография

Всего написано 15 рассказов, из которых автор планирует создать сборник: «Даль», «Аэропорт», «Великий Жо», «Канцелярия», «Старый король, Молодой король», «За что судить диктатора?/Что восславит тебя?», «Окно на восьмидесятом этаже», «Фургон», «Pro et contra», «Лестница желаний», «В свете прожекторов», «Вино с человеческим прахом», «Божество», «Кружок самоубийц», «Сутки».

См. страницы: 149

Алекс О.

См. страницы: 155, 189

Галина ОДИНЦОВА

Галина Леонидовна Одинцова – член Союза писателей России.

Лауреат премии имени Леонида Завальнюка в номинации «Проза».

Лауреат премии «Память» имени экс-губернатора г. Благовещенска Юрия Ляшко.

Лауреат Пушкинской премии в номинации «Общественные деятели».

Лауреат премии «Писатель года» в номинации «Мемуары».

Родилась в городе Спасске-Дальнем Приморского края. Отец был военным лётчиком, мама – швея. Окончила педагогический институт в 1973 году. Вышла замуж за офицера Советской Армии. Жила в Благовещенске, в Чехословакии, в Москве, в Алма-Ате. Ра-

ботала учителем, инспектором школ, методистом в гороно и завучем в школе. С 1996 г. до 2017 г. – предприниматель. Затем занялась писательской деятельностью.

Библиография

В 2007 году вышла первая книга стихов «Четыре сезона любви», 300 стр.

В 2012 году вышла первая книга коротких рассказов «Вопреки», 340 стр.

В 2015 году вышла книга рассказов «Метель», 280 стр.

В 2018 вышла книга рассказов «Забытые берега», 300 стр.

В 2020 году вышла книга рассказов «Письма прошедшего времени», 400 стр.

В 2021 году вышла книга «Фотография из прошлого», 300 стр.

В 2022 году вышла книга «Бегство к себе», 216 стр.

«Письма прошедшего времени» – победитель конкурса изданий на 12-й Международной выставке-ярмарке «Амурские книжные берега», 2-е место в номинации «Родина моя». Занимается общественной литературной работой. Автор идеи и редактор пяти альманахов «Зелёная лампа», вышедших в г. Благовещенске Амурской области.

За три года выпущены альманахи: «Зелёная лампа» № 1 – Детские стихи и рассказы, 170 стр.; «Зелёная лампа» № 2 – «Короткие рассказы», альманах на трёх языках, 200 стр.; № 3 – «Благовещенск, Мой город, моя история», 300 стр.; № 4 – «Памяти свет», 180 стр.; альманах № 5 – «Амурские писатели – детям». Работы печатаются в разных изданиях.

До декабря 2020 года жила в Благовещенске Амурской области.

В настоящее время живёт в Москве.

См. страницы: 156

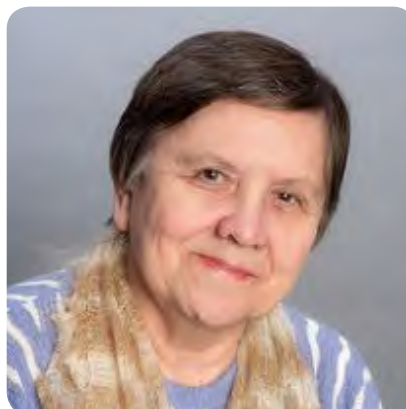
Вера ПЧЕЛИНЦЕВА

Родилась на Дальнем Востоке. Последние двадцать лет живёт в Москве. Окончила два института. В педагогическом выучилась на учителя математики и информатики, потом поступила в экономический. И уже много лет работает главным бухгалтером. Стихи и песни начала писать в одиннадцать лет. Чуть позже перешла к небольшим рассказам, но все произведения тихонько хранились в черновиках до 2018 года.

Татьяна РАДОВА

Дадабаева Татьяна Николаевна

Библиография

- 2018 год – сборник стихов «На границе дождя»
- 2020 год – сборник стихов «Ещё один очередной из жизни»;
- 2020 год – сборник рассказов и повестей «Голубика в кружке»;
- 2020 год – альбом песен «VERA». Автор и исполнитель Вера Пчелинцева;
- 2021 год – сборник рассказов и повестей «Поле солнышонков»;
- 2020 год – публикация в сборнике стихов Союза поэтов России «Сотня»;
- 2021 год – публикация в культурно-просветительской газете «Новая страна»;
- 2021 год – публикация в художественно-поэтическом альманахе «Краски поэзии»;
- 2021 год – публикация в сборнике МСРП «Русская душа»;
- 2021 год – публикация в сборнике МСРП «Дорогами войны»;
- 2021 год – публикация в литературном журнале «Страна Озарение», № 77;
- 2021 год – статья на Яндекс.Дзене в познавательном блоге Академии литературного успеха «Вера Пчелинцева: от первых строк до первых книг»;
- 2022 год – статья в литературно-художественном журнале «Союз писателей»;
- 2021-2022 – публикации в проекте МСРП «Классики и современники».

См. страницы: 166

Родилась 18.06.1949 в Амурской области. После окончания там средней школы жила в Узбекистане почти 40 лет, где училась в музыкальном училище на вокальном отделении. Сейчас живёт в г. Фрязино Московской области. Член РСП.

Стихи были всегда рядом, но записывать их начала в зрелом возрасте. Печаталась в городском сборнике «Литературная гостиная», в городских газетах «Ключ» и «Фрязинец», в литературно-историческом журнале Щёлковского района «Щёлково», в приложении к «Литературной газете» № 44 за 2008 год «Подмосковье – культурная реальность», в газете Московской епархии «Отчий светильник», в сборниках «Перекрестия и параллели», «Блёстки», в «Сборнике стихов» издательства «ООО Рунет».

Награждена дипломом за первое место в городском поэтическом конкурсе в октябре 2005 года, дипломом II степени за участие в конкурсе на соискание Городской литературной премии им. Г. Р. Державина в 2008 году, дипломом I степени этой же премии в 2012 году и дипломом III степени в 2016 году.

Номинирована на премии «Наследие» и «Поэт года», печаталась в сборниках «Поэт года» (2015, 2016, 2017, 2018), «Наследие» (2015, 2017). Сборник «Золотая строфа» (2011), сборник Союза писателей «Золотой томик стихов» № 2, сборник Союза писателей «Восторг души», сборник «Русь моя» (2017), сборник «Стихи» (2017, книга пятая), «Стихи» (2020, книга третья), «Стихи» (2021, книга вторая) Российского союза писателей, сборник «Стихия природы» (2016), сборник «200 поэтов 2018» финалистов национальной лите-

ратурной премии РСП, сборник «Проза 2018» РСП, Каталог современной литературы (2018), газета «Время» № 17, 2018, Щёлково, а также «Антология русской поэзии» за 2018 год.

См. страницы: 167

Иоланта СЕРЖАНТОВА

Живёт в Москве. Член творческого объединения «Отчизна» Российского союза ветеранов (Москва, Гоголевский бульвар, 4).

Член Союза писателей России.

Автор 33 книг, 2 пьес, 126 совместных сборников стихов и прозы, кавалер 11 медалей.

См. страницы: 171

Константин СУВОРОВ

Константин Андреевич Суворов родился в Москве 8 мая 1974 года.

В 1981–1992 г.г. учился в школе-интернате для детей с ДЦП.

Образование

1999 год – МПГУ, по специальности «социальный педагог, педагог-психолог»; 2013 год – МИОО, учитель-дефектолог.

Психолог и учитель-дефектолог в системе образования, в настоящее время работает преподавателем психологии в Московском Губернском колледже искусств.

Профессиональные интересы

Специальная психология и коррекционная педагогика, преподавание психологии.

Творческая биография

Прозу в жанре коротких миниатюр (www.proza.ru/avtor/opsis) начал писать с мая 2007 года. До этого с 2005 года на портале stihi.ru писал только стихи (www.stihi.ru/avtor/opsis).

С 2018 года начал осваивать более крупные литературные формы: повесть, поэму. В результате в издательстве «Союз писателей» вышла третья книга автора – «Магазинчик сновидений».

В планах на будущее – представить что-нибудь новое и интересное, что именно – пока, по словам автора, тайна. Известно только, что он в творческом процессе создания нового поэтического сборника.

Константин Суворов много издавался в издательстве «Союз писателей» г. Новокузнецка:

В сентябре 2015 года в энциклопедии «Писатели Москвы и Московской области» напечатано несколько его рассказов, а именно: «Московское волшебство», «Сити-Джем», «Print me», «Владычица», «Живые линзы».

В мае 2016 года Новокузнецким издательством выпущена первая книжка «Ветвь сливы». Приобрести книжку можно здесь: knigi-market.ru/3475.

В ноябре 2016 года в издательстве «Союз писателей» вышел стихотворный сборник «Рассыпанные страницы», в который вошли избранные стихотворения, написанные авто-

ром в течение десяти лет. Приобрести книжку можно здесь: knigi-market.ru/rassypannye-stranitsy-konstantin-suvorov.

В 2017 г. в журнале «Союз писателей» № 4 вышел рассказ «Магазинчик сновидений», который в 2019 году превратился в мини-повесть с одноимённым названием.

В июле 2019 года в Новокузнецком издательстве издана третья книжка Константина Суворова — «Магазинчик сновидений». В книге теснейшим образом переплетены явь и осознанные сновидения

Личные интересы

Константин пишет стихи и прозу, увлекается фотографией, обучается игре на шестиструнной классической гитаре.

См. страницы: 173

Любовь ЧЕРЕНКОВА

vk.com/lubovcherenkova

cher.lubava@mail.ru

Как в одном человеке сочетаются писатель, музыкант и военнослужащий? Да легко!

27 мая — Общероссийский день библиотек. Поэтому и неудивительно, что Любове Черенковой было предопределено связать свою жизнь с литературой.

Будущий писатель родилась 27 мая 1981 года в Чеховском районе Московской области. С одной стороны — монастырь XVI века, с другой — возрождающийся Преображенский храм. Есть лес, пруды, музыкальная шко-

ла. Ранимой мечтательнице здесь самое место. Казалось бы — живи и радуйся. Но не тут-то было.

Учитель по фортепиано уехала в Москву, а именно музыкантом хотела изначально стать Любовь. Поэтому пришлось вместе с мамой переезжать в столицу следом за учителем и оканчивать школу, а также поступать в училище уже там. Съёмные квартиры, переезды с огромным инструментом — не самая лёгкая жизнь для подростка. Поэтому, устав от шумного города, как истинный интроверт, она уезжает к бабушке в деревню в Рязанскую область.

Там оканчивает колледж по специальности «юриспруденция», а потом возвращается на свою малую родину. Здесь получает высшее образование по специальности «юрист».

Будущий писатель воспитывалась в семье военных, а потому неудивительно, что спустя некоторое время она пошла по стопам родителей.

Однако Любовь всегда мечтала стать музыкантом, а предавать свою мечту нельзя. Поэтому, отслужив пять лет по контракту, поступила в Московский государственный гуманитарный университет им. Шолохова, который окончила как учитель музыки. А потом и магистратуру в этом же университете.

Следует упомянуть, что в своей альма-матер писатель работала концертмейстером на кафедре музыковедения и музыкального образования.

Очень любит тишину и сыр. Правда, с первым — целая проблема, так как является мамой двоих детей. Из-за болезни младшего сына приходится домохозяйничать. Однако унывать некогда, хотя порой очень хочется.

На протяжении нескольких лет занимается литературной деятельностью.

Любовь Черенкова — автор сказок «В присутствии ангела», «Истории Музыкаграда», мистических повестей «Одержимость», «Музыкальный фантом», детективной повести о группах смерти в соцсетях «В поисках Самая», психологической повести о сектах «Спасение Леонарды».

Но, несмотря на такое разнообразие жанров, любимым остаётся фэнтези. Именно поэтому в 2021 году вышел в свет роман в жанре исторического фэнтези «Евангелина». Ато-

сфера Древней Руси XII века, поиск истины, враги, друзья, любовь – всё это в острозюжетной романтической книге.

Истории Любви Черенковой помогут испытать чувства, которых порой нам так не хватает в реальной жизни.

См. страницы: 176

Нина ШАМАРИНА

Нина Шамарина родилась в Подмосковье, с юности жила, училась, работала в Москве, по образованию химик-технолог. Двое детей, трое внуков.

Член Союза писателей России с 2019 года, автор книг «Двадцать семнадцать» (2019), «Разноцветные шары желаний» (2021), «Синица в небе» (2021), детской электронной книги «Мишка под парусом» (ЛитРес Самиздат), со-автор коллективных альманахов Культурного центра «Фелисион», «Новое слово», «Точки», журналов «Новые витражи», «Невский проспект», «Союз писателей».

Победитель конкурса «Классики и современники» («Литературная газета», 2019-2020), шорт-лист конкурса «Независимое искусство» (2019), лонг-лист фестиваля «Славянские традиции» (2019), шорт-лист конкурса миниатюр им. Юрия Куранова (2020), лонг-лист Тургеневского конкурса «Бежин луг» (2021).

См. страницы: 177, 191

В контакте с Пушкиным. Выпуск 2

Сборник стихотворений

Твёрдый переплёт

152 страницы

Фобология. Том 1

Сборник horror-рассказов

Твёрдый переплёт

540 страниц

ЛАРИСА АГАФОНОВА

Волшебный кисель

Андрей вышел из освещённого здания в ноябрьскую серость, поёжился от налетевшего мокрого ветра, но даже не подумал поднять воротник куртки — только ссутулился, опустил глаза и засунул руки в карманы, нащупав монетку-талисман с дырочкой для шнурка. Верин талисман, который вот уже три месяца Андрей перекладывал из кармана пиджака в куртку.

По дороге к садику он всё больше замедлял шаг, шаркая ногами, как столетний старик. Предстояла ежедневная пытка — любопытными, притворно жалеющими взглядами и нарочито скорбными словами воспитателей, нянечек, знакомых мам и бабушек. И огромными печальными глазами дочки, которая теперь не бросалась к нему, как бывало раньше, а лишь брала отца за руку и подводила к шкафчику с одеждой, где был нарисован радостный лисёнок. Вера нарисовала его во время ремонта, сказав, что он здорово похож на их дочку, рыженькую хохотушку Анютку.

Хохотать Анютка перестала три месяца назад, когда внезапно, от остановки сердца, умерла Вера. Она тогда уже почти оправилась от болезни, от этого злосчастного вируса, вышла на работу, перестала принимать бесконечные таблетки, стала радоваться летнему солнышку. И ушла в одночасье, оставив их с Анюткой одних. Совсем одних...

Андрей жил на автопилоте: покупал продукты, из которых потом пожилая соседка готовила еду для них с Анюткой, стирал, убирал, водил дочку в садик, читал ей по вечерам, забивал выходные походами в цирк и зоопарк, лишь бы не оставаться дома, там, где всё дышало Верой и их недолгим счастьем.

Анютка почти не плакала, не звала маму ночами: каждый вечер она усаживалась перед маминной фотографией и подробно расска-

зывала ей, как прошёл день, кто из мальчишек подрался, почему она теперь не дружит с прежней подружкой, а дружит с новой, и какую куклу ей купил папа.

Андрей не выдерживал, трусливо прятался на кухне, открывал окно и жадно, со всхлипом дышал, чтобы не рыдать. «Ведь мальчишки не плачут», — твёрдо запомнил он ещё в далёком детстве, когда бабушка, строгая и невозмутимая завуч в школе, презрительно сощурился глаза, вбила эту истину ему, рыдавшему над погибшим под колёсами грузовика любимым щенком, в голову, как гвоздь, по самую шляпку.

Он больше никогда не плакал. Ни тогда, когда один за одним ушли мать и отец, ни когда хоронили бабушку-завуча, ни когда стоял у гроба, обезумевший от потери Веры.

Пытка садиком сегодня продлилась недолго. Он всё-таки опоздал, была пятница, учроченный рабочий день для многих, и почти всех детей уже забрали. Анютка, полностью одетая, сжимая в руке потрёпанного зайца, стояла под козырьком здания вместе с дежурной нянечкой, осуждающе встречающей припозднившегося папашу.

Пробормотав «Извините, пробки» и пряча глаза, Андрей взял Анюткину тёплую ручку в свою и зашагал к воротам.

По дороге домой Анютка что-то говорила, Андрей кивал и угукал, снова замедляя шаг, чтобы отсрочить момент, когда нужно будет переступить порог и войти в ставшую неприветливой, тёмной и какой-то тусклой квартиру. «Почему она раньше мне казалась светлой? Может быть, деревья выросли и стали загораживать свет?» — мрачно размышлял Андрей.

— Пап, а давай в нашем дворе на качелях покатаемся? — Анютка дёрнула его за руку и настойчиво повторила, кажется, в третий раз.

— На качелях? Дочь, так ведь холодно уже, ты замёрзнешь, — вяло сопротивлялся Андрей, а в душе радовался, воспринимая эту передышку как временное спасение от одиночества в квартире.

— А у меня штаны тёплые и куртка длинная, — деловито сообщила Анютка и потащила отца напрямиком к любимой детворой их двора качели.

Андрей механически раскачивал качели, с трудом вслушиваясь в щебетание дочери,

мрачней с каждой минутой: передышка заканчивалась, и рано или поздно они поднимутся на третий этаж, но не позвонят, как раньше, в звонок, а откроют дверь и войдут в темноту прихожей.

— Пап, ну папа же! Ты где? Ты меня совсем не слушаешь! — выдернул Андрея из грустных мыслей огорчённый голосок дочки.

— Я здесь, Анют, я здесь.

— Останови, я накаталась, — обиженно попросила дочка.

— Не обижайся, Анютка, я просто задумался немного.

— Ты всё время думаешь, а на меня не смотришь. — Слезы-горошинки покатались из светлых глаз дочери.

— Что ты, что ты, малыш, — Андрей присел на корточки перед расстроенной дочкой, — я здесь, с тобой. Ну прости меня, — он смахнул тёплые слезинки с похудевших щёчек и прижал к себе девочку. — А хочешь, я тебе пюре сделаю и какао сварю?

Андрей вглядывался в родное личико с надеждой: пюре и какао были, пожалуй, единственными съедобными детскими блюдами в его кулинарном арсенале, кроме различных каш. Но не кашей же, и без того приевшейся дочке, заглаживать вину?

— Хочу! И пюре хочу, и какао! — звонко ответила Анютка и потащила отца к подъезду.

Вечер прошёл на удивление если не весело, как бывало раньше, то уж точно не мрачно. Андрей быстро управился с приготовлением пюре, сварил большую кружку какао, и они с Анюткой целый час провели за столом в кухне, где обычно любили сидеть всей семьёй по вечерам в то счастливое время, когда их было трое... Анютка уминала пюре за обе щеки, хвалила какао и выглядела абсолютно довольной.

Уложив дочку, прочитав непременно сказку, на этот раз про Винни-Пуха, Андрей вымыл посуду и вышел на балкон. «Сейчас бы закурить, вдруг полегче станет», — подумал он, но решительно прогнал малодушную мысль. Он бросил курить в тот день, когда Вера на крыльях прилетела из женской консультации с новостью о долгожданной беременности, пообещав жене отказаться от вредной привычки, и больше ни разу не закурил. Даже на похоронах.

Уставившись в хмурое тёмное небо, Андрей закрыл глаза: где-то там его Вера, его любовь, единственная женщина, с которой он хотел встретить старость. Вера часто приходит к нему во сне, а иногда он, как наяву, видит жену там, среди облаков, до боли в покрасневших глазах вглядываясь в темноту ночи.

«Анютка терпеть не может какао, — вдруг откуда-то в памяти всплыл разговор с Верой. — Я пыталась и так и этак. Даже зажмурившись не пьёт. Ни дома, ни в садике. Говорит, что на эту пенку ей смотреть грустно. Зато обожает кисель. Готова пить его три раза в день».

«Кисель! — Андрей вздрогнул, как будто ледяной пузырь попал ему под свитер, лопнул и разлился по спине. — Конечно, кисель! Как я забыл? Отец, называется! — Он с досадой стукнул себя по голове. — Анютка ведь ненавидит какао, а я ей двойную порцию сварил. Тогда, получается, она пила его ради меня? И говорила, что ей вкусно, чтобы меня порадовать, выдернуть из моего панциря. Господи, какой же я осёл! Моя пятилетняя дочка взяла себя в маленькие ручки и, хоть и горюет по любимой маме, находит силы поддержать никчёмного отца. Моя девочка, моя маленькая доченька, прости меня. И ты, Верочка, прости, я осёл, но я исправлюсь», — шептал Андрей в ночи, съёжившись на стылом балконе, не замечая, как хлынули из глаз так долго сдерживаемые слёзы, слёзы боли, отчаяния, страха и потери. «Мальчишки не плачут», — услышал он в голове холодный и надменный голос бабушки, но не испугался, а громко выкрикнул в ночную тишину:

— Плачут! Ещё как плачут!

Андрей помешивал кисель в кастрюле, так тщательно вглядываясь в возможные комочки, как будто от этого зависела вся его жизнь.

— Пап, ты что делаешь? Как вкусно пахнет!

Заспанная, взлохмаченная, неловко переступающая в длинных пижамных штанах Анютка, сонно потирая глазки, стояла на пороге кухни.

— Это кисель, заяц, — смущённо пробормотал Андрей. Клюквенный. Будешь?

— Кисель? Настоящий? Правда? Па-а-ап!

Анютка распахнула глазки в рыжих пушистых ресницах, недоверчиво поморгала и со счастливым визгом бросилась отцу на шею.

— Папочка! Ты мой самый лучший!

— Потому что сварил кисель? — сквозь вновь набежавшие слёзы облегчения шептал Андрей, изо всех сил прижимавший к себе сокровище, которое он чуть было не потерял в своём горе.

— Потому что ты рядом. — Тонкий звонкий голосок что-то ещё говорил, детские ладошки гладили по волосам, и Андрей оттаивал, возвращался, оживал...

«Мои любимые, — шептала где-то высоко в облаках Вера, — вы справились, вы нашли дверцу к любви. А я всегда буду рядом

с вами». — Голос становился всё тише, а облик — всё прозрачнее...

За окном негромкий скрип качели.

Двое в темноте — отец и дочь.

Стилый вечер, вздох столетней ели.

Кроме них, им некому помочь...

За окошком первый снег кружится.

Двое вместе. Так в беде теплей.

Улетела мать-жена, как птица.

Их осталось двое на земле...

За окном намёка нет на чудо...

Двое в горе. Некому помочь.

«Дочка, потерпи. Мы точно будем

Чуть счастливей», — шепчет папа в ночь.

Кладовая женских тайн

Сборник рассказов

«Кладовая женских тайн» — это калейдоскоп характеров и судеб, выписанных с глубоким психологизмом: автор заглядывает в душу героинь и приоткрывает её читателю, показывая радости и печали, страхи и сомнения. Все рассказы объединяет идея: счастье мы можем творить сами, поддерживаемые Верой, Надеждой и Любовью и открыв сердце навстречу миру. Искренность автора подкупает. И хочется вновь и вновь чувствовать и переживать, размышлять и искать новые возможности — уже для себя и своих близких.

Твёрдый переплёт

224 страницы

Заглянуть за горизонт

Роман

Мечтаете сесть за руль своей судьбы и самостоятельно выстроить маршрут? Вам интересно посмотреть, кто и почему сейчас становится дирижёром семейного «оркестра»? В книге Ларисы Агафоновой вы найдёте ответы на вопросы, как переписать типичный «женский» сценарий, навязанный окружением, победить личные комплексы и, наконец, после всех неурядиц обрести себя.

Твёрдый переплёт

252 страницы

БОРИС АЛЕКСЕЕВ

1993 год, октябрь, Белый дом, кровь...

(репортаж)

1. Указ

— Да что т-ты!..

Страхнув с колен альбом древнерусской живописи, я бросился спасать убегающий бразильский кофе. Я взглянул на плиту, залитую латиноамериканским великолепием, и только тогда вспомнил о брошенной книге. Древнерусские иконы, «порубленные» на тонкие листы гознаковской бумаги, торчали неряшливым веером из распахнутого корешка. Мне стало совестно. Как так? Капля чёрного импортного тоника оказалась ценнее шедевра великого Дионисия! Ведь репродукцию именно его иконы я рассматривал минуту назад. «Да-а, тут есть о чём подумать!» — решил я, присев с полупустой чашечкой кофе на подлокотник дивана.

Наша повседневная жизнь пестрит огромным количеством необязательных мелочей. Навязчивая реклама бессовестно эксплуатирует наше подсознание. Мы «вдруг» начинаем ощущать внутреннюю потребность в пилочке «Шолль» для огрубевших кожных тканей или в безусловной гастрономической глупости «дефлопе», необходимой (как уверяют рекламодатели) для поддержания нормальной работы пищеварительного тракта.

Подобное всеядное разнообразие засоряет нас, делает привередливыми и уязвимыми. Чтобы нарушить внутренний мир современного человека, достаточно, к примеру, убрать с прилавка сыр камамбер или объявить, что круассаны на сегодня закончились. Подменив жизнь игрой в мелочное благополучие, мы теряем ощущение системности бытия. Всякий раз, покупая очередную прихоть, всё более

становимся не способны к синтезу и в унисон с врагом человеческого рода повторяем, как мантру: «Разделяю во имя удовольствия и обретаю власть, разделяя!»

То, что произошло в октябре 1993 года в центре Москвы, эпицентре российской цивилизации, невозможно объяснить иначе как системным сбоем, иными словами — русским бунтом, бессмысленным и беспощадным. На золотые октябрьские денёчки пришлось обрушение основ нашей российской (дурацкой, пьяной, святой) цивилизации. И самое непонятное в этой истории то, что россияне даже не ощутили, как под их ногами дрогнул и разверзся не только московский асфальт — дрогнула вся отечественная история. Не заметили москвичи на своих белых накрахмаленных воротничках капель крови, брызнувших из разлома. Что ж, мы привыкли: кровь Родины в мирное время прозрачна. Она густеет и окрашивается в алую иконописную киноварь только в дни великих испытаний. А тут-то что? Ну, потешились, постреляли друг друга — и ладно. И ладно?..

***

Я готовился писать икону. В мастерскую вбежал Шура, милый добрый товарищ, и, оглядываясь на дверь, сообщил страшную весть:

— Боря, в Москве революция!

Революция?.. Какая ещё революция? Впрочем...

— Шура, может, ты выпить хочешь?

— Борь, я серьёзно. В стране раскол! Ельцин издал указ: мол, на фиг нужен этот Верховный Совет! Хасбулатов забаррикадировался в Белом доме и послал Ельцина на три буквы и четыре стороны! Сейчас многие идут туда. Пойдём, а?

— Куда пойдём: на три буквы или...?

Шура растерялся.

— Какие буквы? Я говорю, идём к Белому дому!

— Уж нет, — улыбнулся я, — иконописание вне политики, ты же знаешь.

— Пойдём, а?..

Мы подошли к Белому дому со стороны Горбатого моста. Нас встретила революционная суета, напоминающая встревоженный, но разумный улей. Люди что-то сосредоточенно несли, складывали, уходили и снова

возвращались. Так, наверное, в 1871 году парижские коммунары под звуки «Марсельезы» строили свои нехитрые баррикады. Ни сопливых пепси, ни почитателей «Клинского» я не увидел. Сосредоточенная конструктивная работа и сдержанный, возвышенный настрой духа.

Чтобы подогреть интерес читателя к повествованию, которое никак не выберется из бытовых подробностей, скажу: многие пишут о событиях 1993 года. Например, есть почасовое документальное свидетельство о тех страшных днях, записанное А. В. Островским в книге «1993. Расстрел „Белого дома“». У меня же задача другая. Я являюсь одним из немногих избранных судьбы, кто в роковой день четвёртого октября не заплатил жизнью за право «поиграть» в революцию. Всех нас, чудом оставшихся в живых, можно пометить бейджиком «Счастливчик». Ведь за несколько утренних часов было уничтожено целое сообщество дивных российских граждан, а их тела, исковерканные бронемашинами, исчезли без следа.

История циклична. И ныне я, как «отрок Эфесский»¹, просыпаюсь на короткое время, чтобы оставить российскому читателю воспоминание очевидца и участника гнуснейшего и героического перелома в отечественной истории. Перелома, после которого в нашей стране стрелять в человека стало обычным заштатным делом. Моя задача — не хронологический рассказ о поступках главных персонажей этих страшных дней, а живое человеческое свидетельство. Воспоминание о людях, которые могли бы сейчас гулять с внуками по золотистым аллеям московских парков и рассказывать им мудрые сказки. Увы — ни рассказчиков, ни внуков.

2. Московская «Парижка»

Десять дней продолжалось героическое стояние безоружного российского народа перед вооружённой до зубов государственной властью. На десять дней дух Парижской коммуны прописался в центре российской столицы у метро «Баррикадная»... Люди, уяз-

влённые ельцинским указом № 1400, спешили к Белому дому, ставшему оплотом и символом сопротивления. Как бы ни высмеивали нынешние и будущие царёвы спичрайтеры те дни, скажу как участник и очевидец случившегося: баррикады вокруг Белого дома строили и защищали не оголтелые бузотёры и крикуны, но в большинстве своём московские разночинные интеллигенты. Воители умственного труда, «вооружённые» старомодными кожаными и дерматиновыми портфелями, пришли защитить погранную указом верховного сатрапа власть Советов, свою привычную человеческую демократию. Здесь не было торговцев, маклеров, брокеров, банкиров. Не подвозилась грузовиками, как 1991 году, шальная кока-кола. Исподволь я наблюдал за профессурой и попутно за содержимым их заветных саквояжей-сундучков. Ответствую — ни оружия, ни коньяка в плоских «фронтовых» фляжках: только книги, женины бутерброды и термосы с дымящимся горячим чаем.

Особо запомнилось множество молодёжи. Молодёжь особенная, рискованная и сдержанная одновременно. Приведу пример. В центре двора, примыкающего к Белому дому, студенты из Приднестровья разбили большую палатку. Над палаткой на импровизированном флагштоке был укреплён, как бы сейчас сказали, баннер с надписью: «ГРУППА РАЗРАБОТКИ ТЕОРИИ СЧАСТЛИВОГО ОБЩЕСТВА». Этот текст я помню дословно. Вот такие романтики десять дней обживали мятежный двор в центре Москвы. Увы, земля под палаткой оказалась платной, а плата — очень дорогой, превышающей стоимость жизни...

***

Первая ночь на баррикадах — улётная романтика! Сотни людей жгут костры, поют песни, смотрят на крупные сентябрьские звёзды и, конечно, спорят, спорят. Спорят о жертве для достижения общего блага, о мужестве сознательном и случайном. И я спорю, не представляя, какое человеческое мужество увижу всего через десять дней, как будет стонать моё сердце, глядя на массовое жертвоприношение во имя... «Во имя» — самое трудное место в тексте воспоминаний. Любая логика, оправдывающая случившееся, пада-

¹ Семь отроков Эфесских — семь христианских юношей, спящих вечным сном и проснувшихся однажды на короткое время.

ет ниц, как падает сбитый из рогатки кукурузник, выжигая плодородный слой на месте падения.

Баррикады... «Неприступный» баррикадный самострой. Заградительные редуты представляли собой сложенные друг на друга фрагменты городского хлама с ближайших помоек. Перевязанные проволокой старые двери и разбитые оконные блоки, скрученные пружинами от старых кроватей секции дорожных турникетов, какие-то доски, парковые скамейки... Всё, что можно было выдернуть и унести, представляло собой материал для строительства неборимых препятствий в будущих сражениях с городским ОМОНОм (так, по крайней мере, думали предприимчивые барри – строители баррикад).

***

Осадная ночь. Во дворе Белого дома идёт непрерывный митинг. На балконе, превращённом в импровизированную трибуну, один за другим подходят к микрофону депутаты Верховного Совета и какие-то люди в военной форме. Все что-то кричат, грозят Ельцину то кулаком, то автоматом Калашникова. Под балконом внизу стоит сосредоточенная толпа людей. Они не вслушиваются в речи говорящих, просто стоят и о чём-то думают. И через некоторое время расходятся по баррикадам. Их место занимают другие. Они тоже выстаивают под микрофонной трескотнёй и тоже расходятся на свои боевые дежурства, размышляя о чём-то, кажется, более важном, чем воинственные речи депутатов и старших офицеров.

Настоящие заинтересованные разговоры вспыхивают именно на баррикадах. Как здорово жить в героическом согласии со своими мыслями! И кто мог предположить, что через несколько дней ошестившийся баррикадный самострой рассыплется как карточный домик, а его «архитектурные» фрагменты рухнут в горячее море человеческой крови и поплывут прочь, уносимые ветром истории и безжалостными гусеницами БТРов... Но сейчас сладкий привкус великой картины Делакура «Свобода на баррикадах» и ароматный жёнин чаёк очень располагали мятежных барри к умному и деликатному единомыслию.

***

Добровольческий полк защитников Белого дома, как древний полк князя Игоря Святославича, наверное, не имел ни единого шанса победить, но в его сопротивлении (российское будущее это наверняка подтвердит) заключалась его Победа! Жертва «Игоря со товарищи» оказалась предтечей освободительного Куликова сражения. Как отзовутся события 1993 года на ходе русской истории, мы с вами знать не можем. Это откроется другим, позже. Я набираю в Яндексе «полк Игоря, картинки» и получаю... восемнадцать тысяч изображений! Тут и репродукции живописных картин сражения, состоявшегося восемьсот лет назад, и русские иконы, и героическая десантура Псковской дивизии, и русская Ярославна, оплакивающая мёртвого военкома-мужа. Пробирает!..

...Шли, вернее, тянулись дни осадного положения «Хасбулатова» войска. Я умышленно поставил кавычки, потому что все начальники Белого дома – Руслан Имранович, усатый генерал Руцкой, прочие генерал-депутаты – производили, мягко говоря, удручающее впечатление на ополченцев. Среди выступавших у микрофона мне лично запомнился один плачущий военачальник. Он говорил в толпу буквально следующее: «Умоляю вас, не расходитесь, пока вы здесь – штурм не будет!» Такие выступления удручали, но анархию не провоцировали. Люди внутренним чутьём понимали: лучше плохой командир, чем никакой.

Власти города обнесли Белый дом по периметру спиралью Бруно (мерзкая коварная штука) и выставили караулы. У защитников появилось новое дело: искать в оцеплении прорехи и доставлять на баррикады еду и воду. Ото дня ко дню напряжение нарастало. По Москве шли стихийные митинги. Милиция и приданные войска разгоняли собравшихся. Люди разбегались и на ходу договаривались о месте следующей встречи. В воздухе, как крылья стервятников, металась дубинка. Помню шок, когда я впервые увидел молоденького милиционника с дубинкой в руке. «Это приспособление для того, чтобы бить человека? – подумал я. – Да как же он посмеет замахнуться?!» Вот так мораль восхитительного дяди Стёпы

уступала место новому отношению людей друг к другу, отношению, в котором на государственном уровне отсутствовала презумпция невиновности.

По ночам при зареве костров мы вели ожесточённые споры об обязанностях власти перед народом. А утром, выходя за спираль Бруно, раскрашивали собственные тела сине-красными карандашами омововских дубинок. Некоторые, самые отчаянные, даже гордились телесными увечьями как видимым причастием к ночным спорам о будущем.

3. Игры в революцию закончились

Утром третьего октября, в день рождения нашего с Мариной сына Ивана, я вернулся домой после бессонной баррикадной ночи. Война войной, а девятилетний юбилей сына — вещь в семейном укладе необходимая. Под вечер пришли гости, наши старые друзья: журналист Юра и музыковед Валя. Мы сидели за праздничным столом, когда по телеэкрану побежали полосы и зазвучало «Лебединое озеро» — популярная заставка ко всякой русской революции.

— Кажется, началось! — Юра внимательно посмотрел на меня.

Надо было видеть испуганные глаза женщин. Бабьим чутьём они почувствовали беду, и в то же время все думали об одном: зачем было десять дней подряд играть в революцию, чтобы сейчас, затаив страх, попросту забыть о происходящем?.. Помню умоляющий взгляд Марины: «Останься!» — и слова Вали, сказанные мне вслед: «Боря, береги Юру!»

***

Думаю, главное препятствие на пути российского человека к счастливой жизни — его генетическое беспомощество. Почему немец бережно складывает в коробочку документальные свидетельства рода, а те, кто побогаче, создают галереи фамильных портретов? Почему юного Deutsche приучают смотреть на мировую историю через призму собственной родословной? А наши Павлики Морозовы готовы ради «высшей справедливости» предать родителей. Почему гвинейский негр, о котором пел Высоцкий, порой становится ближе

кровного брата? Одурманенные идеей всеобщего блага, мы позволили иудушке Троцкому увлечь нас в омут интернационализма. Выходит, мы способны на самоубийство! Откуда она, эта русская родовитая порча? Кто и когда подменил национальные ценности «общечеловеческими»? Великий русский святой, преподобный Серафим Саровский говорил: «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи». Почему в который раз мы не следуем святым распоряжениям?

За примерами далеко ходить не надо. Предали русский язык, заговорили по-французски — получили Наполеона. Задумали совершить мировую революцию — получили гражданскую войну. Вычеркнули гуманизм из свода имперских правил поведения — превратились в злобствующего циника, выставили Родину на посмешище и поругание. Ещё?

4. Ночь перед безумием

Белый дом окружали со всех сторон баррикады. Сейчас, зная, как хрустели под натиском современных БТРов старенькие кровати, перила ограждений, какие-то баки и пр., впору удивиться: на что рассчитывали защитники московской «Парижки»? Отвечу — люди готовились к бою. Но к бою не с армейскими бронемашинами, а с регулярным московским ОМОНОм, вооружённом дубинками, на худой конец, пиротехникой и слезоточивым газом. «Варили» коктейль Молотова против служебного транспорта и поливальных машин. Против резиновых пуль и прочей «невинной» стрелковой техники раздобыли и раздали защитникам металлические щиты. Женщинам было строго наказано: «Как только начнётся штурм, бежать в Белый дом». То, что ЭТО вот вот начнётся, уже понимали — власть смотала спираль Бруно и отвела караулы. Все препятствия перед ошестинившимися баррикадами были сняты.

«Высшие» командиры ополчения распределяли добровольцев повзводно. Каждому взводу предписывалась одна из баррикад. Нам с Юрой досталось служить на Горбатом мостике. Стемнело. В первом часу ночи стали поступать машины с ранеными из Останкино. Это произвело шок. Каждый втайне надеялся,

что власть не переступит брутальную черту крови. Все посторонние звуки смолкли. Тишину нарушали только стоны раненых, короткие команды командиров и... гул окружающего города. Город, как ни в чём не бывало, спешил по своим делам, пьянствовал в кабаках, сопел и щупал женщин в темноте наступивших сумерек.

В два часа ночи наш взвод неожиданно переехали в Девятинский переулок. Дежурство на Горбатом мосту приняли бойцы другого взвода. Скажу, опережая события: потешный мостик оказался на поверку не горбатой игрушкой экстерьера, а стартовой площадкой. Весь его «лётный барри-персонал» поутру дружно взлетел в небо к вечному пристанищу. Много раз в молитве я спрашивал Бога, почему Он принял решение сохранить нам жизнь, а будущие смерти передал в два часа ночи другим? Кому из нашего взвода мы обязаны столь очевидной милостью? Может, командиру? Отставной капитан, крепкий мужчина. Или моему товарищу Юре? Господь любит проказников. В их присутствии люди становятся добрее.

5. Штурм

Девятинская баррикада прикрывала спуск к Белому дому со стороны Садового кольца и тянулась от забора американского посольства к зданию мэрии. Попарно ходили в дозор. Помню первый пистолетный выстрел. Подумал: начинается! Нет, всё стихло.

Томительное ожидание, как ветхий занавес, сорвал поутру грохот приближающейся техники. В течение нескольких минут мы превратились из ратников, готовых к бою, в безвольных статистов. На наших глазах головной БТР колонны, идущей со стороны набережной, прямой наводкой расстрелял баррикаду на Горбатом мосту.

— Разрывными бьёт, сволочь! — сказал капитан. — Армию бросили. Приготовить гранаты!

Гранатами, точнее, вялой надеждой хоть на какое-то реальное сопротивление назывались пол-литровые бутылки с зажигательной смесью, известные как «коктейль Молотова». Секунд за тридцать уничтожив перед собой всё живое, БТР раздавил баррикадные безделуш-

ки и вполз на Горбатый мостик. Ствол пулемёта неестественно вывернулся в небо и затих. Не знаю, может, он собрался стрелять по душам, летящим вверх. На мгновение канонада стихла. В это время на противоположном фланге, по другую сторону двора, раскатисто грянула точно такая же очередь. Она разбудила нашего героя. Он резко опустил ствол пулемёта и отработал обойму, медленно разворачиваясь по кругу. Люди в панике метались по внутреннему двору Белого дома, в надежде отыскать спасительный выход. «Наш» БТР, подкрепив силы новой закладкой, стал прицельно срезать бегущую толпу, не позволяя никому выйти за рубеж огня.

— Что ж он делает, сволочь?! — растерянно выдохнул кто-то из нас.

Вдруг я увидел, что мой друг Юра со связкой «гранат» перелез через укрепление баррикады и перебежками направился в сторону мостика. Это была полная бессмыслица! Во-первых, расстояние до БТРа простреливалось. Во-вторых, эта композитная хрень может разжечь разве что пионерский костёр, не более. В глазах мелькнуло тревожное лицо женщины. Поступок Юры парализовал мою волю. Я обречённо наблюдал за процессом гибели друга, пока не ощутил хлесткую пощёчину. Передо мной во весь рост стояла Валентина и наотмашь била по щекам. Видение пробудило меня. Пытаясь перекричать канонаду выстрелов, я заорал: «Юра! Назад! Наза...» — и бросился за другом, но, пробежав метров десять, споткнулся о торчавшую повсюду арматуру. Заметив моё «фронтное» падение, Юра поспешил ко мне. Со словами «Где ранен?» он потащил меня в сторону баррикады, но, увидев, что я в порядке, не удержался и, за минусом нецензурных слов, гаркнул: «Такую революцию испортил, Боря!»

Двор Белого дома с каждой минутой всё более напоминал ад. Плотный едкий дым от выстрелов закрывал видимость до двадцати метров над землёй. БТРы без усталости прошивали очередями опустевшее пространство двора, выискивая малейшие признаки жизни. Редкие голоса тонули в однообразном раскате нескончаемой стрельбы. Нашему взводу странно везло. Мы влипли в стену американского посольства и оказались вне внимания

БТРовских стрелков и снайперов «Бейтара», стрелявших с верхних этажей здания мэрии.

— Сделать ничего не можем. Уходим, — командовал капитан серым, как дым, голосом.

Вжимаясь в спасительную кирпичную стену недружественного государства, мы ползли цепью в сторону метро «Баррикадная» и, захлёбываясь от ненависти и боли, наблюдали огневое «чистилище», в которое превратился двор Белого дома. Немногие в разорванных одеждах, истекая кровью, выбирались за территорию смерти.

— Обрати внимание, Боря, — задыхаясь, будто от нехватки воздуха, ухмыльнулся Юра, — пока мы тут ползём, по ту сторону стены америкосы пьют виски и снимают на видео ещё одну маленькую гибель России...

* * *

Наша память обладает собственной степенью свободы. События, которые она фиксирует и запоминает «на века», не всегда являются самыми значительными и яркими. У меня в глазах до сих пор стоят не БТРы, плюющие боекомплект задорно, как в тире, не горящие этажи Белого дома, но равнодушные толпы москвичей, моих сограждан.

...Площадка перед метро «Баррикадная». Мы с Юрой, чумазые, всклокоченные, с ужасом оглядываем нескончаемую вереницу людей, деловито втекающую в каменные створы станции. В спину грохочет пальба. Выстрелы сливаются в единый сплошной вой смерти. Люди вжимают головы в плечи и ускоряют шаг, пытаясь как можно скорее выбраться из ревущего дискомфорта и оказаться в привычной сутолоке метро, в подземной электричке, которая подхватит и унесёт их подальше от этого странного места, этих громких и навязчивых шарад. Ни один не подошёл и не спросил нас: «Ведь вы оттуда, скажите: что происходит?» Мы стояли никому не нужные, нас сторонились, нами брезговали. Благополучные граждане воспринимали нас как метастазы близкой и многоликой беды, от которой следует держаться подальше, не то она окликнет и тебя.

Француз, услышав «Марсельезу», встрепенётся, как девушка на картине Делакруа. Немец встанет «во фронт», лишь дрогнет барабан барабанщика. Серб сверкнёт глазами при

упоминании земли Косово. А мы?.. Нас же всех перережут, как кроликов, если мы не научимся останавливаться и сопереживать!

6. Послесловие

На другой день я встал затемно и отправился к Белому дому.

— Молю тебя, возвращайся! — жена поцеловала меня в плечо.

— Теперь-то что... — ответил я то ли ей, то ли самому себе.

В рассветной тишине спящего города панорама развороченных баррикад походила на каскад театральных декораций к шекспировской трагедии, где в финале все убивают всех. Моё внимание привлекла секция лёгкого уличного ограждения. Сваренная из полой алюминиевой трубки диаметром около двадцати миллиметров, она напоминала скорее фрагмент гигантской паутины, чем заградительную конструкцию. Приглядевшись, я заметил одно пулевое отверстие, другое, третье... Прожилки «алюминиевой паутинки» были сплошь посечены пулями. Боже! Какова была плотность огня, если даже в такой прозрачной форме пули отметились на каждом сантиметре! И везде кровь. Убитых не было — убрали ночью.

* * *

Победив мир природы и не имея другого противника, современный человек направляет свой воинственный социум на самого себя. Зло, совершённое против человечности четвёртого октября, продолжает череду преступлений, мотивированных примитивной одноклеточной мантрой: «Хочешь жить — убей». Резня евреев, поляков, концлагеря Второй мировой войны, как это ни кощунственно звучит, воскресли в мерзкой потасовке Бориса Николаевича с собственным народом...

И тогда я подумал: сдать бы этих новоявленных поклонников естественного отбора в Палеонтологический музей! А если постоянные экспонаты музея воспротивятся такому мерзкому соседству, следует выстроить отдельный корпус и прикрепить над входом бронзовую табличку «Vip-зал. Венец эволюции зверя».

Охотники

Вдоль оранжевой кромки горизонта медленно ползла тяжёлая сизая туча. Вечерняя зарница в низких широтах, скажу я вам, — зрелище не для романтических девиц. Воронка уходящего дня засасывает случайного путника в серебристую паутину сумерек. И кто поручится в том, вернётся путник назад невредимым или нет? Если вообще вернётся...

Вовчик придвинулся к Бо. Поёживаясь и кряхтя, он запахнул полы штормовки, настывшей от долгого сидения на холодной земле.

— Ты их видишь? — спросил он брата.

— Нет, — раздражённо ответил Бо, — хотел бы я знать, сколько нам тут торчать. Я замёрз, и ты, кажется, тоже.

Вовчик пожал плечами. Ему, как и Бо, порядком надоела безумная затея встретить глухарей на старом току за брошенным гумном. Но возвращаться ни с чем, претерпев столько лишений, казалось ещё большим безумием.

Вдруг послышались беспорядочные хлопки воздуха, мелькнул красный зрачок.

Темнота ожила и зашевелилась.

— Они! — прошептал Вовчик.

— Тсс! — кивнул Бо. Стараясь не дышать, он взвёл затвор.

— Пусть подойдут поближе, — губами прошелестел Вовчик и просунул ствол ружья в раздвоенный сук припавшего к земле можжевельника.

— Я вижу их! — Бо буквально дрожал от восторга и нетерпения.

— Бо, не дури, успокойся, пусть подойдут поближе. — Вовчик замер, разглядывая мутные силуэты птиц в перекрестии оптического прицела. Не торопясь, он положил палец на спусковой курок, набрал в лёгкие воздуха и на выдохе скомандовал «пли!»

Оба мальчика одновременно щёлкнули затворами. Почти синхронно сработали ночные галогенные вспышки. На мгновение два ярчайших солнца разъяли чёрный омут ноябрьского вечера. Стая глухарей закудахтала и стала беспорядочно подниматься в воздух.

— Есть! — закричал во весь голос Вовчик, размахивая новеньким фоторужьём.

— Хорошая охота! — подхватил Бо, поглаживая такое же, как у Вовчика фотографическое устройство с самым настоящим оптическим прицелом.

P. S.

— Два пацана — два стрелковых фотопредмета, — рассмеялся отец, вручая братьям-близнецам подарки утром третьего дня. — С днём рождения, сынки!

Цвет не тает

Сборник стихотворений

Деление на «физиков» и «лириков» — не более чем условность. Это доказал на своем примере Борис Алексеев, автор сборника стихотворений «Цвет не тает». В своих произведениях он развивает проникновенные философские и лирические мотивы, стремясь «расштопать потускневший стежок бытия». Душевные, наполненные искренним переживанием строчки автор посвящает многим признанным мастерам слова: от Марины Цветаевой и Николая Гумилёва до Владимира Высоцкого и Евгения Евтушенко. Яркие образы, глубокие смыслы и прекрасный слог делают каждое стихотворение особенным явлением, заслуживающим внимания читателя.

АЛЕХАНДРО АТУЭЙ

Спаситель Семёнов из Арбузолитейного института и пандемия

До последнего никто не верил, что институт переведут на удалёнку. Даже начальство, которое в последнее время пряталось по домам от плебейской хвори в недоступных для неё кабинетах-цитаделях, в выходные оказалось наравне со всеми. Есть всё-таки в жизни справедливость! Теперь ему, начальству, безумно хотелось выйти на работу в порожний институт и успешно возглавлять оный, но УДО было опровергнуто президентским приговором: всех на удалёнку.

— Алло! Алексей Андреевич, Вы знаете, что с завтрашнего дня надо уже вести онлайн-занятия? — спросил проректор по учебной части.

— Да, Сергей Витальевич, получил в почте указание. Мне уже Семёнов настроил онлайн-доску — буду на ней преподавать.

— Семёнов? Это кто? — с любопытством поинтересовался проректор.

— Студент с третьего курса арбузоплавильного факультета. — отвечал преподаватель. — Шарит в компьютерах, как бог, мне его Татьяна Сергеевна посоветовала. Ещё на прошлой неделе, когда наш храм закрылся, мы организовали службу в интернете, и Семёнов мне всё наладил.

— Вот как. А я и забыл совсем, что Вы у нас ещё и в храме священнослужителем на добровольных началах.

— Да, но я без ущерба образованию — хобби, так сказать.

— Алексей Андреевич, не в службу, а в дружбу, дай-ка номерочек этого Семёнова, — сменив тон с повелительного на дружеский, сказал проректор. — Мне конференцию надо настроить, а с этими гаджетами я не в ладу.

— Не вопрос, только он за так не будет делать и денег не берёт. Я, грешным делом, зачёт ему пообещал.

— Разберёмся.

— Алло! Семёнов? Семёнов, это проректор по учебной части. А хочешь зачёт по набивке форм для отливки чугунных семечек?

— Есть у меня уже зачёт по чугунке, — с напускным равнодушием ответил Семёнов.

— Откуда?

— Годзилле, ой, Галине Дмитриевне вчера онлайн-доску в сети настраивал.

— Хорошо, тогда по корковедению бахчевых из латуни, — не сдавался проректор.

— И этот есть. Профессор по бахчевым позавчера поставил: как предвидел карантин — позвал зум настраивать. Короче, зачётами я всеми укомплектован. Вот если бы экзамен... Годится?

— Ну ты проходимец! Ладно, только не сейчас, а когда сдавать будешь.

— Я понимаю. Кто ж вперёд-то поставит? А что нужно сделать?

— Конференцию настроить.

Настройка заняла не более пяти минут. Даже несмотря на маску на лице Семёнова, было видно, что тот щерится от удовольствия.

— А хотите, я Вас ещё в онлайн-доску в группу к Годзилле подсажу? Будете тайком наблюдать, как она занятия ведёт со вторым курсом.

— Разве так можно? — удивился проректор, уже фантазируя и радуясь, как он развлечётся.

— Запросто. Доска у них без видеоконтакта. Я его отключил, с ним проблем много: виснет часто.

— Давай. А как же я там? Меня же видно будет в чате по фамилии?

— Без паники, — успокоил Семёнов. — У них в группе Нестерова заболела, вот пока под её аккаунтом вас туда и подсажу. Только придётся на задания отвечать, чтобы не спалиться, и без двоек, а то Нестерову подставим.

— Это не вопрос: справимся, — отвечал, потирая руки, проректор.

— М-м... — Семёнов поднял глаза к потолку.

— Хорошо, хорошо. По хвостикам из алюминиевых сплавов, считай, трояк за экзамен у тебя в кармане.

— Окей! Чтобы Вас по голосу не узнали, я всем настроил киберголоса, понимаете?

– Нет.

– Ну, Вы говорите в микрофон, а они слышат, например, голос Винни-Пуха.

– А-а, понимаю. Как же Годзилла... э-э-э... – замотал головой проректор, – Галина Дмитриевна согласилась на такое?

– Всё просто: она же принципиальная – не захотела мне за настройку онлайн-доски зачёт ставить, а деваться некуда было, вот я и поставил условие: раз нет зачёта, то тогда киберголоса.

– Ага. Только давай мне не Винни-Пуха, а Дарт Вейдера, – произнёс последнюю часть фразы проректор каменным голосом.

– Хороший выбор! Но на заказ дороже.

– Пошёл вон, торговаться ещё он будет, а то и обещанное отберу. Давай дуй к Пал Егорычу. Профессор, знаешь?

– А как же, известная личность, – обрадовался Семёнов.

– Не язви, он совсем старенький. Настрой ему чат преподавательский, и камера у него барахлит. Там сами между собой договоритесь.

Утром Сергей Витальевич прошерстил расписание и нашёл пару Галины Дмитриевны. В условленный час, в предвкушении удовольствия от развода сослуживицы, вошёл в онлайн-доску.

– Нестерова! Где ты была? Вечно тебя ждать приходится, – пропищала Галина Дмитриевна голосом Пятачка, от которого проректор даже оторопел на секунду.

В чате тут же использовали эту паузу, и голос Волка из мультфильма «Жил-был Пёс» просипел:

– Она на горшке сидела.

Аудитория засмеялась.

– Так, всем молчать! Говорю пока только я, – завизжала Пятачок-Галина Дмитриевна. – Отвечать, когда спросят. Поняли?

– Поняли, – проблеяло многоголосое мультяшное стадо и тут же засмеялось от услышанного своего хорового ответа. Казалось, весь «Союзмультфильм» завалился на онлайн-доску. Галина Дмитриевна с трудом успокоила вышедших в эфир, поскольку, когда она срывалась на крик, всем было ещё смешнее, потому что Пятачка в ярости все слышали в первый раз.

– Так! Что происходит? Кто сипит в чате? – возмущённо пропищала Пятачок-Галина Дмитриевна.

– Это я, – опять раздался хриплый, простуженный голос Волка. – Орешкин.

– Что с голосом? Заболел? Коронавирус? – забеспокоился Пятачок.

Кто-то опять не сдержался и передразнил, подражая мультяшному Пятачку:

– Винни, Винни! У тебя коронавирус? Но шутка не удалась, поскольку это было произнесено голосом старухи Шапокляк.

– Я сказала: молчать всем! – завизжал Пятачок. – Отвечай, Орешкин.

– Да нет, просто Семёнов мне так настроил голосовые функции в чате: я-то ничего не понимаю в компах.

– Понятно. Кто ещё не со своим голосом?

Студенты по очереди под всеобщий хохот стали представляться голосами Чебурашки, Матроскина, старухи Шапокляк, Георгия Вичина, кота Леопольда, Рины Зелёной...

– Нестерова, ты чего молчишь? – спросила в конце переключки Пятачок-Галина Дмитриевна.

– Я здесь! – раздался громогласный голос Дарт Вейдера-проректора, да так, что все в чате на какое-то время присмирели.

– Ну ладно, – прервала паузу Пятачок-Галина Дмитриевна. – Будем работать в данных нам реалиях. Так. Сегодня мы разберём функции, описывающие форму для отливки из чугуна арбузов и других бахчевых.

– А эти формы точно надо описать перед отливкой? – спросил голос Папанова, и аудитория опять погрузилась во власть безудержного смеха.

– Нефёдов, не описать, а описывать. Ну, раз ты у нас сегодня такой умный, то с тебя и начнём. Давай запиши нам на онлайн-доске функции, описывающие форму для отливки тыквы. Посмотрим, куда денется сейчас твой юмор.

– Не вопрос. Спокойно, Козлодоев! Сядем все! – ответил голос Папанова-Нефёдова. – Ой, извините Галина Дмитриевна, я хотел сказать: усё будет у порядке.

На доске с невероятной для студента скоростью стали появляться одна за другой формулы, а голос приговаривал:

– Это функции по хвостику, это по нижней части тыквы, это где у неё жопка, ой, извините, облажался, с тылу, короче...

Через пару минут весь набор формул красовался на онлайн-доске.

– Молодец! – завизжала от восторга Пятачок-Галина Дмитриевна. – Нефёдов, ну признайся, что списал.

– Нет, я могу рассказать про каждую, если не верите.

– Хорошо, – похвалил Пятачок. – Удалёнка повлияла на успеваемость. Невероятно!

– А пятёрочку поставить? – не сдавался Папанов-Нефёдов. – Как говорит наш дорогой шеф, Сергей Витальевич: куй железо, не отходя от кассы! Я полагаю, торг здесь неуместен.

Проректор, услышав своё имя, чуть не прокололся и даже крикнул:

– Я... – но тут же осёкся и не стал оспаривать, что он никогда так не говорил.

– Будет, будет тебе пятёрочка, – успокаивала Папанова-Нефёдова Пятачок-Галина Дмитриевна.

– Нет, сейчас ставьте! – не сдавался Папанов-Нефёдов. – Как говорится: опишь, протокол, сдал, принял! Отпечатки пальцеу!

– Ну хорошо, ставлю, видишь?

– Мне ставьте, Нефёдову. Смотри не перепутай! Дитя́м – морожено, бабе – цветы! Ой, извините, Галина Дмитриевна, вырвалось: под голос сильно в образ вошёл.

– Можно теперь я отвечу? – прозвенел металлический голос проректора, Дарт Вейдера. Чат опять притих. Только Пятачок-Галина Дмитриевна взяла себя в руки:

– Не сегодня, Нестерова: мы ещё не привыкли к твоему громогласному голосу. Отвечать будет Кириллов. Вопрос такой: написать формулы для среза на хвостике тыквы.

В эфире наступило молчание. Через несколько секунд Пятачок-Галина Дмитриевна переспросила:

– Ну, Кириллов, чего молчим? Чего не пишем?

Прошла ещё пара секунд, и раздался чуть слышный голос кота Леопольда, подсказывающего Кириллову:

– Икс квадрат плюс два игрек...

– Вьяльцева! – оборвал Леопольда голос Пятачка. – За подсказку – два.

– Ну, Галина Дмитриевна, давайте жить дружно, – взмолилась Леопольд-Вьяльцева.

В это время на фоне чата тихонечко запел голос старухи Шапокляк:

– Кто людям помогает, лишь тратит время зря. Ха-ха! Хорошими делами прославиться нельзя.

– Перепёлкина! Сейчас и тебе пару вкачу. Ну, Кириллов, чего молчим?

Эфир наполнился гробовой тишиной.

– Кириллов! Кириллов. Где же он? Был же в начале урока. Как тут вызвать его? Кнопка же должна быть какая-то?

Галина Дмитриевна стала наугад тыкать пальцем в кнопки меню, и вдруг на экран вывалился полный список студентов, а напротив каждого из них стояли кнопки вызова, включения микрофона, включения камеры. Первое, что сделала Галина Дмитриевна, – нажала на кнопку вызова Кириллова и его микрофон. В эфире раздался голос Георгия Вицина, нараспев читающего молитву:

– Господи Боже наш! Услышь с высоты святого Твоего Престола нас, грешных и недостойных рабов Твоих, благодать Твою грехами своими прогневавших и милосердие Твое удаливших, и не взыскивай с рабов Твоих, но отврати страшный гнев Твой, справедливо нас постигший, прекрати пагубное наказание, удали страшный меч Твой, невидимо и безвременно нас поражающий коронавирусом, и пощади несчастных и слабых рабов Твоих.

Галина Дмитриевна сначала опешила, но потом сообразила, что попала не туда, и стала отключать, но впопыхах вместо отключения микрофона нажала включение видеокамеры. На экране возник облачённый в рясу Алексей Андреевич.

– Алексей Андреевич? – голосом удивлённого Пятачка спросила Галина Дмитриевна. – Вы как тут? Вы же Кириллов.

– Я извиняюсь, у меня тут служба параллельно идёт, я потом объясню, – виновато залепетал священник и отключился от чата.

Галина Дмитриевна несколько секунд пребывала в замешательстве, но вдруг что-то сообразила и стала быстро включать камеры всем студентам. На экране, как ни странно, один за другим стали появляться: проректор Сергей Витальевич, профессор Павел Егорович, лаборантка Татьяна Сергеевна, преподаватели с кафедры арбузного чугуноведения, других факультетов и даже сам декан. Галина Дмитриевна в прямом смысле слова онемела

открыв рот, и только смогла удивлённо произнести:

– Профессор, Павел Егорович, так это Вы Нефёдов?

После минутной паузы первым нашёлся декан и заявил голосом Матроскина:

– Да, вот это развод. Извините, Галина Дмитриевна! Всех нас извините! Каждый сам по себе хотел подшутить над Вами, и вот... Так и хочется сказать устами своего персонажа: «Поздравляю тебя, Шарик, ты балбес». Поскупились в своё время закупить всем преподавателям оборудование и программное обеспечение для удалённой работы – и вот результат. Как говорил кот Матроскин: «Средства у нас есть. У нас ума не хватает». Ну что? Продолжим производственное совещание?..

А в общежитии напротив дома Галины Дмитриевны свободные от занятий студенты веселились всю ночь, не раз произнося здравницы в честь спасителя Семёнова.

Запах цветов

Любите ли вы нюхать цветы? Я – так просто обожаю! Особенно нравится мне запах каприфоли. Нежный и сладковатый, он будоражит, даёт заряд весеннего настроения, побуждает к жизни. Распускаясь весной, этот цветок будто хочет своим дерзким запахом вывести из зимней спячки всё то, что ещё медлит настраиваться на весну; стремится утвердить отступление холода и окончательную победу тепла. В его пронзительном благоухании сквозит предвестие буйного лета. Он как наркотик – и пьянит, и придаёт бодрости. Почувствовать его можно издали. Особенно приятно ощутить его нотки, принесённые случайным порывом ветра, мимолётные, манящие. Эта мгновенность обоняния придаёт аромату каприфоли необыкновенный шарм. Хочется сорваться с места, догнать его и лететь по воздуху вместе с ним, чтобы постоянно ощущать чарующую сладость.

Если говорить о классике, то, бесспорно, роза вне всякой конкуренции. Её запах столь же тонок и прозрачен, как и лепестки, просвечиваемые насквозь лучами июльского

солнца. Вдохнув один раз и насладившись божественным благоуханием, я некоторое время более не смею её нюхать, поскольку нахожу, что во второй и третий раз подряд уже не ощущаю прежней сочности и контраста. Только через несколько часов, подзабыв немного его насыщенность, отдышавшись обычным воздухом, позволяю опять побаловать себя запахом розы. Такая размеренность придаёт большую ценность и остроту восприятия канонической гаммы запаха. Глаза невольно закрываются в блаженстве и восхищении гармонией природы, умело сочетающей благостное воздействие на зрение и обоняние одновременно, усиливая каждое из этих чувств многократно за счёт совокупления с другим. Роза никого не оставляет равнодушной – каждый отметит, что она идеальна.

В отличие от неё цветы маттиолы розовой невзрачны в светлое время суток. Их лепестки выглядят увядшими, скрученными и сморщенными, будто обожжёнными солнцем и неспособными больше к жизни. Кажется, что к вечеру они начнут чернеть, а вслед за ними уже завтра пожелтеют и завянут листья. Невольно проникаешься жалостью к бедному растению, клянёшь беспощадное небесное светило и сетуешь на несправедливость жизни. Но стоит только спуститься сумеркам, как лепестки оживают и безжизненный цветок превращается в нежную ночную фиалку, источающую сладкий и даже слегка приторный фимиам. В этом насыщенном запахе я ощущаю пряность июля – с его вечерней прохладой после изнуряющего зноя, со стрекотом кузнечиков в наступающей тишине, с огромными звёздами в чёрном небе, которые одним только мерцанием на раскалённую за целый день землю вызывают иллюзию исходящего от них жара. Этот терпкий аромат предвещает отдохновение после долгого хлопотного дня, словно говоря: «Довольно уже дел переделано, пора наконец и насладиться прелестями лета».

А утром опять повторяется наглый обман: как только солнечные лучи пробегутся по лепесткам, так сразу маттиола увядает до темноты.

Про цветок говорят: увял, завял. А про человека?

...Помер — так говорят. Не замечали, как странно воспринимается смысл этого глагола? Послушайте: помер...

Будто человек сам, по своей воле, свершил это действие. Словно то, что с ним случилось, было не что иное, как его прихоть или желание.

Съел, взял, прочитал, ответил — тут, безусловно, прослеживается прямая связь между стремлением человека и сопровождающими его осознанными деяниями. Эти глаголы — суть поступков, обеспечивающих дальнейшую жизнь или, на худой конец, заочно предполагающих, что совершающий их будет потом производить ещё какие-то действия. Только глагол «помер» ничего не предполагает за собой для человека, «совершившего» это. Ничего, что бы он смог совершить сам.

Помер. Разве это действие самого человека? Разве он уходит из жизни всегда по своей воле? Всегда ли тут есть частица его желания или необходимости акта, сущность которого — обречь себя на совершенное дальнейшее бездействие? Обречь навсегда, бесповоротно. Странно, очень странно звучит и воспринимается этот глагол.

Впервые я обратил внимание на такую несуразицу, когда читал рассказ Чехова «Тоска». Автор описывает, как извозчик скорбит о безвременно умершем сыне и, не найдя понимания среди людей, делится своим горем с лошастью, изливая душу единственному во всём городе существу, которое «выслушало» его.

«Так-то, брат кобылочка... — говорит извозчик. — Нету Козьмы Ионыча... Приказал долго жить... Взял и помер зря...»

Помер зря. Этот последний оборот вызвал во мне недоумение. Разве можно употреблять такое сочетание слов? И каков его смысл? Помереть можно внезапно, скоропостижно, быстро, неожиданно, тихо... Но зря, можно ли помереть зря? Воспринимается так, как будто от смерти бывает какая-то польза, а умерший её не извлёк. Точно впустую сделал что-то. Абсурдно само по себе, если считать, что после смерти самому человеку и даже его телу выгоды от чего-либо уже не важны — он в них не нуждается более.

А может, в глаголе «помер» всё-таки есть какой-то скрытый смысл? Устав от болезни или от жизни, человек, вероятно, приходит к решению, которое освобождает его от непосильных

тягот, от бессмысленности дальнейшего существования, неоправданности последующего бытия. Когда нет более живительных сил, нет интереса ни к чему; нет того, что могло бы не пустить или хотя бы удержать от опрометчивого шага в пропасть. Будто из разжатой руки выскальзывает та ниточка, которая связывает человека с миром, и он, оторванный от всего, не удерживаемый ничем, проваливается в бездну небытия, не сопротивляясь происходящему, без сожаления, с совершенным безразличием к будущему, в котором его больше не будет.

По этому поводу вспоминается гениальная сцена из художественного фильма Андрея Кончаловского и Валентина Ежова «Сибиряда». Алексей, главный герой драмы, спустя сорок лет возвращается в родное село и встречает в тайге деда, которого ещё в детстве знал стариком. Вечный дед — так его называют местные жители. Между ними происходит короткий, но назидательный разговор.

— Мать честная, живой ещё! — говорит Алексей, увидев старика. — Ну ты даёшь, дед: чужой век заедаешь. Нехорошо. Помирать пора.

— Помирают не старые, а поспелые. А я, видать, ещё не поспел, — отвечает вечный дед.

Стало быть, не только болезни и старость являются причиной ухода, а ещё и некое состояние осознания себя как исчерпавшего своё «я» в этой жизни.

В возрасте около сорока пяти лет мне стало казаться, что я, выражаясь языком вечного деда, поспел. И не то чтобы уже хотелось умереть — нет. Но я бы нисколько не расстроился, доведись мне узнать о скорой кончине. Жизнь как-то обесцветилась к тому времени — не находил я в ней прежней радости, всё наскучило и приелось. Я впал в тягучую меланхолию: как и прежде, по привычке трудился на работе, без особого энтузиазма брался за домашние дела, нехотя занимался некогда любимыми занятиями и практически ни от чего уже не получал особого удовольствия. Словом, походил на Лукьяныча из рассказа Тургенева «Три встречи», который говорил, что «ему самому поскорее хочется дожить свой век, потому что „жуёшь, жуёшь хлеб, инда и тоска возьмёт: так давно жуёшь“».

В довершение всего был вынужден признать самому себе, что за столько прожитых

лет так и не обрёл настоящего друга. По жизни было много хороших знакомых, одноклассников и однокашников, отзывчивых и порядочных сослуживцев, с которыми делился взаимной откровенностью, но на уровень дружбы эти отношения так и не вышли: со сменой местонахождения или рода занятия общение с тем или иным человеком постепенно затухало и переходило в разряд приятельского. Единственное, в чём находил тогда утешение, — это семья. Но и в ней частично образовались пустота и некая растерянность после того, как повзрослевшая дочь занялась обустройством своего собственного гнёздышка. Мы с женой остались одни, немного осиротевшие и свободные для самих себя. Поначалу это немного забавляло, но привычка жить для потомства оказалась сильнее. Даже вдвоём с супругой чувствовалось некое парное одиночество, словно со взрослением ребёнка семья потеряла своё основное предназначение и теперь уже не имела созидательного смысла.

Неприятности к существованию или разочарования в жизни я не чувствовал, только потерял ко всему интерес и охоту. Возможно, это какое-то психическое расстройство или заболевание, но мне думается: всего-навсего усталость, которую ощущаешь, когда наконец достиг намеченного горизонта, а новый ещё не успел определить. И всё воспринимается, как в песне:

*Поблѣкли нежные тона,
Исчезли высь и глубина,
И чѣтких линий больше нет —
Вот безразличия портрет...*

Кажется, что чего-то не хватает, будто утратил ощущение запаха жизни. Это не передать словами: ты только понимаешь, что неправильно живёшь, а как надо — не знаешь. Не ощущаешь никакого аромата бытия то ли потому, что ещё не отпустила «зима», то ли «лето» палит с такой неистовой силой, что в душе всё скручивается и морщится до безобразия. Преследует чувство собственной ненужности, невостребованности и самое страшное: осознание того, что больше не боишься смерти.

Сказать о моих чувствах, что я испытывал лёгкую усталость от жизни, — значит не сказать ничего. Думалось, что всё в ней уже со-

стоялось: и любовь, и взрослая дочь, и построенный дом, и посаженное дерево, и успехи, и падения — всё. В то же время всё это никуда не ушло, но, как и роза, жизнь, по-прежнему источая завораживающий аромат, не ощущалась столь же пронзительно и ярко, как раньше. Чтобы вновь полноценно воспринять цветок, необходимо сделать перерыв, только тогда чувствительность обоняния возрождается с прежней силой — болезнь отвращения к еде лечат голодом. Что должен был сделать я, чтобы вновь ощутить прелесть запаха жизни? Умереть, а потом опять родиться? Первое вполне может зависеть от меня, но второе никак мне не подвластно. Если бы я выбрал этот путь, то точно бы помер зря.

Удивительно, но во всей этой ситуации только одно оставалось неизменным: я, как и прежде, по-детски восхищался благоуханием цветов. Это не поддавалось никакой логике! Невероятно приятно было вдыхать этот блаженный воздух, испытывая лёгкую ностальгию непонятого происхождения. Почему же именно к ним я не оставался равнодушным? В чём таился секрет? Ответ на этот вопрос однажды проявился сам собой: я нюхал розу, и мне подумалось, что её аромат настолько ощутим, силен и приятен, насколько подвержен забвению. Если бы он сопровождал нас всегда, то его восприятие мы вскоре наверняка бы утратили. Мимолётность запаха — вот что самое дорогое и в букете, и в жизни. Только то, что нельзя постоянно ощущать, сохраняет свою контрастность и ценность.

Создатель, «даруя нам живот», одновременно делает ещё одно щедрое преподношение — вместе с жизнью мы обретаем и будущую смерть. Это не менее ценный подарок, чем первый, поскольку только небытие даёт понять, как прекрасно наше существование. Мимолётность как конечность — самое ценное свойство жизни. Именно оно не позволяет утратить запах последней. По сравнению с вселенскими масштабами времени наше существование настолько же мимолётно, как и случайное дуновение ветра, пропитанное цветущей каприфолью: пахнуло и растворилось в бесконечности. Запах цветов — это ностальгия по жизни, замешанная на восторге от неё. В этом запахе лёгкая печаль будущих утрат с еле различимым сожалением о бренности,

и одновременно бушующая, переполняющая душу радость осознания необыкновенного очарования и торжества существования.

Именно хрупкость и мимолётность придают живому миру ту необыкновенную прелесть, те обаяние и пленительность, которые перерождаются, в конечном счёте, в любовь к нему. Ничто нам так не дорого, как живое. Каждое живое существо носит в себе эти чувства и тяготеет ими к другим живым существам, проникаясь всеобщим единением и согласием. Жизнь поддерживает жизнь, радуется и тянется к другой жизни, дополняя и возвышая её красками, запахами, чувствами. Сажая и поливая цветы, мы не осознаём, насколько для них велико наше участие. Когда мы любуемся их изящными бутонами, вдыхая дивный аромат, навряд ли нам в голову придёт мысль о том, насколько значимым является для нас это общение с растением. Но всё это как раз и есть тот стержень, который удерживает наш мир от разрушения, оберегает от несчастья, направляет его в будущее.

На распутье моей жизни именно запах цветов дал понять, что она совсем не является чем-то обособленным, существующим отдельно и независимо, что она всего-навсего лишь крупинка того большого, глобального, всеобъемлющего единства, которое существует в этом мире только благодаря взаимопрони-

кающей любви, в силу мириад уз, связывающих его части между собой, понятных только живому и только им различимых. Именно эти связи не позволяли мне тогда расстаться с порождающим их естеством природы. Подобно Пармениду, я невольно отрицал небытие, утверждая тем самым торжество бытия, но не потому, что последнее исключало первое, а только истинно веруя в спасение жизни не чем иным, как самой жизнью и любовью, которая связует воедино всё живое, укрепляя и одновременно возвеличивая его многократно.

Запах цветов — это гимн жизни! Это атиква и одновременно реквием по ней, но без горести и скорби, ибо только в таком сочетании гимн не воспринимается как нечто пафосное, патетичное. Он соразмерно возвышен, но не нарочит. Ощущая запах, я даю себе отчёт в том, что живу, что обладаю счастьем осознавать, ответственность и радоваться другим живым существам, соединяться с ними в невероятном, фантастическом и ошеломляющем танце существования. Не потому ли цветы пахнут так сладко и призывно, что тоже воспринимают мои нежные чувства к ним? Воистину, Создатель поселил в нас бессознательную любовь, чтобы мы, живые существа, восхищались друг другом и стремились к единению.

Фимиам маттиолы, благоухание розы, аромат каприфоли — аромат жизни. Нет, не поспел...

Пиши под дождём

Повести и рассказы

У всех свои линии жизни, но на каждой из них есть точки, которые врезаются в память, — события, оставившие след в душе. Именно о них повествует Алехандро Атуэй в своих рассказах и повестях. Маленькие и на первый взгляд незаметные происшествия обретают новый смысл. Прошлое или настоящее, сон или явь, значимое и второстепенное — всё зависит от точки зрения, что становится очевидно на примере героев и их небольших историй, вырванных из общей канвы судьбы, порой забавных, а иногда серьёзных, немного таинственных и даже самых повседневных.

ЮЛИЯ БЕАННА

Реет призраком пропащим...

Реет призраком пропащим
Вера в сказки-чудеса,
В то, что было столь манящим
И слепило нам глаза.

Высыпь прах на перекрёстке,
Можешь даже растоптать,
Бесполезно счастья горстки
Попытаться вновь собрать.

Да и было ль всё реально?
Вдруг и явь — всего лишь бред?
Но неважно — нам обратно
В тот мираж дороги нет.

Мраморным сердцем

Лес хрустальный, туманом укутанный.
Зябко, режет снежинками плечи.
Силуэт у тропинки запутанной,
Я боюсь тебя...
Ты слишком вечен.

Ночь бездонная, в небе уснувшая,
Стынет иней на ветках деревьев.
Мрачный странник, убивший минувшее,
Я ждала тебя...
Бредя спасеньем.

Вдруг смешно, я ведь вправду погибшая,
Мне отныне вовек не согреться.
Обними, успокой кровь остывшую,
Я люблю тебя...
Мраморным сердцем.

Беда

Город, что ты так тих?
Словно утренний час
Сгинул в бездне твоих
Ослепляющих глаз.

Меня съели печали
И чёрные сны.
Те, кто были врачами, —
Смертельно больны.

Вниз по улицам мокрым
Стекают года.
Занавешены окна,
За ними — Беда.

Город плакал...

Лился ветер,
Гудели мосты.
Город бредил,
Шатались кусты.
Гибель мая,
Смятенье воды.
Город таял,
Терялись следы.

В сером мраке
Барахтались дни.
Город плакал,
Тонули огни.

Для уснувших

Всколыхнётся над рекой
Дымка грёз заиндепевших,
Мрак, бессмертье и покой —
Мир невидим для ушедших.

Пронесётся вихрь годов
Сонмом звёздочек потухших,
Сны воздушной облаков —
Время мёртво для уснувших.

Осень, ливни, детвора,
Бег по улицам промокшим...
Тихо... завтра и вчера —
Жизнь беззвучна для умолкших.

ТАТЬЯНА БИРЮКОВА

Рождество

Морозный зимний день подходил к концу: блеснул, украсил серебряной каймой облака и угас. На землю медленно опускались сумерки, а вместе с ними опустился Ангел. Он впервые ступил на землю, никогда не видел эту бескрайнюю пустыню, над которой пролетел и которая почти вплотную подошла к окраине маленького города.

Ангел получил своё первое задание и прилетел, чтобы встретить новую жизнь, охранять её и направлять в нужную сторону. В семье, в которой уже росли две девочки, должна была родиться и третья.

Канун светлого Рождества. В это вечернее время улицы пустыни, в домах загорелись огни на ёлках. Ангел нашёл нужный дом, устроился в родильном зале на широком белом подоконнике, сложив аккуратно свои крылья. Время рождения ребёнка ещё не подошло, и Ангел стал смотреть в окно. Здание, в котором находился Ангел, стояло совсем близко к железнодорожной станции. В обе стороны часто проходили составы с гружёными вагонами, колёса стучали на стыках и убежали вдаль. Некоторые составы останавливались на станции, и тогда вдоль них ходили мужчины в форме, маленькими молоточками стучали по колёсам, осматривали их, и поезда двигались дальше.

В крае, куда прилетел Ангел, снега почти никогда не видели, вернее, иногда он падал на землю, но тут же таял. Но в этот вечер большие хлопья летели с неба, и вскоре улица, крыши домов, скамейки стали белыми. Сквозь белёсую мглу горели огнями высокие мачты семафоров. Шлагбаум то закрывал, то открывал путь пешеходам к вокзалу через стальные пути.

Очарование. Недолгую тишину прервали крики, возвращая Ангела к делу, по которому

он и прилетел. В ярком свете ламп суетились около стола врач и медсестра в белых халатах. Ангел встрепнулся: он чуть не пропустил момент рождения. Родившийся человек обычно начинал кричать, возвещая о том, что замысел творца удался и установлена связь с миром. Но эта девочка молчала. Её поворачивали, хлопали по спинке, но она молчала. Ангела это насторожило: ведь его миссия начиналась после первого крика ребёнка. Только тогда он становился ангелом-хранителем и сопровождал человека по жизни: помогал в трудную минуту, подавал знаки, чтобы пришедший в мир человек не заблудился, а шёл по начертанному пути. Ангел совсем близко подошёл к девочке. Она смотрела на него голубыми глазами. Наконец, врачи что-то сделали, и она закричала. Ангел обрадовался. Начинается новая жизнь. Девочка, которую потом назовут Татьяной, ещё не знала, что рядом с ней будет находиться Ангел. Каким будет этот совместный путь и как долго парки будут тянуть нить новой жизни?

Белые снежинки порхали за окном и в свете фонаря кружились в медленном вальсе. Заснули и мать, и ребёнок. Редкий снежок вскоре прекратился. В тёмном небе загорелась звезда. Рождественская путеводная звезда.

Снежинки счастья

Снежинки падали, кружась, на поля и луга, на застывшую в ледяных оковах речушку, на мосток, тропинку, крыши деревянных домиков с трубами, выпускающими белёсый дым, на дворы и сады, на широкую дорогу и лежащий за ней большой город.

Наталья долго стояла у окна и смотрела на снег, сначала мелкий, а потом медленно падающий красивыми большими хлопьями. Весь двор уже давно был им засыпан, сугробы выросли до самых окон, и только узкие тропинки были протоптаны до колодца, калитки и дворовых хозяйственных построек.

А в городе прохожие бежали по очищенным тротуарам: кто-то домой, кто-то по делам, кто-то радовался, что зима наконец-то заканчивается, кому-то каждодневный снег уже на-

доел. Но никто из них не знал, что падающие снежинки в этот воскресный день – не простые: они заряжены и несут в себе счастье!

Да-да. Дважды за долгую зиму для людей, живущих на нашей планете, густой снегопад приносит снежинки счастья, которого хватает на всех. Снег падает неожиданно даже в тех местах, где он никогда не лежит на земле. Но... как же его найти, как угадать, когда оно придёт к тебе, счастье, как его почувствовать и удержать?

Слёзы Натальи уже не были такими горькими и солёными, как вначале, но они по-прежнему горошинами скатывались по щекам и капали на широкий подоконник. Скорее это были слёзы облегчения – она приняла решение. Твёрдое. И от этого сразу стало легче. Сердце стало биться ровнее. Наташа приехала в этот домик её детства и юности из большого города, она искала утешения и защиты, как в то время, когда бежала к маме и та решала все трудные вопросы. Нет уже мамы, и вот уже три месяца, как нет вестей от мужа, который в маленькой тёплой стране выполняет служебный долг. Жив ли он?!

Сегодня Наталья впервые почувствовала биение в ней другой жизни, поэтому слёзы радости и горечи перемешивались, но она приняла правильное решение.

Снежинки кружились и кружились, и казалось, что они, соприкасаясь со стеклом, тоненько звенят и просят впустить. Женщина приоткрыла окно, и хоровод снежинок устремился в комнату. Наталья подставила ладони. Снежинки были холодными и необыкновенно большими, искрились, как маленькие льдинки в электрическом свете, а вокруг каждой сияла радуга – удивительно красиво! Лёгкая кисея раздулась парусом, струя холодного воздуха коснулась разгорячённого лица. Снежинки медленно таяли в горячих ладонях. Сверкающие капельки смешались с каплями слёз, и они засияли бриллиантами.

Дрожь пробежала по спине. Закрывает окно. Включила верхний свет. Звук пришедшего на телефон сообщения прервал размышления: «Всё нормально. Жив. Красивые снежинки. Здесь впервые выпал снег». Это было Счастье!

Девочку, родившуюся летом, Наталья с мужем, не обсуждая долго, назвали Снежаной.

Ясные дни оставляю себе...

– Женщина! Куда ты тащишь такой тяжёлый чемодан, что ты туда наложила? – ворчал сосед на Ольгу, но бережно и аккуратно положил кожаный чемодан в багажник своей старенькой машины.

– Он же пустой, разве тяжёлый? – рассеянно ответила Ольга и, взяв корзинку с едой, уселась на заднее сиденье.

Путь был неблизкий. Дорога, правда накапанная, в зимнее время могла принести неожиданности, а поезд ходил только один раз в сутки и стоял на маленькой станции всего две минуты. Ольга направлялась в город своей юности, город, где она родилась и провела замечательное время. Студентка медицинского института, она мечтала с детства стать врачом, как мама. Учёба давалась ей легко. Книги медицинские и картинки в них Оля рассматривала давно, а в дальнейшем уже анатомию человека изучала с пристрастием. Больше всего её интересовали сердце и его болезни, но когда представляла, как оно работает, то думала: «Где же там помещается душа?» И тут же вспоминала расхожее выражение: «Душа ушла в пятки».

Поезд пришёл вовремя. Ольга положила чемодан в ящик под сиденье, корзинку со снедью на столик и попросила проводника принести чай. В купе она была одна. За окном проносились заснеженные просторы, телеграфные столбы, полустанки. Когда-то они с Олегом сначала летели на самолёте, а потом на поезде, держась за руки, ехали в обратную сторону, к месту назначения на работу после окончания института, в маленький городок, где люди знали друг друга в лицо. Ольга получила диплом врача, вышла замуж и родила ребёнка – всё успела за один год.

В небольшой комнате в общежитии разложили вещи. Большой чемодан дала Олина мама.

– Мне достался этот чемодан от бабушки, – рассказала она, – он прочный, правда немного потёртый. – И добавила: – Это наш талисман, береги его.

– Да... Хорош талисманчик. Вместительный! Да, Олежек?

Сына Игорька дипломированные медицинские «светила» оставили маме.

— Устроимся — сразу же заберём, — пообещала Ольга.

И началась работа. Больница небольшая, но одна на весь большой район. Дежурства ночные и дневные, сомнения, маленькие радости и большие трудности. Муж — хирург, для него работы всегда хватало, а Ольга мечтала об отделении кардиологии, но в маленькой больнице мечтать о таком — и то много. Приходилось лечить всё; все свои силы, физические и душевные, отдавала больным — они приходили к ней, надеясь, что всегда получат помощь. Ольга иногда была в отчаянье: «Нет, нет, это не могу и другое. Как же так? Мы столько всего изучали, но этого, оказывается, мало!» В городке с ними все здоровались и, кажется, уважали.

Город расположен на высоком берегу маленькой, но быстрой речки. В свободное время Ольга с Олегом приходили на утёс, поросший лесом. Обнявшись, смотрели на великолепные заливные луга на другом берегу, на фантастические закаты. Иногда приезжали на велосипедах и мечтали, что когда-нибудь будут приезжать сюда с сыном. Обещание забрать Игорька пока выполнить невозможно по ряду причин: яслей для малышей в городке нет, в детский сад принимают только с трёх лет, няню трудно найти, мама приехать надолго не могла.

Однажды Олег нашёл корягу, она была похожа на лежащего дракончика. Подшкурив неровности, залакировал и подарил Ольге. «Береги его, в этом Дракоше — моя душа», — сказал Олег, целуя жену. Ольга удивилась серьёзному тону Олега.

Мелькали дни, слетали листья, проливные дожди уже не позволяли ездить на велосипеде. Уставали на работе, засыпали, а Дракоша смотрел на них с тумбочки. Ветка красной рябины напоминала о пролетевшей осени, а за окном снег, снег...

Третий год молодожёны встречать Рождество будут вдвоём. Они были счастливы: хорошая работа, уважение сотрудников и пациентов. Их уже хорошо знали в городке, но душа стремилась к сыну, к Игорьку. Мама прислала им к рождественским праздникам белый лист из альбома с ладошкой сыночка и сказала,

чтобы они рядом сделали оттиск своих ладошек. Горят свечи, блестят глаза, пахнет хвоей, яркие «ручки» на стене и тихий звон колокольчиков с наряженной ёлки на улице при каждом порыве ветра.

Тихо падал снег, а к утру повалил большими хлопьями и шёл три дня. Куда ведут дорожки и тропинки, не разобрать: вокруг расстилось белое поле. Праздничные дни. Мамы с ребятами вышли погулять, протоптали дорожки, с лыжами и санками пошли на горки. Олег с Ольгой тоже отправились на лыжах и с трудом добрались до своего любимого места на берегу. Рядом с ними катался на лыжах мальчик, он совсем близко подъехал к краю обрыва и неминуемо сорвался бы...

— Осторожно! — закричала Ольга.

— Стой на месте, — добавил муж, подбегая к ребёнку.

Спасая мальчика, Олег сам сорвался с утёса. С ужасом смотрела Оля на снежное облако, поднявшееся от падения мужа.

С трудом вспоминала она о том, что было потом. Жизнь Ольги остановилась, когда она поняла, что Олега больше нет. Нет! Как жить дальше? Одной?!

— Девушка, вы приехали, ваша остановка. — От резкого голоса проводника Ольга вздрогнула.

— Да-да, я готова. — Смахнув слезу, она встрепенулась, прервав тяжёлые воспоминания.

— Давайте помогу вам вынести чемодан, — предложил проводник. — Ой, что у вас там? Камни? Тяжеленный-то какой...

Ольга не ответила, только тяжело вздохнула. Да нет там ничего, ничего нет. Теперь быстро в аэропорт, ещё несколько часов — и она приедет в город своей счастливой юности.

При досмотре, увидев большой чемодан, попросили открыть его.

— Нет там ничего, — сказала Ольга.

— Откройте, откройте, — настойчиво потребовал работник службы безопасности.

— Пожалуйста, проверяйте.

— Да, он почти пустой, — недоумённо произнёс служащий.

— Он не пустой — там воспоминания... — тихо проговорила Ольга.

В чемодане лежали деревянный Дракоша, белый лист с яркими ладошками и маленький колокольчик – ещё из старинных семейных игрушек. Чемодан поехал в багаж по ленте, а Оля с корзинкой пошла к самолёту. Устроилась. Ещё чуть-чуть, и она приедет домой. В иллюминатор ярко светило солнце. Слезы сменились лёгкой улыбкой. Улыбка всегда освещала её лицо, когда она думала о сыне, об Игорёшке. Мама приехала с ним тогда в маленький городок, сын-то и помог Оле пережить потерю. Сначала было очень трудно, мама звала вернуться к ней, но уехать от места гибели любимого человека она не могла. Дракончик был всегда рядом. «В нём моя душа», – когда-то сказал Олег. Ольга осталась работать в больнице, которая носила теперь имя Олега. Игорь прекрасно учился и тоже интересовался медициной. Поехал поступать в институт. И поступил! Какие радостные воспоминания! Ольга, получив отпуск, теперь летела к сыну и к старенькой маме, чтобы встретить с ними Рождество. Улыбаясь, схватила с бегущей грузовой ленты свой большой чемодан – он был лёгкий! Значит, впереди ясные дни!

За столом сидели втроём – мама, Ольга и сын, рядом примостился Дракоша. Ольга расспрашивала о делах и успехах сына в учёбе, а потом сообщила: «Я привезла и передаю тебе чемодан, он необыкновенный. Пусть у тебя всё будет хорошим и светлым, тогда и чемодан будет лёгким. Он помогает пережить невзгоды». Со светлой грустью вспоминали Олега. «Я тоже хочу и буду хирургом!», – сказал с чувством Игорь. Ну кто же против? Если загадать желание в сочельник, то оно непременно сбудется. В это верили и он, и его бабушка, и мама.

В приоткрытую форточку порывом ветра занесло снежинки. По ёлке, красиво наряженной, бежали сверху вниз огоньки, а старинный колокольчик нежно зазвенел...

Дивный май

Май полыхнул кумачом и разразился дождями, долгими, сильными, зарядил на несколько дней. А наутро третьего дня бело-розовым

цветом была усыпана зелёная трава. Казалось, что опять выпал снег. Белые нарциссы почти слились с белым кружевом сбитых дождём цветов вишни и сливы, но сквозь белое алым цветом – тюльпаны. Они возвещали холодным утром: май, дивный май всё равно наступил! Хочется верить, что как после холодной затяжной весны всё равно наступает лето, так и после всего злого обязательно наступит доброе и хорошее. Верьте в это, люди!

Миг озаренья

Хмурое утро. Тепло и сыро. Ноябрь начался, но повсюду ещё трава зелёная, дорожки мокрые, а багряные листья дикого вьющегося винограда слетают на неё, образуя с жёлтыми листьями осенние изменяющиеся узоры, как картинки в детском калейдоскопе. Громадная тёмно-лиловая туча, вылив порцию дождя, медленно уходит в сторону многоэтажек, и во дворе постепенно становится светлее. И вдруг...

В прореху ринулся луч солнца, разрезав дорожку пополам. Пространство от земли до верхушки большой ели вдруг засветилось и заиграло, мелкие капли дождя заискрились, а жёлтые листья на кусте гортензии стали ярко-жёлтыми – как велик контраст с ещё тёмной дорожкой! Казалось, что с неба до земли развернули холст, на котором тёмной зеленью – ель с шишками, сочной зелёной травой – газон и дорожка, разделённая на квадратики и убегающая к едва виднеющейся в глубине двора калитке. Серебром повисли не успевшие долететь до земли струйки дождя.

Озарённая светом картина неизвестного художника длилась всего лишь мгновение...

Восторг, восторг души!

Аромат времени...

Нежно-сладкая грусть осени ненадолго заглянула в этот отдалённый уголок сада, где я уютно устроилась с книгой. Осенний вечер был как-то по-особенному хорош и светел. Лучи заходящего солнца, пройдя сквозь ещё густую листву, отразились на стене дома кружевным

узором. Солнце просвечивало сквозь листья — казалось, что они светятся, — и тонкие прожилки серебрились и дрожали от слабого ветерка.

Прощальным огнём пылали на клумбе георгины, белые лепестки разросшейся гортензии стали коричневыми, на земле под яблонами лежали красные яблоки, их не успевали собирать — в этом году был отменный урожай. Бабье лето радовало теплом и ярко-синим небом в отличие от прохладного лета.

Отложила книгу и закрыла глаза. Прислушалась. Высокая стена дома отделяла этот уголок сада от оживлённой автострады, я слышала только ровный, будто издали идущий шум. Изредка доносились гудки часто проходящих электричек, даже лай собаки у ворот был приглушён. Затихли кошка с котятками, они довольны наигрались и заснули. Хлопочут высоко под стрехой задиристые воробьи, усаживаются на насест куры, загнанные заботливым пухом. Слух при закрытых глазах обострился.

Лёгкий ветерок принёс тончайший аромат. Откуда он?.. Оглянулась. За креслом клумба, и на кусте отцветающих роз — последних осенних роз обычно немного, но они всегда даже более яркие и душистые, чем летом, — тянулся вверх к свету и теплу розовый бутон. Лепестки едва раскрылись, это от них и шёл аромат, взволновавший меня до слёз. Аромат юности. У раскрывшейся розы такого запаха уже не будет.

Волнующая тишина светлого вечера вдруг наполнилась неясной тревогой. Сердце защемило. Трепет листы, просвеченной солнцем, поселил в нём грусть — но не об ушедшем вёселем лете, а скорее о том, что всё рано или поздно заканчивается: и завораживающая красками осень, и долгое белое безмолвие, и февральские метели. Но остаются надежда и ожидание весеннего восхождения, оставляя в сердце место для тихой радости.

О добре и мальчике ЗУ

Ноябрьское неяркое солнце быстро скрылось за линией горизонта. На землю опустились сумерки. Дорога была сухая — в этой южной части страны дождей ещё не выпадало, днём вместе с солнцем разливалось тепло, но ночи поздней осенью и здесь прохлад-

ные. К утру слегка подмораживало. Похожее на перекасти-поле, ЗЛО катилось по загородной грунтовой дороге. Не густое и не чёрное, а, можно сказать, только формирующееся, ОНО передвинулось ближе к обочине. Назовём это небольшое ЗЛО мальчиком ЗУ.

Своих родителей он не знал: они погибли, когда ЗУ был совсем маленьким. Обстоятельства гибели родителей были, как иногда говорили взрослые, необычными, покрыты тайной. Мальчика воспитывал дядя Зуаман, в семье которого он жил. А жили они в стране, которая для обычных людей была невидимой...

ЗУ, как и все его сверстники, посещал специальную школу.

— Вы ещё маленькие и должны делать маленькие пакости, большие пакости сделают другие, — так часто повторял им учитель.

Когда стали постарше, то убеждал:

— Постоянный страх и страдания людей — законный и приятный отдых для наших тружеников.

С преподавателями школьники ставили сценки, смотрели видео — смешные. Ребята веселились, но иногда, когда в показанных миниатюрах кому-то было плохо, ЗУ не смеялся. Мальчик прилежно учился, к советам взрослых, из которых и состояло могущественное ЗЛО, всегда прислушивался. Особенно нравились ему практические уроки и возможность менять свой лик, надевая разные маски. Это действие удавалось мальчику лучше всего и приносило большую радость. Учился легко, за успехи и усердие ему позволили поехать на праздник в далёкий красивый северный город, где прекрасные дворцы зимой утопали в снегах, а в сумерках, когда зажигали фонари, освещавшие улицы, он казался просто сказочным.

Дядя, провожая ЗУ, предупреждал, что мальчик должен быть осторожным и обдумывать свои поступки прежде, чем их совершать; что в этом большом городе сосредоточено большое ЗЛО. Оно должно было внести свою чёрную ноту в прекрасный добрый праздник — Рождество!

ЗУ удалось сначала проехать на повозке с добрым стариком-возницей, где ему сразу стало как-то не по себе, а потом он втиснулся в переполненный автобус. Пассажиры ругались с водителем за опоздание и друг с другом так, что чуть не дошло до драки. Вот здесь

ЗУ почувствовал себя прекрасно! Перепалка порадовала его. Мальчик пристроился в тёмном углу дребезжащего автобуса. Приехали прямо к пристани.

Мальчик ЗУ выскочил из автобуса, помчался, едва успел на паром — другого пути двигаться дальше не было. Машин на паром погрузили довольно много; суматоха и толкотня, конечно, на руку ЗУ — проскочил незамеченным. Разместились наконец-то. ЗУ с интересом наблюдал за пассажирами — стариками и молодыми. Чей-то ребёнок с удовольствием грыз бублик, а миловидная дама пилила своего мужа: зачем он пустился в путь в это время? зачем её потащил с собой? зачем ехать к его маме? Ехал бы один. Злой её голос не был громким, но мальчик слышал каждую фразу. Взбодрился. Молодец женщина! Понемногу голоса затихали, и ЗУ сладко задремал. Ненадолго. А когда проснулся, заметил, что даже подрост!

Неожиданно потемнело. Ветер усилился, волны набросились на паром. Пассажирам стало страшно, сгрудились в кучу. Страх метался по каютам. Женщина, кажется гречанка, встала на колени, зажгла свечу — откуда она взялась? — и истово молилась. Мальчик переместился от неё и свечи подальше. Это всё мешало ему насладиться страхом — неизменным спутником ЗЛА.

Несмотря на внезапный шторм, добрались благополучно. Выгружались также шумно. Наконец машина, в которую ЗУ забрался, вырлила на берег. Часть пути мальчик ЗУ проехал в багажнике машины той пары, что ссорилась на пароме, но им в другую сторону, а ему — на вокзал. И когда машина остановилась вблизи привокзального магазина, незаметно выбрался. Прямой поезд теперь довезёт его до прекрасного города. Вскочил чёрной тенью на подножку — и быстрее на третью полку за большущий узел. Устроился ЗУ с комфортом.

Холодный ветер врывается иногда из тамбура, дождь со снегом метался за окном поезда, но никому не мешали. Ночь успокоила всех.

— Подвинься, — услышал тихий шёпот ЗУ, — ты тут не один!

Два тёмных сгустка притаились за другим узлом. Они тоже ехали в северную столицу.

«Там что, собирается всё ЗЛО мира? — подумал мальчик ЗУ. — Интересненькое будет Рождество!»

Поезд долго стоял на разных станциях, а снег всё шёл и шёл. В этих краях зима снежная и холодная, но люди любили её, радовались и ждали приближения поры, когда можно отдохнуть от летних забот, подготовиться к зиме, нарядить ёлку, дарить подарки, петь песни, делать добро.

ЗЛО тоже обожало праздничные дни. Кулачные бои, попойки и оргии, обиды, похоть — всё то, что открывало в человеке низменные желания и страсти. Страх! О, это было интересно! Страх может поселиться в сердце, он рождает зависть. Страх — прекрасная пища для ЗЛА. А страсти меняют людей, иногда приводят к несчастьям...

Мысли в голове кружились, как снег за окном. Мальчик ЗУ думал о том, как себя будет вести в прекрасном городе, чему порадует, а пока присматривался к пассажирам, замечал в тёмных уголках ЗЛО. Многому его научили в школе. ЗУ мог уже иногда отличать хорошие мысли от чёрных, которые зарождались в голове у человека, ДОБРО от ЗЛА.

До города ехать оставалось всего ночь, а вечером в вагон вошла приятная дама, села за столик и глубоко задумалась. ЗУ не спал, смотрел сверху на женщину и вдруг услышал, о чём она думала. Думы эти были горькими, воспоминания теснились, обиды, ещё из детства, вспыхивали так ярко, будто это происходило совсем недавно. Зачем она так терзала себя, ведь всё давно прошло? Понял, что она тоже едет в город на праздник.

ЗУ вспоминал, как их учили: если принимаешь какую-то личину, то должен выдержать этот момент лицедейства до конца — чтобы не дать понять окружающим, что ты не тот, за кого себя выдаёшь. Именно это нравилось мальчику больше всего. Маски!

И вот он — вокзал большого города. ЗУ с радостью прыгнул с подножки. Теперь он красивый юноша, в чёрном пальто и кожаных чёрных перчатках. Ух как холодно! За время долгого пути мальчику ЗУ показалось, что он прилично вырос благодаря страху, злости и печали людей, с которыми ему довелось в пути встретиться, но мысль появилась и не задержалась...

ЗУ знал, куда идти, но прежде чем направиться по нужному адресу, решил прогуляться по празднично украшенному городу. Он с вос-

хищением смотрел на сверкающий огнями бульвар. В витринах красивые игрушки, забавные зверюшки, подарки в красивой бумаге, серебряные шары. На каждом перекрёстке наряженные ёлочки, разноцветные гирлянды мигали, огоньки бежали сверху вниз и по спирали. Двери кондитерских магазинов не закрывались: в витринах шоколад, разные фигурки из него, карамель, пирожные и печатные пряники.

Золотые львы, вздыбленные кони, каналы вдоль прекрасных дворцов; прохожие, спешащие домой, к своим семьям. Ожиданием чуда дышало всё вокруг. Тройка лошадей, запряжённая в красивые сани, а в них — прекрасная девушка в русском расписном платке. Она улыбалась так искренне, глаза горели, а в них отражались уличные огоньки. ЗУ остановился поражённый красотой. Она казалась такой живой!

Она и была живой, выпрыгнула из саней. Только теперь ЗУ заметил, что её фотографировали. Девушка помахала юноше и весело побежала вдоль канала, берега которого украшены старинной решёткой, снег кружевами лежал на ней.

Сказочная таинственность, тёмные подворотни, весёлый смех и... слёзы. Облако тревоги вдруг окутало мальчика ЗУ. Рядом стояла женщина — та, чьи горькие мысли он сумел прочесть в поезде. По её щекам бежали слёзы.

Она вновь вспоминала, как ехала из загородного дома на праздник в столицу: укрытая тёплой шубой, везла подарки для всей семьи, а в руках держала совсем недавно родившуюся дочку. Ребёнок спал. Ещё чуть-чуть: поворот, банковский мостик и дом, где её ждали с нетерпением. Вдруг наперерез, прямо из подворотни, выскочил лохматый пьяный мужик. Водитель резко крутанул руль, чуть выровнял автомобиль, но всё-таки машина ударилась о парапет и через несколько метров перевернулась...

Темнота надолго закрыла сознание женщины. Мальчик ЗУ чётко увидел произошедшее: разбросанные вдоль канала подарки, раскатывшиеся в стороны шары, мертвенно-бледное лицо женщины, собравшуюся толпу и яркий расписной русский платок. А там, сзади, где выбежал пьяный мужик, на крыльце дома

лежал туго завернутый младенец с розовым бантом...

Об этом знал только ЗУ. Он заметил — его это не удивило, — что женщина и прекрасная девушка, которую он только что видел, были очень похожи друг на друга. Наверное, это её дочь, — та, что она потеряла! Каждый год, в рождественские дни, женщина приезжала в Северную столицу и бродила вдоль канала в надежде узнать что-нибудь про потерянного ребёнка.

Мальчику ЗУ было строго наказано не вмешиваться ни во что, а просто смотреть на праздник. Вмешательство даже небольшого ЗЛА в ход вещей могло изменить равновесие, но отчаяние пожилой женщины, многолетняя скорбь и чувство вины, не дававшие покоя её душе, заставили проникнуться сочувствием и ЗУ.

Женщина брела по тротуару, остановилась у перекрёстка, где искрилась радость и полыхали огни. Из подъезда выбежала молодая красавица. Весёлый смех её заставил вздрогнуть женщину. Юноша в чёрном пальто стремительно бросился навстречу так, что две женщины столкнулись друг с другом.

— Простите, — воскликнула девушка. — Сердце её почему-то забило так сильно, что готово было выскочить из груди. — Я вас не ударила?

— Нет-нет, это я задумалась...

Женщина смотрела на девушку и видела при этом себя молодой. Ей показалось, что, будь её дочь жива, она была бы именно такой!

Что же делать? Мальчик ЗУ понимал, что вмешаться в ход событий он не может — ему не разрешили причинять ЗЛО, но про другое никто не говорил. И он попробовал разлить в душе женщины такие любовь и нежность, что она впервые обрела уверенность, что её девочка осталась жива, что это — она! Добрые люди вырастили её ребёнка.

— Как тебя зовут, прекрасное дитя?

— Надя! Меня зовут Надежда...

— Надежда, — повторила тихо женщина. Впервые она радостно улыбалась здесь, на этом грустном месте.

Красивый юноша в чёрном пальто нырнул в подворотню, где его давно дожидались. В лёгком пальто ему было холодно, но он был почему-то доволен собой, улыбался, но... поспешил поменять маску. Менять маски ему очень нравилось...

АЛЬФРЕД БОДРОВ

Лунная соната, или Дама в розовом шифоне с зелёными разводами

1

— Всё началось с Эмиля Гилельса, вернее, с того злосчастливого дня, когда я наивно вознамерился попасть на концерт пианиста Эмиля Гилельса в большом зале Московской консерватории.

Так начал свой рассказ, ни с того ни с сего, молодой человек на вид двадцати двух или двадцати пяти, по крайней мере, не моложе двадцати и не старше двадцати восьми лет. Это был жгучий брюнет, со слегка выющими волосами и пейсиками на висках. Он сидел передо мной за шахматной доской. Мой визави в чёрном костюме, белоснежной гипюровой рубашке с воротником типа жабо «под Магомаева» выглядел хотя и аккуратно и скромно, но выделялся среди прочих членов клуба всем своим видом и обликом. Худошавый, с удлинёнными чертами лица, большими юношескими удивительно зелёными глазами и пронизывающим взглядом.

— В то время я учился в институте Гнесиных по классу виолончели. Мои однокурсники всеми правдами и неправдами могли попасть на любой концерт, но мне с моим меланхолическим темпераментом было очень сложно преодолеть себя.

Не зная, что делать, я стоял возле билетной кассы разочарованный и подавленный. Двери в зал закрылись, все меломаны давно прошли. Сейчас выйдет на сцену всемирно известный музыкант, а я один, позабыт и позаброшен, стою и оглядываюсь вокруг себя, думая: «Что делает в кассе эта женщина? Концерт начинается, билетёр скрылась за плотно закрытой дверью. Почему касса не закрывается?» С ули-

цы подошла какая-то парочка к кассе: мужчина средних лет в тёмном классическом костюме спрашивает два билета из брони. Кассирша отвечает: «Бронь следует выкупить за полчаса до начала сеанса. Вашу бронь аннулировали, и билеты все проданы. Видите: полный аншлаг». Его спутница, почти такого же высокого роста, как он, стояла поодаль в розовом с зелёными, бежевыми и тёмно-бордовыми разводами платье по щиколотку. Ничто не вызвало у меня восторга в ней, кроме бирюзового цвета глаз. Я буквально утонул в них, взглянув ей прямо в глаза. Я не мог оторвать взгляда от них, и этого оказалось достаточно, чтобы я запомнил дамочку на дальнейшую свою жизнь, вернее, даже не самую дамочку, а её глаза и внутренний томный свет, исходящий от них.

— Когда это было?

— Я был на втором курсе института имени Гнесиных, мне шёл тогда двадцать третий год. Признаюсь вам честно: мне сейчас идёт тридцатый год от роду, но ощущаю себя всё ещё двадцатилетним юношей. Я хочу ещё сказать, что в эту дамочку не был влюблён, но её глаза пронзили моё нутро, и отделаться от них я уже никак не могу, хотя женат и родился первенец.

Я спросил его:

— Мы с вами играем больше часа, а до сих пор не познакомились. Меня зовут Галактион Илларионович, я врач. А как вас звать-величать по имени-отчеству?

— Я Тадик, Тадеуш Германович Овчаров, виолончелист, по совместительству настройщик музыкальных инструментов.

Я удивился:

— Почему такое несоответствие между именем и отчеством?

Тадеуш улыбнулся.

— Меня так назвал отец. Он до войны был осуждён на пять лет и отбывал срок на строительстве Северной железной дороги между Котласом и Воркутой. В лагере смертельно заболел цингой. Его вернул лагерный врач Тадеуш Янович Клиникис, литовец по национальности, отбывавший срок за шпионаж. Отца освободили за месяц до начала войны и сослали в Туркмению, где он познакомился с женщиной, тоже по национальности литовкой. Они поженились, потому что нашли друг в друге родство душ. Когда я родился, мой

отец твёрдо решил назвать меня Тадеушем, в память о лагерном враче, вытащившем его из объятий смерти. Естественно, мама не только не возражала — она даже была рада этому, потому что опасалась, что отец будет настаивать на русском имени для меня. Так я стал Тадеушем Германовичем, хотя отец был москвичом в десятом поколении.

Я не мог не спросить юного друга:

— Вы не стыдитесь своего имени? Ведь такое несоответствие имён людей в нашей стране обычно напрягает.

— Вы спросили меня, не стыжусь ли своего имени? Я отвечаю так: кто стыдится своего имени, тот не любит своей Родины.

Тадик задумался над очередным ходом, а я стал восстанавливать в памяти события из собственной жизни. Вспомнилось, что с Эльвирой я тогда зашёл выкупать бронь, но её сняли и мы не попали на Гилельса, о чём она не очень сожалела, потому что классическая музыка её не привлекала. Тадик своим рассказом напомнил мне, что тогда у кассы в Большой зал консерватории стоял с унылым видом какой-то паренёк, но я на него не обратил внимания, обошёл его и всё своё внимание сосредоточил на Эльвире. Похоже, Тадик сегодня меня не узнал, как и я его. С берегов Кубани в Москву мы попали по просьбе Эльвиры. Она занималась спекуляцией импортной мебели, в Москве с небольшой переплатой приобретала через знакомства немецкую и польскую мебель, отправляла её в Майкоп и там сбывала опять же через приятелей на местном рынке с утроенной переплатой. Она брала меня с собой исключительно для собственной безопасности, опасаясь, что блюстители порядка могут её привлечь за нарушение запрета на поездку в Москву и другие крупные города страны. Она завоевала у властей нехорошую репутацию экзотической дамочки, занимающейся, кроме всего прочего, продажной любовью. Об этой стороне биографии дамочки я узнал из её собственного признания при знакомстве. Незадолго до нашей поездки в столицу я работал гинекологом на полставки в городской поликлинике Темрюка, замещал уехавшую на курсы повышения квалификации Евгению Рахметовну Агурейчик. Я уже завершал приём, собираясь домой в Армавир, когда старшая медицинская сестра умоляюще

попросила меня принять ещё одну пациентку. Я не мог отказать ей в просьбе и согласился — как оказалось, на свою беду. Я почему-то ожидал увидеть молодую особу, которая потребует направление на искусственное прерывание беременности, но вопреки моим ожиданиям в кабинет вошла высокого роста, стройная, с хорошо подчёркнутыми формами и далеко не безобразным лицом дамочка в розовом шифоне с множеством разноцветных разводов, плохо скрывающих женские телесные тайны. Она вошла и словно наполнила кабинет загадочным светом томных бирюзовых глаз. Если этот Тадеуш утонул в них, то я просто пропал.

Молодой и амбициозный учёный, перед этим защитивший кандидатскую диссертацию на тему особенностей женской анатомии, я возомнил тогда себя великим знатоком дамских проблем. Назвав себя странным именем Верткий Псыжь, она спросила, почему я с дипломом учёного сижу в какой-то провинциальной дыре, вместо того чтобы заниматься своими исследованиями где-нибудь в столичных крупных клиниках. Я, как прилежный первоклассник, оказавшийся под гипнозом её взгляда, отвечал, что работаю в Ставрополе, а в Темрюке оказался случайно: попросили замещать местного врача. Дамочка на это сказала, что не ожидала здесь увидеть вместо приятельницы Евгении Агурейчик мужчину. Я извинился и предложил подождать возвращения Евгении Рахметовны с курсов. «Вы меня устраиваете», — заявила она, подготавливаясь к врачебному осмотру.

2

Наша партия незаметно стала приближаться к завершению: до флажка с моей стороны остаётся пятнадцать минут, а у Тадика пять; у меня есть ещё время, а он в цейтноте.

После осмотра Эльвира рассказала о себе во всех подробностях. Мы стали встречаться. Гастролируя по Предкавказью, Эльвира заглянула и в армянский Армавир. Здесь она задержалась на длительное время, пока не выселили из Лабинской линии. Во время одной из встреч я настолько осмелел, что сделал ей предложение, от которого она решительно отказалась. Я готов был её увезти подальше от здешних мест, вплоть до Вологды или в Ха-

баровск, но ничто её не привлекало. Эльвира убеждала меня, упряма до мозга костей:

— Пойми, дорогой мой человек, не могу я с тобой никуда ехать и выйти за тебя тем более не могу.

— Почему? — настаивал я на своём.

— Потому что я старше тебя на двенадцать лет. Тебе тридцать пять лет, ты защитил диссертацию, готовишь докторскую, перед тобой открываются широкие пути, ждут успехи в науке. Через десять лет я буду старухой, чемоданом без ручки, который бросить жалко и руками не возьмёшь. В конце концов ты меня бросишь.

— Я скорее брошу науку и буду практикующим врачом, но бросить тебя не смогу и не брошу.

— Есть ещё одно препятствие.

— Какое, какое может быть препятствие для любящих сердец?

— Я скажу тебе, если ты так настаиваешь. Ты ведь знаешь, каких женщин называют не по имени и отчеству, а по кличке, будто собак нерезанных.

— Я помню: спекулируешь мебелью.

— Не это главное.

— А что главное? Что может быть главнее того, что два любящих сердца тянутся друг к другу?

— Я тебе говорила при первой встрече у тебя в кабинете, когда попала на приём в Темрюке.

— Я ничего об этом не хочу слушать. Я тебя увезу далеко от этих мест, никто тебя не узнает на новом месте. Твои клиенты завтра же тебя забудут, найдут других.

— Хочешь сказать, лучше и моложе меня?

— Я не это имел в виду.

— Я знаю, что ты имел в виду, но зато я не смогу бросить моё занятие: это мой выбор, моя профессия, пойми, наконец. Я не смогу бросить то, чем занимаюсь с шестнадцати лет. Я не выдержу, обязательно сорвусь.

— Но почему, почему ты так себя принижаешь, ни во что себя ценишь? Где твоё достоинство, в конце концов? — горячился я, чувствуя себя бессильным перед этой падшей женщиной, потерявшей веру в себя и в людей. Чем больше она пыталась мне что-то объяснить, тем меньше я её понимал.

— Мы жили в Армавире, когда в августе срок второго года немцы подошли близко к городу и били прямой наводкой из дальнобой-

ных орудий, — рассказывала Эльвира. — Папа вместе с воинской частью покинул город и пошёл в партизаны, а старший брат перебежал к фашистам, стал пособником эсэсовцев. Не имея средств к существованию, мама ничего другого не придумала, как за немецкие марки собой торговать и меня к этому делу приучала. В начале сорок третьего года немцы ушли, а когда советская власть вернулась, маму чекистам выдала её родная сестра, чтобы завладеть добротным каменным домом, сохранившимся при артиллерийском обстреле немцев. Во время оккупации города фашисты устроили в нашем доме офицерский бордель, мама пошла к ним в прислуги и потом отдала меня, шестнадцатилетнюю, на потребу нацистам. Сначала мне было очень страшно, потом страх сменился любопытством, затем быстро на смену любопытству пришло восхищение их стройной фигурой и физической силой, а главное, формой. Я буквально млела при виде чёрного мундира со свастикой и особыми знаками различия. Немецкая военно-полевая форма меня никак не возбуждала, я была к ней совершенно безразлична и никакого темперамента не проявляла, если кто-нибудь из полевых офицеров ко мне навевался. Я теряла голову и до неузнаваемости преображалась, если гестаповец захотел оказаться в моих объятиях и снять с себя напряжение тяжёлого дня. Постепенно я стала привыкать к моему образу жизни. Немцы снабжали маму настоящими немецкими марками и продуктами, мы, в общем, при них почти не бедствовали. От отца сведений никаких не поступало, мы с мамой ничего о нём не знали, от него весточек не получали, разумеется, и поддержки от государства не имели. Более того, после возвращения советской власти арестовывали и судили не только тех, кто немцам служил, но и тех, кто вообще оказался под оккупацией, даже если не был у немцев на службе. Тётка, став хозяйкой нашего дома, потому что её жилище было полностью разрушено до фундамента, меня не прогнала и не сдала органам, а использовала сначала как прислугу, но вскоре стала знакомить и сводить меня с местными бандитами и гастролёрами из столицы. Они пользовались моим телом не торгуясь, давали тётке столько, сколько требовала. Казалось,

что после войны все банды страны собрались в наших краях и никого, кроме меня, больше нет — ни девушек, ни женщин. В отличие от немецкого офицера и изуверов нацистов, наши бандиты обращались со мной, как с тряпкой — грубо, жестоко, с какими-то дикими извращениями. Ужас сковывал моё нутро при виде очередного головореза: я не знала, чего от него ждать — удар кастетом по голове, пулю в грудь или ножом по горлу. Стыдно признаться, но я много раз добрым словом вспоминала лощёных, самодовольных и высокомерных штандартенфюреров, многие из которых демонстрировали передо мной свои учтивость, ласку, нежное слово, эрудицию, знание языков, мировой литературы и искусства, хотя отдавала себе отчёт, что всё это не больше, чем ханжество и лицемерие. Я понимала, чем они занимаются в дневные часы, физически уничтожая всех, кто стоит на их пути. Я всё это понимала, сознавала и наблюдала, но ничего не могла с собой поделать: меня тянуло к чёрной форме, к свастике, я бросалась в объятия гестаповцу, у которого руки были облиты кровью моих сограждан, моих соотечественников и соседей. Бандиты меня предупредили, что готовятся мой арест и суд за сотрудничество с нацистами. Они предложили мне помощь и укрытие, но я бежала, бежала куда глаза глядят. Я знала цену бандитской помощи: ради собственной шкуры никого не пожалеют, не побрезгуют, мною откупятся. Терпеть унижения и позор я не имела больше сил, потому что одних бандитов ловили и сажали, другие откуда-то появлялись и всё начиналось сначала, но с ещё худшими издевательствами надо мной. Сначала я обнаружила себя в Ейске, потом в Новороссийске, а в Керчи меня подхватил какой-то винодел из крымских татар. Я для него оказалась золотой жилой: ты сам понимаешь — курорты, южный воздух располагали к разврату. Мне уже шёл двадцать шестой год, я профессиональная распутница, обзавелась, как положено в таких случаях, закоренелым сутенёром и курортниками-клиентами. Я решила вернуться в Армавир, но не сразу — меня он мог выследить, — а через Темрюк. Там меня нашла врач Евгения Агурейчик и сказала, что со мной хочет познакомиться Псыжь Темрюкский. Она предупредила, чтобы я не уклонялась от него: найдёт и обидит.

3

Мы остановили часы, согласившись на ничью, и вышли из галереи, где проходила игра. Спустились к берегу Кубани, которую горцы ещё в древние времена называли Псыжь, то есть Конь вздыблённый.

— Тадик, как вы с Эльвирой познакомились?

— Это было в Крыму, я случайно оказался на джазовом фестивале в доме Максимилиана Волошина, что находится в Коктебеле. К этому времени я уже окончил институт Гнесиных и искал среди приятелей и знакомых для себя директора, что-то вроде импресарио, для того, чтобы самому не заниматься организацией концертной деятельности. По молодости и неразумности я решил, что на джазовом фестивале нужного человека я найду скорее всего. Разумеется, попав на фестиваль, я понял, что буду чувствовать себя не в своей тарелке, но давать тягу мне не хотелось, решил: будь что будет. Присмотрелся, прислушался, на скорую руку завёл какие-то знакомства, меня свели с организаторами фестиваля. Словом, мне позволили выступить с виолончелью. На первый взгляд, джаз и классическая виолончель понятия — несовместимые, но так кажется только непосвящённому человеку, не лишённому вкуса к джазу. На подготовку мне дали неделю: этого было достаточно, чтобы собраться и показать себя во всём величии джазовой импровизации и свинга.

Тадеуш говорил, а я слушал его не перебивая и думал, когда же он скажет хотя бы пару слов об Эльвире, которую местные бандиты прозвали Лунной Сонатой, а нацистские люди именовали как Вёрткий Псыжь.

— Я начинаю сейчас припоминать, что в Москве Эльвира была с вами. Вспомнились её бирюзовые глаза и томный взгляд, источающий поразительно ласковый, но в то же время холодный, словно лунный, свет. Под впечатлением образа женщины в розовом шифоне из-под виолончельного смычка полилась «Лунная соната» Людвиг ван Бетховена. Как утопающий за соломинку, я зацепился за неё, и дело пошло. Фестиваль в Коктебеле далёк от музыкальной классики, как я понял тогда. Надо было максимально приблизить тему «Лунной сонаты» к традиции и стилистике Коктебеля. В установленный день и час я вынес на суд

меломанов почти неузнаваемое сочинение. Конферансье объявил: «Людвиг ван Бетховен. „Лунная соната“, переложение для виолончели, соло, исполняет выпускник Московского института имени Гнесиных Тадеуш Овчаров. Исполнение посвящается Даме в розовом шифоне с разводами». Моё выступление произвело на слушателей ошеломляющее впечатление: оглушительные аплодисменты продолжались, наверное, минут тридцать. Пришлось сыграть на бис третью часть, самую экспрессивную и трудно исполняемую на виолончели. Вдруг пространство между мной и залом заполнила высокая фигура дамочки в розовом шифоне с зелёными разводами — точь-в-точь такое же платье, как в Москве, но с той разницей, что на этот раз на розовом фоне видны были разводы одного зелёного цвета. Она подошла ко мне вплотную, поцеловала меня в кончик носа и сказала: «Я Эльвира, но ты зови меня Лунной Сонатой. Спасибо, что посвятили выступление мне, женщине в розовом шифоне с разводами». И смешалась с толпой. Потом она меня нашла, и мы стали встречаться втайне от винодела.

— В Крыму ты был один, без супруги, но к этому времени ты уже был женат, как я понимаю. Она не ревновала тебя, сцен ревности не было в семье?

— Да, мы поженились на четвёртом курсе, а на пятом у нас появился первенец. Супруга отпустила сначала меня одного в Коктебель и собиралась ехать вслед за мной после того, как сыну сделают все необходимые прививки. Но ехать ей не пришлось. Вообще, мы доверяли друг другу, даже в мыслях не было ни у кого из нас, чтобы ревновать. Она училась в том же институте по классу скрипки на два года младше.

— Почему она не могла уехать из Москвы? Что-то случилось или учёба в вузе не позволила — она ведь ещё училась, академический отпуск не брала?

— Нет, академку она не брала. Родители очень помогли, и я, как мог, помогал, так что выкручивались, она окончила институт в своё время. Ей помешало выехать в Коктебель не счастье.

— Что же случилось?

— Прежде чем делать прививки, малышу надо было сделать анализ крови. Медикам

анализ показался сомнительным. Сделали развёрнутый анализ. Он показал лейкемию. В результате повторного анализа диагноз подтвердился. Так она с малышом попала в онкологическую клинику. Ни о каком Коктебеле, тем более о ревности, не могло быть и речи. Я хотел всё бросить и лететь в Москву, но супруга не велела, сообщила, чтобы я оставался и добивался намеченного, а в Москве я ничем не смогу помочь, да и родители за ней ухаживают.

— Лейкемия — это рак крови, он неизлечим; он, как правило, оканчивается летальным исходом. Что было с малышом? — спросил я с беспокойством.

— Вопреки ожиданиям врачей, он выжил и окреп. Супруга вместе с родителями вымолила у Небес нашего малыша. Все детишки, которые были вместе с ними в клинике, умерли, а наш выжил.

— Ты Эльвиру после Крыма не видел?

— Нет, она перестала появляться мне на глаза уже в Крыму после третьей или четвёртой встречи. Что с ней произошло? Она покончила с собой?

— Да, она, я думаю, покончила с собой.

— Как это случилось?

— Не знаю. Говорят, от цирроза печени.

— Алкогольная зависимость?

— Сказали, что цирроз приобрела, горстями принимая какие-то таблетки, так сказать, лекарственная зависимость, но я этому не верю. Я медик, поэтому думаю, что надо принять тонну таблеток, чтобы заработать его. Однако не исключаю такого варианта. Как говаривал Петр Великий, «небывалому быть».

— Откуда знаете, кто вам это сказал?

— Про Петра Первого?

— Нет, про Эльвиру.

— Её приятельница Евгения Агурейчик, врач в Темрюке. Она тоже не верит этой версии.

— Вскрытия не было, судмедэкспертиза ничего такого не нашла?

— Думаю, вскрытия не было, но если была проведена экспертиза, то формально, поверхностно: мол, одинокая, сомнительного поведения. Я даже не знаю, кто и где её похоронил.

— А что вы думаете на этот счёт?

— Я думаю, что она приняла лошадиную дозу снотворного, вслед за этим немалую порцию крепкого алкоголя, смерть была неминуема.

Теперь никто не может сказать определённо, случайно или сознательно это сделано.

Тадик спросил меня:

— Но что вы сами об этом думаете?

— Я думаю, что она ушла из жизни осознанно.

— Почему вы так думаете?

— Под давлением обстоятельств: она хотела изменить образ жизни, но этого сделать не могла. Оказавшись в безвыходном положении, она пошла на крайнюю меру, увидев выход из тупика в самоубийстве, разочарованная жизнью.

Евгения Агурейчик согласилась выйти за меня замуж, я её забрал из Темрюка в Ставрополь, её взяли в центральную краевую клинику, через некоторое время её назначили заведующей гинекологическим отделением. На базе клиники она добилась создания краевого института повышения квалификации врачей Ставропольского края.

4

Через пять лет состоялся в Ставрополе концерт виолончелиста Тадеуша Овчарова, как гласила афиша, на соискание звания «Заслуженный артист Республики». В клинике мне сообщили, что на моё имя в кассе концертного зала приготовлены две именные контрамарки на концерт виолончелиста Тадеуша Овчарова. Надо ли говорить, что мы чувствовали тогда? Мы буквально были на седьмом небе!

Первое отделение было посвящено главным образом русской виолончельной, фортепианной и скрипичной музыке. На этот раз скрипку представляла супруга Тадика Милица, выступившая под своей девичьей фамилией Геворкян, а за роялем сидел сам виновник праздника музыки Тадеуш. Он удивил меня виртуозностью игры одинаково как на виолончели, так и за роялем. Поразительный талант.

Второе отделение концерта просит особого описания. Во втором отделении создалось впечатление, будто Тадеуш ощущал себя на сцене царём и Богом. Он буквально заполнил собой и духом своим всё сценическое пространство, словно он одновременно был везде: в оркестре, за пюпитром, за роялем, за виолончелью. Казалось даже, что вместо супруги держит смычок со скрипкой. Он бук-

вально светился, хотя был сосредоточен, собран и активен. Виолончельные сочинения у Тадеуша звучали на подъёме, с воодушевлением, с полной выкладкой. Хотелось быть уверенным, что отчётный концерт даст Тадеушу значительный плюс к почётному званию Заслуженного артиста Республики.

Тем временем конференсье объявил: «Людви́г ван Бетховен. Соната номер четырнадцать „Лунная“, до-диез минор, опус двадцать семь, номер два, часть первая „Адажио“, часть вторая „Аллегретто“, часть третья „Престо“. Переложение для виолончели, скрипки и фортепиано с оркестром. Исполнители: автор переложения, композитор Тадеуш Овчаров, виолончель; Милица Геворкян, скрипка; Ашот Овчаров, семь лет, рояль; симфонический оркестр Ставропольской государственной краевой филармонии, дирижёр, приглашённый дирижёр Багдасар Геворкян. Исполнение посвящается Даме в розовом шифоне с зелёными разводами». Прекрасный интернациональный семейный ансамбль. На этот раз супруга Тадеуша Милица вместо белого до пят платья вышла на сцену в шифоновом платье с зелёными разводами до пят. Я увидел в этом двойной смысл, явный и скрытый. Непосвящённому залу был дан знак, что исполнение посвящается супруге виолончелиста, соискателя почётного звания. Для нас с супругой в этом посвящении скрытый смысл виделся, конечно, в памяти об Эльвире. Впервые увидев её много лет назад у Московской консерватории, а потом в Крыму, Тадеуш не может её образ забыть.

Дирижёр мягким, еле уловимым жестом показал оркестру — «Приготовиться»; скрипачка сейчас вступит, но ждёт своего момента; виолончель настроена, но смычок повис над струнами. Зал замер, наэлектризованный воздух вокруг словно наполнен тайной кудесника музыки, исходящей от лучезарной улыбки виновника торжества. Но это не просто улыбка, а улыбка человека не от мира сего, отрешённого от действительности. Застывшая на его лице улыбка — неприветливая, неживая. Я поймал себя на том, что глаза не улыбаются у Тадеуша: они обращены внутрь, они холодны, они отчуждённы и одновременно отпугивают.

Пальцы юного пианиста лежат на клавишах: вот-вот ещё мгновенье, и польётся чарующее

бетховенское чудо, называемое «Лунной сонатой». Зал наполняется начальной до боли знакомой темой, не по-детски извлекаемой из-под пальцев ребёнка, загадочно, как и само сочинение, по-особому, непривычно. Не поддаётся здравому объяснению, каким образом эти детские пальчики могут так одухотворённо извлекать неземную, воздушную музыку, будто адажио первой части написано композитором специально для них.

Маэстро поднял руки, словно крылья неведомой птицы, и оркестр вступает, повторяя начальную тему сочинения как бы ниоткуда, из воздушного пространства. Я в руках дирижёра не увидел палочки, а музыканты в оркестре будто бы не обращали на него внимания, играли сами по себе, глядя в нотные станы, а дирижёр сам по себе машет и машет. Разумеется, обманчивое впечатление для непосвященного человека. Крещендо ослаблено, инструменты умолкают, уступая воздушное пространство солирующей скрипке. Милица, со своей стороны, тоже свою часть обозначила начальной темой сочинения. Никакого джаза, никаких синкоп, никакой импровизации — строгие классика и гармония, строгое следование оригиналу, но вместе с фортепиано мы услышали сочетание оркестра, рояля и скрипки. Оркестр ненавязчив: он как бы создаёт фон, вычленяет и усиливает контур лунного отблеска. В его игре знакомы бетховенской седьмой симфонии, так удачно вплетённой в канву адажио, что не сразу узнаешь чужеродное вкрапление в сонату. Это какое же надо иметь понимание музыки, чтобы вот так смело рискнуть и её показать обществу! Что скажет виолончель Тадеуша? Оркестр снова притих, ожидая вступления виолончели. Она тоже, как и скрипка, начала с первых аккордов оригинала. Залу передались воодушевление и вдохновение музыканта, играющего бетховенскую «Лунную сонату» в собственной интерпретации. Если сказать, что Тадеуш играл с воодушевлением и невероятным вдохновением, — значит ничего не сказать. Он играл так, как будто последний раз в жизни играет человек, ожидающий своего конца.

Тем временем сцена на глазах преобразилась. На первый взгляд ничего вроде бы не изменилось: все на своих местах, все сосре-

доточенны, все мысли у них в музыке. Однако взгляды оживляются, в глазах появляется живая искорка. Если первая часть нам передала покой, романтическую благодать и небесную лёгкость, то во второй части нас ждёт тревожное состояние, мы не знаем, какое будущее нас ждёт, и это вызывает в нас беспокойство. Таково аллегretto в бетховенской «Лунной сонате». Нет-нет, аллегretto нас не ведёт к трансцендентальному отчаянию, наоборот, готовит к жизненному взрыву, к смерчу радости и оптимизму, к уверенности в невидимом, к непременно осуществлению ожидаемого и желаемого. Дирижёр дал оркестру отдохнуть, зато солисты в эти короткие мгновения старались изо всех сил, чтобы показать, на что они способны, соревнуясь между собой в виртуозности и музыкальности. Победил в этом соревновании, конечно, Людвиг ван Бетховен. Снова короткая пауза. Зрители перевели дух, получили возможность пробудить в себе лучшие качества души, дремавшие до сих пор, и перенести их на тех, с кем приходится иметь дело в повседневной жизни.

Главная интрига заключалась в том, как интерпретатор решил проблему гармонии между скрипкой, фортепиано, виолончелью и оркестром в третьей части. Престо у Бетховена создаёт и передаёт в зал экспрессию, движение, вихрь, смерч, динамику. Начал оркестр, он потянул за собой фортепиано, фортепиано пробудило скрипку, а она взорвала оркестр. Теперь за оркестром последовала виолончель. Скрипке легко удаются краски, выразительность звучания, акценты. В этом плане скрипка не уступает оркестру, а оркестр явно отдаёт превосходство юному дарованию, оттеняет его игру, затушёвывает мелкие, почти незаметные огрехи, особенно в басовом ключе. Почему-то виолончель в третьей части не выглядит убедительно: глухая низкая тональность, тянет пьесу назад, отстаёт от наступающей экспрессии. В адажио виолончель звучала импозантно, солидно, свежо и была на своём месте. Во второй части она, по крайней мере, не мешала. Но вот в третьей части мне подумалось, что престо и виолончель — несовместимые понятия. Одно дело виолончель в группе струнных инструментов и другое дело — виолончель в качестве соли-

рующего инструмента, ведущего за собой оркестр. Но как это сказать Тадеушу? Я вообще не вправе что-то говорить ему о его интерпретации Бетховена. Простой любитель, дилетант, не имеющий элементарных сведений о музыке, не способный отличить до-диез минор от фа-бемоль мажор, имею ли право критиковать музыканта? Оглушительные аплодисменты после концерта продолжались в течение сорока или сорока пяти минут.

Всех, кто имел именные контрамарки с указанием места в амфитеатре, пригласили на банкет в честь семейства Овчаровых-Геворкян. Тадеуш не скрывал своих чувств, он был в восторге от праздника музыки, который подарил слушателям. Я подошёл к нему, поздравил с успехом, поблагодарил за доставленное удовольствие. Он ответил мне благодарностью и вдруг спросил:

— Как вы думаете, виолончель в четырнадцатой сонате уместна?

Вопрос застал меня врасплох, Тадеуш словно подслушал мои мысли. Я растерялся, не зная, как ответить, чтобы не обидеть и не показаться перед ним полным профаном. Я что-то невразумительное пробормотал в ответ, и в это время меня выручил маэстро Геворкян. Он услышал слова зятя, подошёл к нам близко и горячо стал ему возражать:

— И не думай. Ты всё сделал как надо, талантливо и к месту. Надо только чуть-чуть переставить акценты, тональность и характер игры. Виолончель — инструмент капризный, своенравный и непредсказуемый. С ним надо обращаться только на «вы». Виолончель как конь необъезженный. Но если его укротишь, он станет податливым, послушным и преданным другом. Как только виолончель перестанет быть навязчивой и самодовлеющей дамой, ты сможешь по праву гордиться своей работой. Запомни и заруби себе на печке: виолончель должна занимать достойное место. Вот увидишь, она заиграет всеми красками, на которые она способна. Ты сам не поверил в неё, поэтому разочаровался.

— Хорошо, я вас понял, спасибо. У меня намечены такие же выступления в Казани, в Новосибирске и в Москве.

Прошло пять лет, я погрузился в работу над докторской диссертацией. Тадеуша я не

вспоминал. Однажды мы вырвались в Армавир, чтобы развеяться, поменять обстановку и перевести дух. В один из летних вечеров заглянул я в шахматную галерею и тут же столкнулся лицом к лицу с Тадиком. Он был неузнаваем: лицо серое, осунувшееся, глаза потухшие, под глазами синие мешки из-за явной бессонницы, похудевший, померкший. На языке вертелся у меня вопрос: что же с ним случилось? Но не решился — подумал, что это будет неэтично и невежливо: захочет, сам выскажет всё, что наболело в душе за эти годы. А каким счастливецом он выглядел пять лет назад, полный радости, счастья и надежд! Неужели всё рухнуло за эти многие годы? Я предложил сыграть партию в шахматы, но вместо этого Тадик позвал меня на воздух, к берегу Кубани. Мы прохаживались, объятые свежим прохладным ветерком с реки, не замечая, что он проникает во все тайны нашего тела, заполняет собой все шовчики нашей одежды, все извилины головного мозга.

— После концерта в Ставрополе у нашего Ашота ремиссия окончилась, начался рецидив. Пришлось отменить выступление в Казани. После похорон мальчика ушла из жизни Милица на седьмом месяце беременности, должна была родиться девочка. У супруги тоже обнаружилась лейкемия. О концерте не могло быть и речи.

Я спросил:

— А как насчёт почётного звания? Можно поздравить? Ведь так много ты сделал для нашей музыкальной культуры.

Лицо Тадика ещё сильнее потускнело, взгляд потупился. Помолчав немного, он произнёс заикаясь:

— Не с чем поздравлять, отказали. Концерт в Москве власти отменили.

— Почему? — спросил я, удивляясь такому необдуманному решению.

— Меня спросили в Министерстве, подписывал ли я протест против ввода в Афганистан ограниченного контингента советских войск или не подписывал? «Подписывал», — признался я откровенно. На меня заорали так, что в Японии, наверное, было слышно из Москвы: «Чёрта с два тебе, а не почётное звание! Вон из кабинета и забудь о каких-то концертах».

Моя концертная деятельность на этом окончилась. Спасибо небесам, что позволили работать в местном училище настройщиком музыкальных инструментов.

— Преподавать не разрешают? — спросил я с сочувствием, не имея представления, как и чем ему помочь.

— На виолончель нет набора. Выкручиваюсь за счёт частных приглашений, в основном зовут настраивать пианино, рояль почти ни у кого не стоит в доме.

Вскоре от меня ушла Евгения. С чего всё началось? Как-то я заметил, что в выходные дни супруга исчезает куда-то из дома, объясняя это тем, что встречается с однокурсниками, с коллегами, с одноклассниками, с родственниками, с приятельницами. Потом вообще заявила, что уходит к хорошему человеку. Почему ушла, чем я ей не угодил и к кому

ушла, — ничего этого она не объяснила. Я понял одно: два гинеколога в одной семье — это перебор. Я подозреваю, что не нравилось ей, как я подбрасываю блинчики, чтобы их перевернуть, вместо того, чтобы поддевать их снизу лопаточкой. Зато я остался без ароматного кофе, сваренного супругой в турке.

Оказавшись на отдыхе в Кисловодске, я попал на концерт Тадеуша, где он играл «Лунную сонату» в собственном переложении, посвятив исполнение Даме в розовом шифоне с зелёными разводами. Меня удивило, что на эстраду поднялась Евгения Агурейчик, вручила ему огромный букет ярких красных роз, замерла на месте, потом взяла его под руки и увела со сцены. Поразило меня и то, что одета была она в длинное розовое платье из шифона с зелёными разводами. Когда и как они сблизилась, для меня осталось загадкой.

Войной мобилизованные, или Блокадная рапсодия

Пьеса, драма

Электронная книга

EPUB

Автор, член Союза журналистов России, на примере борьбы Красной Армии за освобождение Ленинграда от блокады в образной форме раскрывает взаимоотношения людей в условиях тяжких испытаний, выпавших на долю Отечества, а также морально-нравственные качества людей, стойкость, мужество и героизм защитников «колыбели русской революции». В целом эти идеи не новы для литературы. Однако, пожалуй, впервые здесь остро ставятся проблемы угрызения совести и одиночества. В драматургию пьесы, наряду с темой войны и блокады, удивительным образом вплетён философский мотив отдельной личности и простой человеческой любви.

Произведение адресовано широкому кругу читателей, не безразличных к боевым страницам отечественной истории.

ТАТЬЯНА ГОЛОСОВА

Ангел-хранитель...

Бывают в жизни огорчения,
Ты в одиночестве грустишь,
Хандра лишает настроения,
Ночами длинными не спишь...

И вдруг звонок в твою обитель,
Дверь открываешь... Боже мой!
За дверью АНГЕЛ – твой спаситель,
Небесный спутник неземной!

Ему подвластны настроения,
Твоей безропотной души,
И как стрела, без промедления,
Когда отчаянье спешит,

Поможет с болью разобраться,
Вернёт надежду и покой,
Душевым струнам не срывать
И быть довольною судьбой!

Семейные ссоры...

Любая ссора душу нам калечит,
В тиски зажата радость бытия.
Такую рану вряд ли кто излечит –
Не врач, не друг и даже не судья...

Бывают в жизни разные причины,
Когда спокойствия теряем нить,
Где рвутся наши нервные пружины,
Мы начинаем сгоряча грубить!

И в грубости, сознание не включая,
Друг друга раним тучей острых стрел,
Затем печально, слёзы утирая,
Виним себя за дерзость, беспредел...

Ведь брошенное Слово не поймает,
Слетает с уст и жалит, как пчела.
Придя в себя, ты поздно понимаешь:
Была любовь, сгорела вся дотла...

Девушка мечты...

В парке цветущего сада
Я встретил Девушку мечты,
Мне одного хватило взгляда,
Чтобы застыть от красоты!

Шла величаво и красиво,
С улыбкой милой на устах,
Виляя бёдрами игриво,
С любовной искоркой в глазах!

Влюбился быстро и всецело,
Вручил букет красивых роз,
Снял шляпу перед дамой смело,
Галантно, нежно произнёс:

– О дева! Я польщён тобою,
Такой красивой не найти,
Снимаю шляпу пред тобою,
Нам, вижу, вместе по пути!

Мы были счастливы, не скрою,
Душевной радостью полны.
Девушка стала мне женою,
Сердца любовью скреплены!

Птица счастья подвела...

Печаль пронзила мою душу,
Сажу и плачу у окна...
Неужто снова занедужу
И жизнь моя обречена?

Азарт любви при нашей встрече,
Вечерней звёздной порой:
Ты обнимал меня за плечи,
Безумно нежен был со мной!

Гонялась я за синей птицей,
Что дарит счастье и покой.
Объята холодом... Не спится:
Ты изменил, ушёл к другой...

Не принесла мне птица счастье,
Пронзив безжалостно стрелой.
Сковало сердце в одночасье:
Твоя любовь была игрой...

Я встретил вас — и всё былое...

Я встретил вас — и всё былое...

Ф. И. Тютчев

Я встретил вас — и всё былое
Взыграло радостью во мне,
Я вспомнил время молодое
И наши встречи при луне!

Те встречи были не случайны,
Нам пели песни соловьи.
Луна — свидетельница тайны,
Безумной страсти и любви!

Ваш томный взгляд — очарование! —
И образ дивной красоты
Будили вмиг во мне желание
При виде женской наготы.

Я встретил вас, моё создание,
Во мне проснулись чувства вновь.
Вы — жизнь моя, моё дыхание —
Вернули прежнюю любовь!

Мы снова встретились с тобой...

*Мы снова встретились с тобой,
Но как мы оба изменились...*

М. Ю. Лермонтов

Мы снова встретились с тобой,
Но как мы оба изменились!
Стоишь с поникшей головой,
Ну до чего мы докатились...

Моя любовь к тебе была
Тогда единственной отрадой.
В душе надеялась, ждала,
Что буду я тебе наградой!

Ты был единственный мужчина,
Кому доверила себя.
Была чиста. Ну в чём причина,
Чем не устроила тебя?

С другою счастье не обрёл,
Теперь, раскаявшись, страдаешь.
Зачем сейчас ко мне пришёл,
Ненужной встречей досаждаешь?

Ты спросишь, как мои дела.
Живу, довольная собою,
Любовь к тебе сожгла дотла,
Как видишь, стала я другою!

Я — хорошая такая!

Я — хорошая такая,
Почему мне не везёт?
Вроде внешность неплохая,
Никто замуж не берёт!

И кокетничать умею,
Если надо — обольщу,
Никогда я не робею,
Но измену не прощу!

Может, слабые мужчины
Не справляются со мной?
И при встрече без причины
Все теряются порой!

Я — хорошая такая,
Своё счастье отыщу.
Мне нужна рука мужская,
А найду — не отпущу!

Верность

Припомню мужу чудное мгновенье,
Когда в душе пылал огонь любви!
В нас пробуждалось дикое влечение,
И нам в услуду пели соловьи!

Мы отдавались страсти без оглядки
И не боялись горестной разлуки.
Объятия, поцелуи были сладки,
А также нежные ласкающие руки!

Любовь соединила нас навеки,
Утихла страсть, но мы живём с тобой:
Ведь главное, чтоб были в человеке
Надежда, верность и в душе покой!

Волшебный клубок

Я, волшебный клубок, в трудный час
Служу компасом в жизни для вас!
В руки вы меня тихо возьмите,
К сердцу ласково, нежно прижмите...

Нити быстро заглянут вам в душу
И все беды в душе обнаружат.
На дорожку меня опустите
И за мною вдогонку идите!

Укажу вам дорогу на счастье,
Чтобы жизнь миновало ненастье
И в душе вашей горестной вновь
Жили Вера, Надежда, Любовь!

Ветер счастья!

Ветер ласковый, дай же нам силы,
Всё плохое отправь в небеса,
Столько лет мы счастливыми были,
А теперь жизнь творит чудеса!

Недоверие, глупые ссоры
Между нами встают каждый раз,
Постоянное зло и укоры —
Весь огонь в наших душах угас...

Ветерок, унеси прочь невзгоды,
Зло, вражду в пух и прах разорви!
Сохрани в нас на долгие годы
Верность, ласку и море любви!

Признание...

Приманкой ласковых речей...

Евгений Баратынский

Приманкой ласковых речей
Он обольстил — и не на шутку.
И томный взгляд его очей
В тот миг лишил меня рассудка!

Не знала я, что не одна
Его желанье ублажаю.
Любви натянута струна,
Но я совсем не унываю!

Пусть перед Богом я грешна,
Забыть его я не желаю.
В душе моей бурлит весна —
Живу, люблю и не скрываю!

Не открывай свою душу...

Когда в душе твоей тревога
Сжимает сердце, слёзы льёшь,
Твоей душе нужна подмога,
Ты от людей совета ждёшь!

Ты открываешь своё сердце,
Надеясь помощь получить.
Раскрыта настезь его дверца,
Готова всех в неё впустить!

Одни заходят с добротой,
Другие — с ядом на устах,
Смеются третьи за спиною,
И есть завистники в рядах...

Не открывай всем своё сердце
И тайной не делись своей.
На ключ закрой покрепче дверцу
И не впускай чужих людей!

Обида...

Не хочу дружить с Серёжкой:
Мне вчера подставил ножку.
Я упала, нос разбила,
Я обиду затаила...

Вечно дёргает за косы,
Маме делает доносы,
Что кормлю я кашей киску,
А сама жует ириску!

Вновь наказана я братом:
Я объелась шоколадом...
Отобрал мои конфеты
И заставил есть котлеты!

Есть противные котлеты,
Каши, разные омлеты...
Я их с детства не люблю,
Голодовку объявлю!

Я – совсем ещё малышка,
Не такая, как братишка:
Что ни день, за мной сюрпризы,
Слёзы горечи, капризы...

Толстуха!

Аллюзия на две строки:

*Я поправилась немножко,
Килограмм на пятьдесят.*

Я поправилась немножко,
Килограмм на пятьдесят!
Обожаю макаронки,
Булки, пышки, шоколад!

Телеса таких размеров!..
Мне не лезет ничего.
Отвернулись модельеры –
Нет размера моего!

Даже лучшие подружки
Не хотят дружить со мной,
А прохожие в испуге...
Все обходят стороной!

Ну и пусть, что я толстуха,
Всё равно я хороша!
Главное, не развалюха,
Очень добрая душа!

Прикуплю себе купальник
И поеду отдыхать,
Для души устрою праздник,
Жениха буду искать!

Маленькая модница!

Я собою занимаюсь:
Надо сделать педикюр,
Я всегда во всём стараюсь,
Не приветствую халтур!

Ножки просто загляденье,
Лак у мамочки взяла
И сама на удивленье
Ровным слоем нанесла!

Нанесла, но не на ногти,
А на пальцы и ступню...
Вся измазалась по локти,
Как промашку объясню?

Попыталась смыть водою
Лак, застывший на ногах.
Что я сделала с собою?
Были слёзки на щеках...

Мама плач мой услышала,
От беды меня спасла:
Лак отмыла, целовала.
Вновь я радость обрела!

Обойдусь без педикюра,
Слишком липкий этот лак!
Отвергаю процедуру:
Я красивая и так!

Лотерейный билет!

Вместо подарка, назло или нет,
Друг подарил лотерейный билет...
Нервы на взводе... К чему мне билет?
Я ожидала в подарок браслет!

Розыгрыш был... Проверяю... И вот:
Боже – удача! Срываю джекпот!
Сумма огромная, не унести,
Деньги лопатой буду грести!

Стану богатой, построю дворец
И обрету жениха наконец!
Пусть все от зависти смотрят мне вслед,
Кайф подарил лотерейный билет!

Блаженство...

Какое счастье в неге находиться,
Жить в мире грёз, не зная суеты...
И, встретив друга, намертво влюбиться,
Желанной быть в объятьях наготы!

Не ведать ни разлук и ни печали,
Жить безмятежно, горестям назло,
Чтобы сердца от счастья ликовали
И чувствовали нежности тепло!

Зимушка – фея!

(Децима)

Вся земля ковром одета,
Осень красками мила,
Наступают холода,
Вновь от нас уходит лето...
Листья в танце пируэта
Устилают землю в срок.
Скоро выпадет снежок,
Придёт зимушка к нам – Фея
И, морозами владея,
Выдаст тёпленький денёк!

Самооборона...

Аллюзия на две строки:

*Как-то шла домой с работы,
Вдруг навстречу мне маньяк!*

Как-то шла домой с работы,
Вдруг навстречу мне маньяк!
Надоели идиоты,
Быстро руки сжав в кулак,

Встала в позу каратиста,
Нанесла ему удар,
Отлупасила садиста,
Синяков набила в дар!

Значит, я не зря училась
Этим навыкам в боях:
Тренировка пригодилась
Мне сегодня впопыхах!

Природа дарит мне покой...

Прекрасны летние деньки,
Душой и телом отдыхаю.
Я не страдаю от тоски,
Уныньем сердце не терзаю!

Природа дарит мне покой,
Её цветенье восхищает,
Любуюсь нежной красотой,
Разлука больше не пугает.

Когда-то он дарил цветы,
Букеты роз – такая радость!
Вдруг сжѐг меж нами все мосты,
Ушёл к другой. Взгрустнула малость...

Нарву букет чудесных роз,
Вдохну их запах ароматный,
Чтобы спокойно мне спалось
И повстречался ненаглядный!

Любовь и разлука

Сборник стихотворений

В сборнике представлены красивые, трогательные стихи о любви и разлуке, глубоких переживаниях автора, о смысле жизни, лжи, предательстве и несправедливости. Без чувства любви не родилась бы поэзия. В книге Татьяны Голосовой каждый найдёт то стихотворение, которое наилучшим образом выразит его чувства, переживания, состояние души.

Твёрдый переплёт

160 страниц

ИННА ДЕМИНА

***

К нам ветер гнал седые тучи,
Сменяя в небе облака.
Блеснул последний солнца лучик,
И опустилась темнота.

Сверкнёт вдали, ударит где-то,
Спешит раскатом долгим гром,
И, как летящая комета,
Прочертит молния хвостом.

Склоняясь в танце величавом,
Поют деревья о своём,
Им вторит ветер, зарычал он,
Они отвесили поклон.

Ярится буря, пыль гоняя,
Вот-вот обрушится она —
И вот уж капля дождевая,
За ней вторая подошла.

И словно что-то там открыли:
Полился дождь сплошной стеной.
Дивится ветер его силе
И добавляет голос свой.

Гром прокатился, стихла буря,
Задышит свежестью земля,
И по асфальту мокрых улиц
Струится быстрая вода.

Раздвинув тучи на мгновенье,
Сверкнёт умытая луна,
И ночь задышит вдохновеньем
От пробежавшего дождя.

***

Не пробуждай во мне любви,
Ведь жизнь способна на безумства.
Своей любимой не зови,
Коль не испытываешь чувства.

В своей игре ты сам не свой,
Пусть страсти рвут тебя на части,
А все невзгоды и несчастья
Пускай обходят стороной.

Ты часть моей больной души,
Кусочек сна, что мучит сердце.
Мне без тебя не отогреться,
И ты исчезнуть не спеши.

Ты будишь сердце, греешь кровь
И, забывая в дни ненастья,
Всё так же рвёшь меня на части
И в жизнь мою зовёшь любовь.

Смахну горячую слезу,
Ведь без тебя жить не умею,
Но и позвать к себе не смею
И выживаю как могу...

***

Замелькаются беглые вёрсты,
Кружит голову яркая зелень.
Окна мажут кусты и берёзки,
За окном собирается темень.

Вечер розовым палит округу,
Гасит луч уходящее солнце.
Нас с тобой отделят друг от друга
Километры дорожных эмоций.

Время к ночи, в плацкарте зевают,
В суету заключают дорогу.
На столах подстаканники с чаем
Звоном полночь зовут понемногу.

За окном разливаются звёзды,
Пролетают ночные вокзалы.
И бессонница, друг мой серьёзный,
Три часа меня здесь развлекала.

Проводила под утро на полку
В тяжкой дрёме немного забыться.
Сны загадочно крутят без толку,
Манят далью знакомые лица.

Поезд всхлипнет, легонько толкая,
Я очнусь невпопад зрелым утром.
Новый день, все права забирая,
Пробуждается новым маршрутом.

***

А помнишь, летом – все окна настезь
И ночь цикадой уже стучится.
И ощущение тепла и счастья,
И до рассвета почти не спится.

И звездный шёпот и трели птички,
Луны огромной вдали сиянье.
И всё, что мучит, вдруг станет лишним,
Для нас на свете нет расстоянья.

В окне осеннем, стекла коснувшись,
Я мыслью в лето опять ныряю.
На день взгляну я, чуть улыбнувшись,
И снова где-то тебя встречаю...

***

Осень в Москве – золотые закаты,
Розовый вечер и серый рассвет,
Жёлтые парки, зелёные пятна
Елей, размашисто смóтрящих вверх.

Осень в Москве. Воровато синицы
В окна стучатся и требуют хлеб.
Зёрна в кормушке, и кошке не спится:
Хочется птичку поймать на обед.

Осень в Москве. Листья клён осыпает,
В хрусткий ковер завернулась земля.
Ветер срывает, шуршит, догоняет,
И листопадом зовётся игра.

Осень в Москве, и белёсою лентой
Ляжет на карту большая река.
Лижет гранит и волнуется где-то,
Бьётся волною о борт корабля.

Тянутся здания выше и выше,
Холодом веет ночная пора.
Осень в Москве, с каждым днём
всё неслышней
Ходит, свои заявляя права.

***

Я так хочу тебя обнять
И посидеть совсем немного.
Жизнь – бесконечная дорога,
Я не хочу тебя терять.

В твои глаза я загляну,
Они меня согреют светом.
И я теплом твоим одета,
Уже почти что не грущу.

Тебя коснуться хоть на миг...
Порою миг – как это много!
И снова вдаль нас мчит дорога,
И свет любовный – проводник.

***

Апрель полночи сыпал серебром,
Стучал в окно, плясал в остывших лужах.
Звенел ручьём, стекал с небес дождём,
Шептал о том, как ты мне очень нужен.

Меня тревожил шумною водой
И, сон жестоко ночью прерывая,
Вёл мысленно к тебе, вёл за собой,
Дорогой свои песни напевая.

Ты спишь давно, и твой десятый сон
Тебе подарит чуткое блаженство.
Стучит апрелю сердце в унисон,
Тебя зовёт любовь, а может, детство.

Так беззащитен, словно вновь дитя,
И, разметавшись сонно по подушке,
Ты спишь один, и нежно и любя
Тебя целую ласково в макушку.

А утром вдруг невольно вспомнишь сон,
И нежность губ, и ласку их касаний.
Апрель, стуча всю ночь к тебе дождём,
Частичку передал моих желаний.

***

Сегодня день такой шальной,
В лазурь и синь прольётся солнце.
И по Москве такой большой
Мне переулками бредётся.

Бесцельно улицей пройду,
Там в сквер зайду. Вздохну. А дальше
Во двор нечаянно сверну –
В уютный, старый, настоящий.

Найду остатки тишины
На шумных улицах столицы.
Приметы давней старины –
В стенах застрявшие страницы.

Коснусь истории рукой:
 Она в Москве повсюду дремлет.
 И на булыжной мостовой
 Услышу стук подков о землю.
     Я на скамейке посижу
     На старой площади Хитровской,
     Устало мысли разложу.
     Ах, как бы мне пройти побольше!
 Я не хочу пока домой.
 Меня с собою так и манят
 Узор той древней мостовой
 И тихий шум воспоминаний.

***

Обними меня сзади за плечи,
 Поцелуй меня ласково, милый.
 Равнодушие душу калечит –
 Одиночества вестник унылый.

Обними меня, милый, не бойся:
 Мне так легче и хочется рядом.
 В мои волосы носом заройся
 И, целуя, ласкай меня взглядом.

Обними меня хоть на минуту,
 Я оттаю, расправятся плечи.
 Отогреюсь и всё позабуду,
 Мне тепло твоё раны залечит.

Мне так холодно, милый, останься,
 Я прижмусь и душою, и телом.
 Обними, прошепчи мне: «Расстанься
 С одиночеством горьким и серым».

***

Мне кажется порой, что в тишине
 С уставшим сердцем меряюсь шагами.
 Под утро вспоминаешь обо мне
 То строками, то краткими словами.

Вторые сутки я не слышу звёзд,
 Всё делятся расстояния меж нами.
 Обронит ночь волнующий вопрос
 И растворится лёгкими стихами.

Настиг тревожный сон. Теперь одна
 С тобой, как прежде, вместе просыпаюсь.
 Нам на двоих горит луна, и я
 Под свет её тоскую и шатаюсь.

Дом как тюрьма, и дней круговорот
 В календаре чертою отмечаю.
 С утра начав бессмысленный полёт,
 К ночи опять приду почти другая.

В той суете пустых бездумных дней
 Мне сердце в тишине напоминает
 Твои шаги. И всё хочу сильнее
 Во сне обнять и утром не растаять.

***

Не надо меня трогать без любви,
 Улыбкой мне глаза не застилаи.
 Захочешь видеть – просто позови.
 Прошу лишь об одном – мной не играй.

Не надо сердце мучить просто так,
 Я знаю, многим нравится игра.
 Кому-то это будто бы пустяк,
 Но я наивно верю, как всегда.

Не надо говорить излишних фраз,
 С недавних пор мне не нужны слова.
 В них очень часто чувства напоказ,
 Безмолвно пусть докажут всё дела.

Не смейся над моею простотой,
 Открытостью в доверчивой душе.
 Я счастлива, когда живу тобой,
 И плачу после слов твоих: «Уже...»

Не надо меня трогать без любви,
 Напрасно сердце мне не разбивай.
 К тебе приду, ты только позови,
 Но попрошу – со мною не играй.

***

Запнётся дождь, утонет в луже,
 Иду смотрю в глаза прохожим.
 На миг застыну неуклюже
 В единстве разных непохожих.

    Скосится робко, глянет смело,
     Усмешкой будет или ядом,
     Скользнёт, лаская неумело, –
     Что прочитаю я за взглядом?

Проходят мимо, пробегают,
 Несутся вскользь на самокатах.
 Идут, мечтают и толкают,
 Грустят, торопятся куда-то.

Мелькают взгляды, блики чувства,
Сверкает суетою мысль.
В иных глазах бездонно пусто,
В иных слоями дремлет пыль.
К одним нырнёшь и понимаешь –
Перед тобою весь их мир!
А чаще просто ощущаешь
Бездумно брошенный пунктир...

***

Мне хочется вам что-то написать
И в письмах не спеша поговорить:
О долгом – я ответ устану ждать,
О кратком – голод мой не утолить.

Мне хочется прийти к вам под закат,
Усесться по-турецки на кровать
И, Франции вдыхая аромат,
Рассказам вашим вдумчиво внимать.

Мне хочется прижаться к вам плечом
И слушать сердца стук, смотреть в глаза.
Болтая обо всём и ни о чём,
Так просидеть до самого утра.

Мне хочется разлившимся теплом
Согреться и в ответ вас обнимать
И с первым нежным утренним лучом
Под голос ваш негромкий засыпать

***

Уж третий день идут дожди
И грозы ночью спать мешают.
Ты часто пишешь: «Приходи,
Я по тебе опять скучаю».

Нас днём всё время клонит в сон,
И кофе стынет в синей чашке.
Чугунных капель перезвон
По крышам бьёт сильнее и чаще.

Ты пишешь, холодно тебе,
Ругаешь этот дождь и слякоть,
На затуманенном стекле
Рисуешь пальцем солнца мягкость.

Ты в доме бродишь целый день,
Молчишь, скучаешь, что-то ищешь

И в суетную дребедень
Ныряешь за духовной пищей.

Намок под окнами твой сад,
А день смещается к закату.
Меня ты встретить будешь рад,
Ведь мы увидимся когда-то.

Я принесу тебе тепло,
Ведь дождь закончится со мною.
В объятий хрупкое стекло
Тебя поймаю и укрою

***

Ты знаешь, я простужена,
кружится голова,
По паркам мокнет лужами
осенняя пора.
Бульвар вздыхает гравием,
шуршит кругом листва,
И дождик не по правилам
играется с утра.

Пестрят зонтами улицы,
Садовое кольцо,
Дождь заставляет щуриться,
но это всё равно.
Тропинками, дорожками,
по парку через сквер
Спешу к тебе, хороший мой,
сквозь миллионы дел.

Играет ветер платицем,
ныряет под пальто,
И заставляет пятиться
летающее авто.
Трамвай гремит суставами,
звенит, искрит треща,
А воздух пахнет травами
и сыростью дождя.

Туманом даль завесится,
и спрячется Арбат.
Фонарь теплом засветится –
он поиграть бы рад.
Тут рядом фотографии.
История. Москва.
Вдруг стихнет шорох гравия –
я до тебя дошла...

***

Я плыву сегодня по теченью
Необычно медленной реки,
Подчиняясь плавности движенья,
Удивляясь лёгкости воды.

Я скольжу легко, листу подобно,
Не оставив ряби и следа,
И рукой ласкаю нежно волны,
Замечая тени у виска.

По краям белёдые кувшинки,
Надо мною неба синева.
И сверкают рыбки, словно льдинки,
Щекоча, касаются слегка.

Я лежу в воде, раскинув руки,
Широко распахнуты глаза.
Лес вокруг собой укроет звуки,
И во мне останется река.

***

О душе поём мы в душе,
А выходим — прячем голод.
Каждый день нам кто-то нужен,
А иначе тьма и холод.

Каждый день скользим по лицам:
Вдруг родное где-то рядом?
По ночам нам кто-то снится,
Заливая сердце ядом.

В суете толкаем в спину:
«Сторонись скорей, прохожий!»
Пробегаем часто мимо
Чьей-то жизни непохожей.

Вместо тёплого — чужое,
Вместо нежного — потёмки.
Крутит больно, душит, ноет —
Безысходности обломки.

Уникальные созданья —
Нет вокруг бы оглядеться,
Но пинаем мирозданье,
Разрывая в клочья сердце.

***

Хочу вина и запах хлеба
И день бездумный по полям.
Чтоб край земли терялся в небе
И лес задумчиво стоял.

Чтоб солнца свет лился рекою,
Слепил, желания даря.
И чтобы я была такою,
Какой не знаешь ты меня.

Я — счастья миг, я лёгкий всполох
В твоей ухабистой судьбе.
Я лёгкий бриз, я нежный голос —
Тот, что шептал тебе во сне.

Я пламень ночи. Ураганом
Тебя накрою и схвачу.
С тобой я та, которой стану,
И я такую быть хочу...

***

Погрустите со мной за компанию,
Я для грусти сыграю прелюдию.
Удостоите немногим вниманием,
Все мы люди, обычные люди.

Покусает меня беззастенчиво,
Жаркой пастью ли сердце отгрызано.
Я сегодня обычная женщина,
С равнодушием и капризами.

Погрустите со мной замечательно,
Поддержите объятыем компанию.
Погрустите, я буду признательна
За слова ваши и обещания.

Я тоской упиваюсь доверчиво,
Выпускаю на волю желания.
Прокричите мне: «Милая женщина,
Прекратите сейчас же страдания!»

Погрустите со мной так отчаянно,
Вы причина моя здесь и следствие.
Погрустите со мною нечаянно,
Прекратите во мне это бедствие.

***

Как бы мне хотелось здесь ходить,
Вместе с ним смеяться, целоваться,
О Москве ушедшей говорить,
Старыми домами восхищаться.

Я иду по улице живой
Мимо парков, скверов и акаций.
Мысли мои заняты Москвой
И местами, где могли встречаться.

Вот бульвар Никитский и Тверской,
Шум дорог у Знаменки, Арбатской.
Голубая линия метро –
Перекрестье памятных локаций.

В росчерках пунктиров и полос
Связь двоих не сможет оборваться.
И, куда бы поезд их ни вёз,
В мыслях она будет продолжаться.

Я иду – кружится голова,
Мысль не хочет с памятью расстаться.
Как мне дорога теперь Москва
И места, где мы могли встречаться!

***

Ты раньше мог мне говорить –
О чём, уж вспомнить не могу.
Колосья ржи – золотая нить,
Я в них иду, иду, иду.

Такие странные всё сны,
И что к чему, я не пойму.
Я за тобой иду во ржи,
Но не с тобой уже иду.

Мы где-то раньше разошлись,
Рукой я создаю волну.
Златая рожь – как будто жизнь,
И я одна сейчас иду.

***

Я погружаюсь в глубину,
Оттуда так прекрасно небо.
Я в ощущениях тону,
Стирая грань, где была, где небыль.

Уже почти достигнув дна,
В песке увязнув, утопаю,
И к солнцу тянется рука,
В воде за луч его хватаю.

Там так чудесен белый свет,
А тут внизу покой и зелень,
Почивших статуй силуэт
И кораблей разбитых бремя.

Здесь рыб мелькающих стада:
Едва заденут плавниками –
И мирно спящая трава
Колышет мертвыми цветами.

Окрест лишь только пустота
Да дно, изрытое волнами.
Вниз давит толщею вода,
Сминая что-то между нами.

Я погружаюсь в глубину,
Открыв глаза, раскинув руки.
Я в ощущениях тону,
Песка коснусь – и стихнут звуки.

ДОКТОР ЗАЙЦЕВА

ИСТОРИИ ДОКТОРА ЗУБИКА

Берёзка Зоя

Доктор Зубик
На прогулке.
Шёл он к лесу
Не спеша.
Встретил Мишку
В переулке,
Поболтали
По душам.

Смотрит вправо —
Всё спокойно.
Смотрит влево —
Лес кругом.
Слышит, кто-то
Беспокойно
Тихо плачет
Под кустом.

Повернулся —
Что за чудо!
А под кустиком
Росток,
И ему без
Солнца худо:
Не растёт
На нём листок.

Ну а рядом
Плачет Мышка.
Жалко деревце,
Увы!
Как же вырастет
Малышка
Здесь в тени
Среди травы?

Хватит даром
Тратить слезки,
Пригодится
Нам вода:
Пересадим
Ту берёзку,
И закончится
Беда!

Быстро-быстро
Доктор Зубик
Всех созвал
Своих друзей.
Взял лопату,
Снял халатик —
Вместе будет
Веселей.

Мышка место
Расчищает
На полянке,
Где ручей.
Доктор ямку
Углубляет —
Пересаживай
Скорей!

Пёсик землю
Разрыхляет,
Чтобы не было
Камней.
Котик лейкой
Поливает,
Чтоб росла
Она быстрее!

И друзья все
Так старались,
Что испачкались
В грязи.
Долго-долго
Отмывались —
Хорошо, ручей
Вблизи.

Нам, большим,
Совсем несложно
Просто мимо
Не пройти.
И помочь кому-то
Можно
Счастье в жизни
Обрести.

И теперь
Берёзка Зоя
Стала выше
В десять раз.
Дарит тень
В моменты зноя
Всем желающим
Сейчас.

ЕЛЕНА ЗАРЩИКОВА

Свет в окне

Там жизнь течёт неторопливо.
Рассвет неспешно настаёт.
Там сердцу моему всё мило.
Душа ликует и поёт.

В вечерний час там снег искрится
При тусклом свете фонаря
И, с неба падая, ложится
На необъятные поля.

Там тишина мне слух ласкает.
Морозный воздух давит грудь
И крепостью своей дурманит...
Там лес заснеженный вокруг.

Пойду знакомою дорогой
В ту сторону, где отчий дом.
В конце, замедлив шаг немного,
К часовне обращу свой взор.

Я не безгрешен, знаю это.
Но Бога об одном молю:
Горит пусть дольше ярким светом
Окно того, кого люблю.

На рассвете я к нему приду

На рассвете я к нему приду
По траве высокой и густой.
По колени ноги промочу
Ледяной бодрящею росой.

Фыркнет он, поникнув головой,
Мне как будто тихо говоря:
«Я скучал! Прижмись ко мне щекой»,
Но в глаза при этом не смотря.

Виновата, знаю, пред тобой...
Ты в обиде, вижу, на меня.
Проведу дрожащею рукой
Я по гриве резвого коня.

Прошепчу я на ухо ему:
«Ты прости меня, мой верный друг».
К его шее с нежностью прильну,
Ощущая ровный сердца стук.

Нас обнимет ветер полевой,
Разлохматит волосы мои,
Позовёт нас следом за собой
К берегам извилистой реки.

Оседлаю белого коня.
По земле копытом стукнет он
И поскачет, унося меня
Вдаль под крик взлетающих ворон.

Закат

Смеркалось. Розовело небо.
Кругом царила тишина.
Внутри груди моей теплело,
Но не от красного вина.

Закат – волшебное явление,
Отдушина печальных глаз!
Он для поэтов – вдохновение
И для души людской – экстаз.

Закаты в синем небосводе...
Похожих двух в природе нет.
Он то пурпурный, то багровый,
То выкрашен в лиловый цвет.

То жёлтым разольётся в небе,
То ярко-алым, словно кровь.
Любой закат великолепен!
Он – украшеньё вечеров.

Закат – пора любви и страсти
Для двух пылающих сердец.
Закат! Что может быть прекрасней?
«Рассвет!» – ответит мне мудрец...

СЕРГЕЙ КАЛАБУХИН

Обыватель

Не пасу я скот,
Даже не берусь.
Вожаком в народ
Тоже не гожусь.

Не горит во мне
Лидера огонь.
Эгоизм и лень —
Суть моя и бронь.

Не манит в окне
Дальняя звезда.
Неприятны мне
Рельсы, поезда.

И машин поток,
В море корабли
Ускоряют ток
Не моей крови.

Затонувший бриг
Иль зарытый клад
Всколыхнут на миг
Затхлый мой уклад.

Но не стоит, нет
Слёзы лить по мне.
Расскажу секрет:
Счастлив я вполне!

На любой вопрос
Точно, без прикрас,
Без соплей и слёз
Дам ответ я враз:

Как страной рулить,
Войны как вести,
Чужих жён любить,
Скот в горах пасти.

Не боюсь вранья.
Знаю всех и вся.
На таких, как я,
Держится земля!

29 сентября 2020 г.

Импортозамещение

Наемся мяса
С лучком и хреном.
Напьюсь я кваса,
Вот это — дело!
Долой овсянку
И виски с элем!
Прочь, англичанка,
И бар в отеле.
Девиц, красивой
Джувьетт Европы,
У нас в России
Хоть кушай попой!
Натура русская —
Хлеб-соль, отвага.
Душа не узкая,
И это — благо.
Получен нами
Урок жестокий.
Долой чужое!
Вернём истоки.

*Коломна,
30 августа 2022 г.*

КАТЕРИНА КАЛЮЖНАЯ

Рядовая ведьма и магия социальных сетей

Вы когда-нибудь пробовали зарегистрироваться в социальных сетях? Конечно, да. И как, получилось? Ну естественно. А вот я от века отстала. Не сильно, всего-то лет на двадцать пять. По нашим, ведьминным, меркам совсем ничего. Но... пора наверстывать.

Так-так... открываем «Фейсбук»... жмём «Зарегистрироваться»... входим... начинаем вносить информацию о себе...

Имя: Маргарита.

Фамилия: Колдунова.

Кажется, ничего сложного.

Дата рождения: 31 октября 16... м-да... а пропустить можно?

Родной город: Хлынов... Ой, он же теперь по-другому называется. А как? Вятка? Нет! Киров! Так и оставим.

Школа... но я же туда не ходила! Меня мама на дому грамоте учила. Утром приворотное зелье соседским кумушкам сварит, амулетик-другой зачарует, обед наколдует и кричит:

— Марфуша! — Да-да, при рождении мне такое имя выдали — долго думали, наверное. — Тебя что, водяной в болото уволок? Ты почему ещё за наукой не пришла? Ну-ка бегом в горицу, а то как в ступу посажу, как к лешим да кикиморам спроважу!

И ведь пару раз спровадила. Мне и одного хватило бы. Но для закрепления материала ещё разок полетать пришлось. Так что я, как сейчас, все сорок шесть букв старого алфавита помню.

И как же это написать? Домашнее обучение? Ну допустим.

Институт... хм... Изборский пансионат благородных ведьм, курс прикладного ведьмов-

ства под руководством магистра колдовских наук Аглаи Семёновны Стародуб.

Место работы: Столичное Ведьмино Управление.

Должность: рядовая ведьма...

А меня в комнате с белыми стенами не запрут? Я, конечно, замки зачарую, охране глаза отведу да домой уже через час вернусь. Но приключение так себе, средненькое, учитывая, как на нас, ведьм, транквилизаторы действуют. Как именно? Если кошку после валерианы видели, то сами догадаетесь.

Что же делать?

А посмотрю-ка я, как мои коллеги да подружки старинные из ситуации выходят. Как анкеты в социальных сетях заполняют. Не тащит ли их после этого на костёр толпа бесноватая? Не мнут ли под окнами бедняжек журналисты, чтобы интервью о приключениях взять? Не ругается ли на нерадивых сотрудников Митрофанушка, наш столичный управитель, за то, что те секретность нарушают да тайны великие всему миру рассказывают?

Ух ты! Гляньте только! Василиска-то, наша старшая ведьма, оказывается, романы про любовь пишет... А я и не знала... Это она, наверное, на работе насмотрелась, как наивные девчонки в вампиров влюбляются, вот и решила попробовать, опытом, так сказать, поделиться.

А Надька, вон, не только боевой маг первой ступени, но и фотомодель: с каким-то там агентством сотрудничает, в экстремальных местах съёмки проводит. В экстремальных — это в каких? В гномьих шахтах, что ли? Или в пустынях, где ламий побольше? Непонятно...

Ой, и Машка, наша секретарша, модным дизайнером заделалась, торговый дом в Москве открыла. «Одену любого демона, как ангела». Она что, и правда так может? Спрошу на досуге...

Нинка, специалист Ведьминого Управления по зачистке заколдованных зон, по совместительству еще и психолог, проводит освидетельствование преступников. М-да... это теперь так называется? Поймал зомбака, освидетельствовал, стоишь и думаешь: отправлять в адское пекло или обождать, пусть по центру столицы ещё денек-другой погуляет, докажет, что мозги кушает исключительно вменяемым способом?

А это кто? Верка? Кикимора? Нет, вы не подумайте чего, я не сплетничаю. Она действительно кикимора. И какая! Мы с ней году эдак в 1870-м на болотах под Клином такую вечеринку закатали – все инкубы закачались да пощады запросили. Мол, мы всё неправильно поняли, у них от такого количества любви колики случаются. А почему у неё фото с нашим Митрофанушкой? Стоят в обнимку, и подпись: «Единственный». Единственный кто? Проверяющий лицензию на право жития-бытия в бедовых квартирах? Ой, что-то я совсем запуталась.

Ну девчонки! Ну талантищи! А я что, хуже? Всю жизнь рядовой ведьмой подвизаюсь. Только нечисть и умею гонять. Как-то стыдно даже. А что, если...

Пальчики забегали по клавиатуре.

Имя: Маргарита

Фамилия: Колдунова

Дата рождения: 31 октября 1999 года

Родной город: Нью-Йорк

Живу: в Москве

Школа: пансион Росс, Ист-Хэмптон

Институт: Колумбийский университет

Место работы: Управляющая компания «Чародеи»

Должность: специалист по связям с общественностью.

А что? И не соврала почти. Ну разве что немного приукрасила. Чем, собственно, Нью-Йорк от моего родного Хлынова отличается? Ну, размерами... чуть-чуть. А уж мамка мне науку всякую преподавала лучше, чем в любом частном пансионе, тут и говорить не о чем. Да, не училась в Колумбии, зато по связям с общественностью, особенно сверхъестественной, я настоящий ас. Кто тут на досуге купальщикам в Серебряном бору объяснял, что никаких русалок они не видели? А эти голые, с хвостами? Так просто нудисты костю-

мированную вечеринку устроили. Кто? Кто? Маргоша – рядовая ведьма! Кто бабушкам в Измайлово доказывал, что их деды вовсе не вернулись с того света, глядя на приключения овдовевших женушек? А те упыри, что к ним в квартиры ломались – это всего лишь студенты химфака? Они к сессии готовились да неправильно пропорцию водки к пиву высчитали. Кто? Кто? Маргоша – рядовая ведьма! И, главное, про компанию ни слова неправды не написала. У нас там сплошные чародеи, куда ни глянь, работают, пусть некоторые из них психологами да фотомоделями на досуге подвизаются.

Вот теперь и я не хуже других. Маргоша, рядовая ведьма, наконец, в «Фейсбуке». Ну, не чудо ли? Не знаю, как вы, но я большего волшебства за всю свою жизнь не видела. Куда уж тут чарам по управлению погодой или ритуалам по вызову духов с такой магией тягаться! Даже заклятий знать не надо. Нажмёшь пару кнопок – и преобразование! Кем хочешь, тем и стал. Пять минут – и готово. Никаких проблем.

Ох, что-то я тут с вами засиделась, друзья-коллеги! Пойду, пока вы тут романы пишете да инопланетянам справки о психическом здоровье онлайн выдаёте, пару бесов изгоню. Заодно подумаю, кем бы завтра стать. Может, актрисой? Или доктором заделаться? Ну, утро вечера мудренее. Глядишь, вообще на Мальдивах проснусь. Почему нет? «Фейсбук» и не на такое способен. А пока дела насущные поджимают, сами понимаете. Не всех бесов подружки уже подлечили и в ангелов нарядили – не успели, наверное. Придётся по старинке избавляться – пентаграммы чертить, заклятия читать, святой водой плескаться... А заодно пару фоток сделаю, завтра мемчик про нечистую силу выложу. Ох, обхохочетесь! Обещаю!

АНДРЕЙ КЛЫПИН

Благодарность

Шёл май 1941 года. Военный лётчик, старший лейтенант Егор Карасёв, спешил к семье, которую не видел несколько месяцев. Служба...

Вообще, семья жила в Москве, но перед его возвращением жена с двумя детьми приехала на лето в деревню под Клином к своим родителям. Туда и лежала дорога.

Добравшись от Клина на попутке до города Высоковска, Егор пошёл напрямую в деревню, дорога вела через поля и лес. Что для тридцатилетнего офицера десять километров, да ещё при хорошей погоде? Пройдя полевой тропинке и минуя лежащую на пути деревеньку, дорога, наезженная телегами, привела в лес. Путь был знаком до мелочей. Дорога раздвигала чащу. Егор, поглощённый мыслями о встрече с семьёй, шёл бодро, периодически перекидывая солдатский вещевой мешок с подарками с одного плеча на другое.

Единственным неудобством было то, что на правом плече ляжки вещевого мешка задевали портупею или сам мешок давил на кобуру с пистолетом. Егор остановился. Вдруг откуда-то из придорожных кустов выскочила здоровенная собака. Это произошло как раз в тот момент, когда Егор положил вещевой мешок на землю и принялся поправлять ремень и портупею. Собака с такой стремительностью подбежала к нему, поставив передние лапы на грудь так, что её пасть оказалась на уровне лица, что он, как говорится, не успел и глазом моргнуть. Это продолжалось пару секунд. В следующее мгновение собака улеглась поперёк дороги у ног Егора, который пребывал в оцепенении, но при этом её круглые большие глазищи были устремлены на него, как бы изучая его реакцию. Рука потянулась к кобуре. Собака продолжала лежать без признаков агрессивности, но при движении руки

Егора как-то напряглась. Егор приходил в себя, но что делать и как себя вести дальше, он не представлял.

Кобуру он на всякий случай расстегнул, не делая резких движений, взял левой рукой вещевой мешок и со словами: «Фу!», «На место!», «Уходи!» – хотел двинуться вперёд, но собака, встав поперёк дороги, не дала ему это сделать. Испуг прошёл, но страх остался. Егор заговорил с собакой: «Ты чего? Ну-ка уходи!» Но та стояла, мешая его движению вперёд по дороге, препятствуя всем попыткам обойти её. «Чего ты хочешь?» – заговорил он и в очередной раз предпринял попытку идти. Так продолжалось около пяти-семи минут. Когда Егор попытался обойти собаку, сойдя с дороги, он столкнулся с тем, что она упорно не давала двигаться по дороге, но не препятствовала движению влево от дороги в лес. В какой-то момент Егор это понял и на несколько метров от дороги углубился в лес. Псина шла правее, чуть впереди, и, как ему показалось, призывно оглядывалась, словно звала за собой. А Егору вдруг показалось, что он услышал обращённое к нему «Пойдём, пойдём». Будто это шептал ему кто-то неведомый и незримый, но очень отчётливо.

Дважды он разворачивается к дороге, и оба раза ему с проворностью молнии путь был преграждён тем же способом, что и на дороге. Метров через пятнадцать до его слуха доносилось не то скуление, не то попискивание. Сначала он подумал, что почудилось, и уже хотел достать из открытой кобуры оружие, чтобы напугать собаку и прогнать выстрелом из пистолета, но звуки повторились. Доносились эти звуки из-под валежника. Егор хотел было подойти ближе и откинуть сухие ветки, но собака преградила ему путь. Как оказалось чуть позже, не напрасно: ветки лежали так, что наступил он на них, то моментально свалился бы в глубокую яму. Скуление усилилось; теперь он явственно слышал, что доносилось оно из глубины валежника. Медленно и осторожно Егор приблизился к куче сухих веток и, откинув часть их, понял всё происходящее. На дне глубокой ямы шевелились два серых комочка и издавали звуки, которые и помогли их обнаружить. Собака стояла невдалеке и пристально наблюдала за каждым движением человека.

Егор нашёл ствол поваленной сучковатой ёлки, взял её и начал бить ею о рядом стоящее дерево, обламывая сучки и проверяя ствол этой ёлки на прочность. Собака сперва насторожилась, но потом вернулась в прежнее состояние наблюдения за человеком, который раскидал ветки и разглядывал яму, на дне которой лежали два серых комочка. Яма была глубокой, с обрывистыми краями: видно, давно вырыта.

Егор опустил ствол ели на дно ямы, снял ремень с кобурой и портупеей, гимнастёрку, высыпал содержимое вещевого мешка на землю, свернул его и стал спускаться по подготовленному приспособлению в яму. На дне замерли два щенка. Ухватив одного за шкуру, Егор запихнул его в мешок, то же самое он проделал со вторым щенком. Вылезти наверх с мешком в руке, хоть и не тяжёлым, было делом непростым. Карабкаясь по стволу, послужившему ему лестницей, он несколько раз перевешивал вещевого мешок с сучка на сучок. Наконец выбрался, подтянув к себе вещевого мешок, развязал его и вытряхнул перед собакой кутят. Собака улеглась, а щенята, почувствовав молоко, быстро нашли его источник и жадно начали утолять голод.

Егор оделся, вернул в вещевого мешок его содержимое, застегнул ремень с кобурой и портупеей, закинул мешок на плечо. Взглянул на собаку, кормящую щенков, и, сказав: «Ну что, теперь ты меня отпускаешь? Ладно, бывай», вернулся на дорогу и продолжил путь.

Придя в деревню, после бурной радости детей и жены Егор тепло поздоровался с её родителями. Вечером за столом он поведал тестю о произошедшем. Тот задумался: всё рассказанное было необычно. А более всего смущало то, что собак бездомных не бывает — по крайней мере, в этих местах. Когда же Егор описал, как собака выглядела, тесть сказал, что очень напоминает она по описанию волчицу.

Через месяц началась война. В небе блокадного Ленинграда самолёт, в составе экипажа которого был старший лейтенант Егор Карасёв, был подбит в воздушном бою. Раненого офицера товарищи вынесли с нейтральной полосы в расположение наших войск. Потом были газовая гангрена, ампутация ноги, госпи-

таль в блокадном городе и эвакуация. Долгий путь лечения, восстановления и обучение передвижению на костылях. Были кровавые мозоли на руках и под мышками.

Егор Карасёв, лишившись в результате ранения ноги, тяжело переживал вынужденное безделье. В тоске по небу вырезал из дерева ножом игрушечные самолёты и раздавал их детворе. Война продолжалась.

В один из дней 1943 года взял перьевую ручку дочери и написал письмо маршалу Клименту Ефремовичу Ворошилову, с которым в довоенное время судьба сводила несколько раз. Изложил в письме этапы прошлой службы: Забайкалье в тридцатых годах, Халхин-Гол, озеро Хасан, финская. Поведал о последнем своём воздушном бое в небе Ленинграда, о пребывании в госпитале в блокадном городе, напомнил обстоятельства встреч с маршалом на авиационном заводе, где испытывал самолёты. Спрашивал: неужели с потерей ноги жизнь его кончена и он не нужен стране? Просил об одном — дать возможность служить. И — о чудо! К нему в квартиру в городке, который носил имя летчика Кастанаяева, прибывший офицер привёз документ, в котором Егору предписывалось прибыть для дальнейшего прохождения службы в составе военного представительства того авиационного завода, где он проходил службу лётчиком до начала войны.

И служба продолжилась. От дома до трамвая каждое утро шёл на костылях одноногий человек в капитанской форме. Вагоновожатые всех трёх трамвайных маршрутов и их пассажиры, рабочие авиационного завода, терпеливо ждали, когда этот военный, подтянувшись на руках, поднимется по ступенькам у передней двери и встанет рядом с вагоновожатым. Капитан проезжал несколько остановок до конечного трамвайного кольца, находившегося вблизи заводских проходных, и шёл к ним, опираясь на костыли и выбрасывая вперёд единственную ногу в блестящем сапоге.

Лето 1946 года. Отгремела война. Друзья-лётчики привезли Егору из Киева трицикл К1-Б «Киевлянин». Это лёгкий мотоцикл на трёх колёсах производства Киевского мото-

циклетного завода. Теперь офицер от дома до завода ездил на этом транспортном средстве.

И вот он едет на трицикле в деревню, что находится в десяти километрах от города Высоковска Клинского района, куда на лето жена отвезла двух его дочек.

Сразу за Высоковским шоссе путь преградила траншея, а надпись указывала направление объезда. До деревни получалось дополнительных пятьдесят километров.

Егор до войны пешком ходил от Высоковска до деревни по просёлочной дороге. Телеги там ездили. Но то было раньше. А как сейчас? Но выбора не оставалось. Решил рискнуть.

Вспомнил, как шёл этим путем накануне войны. Вспомнил странную встречу не то с собакой, не то с волчицей. Усмехнулся про себя.

Вот и поле проехал. Похоже, что решение правильное. Было очевидно: телеги здесь ездили. Это вселило уверенность.

Но надо торопиться: день клонился к вечеру, Егор рассчитывал до темноты успеть.

Въехал в лес, дорога пошла под уклон, и перед ним появился обвалившийся мост через небольшую речушку. По следам было видно, что телеги преодолевали это водное препятствие, а вот как поступить ему на его трицикле? Судя по следам в жиже, даже для телег это было явно не на раз-два. Но и пути назад уже тоже не было: развернуться здесь самостоятельно не представлялось возможным. Отсутствие одной ноги не позволяло Егору повернуть в обратную сторону. Подходить близко к воде тоже нельзя: увязни костыли в береговой жиже, и он вообще был бы обречён на беспомощность.

Охватило ли его отчаяние? Нельзя сказать: он всю жизнь боролся именно за жизнь. Стенело. Егор прикинул, как далеко до ближайших домов идти по темноте на костылях... Нет, нельзя. Решил ждать утра. Там видно будет. Сел в мягкое кресло своего мотосредства, достал из испытанного вещевого мешка плащ-палатку, укрылся по шею. Мысли сменяли друг дружку. Задремал.

Проснулся не то от холода и сырости, не то оттого, что сознание отметило какое-то движение вблизи него, хотя тишину леса ничто не нарушало.

Открыл глаза, уселся поудобнее. Тело затекло и ныло.

В ночи была видна от чего-то поблескивающая вода, небо было чистое, звёздное, но луну он не увидел. Егор взял костыли, которые, сложенные парой, лежали рядом, опёрся на них и встал. Немного подвигался, походя туда-сюда, согреваясь, выкурил папиросу и начал усаживаться. Как только ему это удалось, он увидел в нескольких метрах от себя несколько теней, а повернув голову, обнаружил ещё несколько теней с другой стороны. Сомнений не было – волки. Они бесшумно полукругом охватили то место, где он находился. В груди похолодело. Страх от беспомощности пробежал по телу. Волки, расположившись полукругом на некотором удалении, застыли. Егор насчитал не менее восьми волчьих силуэтов. От полукруга медленно отделился один волк и медленно стал подходить к трициклу. Встать без помощи костылей Егор не мог и с ужасом наблюдал за приближающимся волком, позади которого, так же медленно отделившись от остальных, двигались ещё два хищника.

Первый волк, дойдя до подножки трицикла, в которую упиралась единственная нога Егора, остановился и улёгся рядом. Из-за верхушек деревьев показалась луна. Теперь в её свете он видел большие волчьи глаза. В тот момент, когда волк улёгся, страх Егора куда-то пропал. Начала работать мысль, и он видел, как два других волка, дойдя до лежащего у ноги Егора первого волка, развернулись и легли немного сзади – таким образом, что головы их были обращены к оставшимся собратьям.

Прошли ли несколько минут или целые часы, Егор потом вспомнить не мог, время как будто оборвалось и куда-то исчезло в ту ночь. Когда начало светать, волчьи силуэты, всё это время неподвижно находившиеся на удалении, начали растворяться в предрассветной дымке среди деревьев. Ушли все, кроме трёх ближайших. Но вот и тот из волков, что лежал у ноги Егора, встал, затем встали и два других волка, и все трое пошли в чашу леса. Один из волков впереди, остальные чуть сзади.

Когда рассвело, возница колхозной телеги с людьми и бидонами для молока увидел на лесной дороге у речного брода стоящего у трёхколесного мотосредства, опирающегося на костыли одноногого человека.

Всё моё ношу с собой...

Всё моё ношу с собой:
 Чувства, трепеты и вздохи,
 Хлопоты наперебой,
 Мысли – хороши иль плохи,
 Их ношу всегда с собой,
 А ещё – тревоги крохи.

Всё моё ношу с собой:
 Грусти, боль, порою слезы,
 Страсть, текущую рекой,
 Иногда – курьёзы,
 Радость, бьющую волной,
 С ней – мечты и грёзы.

Всё моё ношу с собой:
 Совесть, стыд, земные страхи,
 Память жизни вразнобой
 И иные охи-ахи,
 Мной не найденный покой
 И судьбы замахи.

Всё моё ношу с собой:
 Тайны, промахи и взлёты,
 Всё, что стало мне судьбой,
 И её начёты,
 В ней – большой и малый сбой
 И от счастливых сладких мёды.
 Всё моё ношу с собой
 И в придачу даже годы.

Посвящение Мысли...

Хлещут цифры меня по волосу,
 Доза капает каждый год.
 И порою меняю полосу –
 С чёрной в белую жизнь несёт.

Мысль и шаркает, и волнуется,
 Да бежит – не даёт вздохнуть,
 В мире разному адресуется:
 Достаются то сливки, то муть...

Зачерпнула сегодня светлое,
 Уладила души искус,
 Зачеркнула плохое, утлое,
 Суетливости сбросив груз.

Ой ты, Мысль моя драгоценная,
 Бьёшься памятью да тоской,
 Ты живёшь во мне, вожденная,
 Страсть огромная – непокой.

В одержимости страдаешь вечности,
 И строка поглощает её,
 Нету места в ней для беспечности,
 Неприемлемо ей враньё.

Ух ты, Мысль моя разлюбезная,
 То мечтою ты, то укорами,
 То во здравие, то болезная
 Разлетаешься, словно спорами.

И тобою полна Вселенная,
 Давишь тяжестью неподъёмною.
 И частенько ты – сокровенная,
 Существо твоё – неуёмное.

Ждёт меня мной не пройденный путь...

Ждёт меня мной не пройденный путь,
 Ждут дороги, что я не изведаль,
 А дела говорят: «Не забудь...
 Ты не всё, что хотел, переделал».

Шепчет завтра: «Знакомься со мною»,
 И мигает звезда с высоты,
 Ей я тайны, конечно, открою,
 В это завтра я кину мосты.

Меня стих ненаписанный манит,
 Увлекая своей новизной.
 Обнажая пустые скрижали,
 Я заполню их мыслью живой.

Мои крылья, как ветер, в полёте –
 Не устанут по жизни парить,
 И душа в непрерывной заботе
 Будет с миром стихом говорить.

Меня ждёт то большое далёко,
 Где тревоги и тайны живут,
 Ожидает меня ещё много,
 Пусть дороги и дальше зовут.

Гладят пальцы мне нежно волосы...

Гладят пальцы мне нежно волосы,
Шепчут губы: «Поспи-поспи».
Засыпаю, и чьи-то образы
Весть несут о твоей любви.

Положив на колени голову,
Погружён я в спокойный сон.
Так летит душа моя голубем:
Ты же рядом, а я влюблён.

Усмирённый я милой нежностью,
Всё безоблачно в моём сне,
И свою безумной грешностью
На огонь я лечу к тебе,

Где Вселенная вся уменьшилась
До размера твоих колен,
А душа моя здесь утешилась
И в прекрасный попала плен.

Тут желаю я быть укутанным
В покрывало из нежных чувств,
На коленочках убаюканным
Самым лучшим из всех искусств.

Рейнкарнация

Покинув тело, перешла душа
В другое существо живое
И, прошлое незримо вороша,
Иной становится собою.

В движении вечном пребывает суть
И так течет от жизни к жизни,
Чтоб в новой плоти вновь и вновь дерзнуть
Назло случайной укоризне.

Нет, не дано сознанием познать,
Что было «до», что будет «после»,
И лишь по снам возможность есть гадать,
Что были прошлые ремёсла.

Как птица Феникс, вечная она,
Всё в этом мире персть немая.
Увянет тело, но горит душа,
По воле божьей процветая.

Каплями рисует дождь по нашему стеклу...

Каплями рисует дождь по нашему стеклу,
И порывисто машет ветками ветер,
Дворник листья считает, обнимая метлу,
Это осень пришла — я только заметил.

Мутит грустные мысли без солнца природа,
Зонтик, даже большой, не поможет от них,
Без тепла в чувствах наших теряется что-то,
Словно кто-то нас в мире оставил одних.

Кот идёт по сырому двору деловито,
А ворона угрюмо взирает с ветвей,
Здесь округа дождями беспечно полита,
Помещается осень вся разная в ней.

В эту грустную пору лишь бодрые дети
Не впадают с унывшей природой в хандру,
Словно лучики солнца, улыбками светят,
Измеряя сапожками луж глубину.

Как мечутся руки по телу...

Как мечутся руки по телу,
Ласкают и бедра, и грудь,
Все чувства стремятся к пределу,
Чтоб в миг наслажденья сверкнуть.

А в шёпоте слов наважденье,
Рассудок растаял в тебе,
Приходит ко мне откровение,
Что ты — это радость в судьбе.

Нам в блеске совместных желаний
Купаться сегодня дано,
Не нужно нам слов покаяний,
Мы ждали всё это давно.

И в трепете сладостных ветров
Мы с жадностью кружим вдвоём,
Друг другу вверяемся щедро
И радость любви познаём.

СВЕТЛАНА КОППЕЛ-КОВТУН

Где твоя кротость, Баран?

Сказка

Упрекал Волк Барана:

— Ну что ты на меня вечно с рогами прёшь?!

Ты же баран, в тебе живёт благодущная овца, тебя в образец кротости возводят. Где твоя кротость, Баран?

Баран молча сопел и пристально следил за Волком умом, глазами и рогами.

— Ой, беда с тобой, Баран! — не сдавался волк. — Отсталый ты какой-то. Времена другие настали, добрые, а ты и не в курсе. Теперь волки и бараны братьями стали, дружат вовсю, только я, горемычный, с тобой маюсь. А ведь мне одиноко, Баран! У меня же тоже душа есть.

Глупый Баран прислушался к речам лукавого Волка, но рога свои не отвёл — не верил рогами. Вот только сердце его баранье обмякло. Стал Баран в голове и так и эдак вертеть мысль о дружбе с волками. С какой стороны ни посмотришь — хорошо. Выходило, что он один, Баран, стоит помехой на пути всеобщего счастья.

Устыдился Баран и решил спилить свои рога, чтоб они его не искушали. Эту почётную миссию он поручил пострадавшему от рогов Волку. А тот и рад: спилил рога вместе с головой — для надёжности. Эти бараны такие непредсказуемые...

8 мая 2017 г.

Эрата

Сказка

— Эрата¹, милая Эрата! — так звал он её всякий раз, когда чувствовал себя одиноким. Она была его феей, его музой, его возлюбленной.

Он скучал по ней, как скучают по свету. Он томился собой, когда её не было рядом. И она чувствовала, что нужна ему, потому старалась быть с ним как можно дольше и как можно чаще.

Он гладил её волосы, вдыхал аромат вплетённых в них роз, и тоска, мучившая его уже многие годы, бесследно уходила. Они подолгу болтали ни о чём, обнявшись, и не могли нарадоваться друг другу. Он пил её дыхание, пил её музыку, пил её аромат, а затем садился за стол и писал.

Он был сочинителем, она же звала его просто Милый.

— Милый, мне пора! — говорила она, прижимая к груди свою лиру, когда оставляла его. А он глядел на неё глазами, полными слез, ибо знал — по первому зову она приходит не всегда. А он не любил оставаться наедине с собой: когда он оставался один, к нему приходили кошмары — дикие, необузданные, жестокие. Он терзался ими и потому боялся их.

Она была его спасением. Чистый звук её божественной лиры разгонял мрак и изгонял призраков. Она была необходима ему, и потому однажды он взмолился:

— Не уходи никуда, пожалуйста! Останься со мной навсегда, иначе я просто сойду с ума. Дни, когда я жду тебя, становятся всё более невыносимыми. Я люблю тебя так сильно, как, кажется, не способен любить ни один мужчина на свете. Стань моей и только моей. Будь мне женой, а не просто музой.

И она согласилась, если только позволит Творец.

***

Но Творец был против.

— Ни в коем случае! — сказал Он. — Ты же муза, а потому мало что смыслишь в жизни людей! Тебе будет одиноко... Кроме того, ты создана из очень тонкого вещества, потому тебя будет всякий раз сносить ветром во время прогулок по городу. Ты же не умеешь хо-

¹ Имя героини происходит от Эратó (греч. Ἐρατώ, лат. Eratō) — муза любовной поэзии; персонаж древнегреческих мифов, популярный образ и символ в искусстве. Имя этой Музы происходит от имени Эроса, бога любви. Она умеет вдохнуть в душу любовь ко всему живущему, своим искусством преображает всё в красоту, скрывающуюся за пределами физического.

дить по земле! Неужели ты хочешь распугать всех людей, летая по воздуху?

— Я научусь: Ты мне в этом поможешь! А чтобы меня не сносило ветром во время прогулок, сделай мои ноги более увесистыми — Ты же можешь!

Эрата смотрела Творцу прямо в глаза: без вызова, но всем своим видом показывая, что она не отступится. А Он все искал подходящие слова, чтобы отговорить её, но не находил. Полюбив, она уже превратилась в земную женщину, живущую своей любовью и жаждущую жертвовать собой и своим ради любимого. Выбор уже был сделан. Так Эрата стала женой Сочинителя.

Творец, как она и просила, утяжелил её, увеличив стопы, насколько это было возможно. Эрата, вопреки привычным стандартам, стала девушкой с немаленькими ножками. Правда, и это не всегда помогало. Воздушная и хрупкая, нередко она всё равно взлетала, но супруг, крепко сжимавший её руку в своей, уверенным движением быстро возвращал её на землю. Это несколько напрягало окружающих. Ну и что с того? Влюблённым было достаточно самих себя.

***

Как и раньше, они практически не расставались, но он всё реже садился вместе с ней за письменный стол и всё реже гладил, любуясь, её локоны. Они по-прежнему много болтали, но он уже не пьянел от запаха вплетённых в её волосы роз. Он привык к её аромату и уже почти не замечал её благоухания. Он всё ещё любил её, всё ещё дышал ею, но уже не вслушивался в неповторимую музыку её души. Чудесная лира пела в ней, как и прежде, но он не слышал её.

— Лира, моя лира! Творец вложил её в моё сердце, чтобы я могла вдохновлять тебя. Но ты стал равнодушен к моей музыке! Мои розы вянут. Мои жизненные силы иссякают. Я скоро совсем забуду свою песню... Ты не любишь меня? — спросила она однажды, заливаясь слезами.

Но он не расслышал её голоса. В тот момент она парила над ним в воздухе, а он сосредоточенно обдумывал очередное своё произведение. Он не ответил. Усилием воли Эрата опустилась на пол и присела на стул рядом с возлюбленным.

— А, это ты, дорогая?! Принеси, пожалуйста, чашечку чая, что-то я туго соображаю...

Она послушно побрела на кухню, чтобы дать то, чего от неё ждал он.

***

Шли годы. Лира в душе Эраты звучала всё реже. Ей не хотелось петь только ради себя, а возлюбленный всё время искал чего-то вдали, искал иные голоса. И порой ему казалось, что он их слышит. Грёзы сменялись грёзами, а в комнате иногда пахло чужими розами...

И обратилась к Творцу Эрата, попросила избавить её от одиночества. Когда же Творец напомнил ей, что она сама желала такой участи, Эрата взбунтовалась:

— Я хотела любить и быть любимой! Но он всё время бегаёт за призраками. Он любил меня, пока я была недостижима, пока я могла уйти и уходила. Он не умеет любить, он только мечтает о любви. Мечтать для него важнее, чем любить.

Творец смотрел на неё молча. Он сострадал её горю, но не мог помочь. К Его голосу Сочинитель был так же глух, как и к её пению. Но Творец услышал Эрату, и этого оказалось достаточно, чтобы она утешилась, приняв решение бороться за свою любовь до конца.

***

Она пела ему нежно и трепетно, как никогда. Он купался в океане её голоса с раннего утра до поздней ночи. Он настолько напился её благоуханием, что в его волосах тоже расцвело несколько маленьких розочек. Но он не замечал ни их, ни её.

Сочинитель теперь был занят только собой. Постоянная близость Эраты докучала и даже раздражала его. Он искал уединения, чтобы без помех предаваться своим грёзам. В конце концов он совершенно отверг любовь Эраты и в один осенний вечер попросил её уйти.

И тогда грянул гром, и среди осени сверкнула молния. Это взорвалось сердце бедной музы. В горе она бросилась к морю, желая утопить в его волнах свои боль и злость. Но Эрата была не просто женщиной и потому не утонула, а стала Сиреной. В один миг её немаленькие ножки превратились в увесистые птичьи лапы и шикарный хвост, а грациозные руки взметнулись в небо крыльями.

И полетел ввысь её голос, чтобы разить красотой мужские сердца.

Да, теперь она заманивает сластолюбивых мужчин своим чарующим пением только затем, чтобы погубить. Такова её месть бессердечному Сочинителю, который, по её мнению, живёт в каждом мужчине.

19 августа 2010 г.

Люди — существа сказочные

Люди — существа сказочные; всякий человек таков, как он есть, в зависимости от сказки, в которую верит, от сказки, которую он сам себе рассказывает: о себе, о мире, о соседе, о кошке... о небе. Люди живут в пространстве, создаваемом их сказками о себе, потому надо быть очень внимательными к своим сказкам.

Сказкой можно созидать и разрушать, оживать и убивать.

О силе влияния сказки люди знали всегда, но не подозревали, до какой степени сильна в них сказка. Они долго верили в свои представления о фактах как в факты. Но постмодерн отрезвляет нас: мы теперь имеем дело с постреальностью и постфактами и потому понимаем, что все наши факты — лишь толкования фактов. Наука — не исключение. Наоборот, она становится всё более сказочной, накапливая нечеловекомерное количество фактажа, которое человек не в состоянии охватить умом, увидеть целостно, а значит понять. Иллюзия многознания пленяет нецелостные умы, потому стоит вспомнить одну из апорий древнегреческого философа Зенона — «Ахиллес и черепаха». В ней сокрыта очень нужная нам сегодня мудрость. Истина недостижима для дробного знания, которое ради познания дробит реальность на всё более мелкие фрагменты. Дробить можно бесконечно, утрачивая всякую взаимосвязь между фрагментами — их становится слишком много.

Нынешняя наука и есть тот самый Ахиллес, который не в состоянии догнать черепаху (истину). Квантовая физика подсказывает этому Ахиллесу, что в том мире, где всё очень и очень маленькое, куда мы приходим, разру-

шая и дробя, работают совсем другие правила игры — законы. Там другая сказка живёт — не наша, ибо она не для людей, а для более мелких элементов реальности. Им, этим самым элементам, тоже нужна сказка — чтобы быть собой. Влезая в те, не наши, миры, мы местами ломаем и перевираем те сказки, что предназначены Творцом для «жителей» квантовых миров — чтобы эксплуатировать их по своему усмотрению. Чем это закончится? Очевидно, если верные сказки будут забыты, утрачены, мир разрушится. А чтобы сохранить их, хотя бы для памяти, нужно их, как минимум, знать. Однако все эти сказки известны только Богу, человек даже свои собственные сказки, предназначенные Творцом для него, не вполне знает. Что же он может знать о тех, иных? Да, некоторые «буквы» всеобщего алфавита разгаданы, но ведь даже знание всего алфавита не равно знанию сказки, тем более что сказок — их бесконечно много, все они увязаны Автором в Одну Большую Сказку, которая суть Мысль Бога Творца о Своём Творении.

13 сентября 2021 г.

Полиритмия времени

Узкопрофильность — сама по себе бич нашего времени, потому что она производит узкоумных людей, которые как раз по причине узости своего ума не понимают, что узки: не видят своих границ, приписывая себе полноту. Узкопрофильность хороша как метод, пока не выходит за границы метода. Однако человеку свойственно обожествлять свой метод — об этом ещё Сократ сокрушался. Узкопрофильный ум, замкнутый внутри себя, не просто узок, но и страшно ограничен, а потому опасен. У него нет возможности видеть себя — для этого надо расширяться, выйти из своего замкнутого на себя болотца. Но как это сделать, если «болотце» в его глазах — это целая Вселенная?

Это похоже на забывшегося оператора: вот он навел камеру на ладони человека — крупный план, потом взял крупным планом лицо, глаза, потом галстук или туфли. Но все эти пла-

ны стали существовать отдельно друг от друга – картинка не собирается воедино. В итоге оператор не может собрать образ целого человека.

Да-да, известная притча о слоне, которого щупают слепые мудрецы, – об этом: кто-то ухватился за хвост и потому считает, что слон – это канат; кто-то ухватился за ноги и думает, что слон – это столбы, и т.д. Особенность нашего времени в том, что современные слепые мудрецы расчленили целого слона на субатомные частицы и потому не видят даже таких относительно целостных частей слона, как ноги или хвост, – они вообще слона потеряли. Более того – слону отказано в существовании, даже в праве на существование. Он считается вымыслом – чуть ли не сплетней (чем-то непристойным).

Чем уже ум, тем больше в нём самомнения и надменности, высокомерия по отношению к другому. А чем больше в человеке самомнения, тем меньше остаётся в нём ума, и количество дипломов тут не имеет значения. Хотя нет – имеет: чем больше дипломов, тем больше и самомнения...

Вот откуда столько несуразностей и горя в современном мире.

***

Поэты, кстати, не исключение: они так же склонны обожествлять поэзию, как свой метод, свой способ жить. Но это не значит, что поэзия лишена божественности. Более того, поэзия в таком случае может быть определена как некое заграничье – она всегда вне метода, над ним, ибо в рамках метода лишь ремесло.

Своя поэзия как заграничье есть у каждого ремесла. Нынешняя мода на междисциплинарность (стремление компенсировать узкопрофильность) – это попытка превратить поэзию в метод. Но заграничье – это больше про состояние, чем про метод, т.е. про поэзию. Заграничье суть свобода от метода. Не потому ли русские так любят за границу и всё время искушаются ею (не различая метод и поэзию)? Запад манит лишь заграничьем (свободой от своего метода). Надёжнее так же страстно возлюбить поэзию души – дух, он и есть настоящее заграничье русского человека (не душевное, в котором живёт человек, а духовное, в которое он устремлён).

***

Мало видеть, в чём другой неправ, важно видеть, в чём я сам неправ. Это верно не только для отдельных человек, но и для народов. Сейчас массы втянуты в нехорошую игру, в которой это самое необходимое для трезвоумия качество как бы отменяется. Тотальное обвинение другого и самовозношение ведут не вверх по лестнице, а вниз, не к победе, а к гибели.

А что если вообще утрачено умение видеть свои неправды? Раз Правду с большой буквы отменили, то и неправда как бы исчезла – остались только интересы, т.е. хотелки. Тем более что бесконечный информационный шум эпохи мешает слышать, видеть, наблюдать проблески подлинного бытия, без которых человек слепнет.

***

Полиритмия¹ – музыка времени (отличный её пример – композиция John Browne и группы «Monuments» – «I, The Creator»). Полиритмия учит мозг удерживать внимание сразу в нескольких направлениях (потоках), видеть, наблюдать, проживать одновременно разное, сохраняя целостность восприятия, и благодаря этому уклоняться от мейнстримных рек, по которым ныне течёт всякая чушь, портящая умы, мешающая процессу осмысления происходящего.

Социальные инженеры-манипуляторы зачастую применяют как метод «иллюзию фокусировки», когда на первый план выводят что-то якобы важное и полезное, намеренно оставляя в тени опасное и недоброе, несмотря на то, что и то, и другое – составные и неразрывные части единого процесса, и надо обладать способностью расфокусировки без потери целостного зрения, чтобы обнаружить и верно оценить то, что спрятано лживым смещением акцентов.

Наши реки сознания захвачены технологами оболванивания, потому надо уметь уклоняться от прущего в глаза лживо привычного, глупого и фальшивого, уклоняться умом, как Нео (герой фильма «Матрица») телом уклонялся от пуль.

¹ Полиритмия – сочетание в музыкальном произведении нескольких самостоятельных ритмических рисунков в рамках одного размера.

Прежде подспудная задача музыки была в гармонизации, в окультуривании дикого человека. Она прокладывала тропы для человечности в мирах невидимых – ведь человечность в нас от Бога невидимого, она – нездешняя. Теперь же, когда культура превращена в антикультуру, когда её пути, её методы используются не для просвещения, а для затемнения образа Божия в человеке, надо пробовать ходить непривычными путями – создаваемыми как бы в ином, новом пространстве, в новом посткультурном «заграничье». И это пространство поэтического – не мейнстримного. Это творение пространства, пространства-времени, там, где его не было прежде.

Привычное стало избыточно сладким, приторным, ложным и лживым (здешним, говоря словами Ницше – «человеческим, слишком человеческим»). Нельзя ходить проторёнными прежде дорогами – на них сидят бандиты и душегубцы. Человек должен сотворить себе мир, в котором попробует избежать программного оскотинивания и озверения – расчеловечивания – или хотя бы отодвинуть свой страшный конец.

Что делать нормальному человеку в нынешнем сумасшедшем доме, в который превращается современный мир? Уклоняться, как Нео, и жить так, как звучит John Browne, – полиритмично. Иначе его перепрошьют, как гаджет, и лишат человеческого содержания и объёма – высушат душу до уровня картонной куклы.

Человек, в котором всё человеческое отключено по умолчанию, а включать что-либо можно только за деньги и при условии, что есть разрешающая лицензия на ношение того или иного атрибута человечности, – вот будущее, о котором мало кто готов подумать всерьёз, несмотря на то, что оно уже на пороге и времени на осмысление этой трагедии не осталось. Люди заигрались...

В этой связи уместно вспомнить сказанное священником Константином Корепановым: «Если Бог правит миром, почему всё так плохо закончится? Ведь закончится всё чем? Властью сатаны над миром. Вот это конец истории: наконец-то он сможет утвердить полную власть над миром и, собственно говоря, это и есть предел его стараний, его вожделений, его цель. Он к этому стремится изначально,

со времен грехопадения. Он хочет захватить власть над миром...

Владыкой этого мира может быть только человек, больше никто. И поэтому захватить власть над миром сатана может, только если и он в свою очередь вочеловечится. И вот этот триумф его и будет отмечен через Антихриста, когда не только преданный ему совершенно человек, сын сатаны, захватит власть в этом мире, но в силу разных причин и, в первую очередь, отступления от веры, всё человечество (всё! – до последнего человека) будет предано сатане. Те, кто не захотят, будут убиты».

Что означает слово «вочеловечился», когда говорится это о Христе? И что означает то же самое слово, когда речь заходит об Антихристе? Мы действительно понимаем, что за реальность обозначена этим глаголом?

Незадолго до смерти Оруэлл, автор романа «1984», дал интервью.

Один из вопросов журналистки был таким:

– Как-то вы сказали, что обладаете способностью признавать неудобные факты. Вы это продемонстрировали в «1984», нарисовав аккуратный портрет будущего?

И вот что ей ответил Оруэлл:

– Если учесть, что книга, в конце концов, является пародией, «1984-й» или что-то вроде этого действительно могло произойти.

Именно в этом направлении в настоящее время движется мир.

В нашем мире не будет никаких эмоций, кроме страха, ярости, торжества и самоуничтожения. Половой инстинкт будет искоренён. Мы упраздним оргазм. Не будет лояльности, кроме лояльности к партии.

Но всегда будет опьянение властью. Всегда, в каждое мгновение будет трепет победы, ощущение попра́ния беспомощного врага.

Если вам нужна картина будущего, представьте, что сапог топчет человеческое лицо, и это длится вечно.

Мораль, которую можно извлечь из этой опасной ситуации кошмара, проста: не позволяйте этому случиться. Это зависит от вас.

Мы находимся в начальной стадии того, что принято называть царством Антихриста. Большинство людей не в состоянии вообразить то, что очень скоро обрушится на человечество со скоростью водопада. Социальный уклад,

тотально направленный против человека как такового, разбирающий человека на запчасти с целью никогда не дать ему возможности собраться, стать целостным – знающим Бога¹.

Упрощённо говоря, даже быть женщиной или мужчиной можно будет не всем (не зря столько усилий прилагается по отторжению пола от индивида), тем более обладать чувствами того или иного уровня, высокими переживаниями – теми, что придают жизни вкус и смысл, можно будет только касте избранных.

Иметь душу – роскошь, которая скоро будет мало кому доступна или даже никому (нельзя безнаказанно отнять душу у многих и самому при этом не лишиться её). Проложенные в социальном пространстве «трассы» ведут нас в такой недобрый, безрадостный, сумрачный мир царства лжи, где жить по-человечески невозможно, – можно только прозябать в сумеречном состоянии тени. Уклоняться от этого пути – задача, которую ставит перед нами время. Как говорил Александр Пятигорский, «Мысль держится, пока мы не забываем её держать». А если люди совсем забудут, не только как это делается и зачем, но и что такое мысль вообще? Не узкое прикладное думание, а мысль, способная, подобно птице, парить над человеческими мирами в духе; мысль, устремлённая в вечность, – которая и делает человека человеком (челом, устремлённым в вечность).

Надо тренировать ум, мозг, надо быть внутренне очень собранным и динамичным, полиритмичным, чтобы любая тираническая упрощёнка не могла прилипнуть к душе, чтобы уготованное нашей человечности «прокрустово ложе» сломалось, а человечность оставалась целой и невредимой как можно дольше.

***

Полиритмия – не значит произвол. В музыке она осуществляется в рамках одного такта, т. е. на сильную долю разные ритмические ри-

сунки всё равно сходятся. Это не то что каждый сам по себе: кто в лес, кто по дрова. Есть регулярный организующий момент – сильная доля такта. Это хорошо слышно у Рахманинова, Этюд-картина ор. 39 № 2 – там прозрачная фактура.

В музыкальном контексте это чисто техническое замечание, но в философском нарративе оно может быть осмыслено как верность истине – Христу. Христианское понятие «согласие Отцов» – об этом, они ведь не произволами своими о чём-то договорились, не в сговор вступили, не произволами согласились друг с другом. Отцы встретились друг с другом в истине – во Христе, они приветствовали друг друга Христом и во Христе и тем подтверждали истину друг друга. Христос в них говорил им, Христос в них выбирал, а не они сами – как им больше нравилось или хотелось. Совместное делание Бога и человека – синергия – их метод, суть которого за пределами метода, во Христе. Могли ли они при этом по-человечески в чём-то заблуждаться? И могли, и заблуждались, но не во Христе, а сами по себе, говоря от (обрыв) себя. Что такое во Христе в таком случае? Как это совместить с пребыванием в себе? Ответить на эти вопросы, к сожалению, способен далеко не всякий христианин.

Нынче даже в христианской среде мало способных понять всё вышесказанное. И среди пастырей встречаются те, кто не только не понимает – не имеет данных для этого, но и отрицает саму возможность подобных отношений с Богом, искажая своими ложными толкованиями смыслы христианства². Не зря один из святых Богословов в своё время утверждал, что рукополагать в священники следует только того, кто имел личный опыт встречи с Богом, – словно предвидел современную проблему духовных подмен, бесплодности и слепоты (богохульников всех мастей теперь немало внутри церковной ограды, в т. ч. в клире).

В чём разница между свободой и произволом, как отличать одно от другого? Свобода направлена всегда к Богу, а произвол –

¹ В Боге мы все – единомышленники, именно в этом ценность единомыслия – в акте пребывания в Боге, а вовсе не в самостном совпадении кого-то с кем-то. Бог в нас един, и мы в Нём, Им – едины. Он в нас единит нас, делая единомысленными. Понятие «согласие Отцов» – про Бога в Отцах, а не про то, что Отцы о чём-то сговорились, как договариваются, к примеру, члены одной корпорации.

² Кто-то это делает по злему умыслу, продавшись или предавшись какому-то ложному верованию или зловерной группе людей, а кто-то по неразумию и всегдашней человеческой склонности обожествлять себя и своё (таких, наверное, большинство).

от Бога, ибо произвол всегда осуществляется во имя своё. Свобода уважает другого, а произвол — только себя, но и это кажимость. Глубокий взгляд видит, что произвол — это сплошное неуважение, в том числе к себе (уход от своей настоящести, от своей глубины в нечто поверхностное, вторичное, периферийное — незначительное). Как будто поминаемый нами выше горе-оператор всерьёз решил, что человек — это снятый крупным планом его галстук — и всё! Целого уже не надо? Всё равно мало кто может его вместить...

Фрагмент торжествует победу над целым. Тень торжествует над вещью — потому что тень лишена объема, она плоская, а вещь в целом требует объёмного восприятия и мышления, которого всё меньше в людях (слишком дорогое удовольствие, да и системой, антисистемой на самом деле, не поощряется).

Верность истине, верность подлинному в себе — это и есть музыка, в отличие от шума, который производят люди, не попадая в нужные смыслы как в ноты. Жизнь может быть осмыслена как музыкальное произведение. Жизнь отдельного человека и жизнь народа. Или больше — жизнь целого человечества.

Вспоминается старый советский фильм-сказка, в котором Кощей как бы «клонировал» Василису Премудрую, размножил её визуально, чтобы её сынишка не сумел узнать и выбрать её — поди разбери, какая из них настоящая, а какая фейковая — а от выбора зависело освобождение из Кощеева плена. Сердце должно было подсказать мальчишке, где настоящая мама, а где наваждение. Так и нам сегодня ничего другого не остаётся, кроме как слушать со вниманием голос Пастыря Христа, непременно звучащий в любящем Бога сердце. Мы все несовершенны, это несомненно, однако любовь, живущая в нас, совершеннее нас, мудрее, ибо она от Бога. Ругаемое сегодня в определённых кругах слово «синергия» — на самом деле одно из главных спасительных слов нашего времени (потому и поругано оно в умах глупцов и подлецов).

Не умом только, не глазами только надо смотреть сегодня на окружающую реальность — всё наше человеческое соблазнится, обманется и будет врать о мире, о Боге и о человеке (о ближнем и обо мне самом). Истину не утратит только сама Истина, которая в нас и к которой

мы приобщены Христом, — пока верны Христу (независимо от того, что мы сами думаем об этом, — природа вещей такова). Верность истине, а не широкая информированность — залог адекватности восприятия и способности отделять правду от лжи, потому что и широта теперь — обманная, узкая, ненастоящая. Но чтобы проверять себя на верность, нужны широта взгляда, разносторонность — нужна полиритмия души как метод и как верность, превосходящая все методы. Полиритмия, умеющая принимать и понимать разность, не отвергающая другого в связи с отличием его от себя, но отличающая обычную разность (природные различия) от лживой (противоприродной) ненастоящести всех мастей, которая вознамерилась обольстить и поработить, пленить нашу человечность.

Дневники 24, 30 июня; 5, 7, 10 августа 2022 г.

Служение Родине — это форма служения Богу

Из дневников

Наверное, можно начать от противного: Родина — не идол, нельзя позволять превращать служение Родине в служение идолу. Служение Родине — это форма служения Богу, иначе вырождение и гибель неизбежны.

Ближе всего к понятию «родина» понятие «народ» (слова «народ» и «население» — про разное). Как говорил свт. Иоанн Златоуст, народ — это святые, а не толпа народа. При этом каждый человек — носитель измерения святости (т. е. Я в Боге и для Бога или Я, стремящееся к Богу), но это измерение может быть в нём актуализировано, забыто и закрыто или отвергнуто и обращено вспять. Так и с родиной обстоит дело, потому эту (настоящую, дающую жизнь в высоком измерении) Родину пишут с большой буквы.

***

Идола можно сотворить из любой идеи, даже из идеи Бога. И, наверное, одно из главных отличительных качеств всякого идола — самоутверждение (а не служение), которое суть порабощение другого во имя своё.

Всякий идол — Ваал, потому что в последней своей точке непременно превращается в Ваала, пожирающего жизни.

***

Люди обросли идолами, как могилы обрастают травой. Кажется, нет такой структуры в душе, которая не проросла бы сегодня идолом — т. е. перестала быть собой.

***

Ложный патриотизм для страны не менее губителен, чем отсутствие патриотизма. Когда человеческое сердце по глубине равно пропагандистской агитке, оно не вмещает не только истину, Бога, понятия о добре и зле, но и патриотизм в нём не помещается. Ибо человек в нём не помещается. Т. е. всё подлинное имеет духовный (бытийный) объём — в отличие от плоских пропагандистских шаблонов. В том и зло пропаганды, что она отлучает от глубины.

Да, без пропаганды нельзя. Но когда ничего другого, более глубокого и живого, нет в жизни общества, то и патриотизма на самом деле нет.

Ложный патриотизм легко может быть трансформирован во что угодно, даже противоположное себе — методами иной пропаганды.

Ложное не побеждает в битве со злом, а работает злом. Иначе не бывает.

Вырожденный, подменённый, духовно выветренный (не наполненный живым бытийным содержанием) патриотизм не может победить, ибо он направлен не к Богу и не от Бога пришёл.

***

«Истина — родина свободного человека» (Ромен Роллан) — стоящая внимания мысль.

Идолизация духовного пространства осуществляется за счёт абсолютизации относительного. Абсолютен только Бог, потому, абсолютизируя относительное, мы создаём идолов вопреки заповеди «Не сотвори себе кумира».

Совесь, как и Родину¹, не выбирают. Она просто есть — такая, как есть, и ты её такую, как есть, либо принимаешь, либо нет.

¹ Совесь и есть Родина — духовная.

В духовных упражнениях мы себя тренируем, а не совесь — своё умение общаться с ней, прислушиваться к ней и следовать её велениям.

Путь духовного развития человека — это движение навстречу совести², движение в совесть ради всё большего приобщения к ней, усвоения её, соединения с ней. Что-то подобное происходит и с патриотическим чувством, когда оно есть и когда оно настоящее. В поддельном, искусственно созданном патриотизме есть что-то по-сектантски нездоровое, лишённое глубины.

Мы мыслим совестью, когда действительно мыслим. Во всяком случае, это две грани чего-то одного: мышление и совесть. И Родину мы любим совестью, своей жаждой истины и благодати, ибо Родина в некотором смысле податель земной благодати — возможности жить в согласии со своими базовыми устремлениями — духовными и душевно-телесными.

***

Ложное МЫ, в которое я верю, создаёт моё ложное Я. И дело не в том, как это МЫ называется: я/мы — русский, я/мы — немец, я/мы — христианин...

Яблоком может называться как настоящее яблоко, пригодное для пищи, так и бутафорское, причём бутафорское может выглядеть гораздо более красивым и привлекательным (это нетрудно организовать). Реальная принадлежность к МЫ определяется не внешней атрибутикой, верить в которую сегодня — верх глупости, а реальным наполнением, веществом и энергиями. Так, ложно образованный немец, на русской земле убивающий русских людей, искренне верил, что служит своему народу (МЫ Германии). Ложное МЫ — это МЫ из головы, мы нереальное, а теперь и мы подменённое, программирующее гибель этого самого МЫ, а затем и Я.

То же самое можно сказать о христианском МЫ. Сказать я/мы — христианин, т. е. я часть общества, именуемого себя христианами, — это всё равно как назваться яблоком. Но ты съедобное яблоко или бутафорское? Ты хрис-

² Может быть, именно в совести человека записано его предназначение, как веление должного и недолжного, — не вообще, а в каждой конкретной ситуации. Совесь ведь очень конкретна, а не абстрактна.

тианин — настоящий? Как ты это понимаешь? Потому что ныне огромное число всяких явлений, не имеющих отношения ни к Христу, ни к христианам, именуется христианскими, и если ты веришь в них, то ты — бутафорский, ненастоящий христианин.

Всё не так просто, как нам кажется и как бы нам хотелось. Нынче жизнь принимает у нас экзамен на подлинность и нашего христианства, и нашей человечности. И нашей русскости.

***

Христианин — это не человек своей толпы, своей тусовки, а Христов человек. Христианин — тот, в ком действует Христос, другие критерии сегодня могут обмануть. Но это критерий, которым могут воспользоваться только христиане, т. к. внешнему оку не видать Христа ни в ком. Христа видит только Христос (т. е. мы видим Христа Христом).

***

Мою Родину определяет мой внутренний человек, который сформирован даже не культурой, а каким-то внутренним голосом, зовом быть. Но быть не вообще, а в конкретных координатах. Я ещё не сформулировала это как следует. Одно понимаю: мои потребности не ограничиваются внешними факторами, и доминирует не внешнее, при том что оно наличествует и влияет.

Иду от самого слова, размышляю о своём рождении и тот самый зов воспринимаю как первую родину. Почему? Потому что всё остальное, утратив связь с первым, перестает вообще что-то значить. Словно умирает. Есть некий механизм воспроизводства самой себя — Родиной. Это не статическое, а динамическое понятие. То есть та же земля, если перестанет воспроизводить нечто вроде своей сверхидеи, может утратить признаки родины. Как выразился кто-то из френдов, и на родине можно скучать по родине.

«Поэты рождаются и живут в стихах, родина поэта — стихотворение. Его собственное стихотворение», — говорит Целан. Но я добавлю: не только собственное. Настоящее стихотворение создаёт поэт и в читателе, уже хотя бы потому, что для того, чтобы прочесть стихотворение, надо стать поэтом — пусть и отчасти.

В том и сила поэзии, что она вводит человека в Поэзию — в Слово. Реально приобщает (общение — это уподобление).

За что человек любит того или иного поэта? За вкус жизни, за реальное приобщение к Реальности и подлинному бытию, за переживание Бытия, подаренное им. То же самое можно сказать о Родине.

***

Для всякого дела у Бога свой человек. Если каждый будет делать своё — Богом предначертанное — дело, всё в мире будет хорошо. Если же в мире нехорошо, значит, многие не делают своё дело или делают не своё.

Дневники 2017–2022 гг.

Живу — как птицы

Живу — как птицы,
а боюсь — как люди,
что птичьего уже
нигде не будет,
что человежье
превратят в увечье,
а душу — в вывих.
И что песнь овечья
заменится пустой
козлиной речью.

1 марта 2017 г.

Теснота

Если сердце зажмут,
как пальцы в дверном проёме —
закричит неуёмность утр,
что мир — огромен:
места хватит для всех.
Безумием страсти тёмен,
грех желает утех
среди тех, чей бог нескромен.
Беззаконные плачут звери:
цветы и песни
не растут в их узкие двери —
бездушно тесные.

22 ноября 2017 г.

Край

Край перешагнуть во все стороны —
во всю ширь и высь в одночасье.
Поделить неравное поровну,
чтобы обрести в себе счастье.
Вороны кружат, всюду бороны —
развернулась даль как пристанище.
Голосом зовёт, криком сорванным —
ожиданием силы ранящим.
Воздухом манят реки горные,
рыбы сонные чешуёй блестят —
замолчат вконец мысли вздорные,
крайней прелестью не прельстят.

31 августа 2017 г.

Большое сердце

Андрею Платонову

Большое сердце больше всего мира —
оно одно у человека с Богом.
Бери его себе и доминируй:
страдать другими — дар совсем немногих.

Большое сердце не вместит Вселенной:
она от ужаса свернётся в точку.
И только личность ставит многоточье,
где слёзы в камень превратили тленных.

Большое сердце — птичка на распутье:
куда лететь, оно понять не может.
Боль рвёт его на мелкие лоскутья,
она повсюду — поиск невозможен.

22 января 2017 г.

Боль

Боль велика — прибывает к земле:
пылью лежу и рыдаю навзрыд.
Боже, зачем и за что это мне,
разве судьба моя — горя транзит?

Ток электрический дрожью по телу
мечется: боль атакует опять.
Пыль собирается в тело несмело,
чтобы кого-то собой заслонять.

6 мая 2017 г.

Я гляжу на тебя розами

Татьяне Ширитон

Я гляжу на тебя розами:
так цвести, как ты, — наслаждение.
Я гляжу на тебя грозами:
всем продрогшим ты — утешение.
Погляжу на тебя ветрами
да тоски немой километрами,
чтоб услышать голос твой: «Элохим» —
и остаться эхом надолго с ним.
Вторит голос мой небесам твоим,
наслаждаясь именем Элохим.

30 июня 2019 г.

Обратный ход...

Обратный ход,
движение назад —
не развернуться,
а свернуться в точку,
пройти сквозь звук
взорвавшегося мира,
и ввысь, и вниз взглянув,
уйти в глубины,
чтоб непорочность мира
пригласить
на званый ужин
накануне горя.

24 октября 2013 г.

Какое счастье быть в Твоих руках

Какое счастье быть в Твоих руках —
как в птичьих лапах верная добыча.
Пернатые летают в тех мирах,
где не охотятся, — таков обычай.
Охотник здешний, как и рыболов,
бросает в небо пойманный «улов».

13 января 2018 г.

ВИКТОР КОРОЛЕВ

Еликанида и Анна

Фрагмент из книги

Ночью Еликаниде приснился всё тот же страшный сон, что мучил её который год. Ей двадцати ещё не было, она тогда помогала отцу в зимней работе — всем семейством строили лодки. За деревней река делает поворот и катится с шумом вниз. Перекаты эти от деревни Кашки не видны. Лодки внизу бьются о камни, всё дно ниже по течению Чусовой усеяно осколками и железными чушками. Здесь главный путь лежал ещё с демидовских времён, по реке на лодках металл сплавляли. А металл, он везде нужен.

Гружёные лодки потонут, а прогонщики выберутся на берег да в новые, покупные садятся — иначе до города не добраться. Платили хорошо, по сорок рублей за лодку. Вся деревня этим занималась. За зиму тятя, бывало, по две лодки собирал. Апрель иль май уже, сплав вот-вот пойдёт, он день и ночь на берегу — днища смолит. Ну и они, пятеро детей, тоже участвовали.

Сначала надо было поднять наверх брёвна. Они неслись по реке, некоторые прибывало к берегу, и, застряв в затоне, они дожидались мастера. Брёвна были ничьи, так считалось испокон веков: всё, что река приносит, принадлежит тому, кто первый из воды достанет.

Закатить наверх непросто. Тяжёлое бревно крутилось, грозило уйти обратно в осеннюю воду, и нужно было вытащить его на берег и сразу же ошкурить. Потом пусть сохнет, а раз ошкурил — значит застолбил, никто в деревне никогда не позарится, это уже твоё.

Как подсохнет, тащить. Да подстраховывать верёвкой сверху, с обоих концов, чтобы не перекопилось, не сорвалось. Колышки подставлять, наготове ещё колья держать, подби-

вая их на передыхе. И тянуть на раз-два. Катить что есть сил, не переставая. Мать сверху на верёвках, отец у комля, ребятня — с боков. Тут без помочи не осилить. А она старшая, невеста уже.

Свадьбу сыграли на святцы. Гриша Гилёв сильно ей глянулся. Когда посватался, счастлива была. Да и потом, до весны, до тепла, каждое утро просыпалась с радостной улыбкой: «Какая же я счастливая!» То были светлые цветные сны. А другой, страшный — он позже появился.

В ту весну вода была большая, а сплав почему-то всё не шёл. Готовые лодки качались на привязи у самого берега или сохли, перевёрнутые, на берегу. Они с Гришей начали ставить свой дом, когда нарочный с железки прискакал, рассказал, что война кругом идёт: одни за красных, другие за белых. В деревне не видали ни тех, ни других до июля.

Первыми в Кашку пришли белые. В отряде было человек двадцать, все конные, пеших двое. Расположились по избам, в основном на Нижней и Средней улицах. Утром собрали всех мужиков на поляне у реки, и офицер с красивыми усиками объявил, что двое из деревни должны пойти с ними добровольно, а четырёх лошадей они забирают до полной победы над большевиками.

С лошадьми решили быстро: у кого было по две на дворе, взяли одну вместе со сбруей, вывели молча, не слушая никого и ни с кем не споря. С добровольцами решали дотемна, ругаясь и тыча пальцами друг в друга, пока не вмешался красивый офицер с усиками. Тем, у кого трое сыновей, приказано было привести старшего. Таких как раз двое и оказалось: Корюков Степан с Нижней да Николай Сколов со Средней улицы. Наутро весь отряд ушёл из деревни. Ни Степана, ни Николеньку — лучших женихов в деревне — никто больше никогда не видел.

Белые ещё появлялись в деревне, но уже без ночевой. Слух прошёл, что они прочно встали в оборону на железнодорожной станции, а это пятнадцать вёрст от Кашки.

Красные пришли по берегу Чусовой. Их было около полусотни, многие в полосатых рубашках и чёрных плоских кепках с узкими лентами. Устроились на ночёвку в домах у самого леса. Командир отряда с пятью мат-

росами выбрали избу повыше и побогаче. Из окон дома Гаврилы Ячменёва вся деревня была как на ладони. Сам Гаврила лодок не строил, держал пчёл, с них имел достаток, ссужал всех деньгами не зверствуя и за то был уважаем настолько, что звали его не иначе как Ганя.

Ночью пальба началась со всех сторон. Белые носились по деревне на конях, стреляя во всё, что движется. Красные, те, что ближе к лесу ночевали, отстреливаясь, скрылись в чаще. А те, что в Ганином доме были, оказались в западне. Они пытались уйти огородом, но в темноте их было прекрасно видно — в исподнем же все. Все в картофельной ботве и полегли.

Убитых перенесли под окна дома Ячменёвых, положили в ряд. Один из моряков был только ранен, но лежал не шевелясь. И если бы не муха, севшая на босу ногу, он, может быть, остался бы жив. Белые заметили, как у одного из «мертвецов» дёрнулась нога. Подполковник с золотыми погонами наставил на него винтовку со штыком и сказал:

— Коли живой, вставай, а то заколю!

Раненый встал — и лучше бы он не делал этого: то, что над ним учинили, было страшнее смерти. Подполковник приказал всем жителям деревни смотреть, как его пытаются.

Вот это и не может забыть Еликанида. С тех пор этот страшный сон регулярно является к ней, а к перемене погоды — уж обязательно.

Убитых моряков похоронили на ровной площадке крутого берега Чусовой. Могилу копали деревенские мужики по приказу подполковника. Потом белые ушли, пришли красные. Подойдя к околице, они начали стрелять из пулемётов вдоль улиц. Пули залетали в дома, и тятя сказал всем залезть в подполье.

Красные первым делом спросили, где дом Гаврилы. А в деревне было несколько мужиков с таким именем, и им указали совсем на другой дом, не Ганин. Этот дом красные подожгли со всех сторон и ушли. А через несколько дней приехали на двух тачанках строгие комиссары и начали разбор. Допрашивали всех. Арестовали многих мужиков. Гришу её и тятю тоже забрали, больше она их не видела...

Потом очень тяжело было. Как и всем. Еликанида родила мальчика, но в следующий год

случился дикий неурожай, зима была лютой и голодной, первенца не уберегла.

Позже началась коллективизация, и снова всех собирали на поляне. Объясняли, как будет хорошо, когда всё станет общее. Проголосовали — вся деревня против. Просто молча — против. Снова уполномоченные говорили про светлое будущее. Просили высказаться для протокола. Кое-кто выступил. Снова голосовали, и снова все — против колхоза. Тогда уполномоченные уехали, а на завтра вернулись с солдатами и всех выступавших накануне арестовали как саботажников и подстрекателей.

Через неделю опять собрали собрание. И снова все жители проголосовали против нового строя. Через день забрали оставшихся мужиков. Вся деревня провожала подводы с арестованными до околицы. А на следующее собрание не пришёл ни один человек. Ни один. Деревня словно вымерла. Оставили Кашку в покое, но без мужиков она стала быстро хиреть.

До войны ещё раз собирали всех. Приехал выездной суд для пересмотра дела, привезли из тюрьмы тех, кто могилу для матросов копал. И надо же такому случиться — один из осуждённых узнал в судье белогвардейского подполковника, который командовал расправой. Судью тут же арестовали, а того кашкинца освободили. Повезло.

Еликаниде на суде стало плохо, потеряла сознание. А тот страшный сон стал сниться регулярно. К холоду — обязательно.

* * *

Еликанида ещё долго лежала, пытаясь отогнать остатки ночного кошмара. Наконец слезла с тёплых полатей, стала растапливать печку. Они с Анной сразу договорились: соль, спички и керосин беречь пуще глаза — самим это не сделать, а ждать неоткуда. Потому огонь поддерживали по-своему: с осени напилили лиственных и кедровых плашек, нарубили из них кубиков. Кто печь в доме топит, тот на сковородке кубики эти на очаг ставит перед тем, как вьюшку закрыть. Кубики схватываются, начинают тлеть — и до рассвета огонь держат.

Еликанида раздула кубики, поднесла к ним льняную паклю, сунула огонь к сухим щепкам. Через две минуты добрая печь загудела. Заж-

гла и лучину над тазиком. Темнота за окном стала как-то светлее. День начинался. Который уже по счёту?

Если считать с того, как приехали двое военных со станции и объявили, что война с Германией началась, так уже полгода прошло. Тогда последних двух парней забрали, и это было в июле. Тетке Матрёне как старшей из трёх оставшихся в Кашке женщин военные дали винтовку и строго-настрого приказали охранять стратегический объект — деревянную переправу, что выше по течению, в паре километров от деревни. Сказали, что все трое теперь военнообязанные Красной Армии и отвечать будут по законам военного времени.

Тётка Матрёна простудилась и умерла в начале октября, ещё снег не лёг. В последний день всё торопилась досказать, как лучше льдины от берегов отгонять, чтобы вода не схватилась и льдом не разрушило переправу. К тому времени они уже поставили домик для часового и сложили в нём печку. Тётку Матрёну похоронили достойно, помянули с Анной крепким травяным чаем. Тогда же и решили, что по суткам будут сторожить: пока одна караулит на переправе, другая всё делает по хозяйству.

Анна поселилась в доме Еликаниды в сентябре. Отца её, Ганю Ячменёва, раскулачили и увезли в неизвестном направлении. Пятнадцатилетнего брата мобилизовали красные, а сёстры, как и Еликанидины младшие, подались на станцию, и от них с тех пор ни слуху ни духу. Анна осталась одна. Она появилась на пороге Еликанидиного дома с рамкой сотового мёда, молча протянула хозяйке.

— Садись к столу, коли не шутишь, картох положи тебе, — сказала небидчиво Еликанида.

Потом пили чай. Молча. А чего говорить, когда всё ясно: теперь вместе придётся коротать жизнь, покуда она не кончится. Делить им нечего, а вместе, глядишь, и выдюжат.

Анна была моложе её лет на двадцать, и поэтому, наверное, никак не называла Еликаниду — ни по имени, ни тёткой. И та её в ответ не стала никак называть. Общались обе просто на «ты».

Анну пришлось многому учить. В поле и по дому она всё делала, а вот мужицкую работу потянуть не могла. Ни рыбалить, ни масло давать. Как винтовку разбирать и чистить, Еликаниде пришлось безуспешно показывать ей не раз. Однажды даже сорвалась:

— До чего ж бестолкова девка — горшок, а не голова!

Анна вспыхнула:

— Была девка, пока замуж не вышла, да война сделала вдовой!

Мужа у Анны призвали в тридцать восьмом, в финскую он пропал без вести, она осталась бездетной и без пособия. Больше они ни о мужьях, ни о детях не говорили никогда. И не ссорились больше...

Еликанида снова глянула на заиндевшее окошко — пора в караул заступать. Подкинула дров в печку. Поддела тёплое под низ. Сунула ноги в растоптанные валенки. Вспомнила в который раз, как ребёнком-малолеткой сидела подле отца, когда тот у печки сучил дратву.

— Тять, а чо ты делаешь? Зачем верёвочку смолой трёшь?

И отец стал рассказывать, как нужно дратву готовить, как валенки подшивать, чтобы зимой не расползлись. Столько лет прошло, а нужда заставила — и сразу всё вспомнилось, словно всю жизнь этим занималась. Да мало ли ещё таких дел по дому, которые вроде сами делаются, а как останешься за старшую, так голова кругом. Хорошо, в том сентябре успели до дождей картоху убрать да дров наготовили три больших поленицы — Анна и тут неумёхой оказалась, пришлось Еликаниде неделю одной колоть дрова.

А вот травы сушить — это Анна. Уйдёт в лес с рассветом, пока Еликанида на посту стоит, а к вечеру уже на противнях и лист смородиновый, и иван-чай, и пижма засушены, и орехи кедровые налущены, и сосновые иглы запарены, и много ещё чего на зиму заготовлено. Однажды зуб у Еликаниды разболелся, так Анна шалфеем её отпоила, не дала боли верховодить...

Картошка сварилась, воду с чугунок слила в баклажку — Анна придёт с мороза, ей тёплое питьё будет. Пора за водой идти. Поверх старого самодельного ватника Еликанида повязала штопаную-перештопаную шаль, верёвкой подпоясалась, взяла рукавицы. В сенцах сняла с гвоздя коромысло, два старых ведра. Открыла дверь — сразу окатило холодным паром так, что дыхание зашло.

Над рекой поднимался розовый туман. Кое-где сквозь него было видно, как посередине реки, не покрытой льдом, мчится пен-

ная вода. Узкая полоска кроваво-оранжевого солнца висела над лесом. Не было во всём мире ни звуков, ни запахов. Стояла такая божественно-звонкая тишина, что Еликанида ахнула, мигом вспомнив:

— Мамочки мои, сёдня ж Рождество!

И сразу всё заладилось, закрутилось по-праздничному. Вёдра сами наполнились водой и встали на берегу, пока Еликанида проверяла вершу и вытаскивала из неё двух добрых хариусов. Их в мешок, коромысло на шею — скорее домой!

В избе собралась тоже быстро. Картошку за пазуху; лепёшки, с вечера наготовленные, туда же. Вперёд, Анну замёрзшую сменять! Заколела, поди.

Два километра прошла налегке, быстро. В одном месте только чуть не провалилась под лёд. Анну увидела издали. Та стояла не шевелясь у домика, с трёхлинейкой на правом плече. Еликанида подошла к ней вплотную.

— На-ко картоху, пока горячая! И лепёшки вот...

Та благодарно лишь кивнула. Брови, ресницы — всё в инее.

— Винтовку давай! Да у кривой берёзы лыву правее обойди, там лёд тонкий. Я воды в избе нагрела — помоешься. С Рождеством Христовым тебя!

Анна жадно ела картошку и ответила едва слышно:

— И тебя, Лика, с Рождеством...

Еликанида долго смотрела ей вслед и ругала себя, что не спросила про волка. Следы его у переправы она видела в прошлую смену.

***

Волк появился ближе к сумеркам. Еликанида за это время успела натопить в домике, попить пустого чаю с лепёшками и вяленой рыбой, перетаскать к печке воды и дров на ночь. Потом она переобулась, надела сапоги. Они с Анной их берегли — солдатские кирзовые сапоги были только для осмотра плотины.

Переправа что такое? Это мост на перекате, плотина, сложенная из камней. В речное дно вбиты листовенные стояки, они держат брёвна с двух сторон, а между ними — бутовая кладка. Поверху проход в два бревна, сбоку — дощатый шлюз, который при большой воде можно

открыть и спустить напор. А так круглый год Чусовая катится в пролёты меж стояков.

Вот по этой плотине, взяв для страховки слегу покрепче, и пошла Еликанида в солдатских сапогах. Кое-где вода захлёстывала брёвна, в валенках здесь не пройти.

Прошлой осенью приехал верхом парень со станции, привёз соли маленько и керосину в бутылке.

— Как там, на фронте-то? — спросила Еликанида.

— Плохо, бабоньки. Немец под самой Москвой уже. Тяжело Красной Армии, — вздохнул парень. Он, наверное, Анну хотел увидеть, но та на посту стояла, её очередь была караулить.

Парень зашёл в избу, попил воды, посмотрел, как они живут, снова вздохнул и снял с себя сапоги:

— Натё, бабоньки, вам на память от меня, на фронт ухожу...

Так и уехал босым. А сапоги его хоть на две портянки, но очень кстати оказались.

Еликанида прошла по верху плотины, нащупывая речное дно слегой. На другом берегу взяла ещё тёткой Матрёной сделанный деревянный лом — ствол молодой лиственницы с удобной развилкой вместо ручки и стёсаным острым комлем. Таким ломом очень удобно сбивать у берега окраины, схватившиеся льдом. Не собьёшь сейчас — по весне не справишься, когда ледоход начнётся, и переправа, да и вся жизнь, считай, пропали. По законам военного времени...

Еликанида обивала ото льда окраины часа два, пока солнце не стало уходить. Пошла в домик греться. Сидела у окошка, поглядывая на переправу, когда появился он.

Волк пришёл по её следам. Сначала она его даже не увидела, скорее почуяла как-то. Глянула на протоптанную дорожку, а там пуговка чёрная движется. Волк был весь в инее, морда обледенела, только нос чернеет.

Он остановился. Человек и зверь смотрели друг на друга. Их разделяли метров двадцать да ещё стекло.

— Зачем ты пришёл? Уходи! — сказала Еликанида.

А может, ей показалось, что сказала. Губы шевелились от страха. Волков она отродясь не видала, в деревню они не заходили: хватало им добычи в лесу.

Чёрная пуговка шевельнулась и придвинулась к домику на пару метров. Теперь уже было видно, как редко зверь дышит. Пар от его дыхания всё ещё скрывал волчью морду, но глаза и уши уже можно было различить.

– Уходи! – снова прошептала Еликанида.

Пуговка придвинулась ещё. Волк опустил голову, словно приносясь, и глаза его блеснули.

– Уходи! Христом богом прошу! – сказала Еликанида на этот раз громко.

Волк поднял голову, в три лёгких прыжка скакнул метров на пять ближе, высоко вскидывая над снегом лапы, и сел.

– О господи! – ахнула Еликанида. Она поняла, что зверь не уйдёт. А ещё поняла, что, если его сейчас прогнать, он пойдёт по следам и очень быстро найдёт Анну. Это мороз выгнал его из леса. Там вся живность попряталась. Он голодный, ему нужна любая добыча, и он будет ждать, пока Еликанида не выйдет из домика. Хоть до утра. А утром... ой, утром же Анна придёт!

В сумеречном свете она видела, что волк уставился на неё жёлтыми глазами. Даже маленькие круглые зрачки разглядела.

Попыталась встать, чуть не упала, ноги совсем не держали. Тяжело шаркая, дошла до печки, запалила от огня лучину. К окну старалась не поворачиваться. Оглядела крохотную каморку и ничего для защиты не нашла. Ножичек – им только рыбу резать. Ни ухвата, ни вил. Топором от волка не отмахнешься. А-а, штык есть. Они с Анной специально принесли его сюда: в деревне он без надобности, а здесь хорошо им лёд колоть, лунки делать.

Вытащила из-под притолоки штык, примкнула к винтовке. Та сразу стала какая-то уравновешенная, приклад не перетягивал, легче одной рукой держать. И длинная стала, как слега. Примериваясь, подвигала трёхлинейкой, как вилами. Усмехнулась про себя: «Тоже мне, боец Красной Армии!»

Потом передёрнула затвор, загнав патрон в патронник. Всё, как учила тётка Матрёна. Ну что? Что будет-то, а? Идти надо?

Надо идти. Рукавицы не стала надевать. Дверь открывала медленно, высунув сначала штык, потом ствол винтовки, потом пол-лица.

Зверь сидел метрах в пяти. Когда она шагнула от двери, он мигом вскочил и пошёл на неё. Дыхание его стало частым и громким. Воронёные штык и ствол ему были не видны, и смотрел он прямо в лицо Еликаниды. Она ещё успела подумать, что сейчас он прыгнет, метаясь в её горло; успела увидеть, как он оскалился; успела услышать, как он хрипло зарычал; успела поднять ствол чуть повыше.

Больше она ничего не успела. Снег под её валенком скрипнул – и волк прыгнул.

Палец у Еликаниды был на курке. Когда зверь налетел на штык, рука её дёрнулась, и винтовка выстрелила. Прикладом её ударило в живот, и она упала. Показалось даже, что на секунду потеряла сознание. Лежала молча на снегу и ждала, когда перестанет звенеть в ушах. Потом с трудом поднялась, ухватившись за дверь домика. На мёртвого зверя старалась не смотреть.

Зашла в домик, сняла ватник и долго пила из ковшика. Потом подкинула дров, разрядила винтовку и стала чистить её шомполом. Затвор и трёхгранный штык протёрла тряпкой, тряпку бросила в печь.

Ночью выходила до ветру – посмотрела на волка. Почему-то стало жалко его, но сильнее – себя, своей никчёмной, никому не нужной жизни, обидно стало до слёз за вечную бедность и неустроенность. Но слёз не было.

Не было и сна. Всю оставшуюся ночь просидела у окошка, усевшись так, чтоб не видеть волка. Как стало светать, решила. Вышла, оттащила тяжёлую тушу к реке, столкнула в воду. Потом всё прибрала у домика.

Совсем рассвело, когда на тропке появилась Анна. Она подошла к Еликаниде, спросила тихо:

– Приходил?

– А ты откуда знаешь?

– Следы позавчера видела. Не сказала тебе, не хотела пужать.

Она подождала немного, потом выдохнула:

– Убила?

Еликанида молчала окаменевшая. Анна подошла, положила ей голову на плечо. Так они стояли долго. «Как уставшие лошади мы с ней», – подумала Еликанида. Первой очнулась Анна:

– Я ушицы сварила, Лика, воды согрела. Иди ужо...

***

Прошло четыре месяца. В конце апреля снег начал быстро темнеть. С каждым днём солнце пригревало всё сильнее, ручьи бежали в реку со всех сторон. На переправе работы было много. Приходилось часами колотить льдины, пропуская их через пролёты. Но обе они знали: когда лёд пойдёт сверху – вот его и надо опасаться.

Анна сменилась утром, но в обед снова появилась на переправе, словно почувствовала, что сейчас потребуется её помощь. Они пили чай, когда с реки послышался треск. Выскочили из домика. Еликанида сразу поняла, что это лёд тронулся, на счастье она была в сапогах, перешла по плотине на тот берег и начала разгонять льдины, которые наплывали сверху. Анна открыла шлюз, и льдины со скрежетом пошли туда. Их было всё больше, они с диким хрустом наезжали друг на друга, подминая и топя те, что поменьше, ломали их и сами при этом ломались на куски. Грохот стоял такой, что Еликанида не слышала, что ей кричит Анна. Но лицо у той была весёлое, глаза блестели, страха не было – и Еликаниде самой стало радостно.

Ухало так, словно фронт докатился до Урала и в бой пошла тяжёлая артиллерия. Большие ледяные поля, приближаясь, покрывались паутиной трещин, распадались на участки, и те, которые оказывались ближе к стрежню реки, мигом приобретали форму лодки и легко проскальзывали в проёмы плотины. Еликанида не раз уже похвалила себя и Анну, что зиму не бездельничали, ежедневно обкалывали берега ото льда.

Льдины были разного цвета и разной толщины. На многих толстых – вмёрзшие камни, трава, сучья, доски. Те, что потоньше, вставляли на попу и плыли торчком до самой плотины. Любоваться было некогда: надо было их уложить и быстренько протолкнуть под брёвна.

Уровень воды поднялся, но плотина справилась. Точнее, справились Еликанида с Анной. Когда стемнело, они вдруг увидели, что белых полей больше нет. Льдины пошли аккуратные, небольшие, в основном по стрежню реки, проёмы плотины заглатывали их мигом. Грохот стих. Еликанида вернулась на свой берег. Сил у неё не осталось.

– Иди-ка ты домой, я додежурю, и утром не приходи, моя смена, – сказала ей Анна.

В другой раз, наверное, Еликанида и слушать бы не стала. А тут благодарно кивнула, переобулась и молча пошла в деревню. Отлеживаться на печи.

...Весна и лето пролетели быстро. Вставляли обе с зарёй, ложились затемно. Запасали всё, что могло пригодиться зимой. Встречались на минутку лишь у домика на переправе, когда сменяли друг друга. Никто чужой ни там, ни в деревне за всё лето не появился.

В середине августа день выдался тёплым, тихим. Еликанида только заступила на смену и стояла с винтовкой на плече у плотины, когда на тропке показалась Анна. Она шла, вся облитая солнечным светом, в длинной юбке, босая и почему-то с венком на голове. Она шла и ещё издали улыбалась.

– Чо случилось? – спросила тревожась Еликанида.

– Это тебе! – Анна достала из-под передника два пирожка. – С черёмухой напекла. И вот подарок. С днём рождения тебя, Лика!

Она протянула ей гребень. Фабричный новый гребень!

– Господи, да где ж ты его взяла? – ахнула Еликанида. – Да как же ты вспомнила-то?

– В святцах посмотрела. Ты ж говорила, что по святцам тебя назвали, сегодня четырнадцатое, как раз день святой Еликаниды. Сорок пять – ты у нас святая ягодка опять. Ладно, пошла я, там картоха на огне стоит...

И она ушла не оглядываясь. А Еликанида всё смотрела ей вслед и думала, как быстро проходит жизнь. Особенно когда война и такие страшные у неё законы.

...Прошло-промелькнуло ещё три тяжёлых года. Тысяча одинаково беспросветных дней и ночей, пятьсот смен на посту. Тот страшный сон из прошлого Еликаниде больше не снился – похоже, явь настоящая оказалась ещё страшнее.

С Анной они виделись только на переправе. А после смены голову едва успевали поднять, чтобы увидеть, осень или весна, зима или лето на дворе.

На дворе было опять лето, и опять была Еликанидина смена. Сверху на середине Чусовой показалась лодка. Она пристала к берегу у самого шлюза. Из неё вылез военный с золотыми погонами. «Ох, опять белые пришли», – сжалось у Еликаниды сердце. Скну-

ла с плеча винтовку, сказала как можно суше:

— Стой! Стрелять буду! Стратегический объект, запрещено!

А военный подошёл вплотную.

— Я старший лейтенант Красной Армии Соколов. Направлен командованием для проверки речного фарватера. А вы кто будете, бабушка?

Тут только Еликанида рассмотрела звезду на его фуражке.

— Вы что, одна здесь? Кто ж вас поставил? — не отставал военный.

— Не одна, мы тут с Анной. Как война началась, так и поставили. Незнамо кто — не назвался.

— Так война-то давно кончилась! Победа! Вы что, не знали?!

И помолчав добавил:

— Ну вот что — хватит охранять! Я вас снимаю с поста!

— А Анна как же? — растерялась Еликанида. — Она же не знает... Ты вот что, милочка, напиши-ка нам бумагу, что пост принял. В лодке спустимся до деревни, там и напишешь.

В лодку села, не отпуская винтовки. А военный всё расспрашивал, как да что. Удивлялся:

— Все четыре года?! Да как же вы выжили, милые мои?

Анна сначала встретила их пугливо, не хотела выходить из избы. Еликанида успокоила её:

— Всё, конец нашей войне. Победили мы...

Та смотрела на военного как на чужеземца. Но чаю травяного на стол поставила.

Пришлый стал писать бумагу.

— Звать-то вас как, героини вы наши?

— Еликанида и Анна. Главное — не забудь указать, что пост принял...

— Написал. И командованию о вас доложу сегодня же. Оружие и патроны — сдать!

Потом заторопился. Проводили его к лодке.

— Хоть спички-то возьмите, бабоньки, ничего у меня больше нет. На неделю вам хватит, а на днях наши приедут — обещаю.

Сел в лодку, река её мигом подхватила, только и видели.

— Ну чо? — спросила Еликанида. — Чо делать-то будем?

— Баню, — кратко выдохнула Анна. — Баню настоящую хочу. У тяти печка в бане ещё тянет, проверяла...

Стали таскать туда воды и дров. Анна взялась прибираться в своей, бывшей отцовской бане. Затопили. Пар пошёл. Рады были обе, как дети: первый раз не у печки в тазу, а в настоящей бане! Еликанида пошла к реке с коромыслом. Принесла ещё воды, задохнулась в гору-то.

В предбаннике сняла с себя всё, шагнула вовнутрь. Анна стояла у полка, глядела на неё прямо, руки держа по швам. Еликанида чуть не упала от ужаса.

Была Анна страшно худа, ребра выпирали с боков, колени были маслясты, как у старой лошади. Вся она была похожа на скелет. Только кисти рук — огромные, тёмно-красные. И смотрела она не на себя — на Еликаниду смотрела она, да так жалостливо, что описать невозможно.

— Ликанька, — сказала Анна тихо. — Какая же ты худая, видела бы ты сейчас себя!

И она заплакала.

— Не реви, Анюта, главное — сдюжили! — сказала Еликанида.

Как можно строже сказала, чтобы самой не разреветься...

***

Скалы кончились. Берега, густо поросшие тальником, сблизилась. Течение Чусовой стало ровнее, тише.

— Во время Великой Отечественной войны на этом месте была плотина, — рассказывал гид. — Считалось, что это стратегический объект. Все четыре года его посменно охраняли две женщины из ближней деревни. Про них забыли, а они день и ночь несли свою вахту. Деревня эта называлась Кашка, её уже давно нет, сейчас мы пристанем к берегу — там только памятники остались...

Памятников было два. Один железный, со звездой наверху. Гид сказал, что он поставлен в честь шестерых безымянных краснофлотцев, расстрелянных здесь белогвардейцами в начале гражданской войны.

На втором памятнике было четыре слова: «Бессменным часовым — Еликаниде и Анне».

К Элизе, «бессмертной возлюбленной»

Фрагмент из книги

Разбирая бумаги покойного композитора Бетховена, друзья нашли странное письмо. Вместо адресата всего два слова: «Бессмертной возлюбленной». Письмо начиналось словами: «Ангел мой! Все мои мысли устремлены к тебе...» Имя адресата так и осталось неизвестным. Композитор не захотел никого допустить к главной тайне своего сердца.

...Провести Всемирный конгресс в честь победы над Наполеоном в австрийской столице предложил Александр I. Русского царя просто боготворили за победу над французами. Всё население Вены вышло встречать императора с его очаровательной супругой Елизаветой Алексеевной, которую здесь ещё помнили как Баденскую принцессу Луизу Марию Августу, или по-домашнему просто Элизу.

Императрица, этот ангел, спустившийся с небес, была далека от политики. Посещала балы, обеды, приёмы, концерты. Самый известный в Вене композитор Людвиг ван Бетховен представлял в её честь свою оперу «Фиделио». Императрице опера понравилась. Она попросила передать композитору благодарность и желание послушать ещё что-нибудь из его произведений. Бетховен был потрясён до глубины души...

Ночью он не может уснуть. В дрожащем свете оплывших свечей мечется по кабинету, то подсаживаясь к роялю и что-то наигрывая, то что-то записывая и перечёркивая снова и снова. У него есть только начало. Так и не придумав ничего, к утру он просто присоединит вторую часть из написанного ранее. Переделывать уже некогда.

Его встреча с русской императрицей произошла 20 января 1815 года. Бетховен вошёл в зал и долго молчал, пока наконец не решился:

— Ваше величество, простите мои неуклюжесть и неумение говорить, но прошу, от всей души, примите от меня в подарок маленькую пьесу... — Смущённо склонив поседевшую голову, композитор протянул ей ноты.

— Господин Бетховен, — улыбнулась ласково императрица. — Благодарю за подарок. Ваша

музыка полна доброты, и я преклоняюсь перед Вашим талантом. Была бы признательна, если бы Вы сами эту пьесу сыграли...

Композитор поднял голову и молча глядел на её губы, силясь разобрать слова. Её немецкий немало отличался от того, как говорят в Австрии, и ему было трудно уловить смысл сказанного. Но императрица указала на рояль в углу, и тотчас он понял, чего от него хотят. Он мог не смотреть на партитуру: всю пьесу он помнил наизусть. И он начал играть — для той одной, кому посвятил эту небольшую вещицу.

Он ощущал у себя за спиной дыхание самой прекрасной женщины на свете, он был бесконечно влюблён в неё и чувствовал себя глубоко несчастным. И только когда медленно угас последний звук в рояле, пришёл в себя, поднялся, повернулся к императрице.

Глаза Елизаветы Алексеевны сияли благодарностью. Губы приоткрылись и что-то произнесли, он не разобрал. Фрейлины аплодировали у стены, он это видел. Потом Элиза, эта богиня, этот ангел, направилась к своему столику, взяла там что-то и подошла к нему снова так близко, что он уловил аромат её кожи.

— Я в полном восторге, господин Бетховен, — сказала императрица. — Это было незабываемо. Спасибо за такой подарок. Позвольте мне вручить Вам в знак благодарности эту шкатулку.

И она протянула композитору маленькую резную шкатулку с пятьюдесятью дукатами. Аудиенция была окончена. Бетховен молча поклонился и вышел. С того дня он никогда больше не играл публично. Более того, три года после этой встречи он не мог ничего написать. Три года — ни строчки! А спустя десять лет, узнав, что российская императрица так же внезапно, как и её супруг, скончалась, композитор тяжело заболел. Врачи никак не могли поставить диагноз, а ему становилось всё хуже и хуже.

...Когда друзья стали разбирать бумаги, оставшиеся после смерти Бетховена, они нашли в потайном ящике гардероба письмо со странным адресом: «Бессмертной возлюбленной». Десять листов бумаги. А ещё нашли маленькую шкатулку, в которой лежали пятьдесят дукатов — всё состояние, что осталось от гения.

АНДРЕЙ КОСТАКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

***

Изучила карате сороконожка,
Чтобы кабана побить немножко —
За подножку на лесной тропинке.
Как ни странно, победила в поединке:
По бокам ногами била, била, била
И... щекоткой грубияна уморила.

***

По тропинке тихо-тихо
Шла на цыпочках слониха.
Всё равно повсюду шёпот:
— Ну и грохот! Ну и топот!

***

Раз увидел кот кита:
— Ну и килька! Ох, толста!
Как такую рыбу съесть?
На неё могли бы сесть —
От макушки до хвоста —
Триста тридцать три кота!

***

На балу у Снежной королевы
Снежных баб кружат снеговики.
Не жалеют в танце кавалеры
Ледяной паркет и башмаки.

Ровно в середине маскарада
Объявили танец ча-ча-ча.
Королева этому не рада:
Могут все растаять сгоряча.

***

Однажды шутник-аллигатор
Прилёг отдохнуть на экватор.
Гадают и звери, и птицы:
Зачем он лежит на границе?
А это была крокодилья забава:
Полмира — налево, полмира — направо.

***

Час держала мышь калитку,
Пропуская в сад улитку.
Повезло им: целый час
Не раскрыла кошка глаз!

***

Кукушка опечалена:
Любимого птенца
Сгубило воспитание
Приёмного отца.
Не хочет сын с кукушками
Спокойно петь: «Ку-ку».
Весь день по-петушину
Орёт: «Ку-ку-ре-ку!»

***

Табличка висит
У медвежьей берлоги:
«Входя, вытирайте,
Пожалуйста, ноги.
И очень прошу вас
Поменьше шуметь.
Спасибо заранее.
Спящий медведь».

***

Все зверушки попрятались в норах,
Незаметно нигде кутерьмы.
По ночам на замёрзших просторах
Бродит строгий хозяин зимы.

Но едва пробуждается солнце,
Седовласый добреет мороз,
Оставляя на каждом окне
По букету заснеженных роз.

***

Моя бабушка – овчарка,
Мой прадедушка – бульдог.
Мама – лайка, дед – ротвейлер,
Папа – королевский дог!
Я – бездомная дворняжка.
Как живу на свете? –
Тяжко!

Спасите Луну

Едва прекратились осенние грозы,
Лютуют всюю молодые морозы.
А в небе вечернем тоскует Луна.
Спасите Луну, замерзает она!

В дремучем лесу приютилась избушка,
А в ней – добродушная печка-старушка.
«Не плачь, мы развеем тоску и печаль.
Сейчас я из дыма сошью тебе шаль».

Луна улыбку забыла про слёзы:
Теперь не страшны ей любые морозы!

Загадка про воробья

И мама – певичка,
И папа – певец.
И станет певцом
Голосистый птенец.

Узнают певца
И малыш, и старик
По песне простой:
«Чик-чирик, чик-чирик!»

***

Старый лев нашёл часы
И надел на лапу.
Львяткам через пару дней
Стало жалко папу:
Он за день по триста раз
Отвечал, который час.

Начало зимы

Тучу Дедушка Мороз
Не спеша по небу нёс.
На уснувшие травинки
Сыпал искорки-снежинки,

Лес укрыл пуховиком,
В речку бросил снежный ком,
Дал задание метелям –
Подобрать наряды елям,

Шубы для дубов скроил,
Соснам шапки подарил,
А плакучим ивам – шали,
Чтоб утешились в печали...

Потрудился допоздна.
Всюду нынче белизна
Засверкает в лунном свете,
И забудут все о лете.

***

Потерял иголку ёж.
Где в лесу её найдёшь?
Ходит он угрюм и зол:
Ведь получают забияки
От ежа теперь при драке
Меньше на один укол.

***

Надо ж было таракану
У КОТА (!) стащить сметану.
Вор теперь до самой крыши
Бегает быстрее мыши.

***

Шепнула слониха знакомой тигрице,
Что их зоопарк – во французской столице.
Тигрица довольна: её карапузы
Не просто тигрята, а тигры-французы,
И смогут похвастать они для престижа,
Что детство прошло в закоулках Парижа!

***

От восхода солнца
До его заката
Прыгают по лужам
Крошки-лягушата.
И никто не получил
Нагоняй от мамы.
...Эх, открыть бы детский сад
У болотной дамы!

***

Не в яростной битве,
А ради забавы
Сдавили покрепче
Друг друга удавы.
Когда они вдоволь
Намяли бока –
Связались бедняги
В морской узелок.
Теперь с нетерпением
Ждут моряка,
Чтоб им как-нибудь
Развязаться помог.

***

С детства маленькие львята
Дорожат лохматой гривой:
Ведь на лысине корона
Не была бы столь красивой.
И потом – не будь причёски,
Ни за что ни зверь, ни птица
Даже близко не смогли бы
Разобрать, где лев, где львица.

***

Устало плывёт по реке крокодил –
Он сорок лягушек живьём проглотил,
И если он пасть приоткроет едва,
Все звери услышат печальное: «КВА-а-а-а!»

***

Однажды зимой на балу-маскараде
Медведь появился в мышином наряде.
Кота после бала до самой весны
Покоя лишили кошмарные сны.

***

У русских овчарок,
Тибетских терьеров
Язык разговорный
Без всяких барьеров.
Сибирская лайка
Залает: «Гав-гав!» –
Её понимает
Любой волкодав.
Зачем же, скажите,
Язык человеческий
Содержит в себе
Миллионы наречий?

***

Кошка около окошка
Помурлыкала немножко,
В кресло дедушкино села –
Поурчала, пошипела.

Покрутилась у порога,
Помяукала немного...
Кошка рифму подбирает –
Стих кошачий сочиняет.

Медвежий сон

Сочувствует медведю
Зимой лесной народ:
Ни разу косолапый
Не встретил Новый год.

Ему бочонок с мёдом
Оставил Дед Мороз,
А он храпит в берлоге,
Под лапу спрятав нос.

Кто скажет о подарке?
Не встретишь смельчака.
Разбудишь лежебоку –
А вдруг намнёт бока?

***

Ступил на крокодилиий хвост
Рассеянный слонёнок.
«Прощу, – подумал крокодил, –
Ведь он ещё ребёнок».

***

На болоте старая лягушка
Любовалась красотой заката,
Напевая правнукам на ушко
Песенку, которая когда-то
Волшебством баюкающих звуков
На ночь закрывала её глазки,
А теперь звучит она для деток,
Чтоб им снились лягушачьи сказки.

***

И рыбке известно, и храброму крабу:
Украшит улыбка и гадкую жабу.
Однако при виде акульей улыбки
От страха трясутся и крабы, и рыбки.

***

Щука зимою проснулась в пруду.
Глянула вверх: на очищенном льду
Дети азартно играют в хоккей.
Стала смотреть на забавы детей.
Так увлеклась, что уже через час
Просит защитников: «Дайте мне пас!
Мигом домчусь под водой до ворот,
Только... пробейте, пожалуйста, лёд».

***

Четыре чертёнка замучили чёрта:
Хотят среди ночи клубничного торта!
Ругается чёрт, что чертовски устал,
Но торт среди ночи чертятам достал.

***

Коза козлёнку
Читала сказки,
А у козлёнка
Слипались глазки.

Прочла всю книжку –
Читать устала,
А козлик просит:
– Начни сначала.

***

Волк по законам портновской науки
На зиму сшил себе модные брюки,
Шапку-ушанку, пиджак и пальто...
Но не завидует волку никто.

Если внезапно в течение года
Будет меняться капризная мода,
То не придётся, наверное, волку
Ни на минуту оставить иголку.

***

Если повстречаются
Мне собаки-злючки,
Сразу же я к дедушке
Заберусь на ручки,
Обниму одной рукой
Дедушкину шею.
Всё! Теперь я за себя
Постоять сумею!

***

Всё-таки выдал слонёнок секрет,
Сколько ему исполняется лет.
Гости на радостях дёргали час
Каждое ухо четырнадцать раз!

***

Ворчит волчица на сынка:
– Зачем ежонку дал пинка?
Получишь, драчунишка, взбучку,
Когда я вытащу колючку!

***

Леший хлопочет у ржавого чайника,
Варит кикиморам чай из лишайника.
Крутят, шушукаясь, кружки подружки –
Ждут не дождутся начала пирушки.

Были у ведьмы на прошлой неделе,
Суп мухоморовый досыта ели,
Завтра их ждёт водяной на гулянку...
Скоро в лесу не найдёшь и поганку.

***

Мышка-норушка холодной зимой
Хочет проверить в своей кладовой,
Нет ли в запасах зерна недочёта?
Стала подсчитывать – сбилась со счёта.

Снова приходится, как ни позорно,
Ей пересчитывать мелкие зёрна.
День постепенно за днём пробегает,
Мышка считает, считает, считает...

Вдруг поняла: наступает весна,
И... пробудилась от жуткого сна.
Хочется знать ей уже наяву:
«Сколько зерна? До весны доживу?»

Стоит ли всё же в кладовку идти?
Мышка считала с трудом до пяти.

***

Хозяйка связала
Котёнку на лапки
Из шерсти овечьей
Домашние тапки.
С годами он станет
Котом в сапогах
И вспомнит с улыбкой
О первых шагах.

***

Если белый медвежонок
Спрячется за льдинкой,
То на белоснежном фоне
Станет невидимкой,
И найти его не смогут
Семь часов подряд
Папа, мама, бабушка,
Дедушка и брат.

***

Левретка всегда уступала дорогу
Пятнистому псу – годовалому догу.
Но не потому, что боялась ребёнка:
Он внешностью очень похож на телёнка.
Поэтому путника издалека
Она принимала за сына быка.

***

Восемь ног у осьминога,
Восемь ног у пауков.
Представляете, как много
Детям надо башмаков?
Только кто же их научит
Зашнуровывать шнурки?
Нет у папы, нет у мамы
Ни единственной руки.
Так и ходят босоноги
Пауки да осьминоги.

***

Ворона сороке не зря толковала,
Где брошку вчера втихаря своровала.
Наутро сорока проснулась чуть свет
И там же украла янтарный браслет.

***

Цыганка на картах гадает ежу:
– Да ты шалунишка, как я погляжу!
Недавно расстроила старого волка
Торчавшая в кресле-качалке иголка.

Тащила медведица два чемодана
И вдруг поскользнулась на шкурке банана,
И, если не врёт мне бубновый валет,
Подпилен тобой даже мой табурет...

***

Всю зиму гордый снеговик
На зайца смотрит косо:
«Стащил морковку на пикник,
А как мне жить без носа?»

***

Десятки пушек для разбойных грабежей
Стоят на палубах пиратского фрегата,
И обязательно по несколько ножей
И пистолетов есть у каждого пирата.

А как сражение продолжит экипаж,
Когда закончатся патроны и снаряды?
Подает команду капитан: – На abordаж! –
И никому не будет никакой пощады.

***

Вспомнил старый дедушка
Школьную привычку –
Ради шутки бабушку
Дёрнул за косичку.
Вспомнила и бабушка
Возраст молодой.
Тянется рука её...
За сковородой.

***

Между шхун проплыл зигзагом
Кашалот с пиратским флагом.
Рыбаки без лишних слов
Отпустили весь улов...

***

Трепещет публика от страха,
Когда артиста голова
Из виду скрылась ненадолго
Внутри зубастой пасти льва.

Но не боится дрессировщик
Лишиться головы своей,
Ведь не посмеет обезглавить
Царя природы царь зверей.

***

Ни бензин, ни маслá
Не нужны для осла.
Но не хуже машин
Мчится ослик без шин.
А захочет инспектор
Проверить права –
Он ответит ему
Бесконечным: «И-а-а!»

***

Как только ребёнок в семейном кругу
Впервые кому-нибудь скажет «Угу»,
Родители вслух начинают малышке
Читать интересные детские книжки.
А кошка под лавкой урчит и мяучит –
Котят и без книг уму-разуму учит.

***

Если каркнет разом
Тысяча ворон,
То оглохнуть могут
И сверчок, и слон.

В тишине услышать
Даже сотню «КАР!» –
Всё равно что в ухо
Получить удар.

***

Курочка цыплёнка
Учит: – Ко-ко-ко!
Не беги от мамы
Слишком далеко!
Делай осторожно
Первые шаги.
Ты пока не знаешь,
Кто твои враги.

***

Согласен сетчатый питон
Сыграть с мартышкой в бадминтон.
Паук знакомый пару сеток
Уже наплёл им для ракеток.
Да, на всеобщую беду,
Устали змей и обезьяна
Просить у скряги-какаду
Цветные перья для волана.

***

Когда уснуло солнце,
Для жителей болот
Лягушка рассказала
Отличный анекдот.

И тишину болота
Как будто бы из пушек
Расстреливал полночи
Задорный смех лягушек!

Не все, конечно, знают
Лягушкины слова,
Но даже их смешило
Раскатистое: «КВА-а-а-а!»

***

Щука щурится спросонья:
— Хорошо, что не чехонь я!
Чересчур на мрачном фоне
Блещет чешуя чехони!

***

В доме-новостройке,
В нежилой квартире
Размечталась мышка
О голландском сыре
И у неба просит
О великом чуде:
Только бы без кошки
Поселились люди.

***

Старый пёс кипит от злости:
Кот стащил из миски кости!
Ну а в старости, к несчастью,
Испугать беззубой пастью
Невозможно даже мышку.
Вот и злится пёс на кошку!

***

Охраняло пугало
Огород всё лето
И не заработало
Ничего за это.
В тонкой рубашоночке,
С голой головой,
Всеми позабытое,
Мёрзнуло зимой.
Ночью даже у него
Било дрожью зубы...

А в чулане ела моль
Валенки и шубы!

***

Серой мышке всё равно —
Гречку грызть или пшено,
Кабачок или морковку...
...Не проник бы кот в кладовку!

***

Нет, не стали мышки
Есть на полке книжки.
Страшно грызть обложки:
На обложках — кошки!

***

Под носом собаки домашняя киска
Гуляла всегда безо всякого риска.
Боялась дворняжка все долгие годы
Поссориться с кошкой сиамской породы.

***

Снежной бабе целясь в бок,
Запустил малыш комок.
Снежной бабе не обидно:
На боку снежка не видно.

***

Остановились баран и барашек
Около трёх желтоглазых ромашек:
Папа барашка учил с юных лет
Маме дарить в день рожденья букет.

***

Не та сегодня слава у гусей,
А было время — каждый грамотей
Пером гусиным чиркал закорючки.
Но в мире появились авторучки.

Скребут бумагу перья из металла,
И, к сожалению, давно уже не стало
Той прелести старинных вензелей,
Что выписаны перьями гусей.

***

Лягушонок из-под ряски
На ворон таращит глазки.
Раз ворона, два ворона...
Досчитал до миллиона —
И дошла душа до пяток,
А ворон... всего десяток!

Весна

Когда умчится, хвост поджав,
Последняя метель,
Крушит зимы свирепый нрав
Проказница-капель.

Сломав оковы крепких льдов,
Дремавшая река
Прохладой тающих снегов
Умыла берега.

Бормочут что-то в облаках
Раскаты юных гроз,
И я спешу испить в лесах
Весенний плач берёз!

***

Под забор полез Трезор,
И застрял... Какой позор!

***

И сомята, и сомы
Всех страшат усами –
И во сне усы сома
Шевелятся сами.

***

Люди, повстречав друг друга,
Пожимают крепко руки,
Но клешню малютке раку
Жать бояться даже щуки.
Плавником качнут слегка,
Да и то издалека.

***

Когда разрешали на уток охоту,
Ворону тянуло поближе к болоту.
Охотники там затаились в кустах
И в небо из ружей стреляют: «Ба-Бах!..»
За несколько лет убедилась ворона,
Что тратят на утку четыре патрона
И что невозможно несчастных дурёх
Считать научить ну хотя бы до трёх.

СЧИТАЛКИ

***

Топнул бык ногой сердито:
– Кто разбил моё корыто?!
Целый день я без воды.
Где обидчика следы?!
Раз-два-три-четыре-пять,
Бык пошёл тебя искать.

***

Может всё про всех узнать
Старая гадалка.
Раз-два-три-четыре-пять –
Вот и вся считалка.

***

Лада-лада-ладушки –
Я в гостях у бабушки.
Звонко хлопают ладошки
У старушки и у крошки.
Если промахнётся вдруг
Маленькая ручка,
Убегает бабушка –
Догоняет внука.

***

На Луне лунатики
Не знают математики.
Вот и спорят по полгода,
Кто в пятнашках будет вода.
Мы не мучаем друг-друга:
Раз-два-три – уйди из круга.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

***

Почему восточный джинн
Забирается в кувшин?
Довела работа...
Отдохнуть охота.

***

Почему над избушкою Бабы-яги
Не спеша Змей Горыныч мотает круги?
Потому что пекутся в печи пироги.
И надеется Змей: «Может, нужен
Собеседник старушке на ужин?»

***

Кто царь зверей? Конечно, лев!
А почему не слон?
Такого толстого царя
Не выдержал бы трон!

***

Почему хромает леший?
Потому что леший — пеший.
Ни коня, ни ишака
Нет в хозяйстве старика.
Вот и сшиб ногой корягу.
Пожалел бы кто беднягу!

***

Почему, заметив псину,
Кот ужасно выгнул спину?
Такой боевой ритуал у котов:
С жизнью простился — драться готов!

***

Почему у хитрых змей
Нет совсем ни рук, ни ног?
Чтоб не покупать зимой
Ни перчаток, ни сапог.

***

— Для чего усы мужчинам?
Задал деду внук вопрос.
— Чтоб случайно на прогулке
Не влетела муха в нос!

***

Почему король на троне
Должен быть всегда в короне?
Просто в кепке и в берете
Рассмешит он всех на свете.

***

Зачем на море всплывший кит
Пустил большой фонтан?
А чтоб его на судне смог
Заметить капитан.
Друг другу улыбнутся —
Друзьями разойдутся.

БОРИС КРАСИЛЬНИКОВ

Поэты

Поэты, чей прах растворился в земле,
Строками стихов ходят в гости ко мне,
Как другу, вверяют порывы души,
Сердечные тайны, волшебные сны...
И в те же мгновенья гостят у других —
Почти вездесущность их с Богом роднит.
Роднит со Всевышним их участь творца —
Сплетением слов будоражить сердца.

Навеянное пандемией

О если б люди не старели
до дряхлости и сохраняли ясный ум и силы
и жили б все без страха о пределе,
табун болезней обуздав навеки,
и смерть была б насильственной и только
и вызывалась к ним такси подобно,
когда наскучит всё и от родни бессчётной
(дерущейся, делящей) станет дурно.
Нашёл тогда на это кто бы силы?
Вот был бы цирк и хаос беспросветный,
вопрос квартирный стал тогда бы в кубе
и все леса пеньками б обнажились,
от «саранчи» — безжалостной, двуногой —
религий затрещали бы догматы,
а войны стали б ливнем животворным
для изнурённой, стонущей Земли.
Устроен мудро Мир, но всё же, всё же, всё же...
найти б «нору», нырнуть в Мир параллельный,
где живы Все и Всем Всего довольно...

Страх бездны

Становлюсь всё ближе к Богу,
Сбросив груз вражды, обид.
В невесёлую дорогу
Собираться предстоит.

Ручейком текут желанья
Иссыхает их исток —
Тело шепчет «до свиданья»
Всем страстям, что вспомнить мог.

Счастьем было бы, наверно,
Не вкусив телесных мук,
В чан кипящий окунувшись,
Возродиться Новым вдруг.

Но боюсь, что наш Создатель
Эту сказку не читал
И для плоти предназначил
Всем известный ритуал...

Пусть я стану бестелесен
И прозрачен, как эфир,
Лишь бы слышать звуки песен,
Видеть, как прекрасен мир.

С ветром подружусь навеки,
С вьюгой закручу роман —
Понесёмся по планете
В разноцветье разных стран.

Эскиз

В ажурном «кофе с молоком»
стояла, глаз не поднимая,
и молния на платье том
казалась мне вратами Рая.

От счастья млею дверной проём,
в картину с ней преображаясь,
когда она застыла в нём,
его границ едва касаясь.

И жаждал взгляд её поймать
луч солнца, зайчиком играя,
и, змейкой извиваясь, прядь
сияла, словно золотая.

Вот и всё...

Вот и всё — тебя не стало,
Плоть истлеет, пусть не враз,
Жизни дней всегда всем мало —
Призрак счастья дразнит нас.

Вмиг душа осиротела,
 Став слепой, глухой, немой.
 Одиноко ей без тела
 Обретать в Мирах покой.

Через век не станет зданий,
 Где с тобой гнезвился люд.
 Новым жизням трелью ранней
 Птицы гимны пропоют.

Как в твоей, в них будет биться
 С пылом, жаром юных лет
 Залетевших чувств жар-птица,
 Оставляя в сердце след.

Канут в прошлое их годы
 С грузом дум, страстей и сил.
 Вспомнят грёз увядших всходы
 В жажде, кто б их воскресил.

Начнут верить в бездну ада,
 В царство Троицы Святой –
 В лапах смерти – станет надо,
 Когда час пробьёт такой.

13 сентября

Он думать про неё забыл,
 Как вдруг она во сне явилась.
 В стихах застыл любовный пыл –
 Фантом её возник как милость.

Как тут не верить в чудеса:
 Девятый месяц, туз и тройка,
 У Дамы карие глаза,
 И Дева стала знаком только.

Размытый облик не узнать,
 Но голос спутать невозможно,
 О Господи, зачем опять? –
 Упрятаны ведь чувства в ножны.

Видит око...

Мне бы тело молодое
 И копну льняных волос –
 Встретил взглядом взор девичий
 И столбом к земле прирос.

Побежал бы я вдогонку,
 Про миры ей нёс бы чушь,
 Приголубил бы девчонку,
 Как навек влюблённый муж.

Видно, в сердце отболело...
 С чувств застывших снят озноб.
 От красы лица и тела
 Зацвести готов и столб.

Ахарисгия

В слепом младенчестве крещённый,
 Храм воплем страха огласив,
 Познаешь термин «оглашенный»,
 Когда ударит жизнь под дых.

Тогда наденешь крест нательный,
 Свечу пред образом зажжёшь.
 И станет с ближним речь елейна,
 Но с губ слетит лишь благом ложь.

Отведаешь тогда кагора
 И каплям с ложки будешь рад,
 Из рук священника просфора
 Настроит жизнь твою на лад.

Отливом отойдут невзгоды,
 Путь указуя в благодать,
 Но не сорвёт душа оковы,
 Вновь телу станешь угождать.

В довольстве, разомлев по-детски,
 Подумаешь, что жизнь постиг,
 И вдруг в узоре занавески
 Узришь укором Божий лик.

Лик девичий

*...Любовь ещё (возможно,
 что просто боль) сверлит мои мозги,
 Всё разлетелось к чёрту на куски.*

И. Бродский

Лик девичий в окладе из волос,
 спадающих руном на свитер алый,
 над прозой жизни душу мне вознёс,
 в поход отправив за бессмертной славой.

Тогда волной неслась по телу дрожь,
страсть родилась с нежданностью цунами
и в снежность горла, с силой: «невтерпёж»,
от губ впеклась кровавыми следами.

Недолговечным было губ «тавро»,
мой облик был не для её романа –
умчался поезд с ней в темным-темно
от чувств моих, от «детского» обмана.

Чутьё щенком скулило: не вернуть,
но сердце отступить не давало,
и тронулся состав иллюзий в путь –
к той станции, где счастье обитало.

Открылась дверь, шагнул я в полумрак,
Остолбенел, застряло в горле слово –
явилась женщина, из уст притворство, страх
и ещё много там всего такого...

Играть со мной пыталась в дурака,
краплёные грехом кидала карты –
смотрело чувство в скорби, свысока,
и вытекала жизнь его по капле.

Лик девичий в окладе из волос,
спадающих руном на свитер алый,
мечты моей осколком в сердце врос,
из королевы став водою талой.

Падение

По мелочам вредил мне мелкий бес,
А может быть, не бес, а кто-то рядом...
И падал я, терял нательный крест
Под брошенным мне в спину

чьим-то взглядом.

Оглянешься – все внешне хороши,
А ты лежишь, незнамо чем сражённый,
Один неверный шаг, и в теле нет души,
Но жив пока, и все мечты бездонны.

Заняться, что ли, шведскою ходьбой?
Да вот боюсь, что не спасут опоры
В пространстве, где играют ворожбой,
Где ненавистью брызжут мыслей поры.

Слепой наткнулся тростью на меня
И извинился – это ли не чудо?
В толпе, давящей ноги почём зря,
Расцеловать его готов среди люда.

А может, этому всему виной
Рассудок мой болезненно-ранимый?
И мнимо колдовство души чужой,
И надо мной кружатся херувимы...

Призрак

Когда, устав от жизни серой,
От тяжести похожих лет,
Себя представишь королевой,
В которую влюблён поэт,

Тогда помолодеет тело,
Украсит Лик оклад волос,
Смотреть на жизнь Ты станешь смело,
Забыв про Гамлета вопрос.

И в забытии мечты блуждая,
В очах прикрытых сон тая,
Увидишь, как Посланник Рая,
Волшебный свет льёт на тебя.

А рядом, преклонив колени,
Как призрак юности былой,
Поклонник твой, подобный Тени,
Явится, словно дух святой.

Ты сможешь Тень его ударить,
Ты сможешь Тень его обнять,
И он, морями отдалённый,
Почувствует любви печать.

Преодолев разлуки дальность,
В тот миг к сердцам вдруг боль придёт,
И нереальный мир Реальность
В слезах невольных обретёт.

Бред наяву

Он ею бредил наяву:
Она мерещилась в прохожих,
Скакало сердце на ветру,
От черт, лишь издали похожих.

В беседах именем её
Других он нарекал случайно,
На миг впадая в забытьё:
Рассудком раскрывалась тайна.

В пути не замечал скандал
И то, что кто-то был неловок,
Он годы с нею проживал,
Проехав десять остановок.

При ней он телом каменел,
И лава слов в нём застывала,
И бегством он спастись хотел
От той, что так околдовала.

И после, проживая дни,
Как узник, ждущий приговора,
Срывал боязней кандалы
Для встречи с ней и разговора.

Открыла дверь ему лишь Тень —
Той, что его безумством стала.
Он опоздал... и ощутил
Финал рассказа «После бала».

Но разум не желал принять
То, что мечта его угасла,
Шептали губы слово: «Кать...»,
И жизнь его была прекрасна!

Ночная тоска

Где вы, детство беззаботное
Средь кузнечиков и грёз
И поляна поселковая
С хороводом из берёз?

Где друзья мои весёлые
И собака Уголёк?
Где вы, бабушки и дедушки,
И лампы огонёк?

Где трескучие морозы
И тепло кривой печи?
По лицу катятся слёзы
От бессилия в ночи.

Молчаливый диалог

Их молчаливый диалог
возник от молнии незримой,
её разряд сбил мысли с ног,
сердца наполнив юной силой.

Под шелухой избитых фраз
живёт словам он параллельно —
в движеньях рук, в сиянье глаз,
от окружающих келейно.

Они в пространстве средь дверей,
наполненном рабочим бытом,
а не на острове вдвоём,
людьми и Богом позабытом.

Друг друга ищут их тела,
как Юг и Север на магните,
толпе чужда их маета,
понятна Левину и Кити.

Осенний звон

Пронеслась стрижами летняя пора,
Вновь несёт букеты в школу детвора,
Осень подлетает стаями ворон,
Душу будоражит колокольный звон.

Суетливых улиц меркнет звуков рой,
Под его былинный голос вековой:
Одиноким тоном, словно камертон,
Насыщает воздух Благовеста звон.

Об уходе времени, о земле сырой...
Гулким эхом множится колокола бой.
На урок зовёт он взрослых, как детей,
Просит не молиться, просит быть добрей.

Скорбь

Всё корчуют бордюры,
Застилают газоны —
Не слышны по ромашкам
Погребальные звоны.

Тело улиц знакомых
Стало ново, красиво,
Только с этим уходит
Из души моей сила.

Ярко солнце пылает,
И трава изумрудна,
Только что-то мне зябко,
И дышать порой трудно.

В ночь скручу одеяло,
Обниму его крепко,
Папы с Мамой не стало,
Жизнь – совсем не конфетка.

Там город оказался...

Там огород казался садом дивным,
Наполненным неведомым зверьём,
Сарай убогий – замком нелюдимым,
Рождались страхи шорохами в нём.

Там небо ежедневно трепетало
Крылами белоснежных голубей,
Малины спелой было вечно мало –
Тянулись ручки меж листвы за ней.

Вертелась там юла, и мягкий мишка,
Попав в объятия, помогал уснуть,
И, словно разукрашенный, из книжки
Котёнок забирался мне на грудь.

Бетоном зданий заросло то место:
Кричи «АУ!» – его не отыскать,
Фантомной болью оживает детство
И память пускает время вспять.

Ненастье

Пьяным барабанщиком
Дождь стучит в окно –
Завидно, что рядом
Сухо и светло.

Дом не из соломы,
Дом из кирпича.
Волком ветер воет,
Щели в нём ища.

Не страшно ненастье –
Ведь придёт оно,
Градом бьют напасти:
К одному – одно.

Беды неизбежные,
Не кляню я вас,
А спасаюсь бегством
От недобрых глаз.

С мудростью медвежьей
Затаюсь в тепле.
Суета и дразги
Плачут пусть по мне.

Путь в никуда

Можно ливнем разрыдаться,
Вспомнив тех, кого уж нет.
С чередой бед-дегустаций
Мил не станет белый свет.

С головой уйду в кручину,
От вины на сердце гнёт,
Захлебнусь в слезах и сгину –
Скорбь трясиной засосёт.

И берёзкой стан девичий
Не склонится надо мной,
И не выдернет из плена,
Нежной, ласковой рукой.

Оттого тропой Орфея
Не иду спиной вперёд,
Прошлым боле не болея –
В никуда оно ведёт.

Птица вольная

Беззаботность птицей вольной
Упорхнула в свете дня,
Видно, посчитав: довольно
Песен спела, веселя.

Я кормил её по-царски,
Вин заморских не жалел,
Но финал настал сей сказки:
Улетать – её удел.

В «страны» юного безумства,
Где ещё не знают бед,
Где девятым валом чувства,
Где изгоем слово «Нет».

В ком найдёт теперь гнездовье,
Срок отмерив для себя?
Осчастливит иль погубит,
Райским пенем опьяня?

Неизбежность

Собратьям стайным став немилым,
 Недугом сброшенный с небес,
 Дрожал комочком сизокрылым
 Под дверью, что вела в подъезд.

Нахохлившись, глаза сомкнувши,
 Болезнью загнанный в тупик,
 Казалось, он у ног прохожих
 Молил приблизить смерти миг.

Но не топтали тело ноги,
 Собаки воротили нос,
 Лишь где-то ворон одинокий
 Летел на городской погост.

Загадка

Невозможно раздражая,
 Муха бегаёт по краю
 Диска люстры надо мной,
 Он сияет белизной.

Что на нём она забыла?
 Там всё пеной смыло мыло,
 Свет, и тот лишен там пыла,
 Тайну беготня таила.

Или ей осточертело
 Приставать, садясь на тело?
 Стала ей мерзка помойка,
 Липкость грязи, тлен еды,
 Сбилась жизни всей программа,
 Бунт возник против судьбы —
 Жаждет муха чистоты.

Свиристели

Налетели свиристели,
 Закружились, засвистели,
 Вихрем канули в рябине,
 На ветвях тревожа иней.

Запорхали все крылами,
 Закивали головами,
 Окунулись в ягод лужи,
 Расплескав их среди стужи.

Вмиг забыли про метели
 Среди ветвистой той купели,
 Среди снегов, что заалели
 От рябиновой капели.

Ангелу-хранителю

От карего, от голубого,
 Но лучше всё же от любого —
 От сглаза — сбереги меня.
 Пусть взгляд недобрый отразится,
 Ударившись невольной птицей,
 Не повредив души стекла
 Той, что наивна и светла,
 И этим рада поделиться.

Среди житейской суеты,
 Где коршуном над всеми случай,
 Причиной стать чужой беды
 Не дай, товарищ мой летучий.
 Всё остальное ерунда,
 Будь то наветы и хула —
 Они исчезнут злобной тучей.

Дамоклов меч

Дамоклов меч внезапной смерти
 От пустяка, от ерунды,
 От чьей-то глупой дикой мести
 Принять как данность должен ты.

Канатоходцем делай дело —
 За шагом шаг, за шагом шаг,
 Идя к намеченному смело,
 Хоть рядом вечно бездны мрак.

В метро

Хищной птицей в вагоне место себе выискивая,
 Полонённая бытом, до бесчувствия ног,
 Сквозь шеренги тел своё тело протискивая,
 Жаждет взгляда того, кто бы ей бы помог.

Ей бы впасть в забытьё, скинуть дел всех ярмо,
 Просто сесть на скамейку устало.
 Мчится в тёмном стекле отраженье её
 Слепком той, кем была и кем стала.

Кто-то сразу не встал, затаившись, как зверь,
Телом, вспомнив из «Маугли» фразу.
Рвутся новые судьбы в открытую дверь,
Подчинённые жизни приказу.

Но под «пулями» взглядов поднялся другой,
Видя Мать в ней, Сестру и Невесту,
Он за душу свою шёл в невидимый бой,
Ощувив отвращенье к «наседсту».

Стыд холодным стволем постучал мне в висок,
Я увидел себя в настоящем:
Средь уткнувших лицо в «монитора кусок»,
О любви бесконечно твердящим.

Пёстрая лента

Из норки картонной блестящей змейёй
Липучая вылезла лента,
На кухне в верёвку вцепилась петлёй
И ждать стала жадно момента,

Когда соблазнят её глянцевого вид
И запах, густой и дразнящий,
Крылатых букашек, чья жизнь состоит
Из поиска пищи манящей.

И мухи летели на гибель, жужжа,
И в глянцевом вязли болоте,
В мученьях у них отлетала душа,
И лента пестрела от плоти.

А дети смеялись, играя под ней,
Считали тела для потехи,
Казалась им жизнь вереницею дней,
Где радость вселилась навеки.

А дедушка рядом качал головой:
Он знал, что не ведали дети,
Как кто-то незримый, лукавый и злой
Раскинул для них свои сети.

Бес в ребро

С приятностью ветки жасмина,
Едва распутившей цветы,
Всё в ней притягательно мило,
Ей жаждут уста сказать: «Ты».

С улыбкой её возникают
Лукавой Джоконды черты.
Застыло у самого края,
Сорваться боясь, слово «Ты».

В ту бездну сердечных волнений,
Забытой давно суеты,
Где ждать могут символ олений
И розы коварной шипы.

Две чаши весов – ЗА и Против.
ЗА – к небу, под гнётом судьбы,
Но бьющий в ребро бес юродив,
Мечтает шептать в ночи: «Ты...»

Грусть

Куда ушла былая красота?
Она теперь мне так необходима:
Я внешне – плоть осеннего листа,
Душа цветёт, но тайно и незримо.

И как внушить любимой: «Ты хорош» –
И оставаться скромным и правдивым?
Здесь нужен ум, а где его найдёшь,
Когда он весь исчез под взглядом милым.

Боюсь

Я боюсь, что совсем некрасив,
Я боюсь, что совсем неразумен,
Я боюсь, что, наверно, спесив,
Я боюсь, что не создан для будней.
Но боязни свои растопчу,
Уничтожу клубок их гадючий,
Только Ты бы прижалась к плечу,
Словно молвив: «Себя ты не мучай».

Стих джаз

Я пил настой шиповника
Под аромат жасмина,
Джаз лился из приёмника,
Всё телу было мило.
На блюде бледно-розовом
Зефир пленял уста,
И рядом клавиш белых
Дразнила пастила.

И занавес оконный,
Похожий на вуаль,
Хранил мир полусонный,
Где изгнана печаль.
Она влетела в комнату,
Нарушив грёз покой,
Окраскою тигровой,
Недоброю молвой.

Зигзагами полёта
Мой взгляд свела с ума,
На яства не садилась –
Не ела, не пила.
Лишь только исполняла
Безумный танец свой,
Труба ей стала другом,
Прятелем – гобой.

И в памяти всплывала
Пора амурных стрел,
В ней талия осиная
И хищницы удел.
Ей, видно, не хватало
Партнёра по судьбе,
Она мне сердце сжала,
Приблизившись ко мне.

На край стола присела,
Словно отдав поклон,
И мигом улетела,
Рыдал вслед саксофон.
Протяжно и печально
Мысль навевал кларнет:
Она, как ты, искала,
Чего на свете нет.

Остыл настой шиповника,
Поник цветок жасмина,
Стих джаз в устах приёмника,
Вдруг стало всё немило.
Жизнь стала лишь довольствием,
Довольства нет судьбой,
Но грех бить лбом об стену –
Здоров я и живой!

ЗОЛОТОЙ ТОМИК ПОЭЗИИ III

- ✓ Лучшие стихотворения современников и признанных классиков
- ✓ От одного до трех произведений от автора
- ✓ Твердый переплет
- ✓ Карманный формат

В сборнике стихотворений, объединяющем лучших современных поэтов и классиков Золотого и Серебряного веков русской литературы, каждый читатель найдёт своего собеседника, чтобы поболтать тет-а-тет. Произведения проходят строгий отбор редколлегии. Вот почему любое из них, подобно стреле, попадает в цель – в сердце библиофила.

СВЕТЛАНА КУЗЬМИНА

***

Вчера часы остановились
Внезапно – ТИК... и тишина.
А Вы у клёна ждали. Или
Я не была приглашена?
И птица в спальню не влетала,
И это вовсе был не знак?
Как вкопанное время встало
Со вставшим в горле комом – ТАК...
Закат с окна снимает мерки
В повисшей в комнате пыли.
И вечность оперлась на стрелки,
Как инвалид на костыли.

1 декабря 2016 г.

***

Он был обескуражен тишиной
И чьим-то взглядом пристальным исколот.
Накрыв его безмолвия волной,
За шиворот потёк могильный холод.
Она сидела в кресле, у стола.
Он сделал шаг, второй и... резко замер.
Она... Не может быть... Она... спала
С распахнутыми синими глазами.
Покоем было всё оглушено.
Часы и те, опешив, просто встали.
И солнца луч, ввалившийся в окно,
Лицом уткнулся в вазочку с цветами.
Она спала. Весь мир умолк вокруг.
Он голову свою зажал руками
Спасительным кольцом холодных рук.
Она, и он, и ваза с васильками...

Июль 2017 г.

***

Так выходят из комы.
Прорастают во ржи.
Мир, до боли знакомый,
Выясняется – жив!

Больше звуки не тонут
В полынье одеял.
Я – осушенный омут.
Или это – не я?
Я. Дорога и тот же
Фонаря ореол.
И на спинах прохожих
Неба крупный помол.

11 января 2021 г.

***

Сегодня листья форточке шуршат
Про двор, грозой прострелянный навывлет,
Что снова неба треснувший ушат
На лысые макушки кровель вылит,
А ветки в заусенцах чёрных птиц
Совсем безвольно вдоль стволов повисли
И что мои полуночные мысли
Ни смысла не имеют, ни границ.

11 июля 2020 г.

***

Река мелеет медленно. И где
Она уже темней квасного сусла,
Сегодня чайка ходит по воде
Уверенной походкой Иисуса.
И, здесь изнемогая от жары,
Единожды потерянные души
Идут вослед, стараясь не нарушить
Июньскую туманность мошкары,
Надеясь на спасенье. А пока,
Брезгливо морщась от любого всплеска,
Затягивает в омуты река
Немолчный шёпот листьев перелеска.

Июнь 2019 г.

***

Проходит жизнь... И мы с тобой... пройдем...
Стремительно (но безвозвратно только)
По чьим-то судьбам проливным дождём,
А может быть, секундной стрелкой тонкой
По циферблату собственной судьбы
Очертим круг, но маятник не дрогнет...
Глядят в закат фонарные столбы,
Но там, как ни хотелось бы, дорог нет.

19 февраля 2018 г.

Проплывающая не спеша,
Исчезая за кронами где-то...
Как же здесь отдыхает душа.
Как же тихо кончается лето.

22 августа 2015 г.

***

Вся мудрость неба, в звёздных запятых,
Подчёркнутая следом самолёта,
Спешит открыться в истинах простых
И даже ближе к Богу стать даёт нам.
Дает понять – и в завершение дня
Надежда есть. Надежда есть и есть я,
И будущее смотрит на меня
Сквозь тонких серых веток перекрестья.

23 марта 2020 г.

***

Крик тишину задушит.
Зеркало разобьётся.
И, затыкая уши,
Ангел в комок сожмётся.
Как же некстати ожил
Сердца гранитный камень.
Не удаётся, Боже,
Вырвать его руками!
Взрывы синхронны вспышкам.
Стены прозрачней кожи.
Пятиться поздно слишком.
Всё остальное... тоже.

5 января 2021 г.

***

Играется ночь до утра
В цветную мозаику окон.
И тихо качают ветра
Луны округлившийся кокон.
Но как же далёки они,
Обманчивы, словно химеры...

Погашены в спальне огни,
И пахнут лавандой портьеры.
Заметив сердечко свечи
Во мгле, воцарившейся в доме,
Ладонь протяни, помолчи –
Увидишь звезду на ладони.

И сразу поймёшь – суета
Всё то, что за стенами где-то,
Что наша реальность проста
И снова любовью согрета,
Бездушной зиме вопреки.

И станет частичкою чуда
Рождение новой строки,
Пришедшей к тебе ниоткуда.

Январь 2008 г.

***

Хорошо быть килькой. Килькою в томате.
Просто рыбой в банке, сделанной по ГОСТу.
Рыб не посещают мысли о зарплате,
Им не нужен отпуск и стремление к росту.
В банке всё понятно – стенки, крышка, днище,
И томат, по ГОСТу сладкий и тягучий.
Спит спокойно рыба, лучших мест не ищет.
Разве есть хоть что-то круглой банки лучше?
Не пугает рыбу низких туч расцветка,
Снег на воскресенье и дожди в субботу.
У неё по ГОСТу даже этикетка.
Я пока не килька. Еду на работу.

30 апреля 2021 г.

***

Тихонечко скрипит земная ось,
И всё опасней мира немота.
На крыше дома небо разлеглось,
Созвездия на руку намотав.
Вдыхает снег чердачное окно,
Смакует печь последний уголёк.
С рожденья всё на... жизнь обречено,
А кто обрёт, немислимо далёк.
А мы? Глядим в мерцающую высь,
Где не важны года и города,
Но там несчётным множеством «Родись!»
Зажжётся вновь одна Его звезда.

6 января 2022 г.

***

Март изо льда выдавливал раба.
Раба Зимы. По капле. Очень жёстко.
Неделю шла упорная борьба
На площади, на лужах перекрёстка,

На крышах и на лестнице в подвал.
Зима с ухмылкой на него глядела,
Швыряя горсти снега то и дело
На лёд. И он ей ноги целовал.

Март 2016 г.

***

Заливало почти отвесно
Флигелёк в глубине аллея.
И тянуло корой древесной
И листвой изо всех щелей.

А внутри прозябали тени
И тянулись к живой воде,
Прожигавшие жизнь не с теми
И не принятые нигде.

Прижимались к окну и млели,
Но от вспышек шальных зарниц,
Заметавшись, кидались к двери
И бессильно валились ниц.

Затихало — вставали важно.
Замыкали привычный круг,
Оставляя на стёклах влажных
Отпечатки незримых рук.

Июль 2008 г.

***

Вечер... Значит, пора туда,
Где заборы сплошной чертой
И рубцуются провода
Свежевыжатой чернотой,
Чтобы снова развеять миф
О величии бытия,

Где в силки придорожных ив
Будет поймана боль моя.
Знаю, это ещё не край.
До бессонницы час пути.
Падай, небо, уже давай
И ромашками зарости.

6 марта 2022 г.

***

Был у него на смерть иммунитет
(О, как она зубами скрежетала).
Они встречались часто тет-а-тет
Среди ошмётков плоти и металла.
Молчали вместе каждый о своём
(Но только лиц не видели ни разу).
О, как же тесно было им вдвоём,
И жить ещё сильнее хотелось сразу
Ему. И быть сильнее хотелось Ей.
Хотя... Звучит нелепо — смерть хотела...
Земля гремела, выла и летела
В тартарары. Они летели с ней.

19 июня 2016 г.

***

А знаешь, я почти смогла смириться
С тисками стен, окном, бельмом луны,
И лишь душа — амурская тигрица —
Кидается на прутья тишины,
Ища тебя всю ночь напропалую...
И каждый раз в нахлынувшем бреду,
Обняв тебя, неистово целую...
Твоё тепло у прошлого краду.

Июль 2008 г.

ИРИНА КУРАМШИНА

Мультизакат

Вере снова не спалось. По веранде гулял лёгкий сквознячок, пришлось накинуть старый жакет крупной вязки. А чтобы и по ногам не дуло, женщина укрыла их пледом — пушистым, мягким и очень тёплым, что было весьма кстати в такую ветреную погоду, как сегодня. Она уселась удобнее в любимом кресле и благосклонно кивнула собаке, которая только и ждала разрешения хозяйки, чтобы прыгнуть и заснуть в тепле пледа.

Собака тут же задремала, сопя и похрюкивая во сне, а Вера вгляделась в бесконечную даль поля. С высокой веранды, несмотря на забор, обзор был великолепен. На горизонте поле горело и тонуло в закате. Справа медленно ползли мрачные тучи, постепенно накрывая вечернюю красоту любимой картины женщины.

«Точно художник, которому разонравилось творение и он решил его уничтожить, — подумалось Вере. — Взял кисть и перечеркнул только что созданный мир...»

Собака, видимо, почуяв приближающиеся изменения погоды, заворочалась, глубже зарываясь в плед.

Вера любила свою дачу. Всего-то шесть соток, пусть и огороженных глухим высоким забором. Но ведь не несколько десятков квартирных городских метров! Здесь не нужно было притворяться, лицемерить и быть всегда начеку. Особенно вечерами, ближе к ночи, в тишине, когда трудяги соседи засыпали от усталости. Именно в это время можно было погрузиться в медитацию. Вдохнуть далёкий и потому притягательный космос.

Наверное, за это Вера и любила свою дачу. А вовсе не за банальную связь с землёй. С ней-то как раз связи никакой не усматривалось. В отличие от своих соседей, женщина

на своем участке ничего не выращивала. Или почти ничего. Цветы и кустарники не в счёт. Она сажала только то, за чем в дальнейшем не нужно было ухаживать. «Дождик польёт, солнышко вырастит имеющееся, — отшучивалась Вера, когда кто-нибудь из соседей предлагал ей саженцы или семена. — А остальное купим». Впрочем, она уважала земледельческие устремления дачников, даже несколько завидовала им, даже пару раз повелась и ткнула в землю огуречную рассаду. Как ни странно, огурцы выросли. Вкусные и сочные. Все до единого Вера съела с огромным удовольствием. Однако следующим летом, сколько сердобольные соседи ни старались, овощных плантаций на участке у Веры не появилось.

Женщина удивлённо оглядела горизонт. Куда-то делись грозные тучи, вместо них небо сложилось редкими перистыми облаками. Солнце почти село, полоса заката стала тоньше. За думами она и не заметила, как «мастер подправил картину», вернув яркие, хоть и угасающие в наступающей ночи краски. И, как всегда это бывало в конце заката, контур островка леса посреди бескрайнего поля стал более резким.

Вера часто ловила себя на мысли о том, что сожалеет о наличии этого самого кусочка леса напротив её дачи. Нервничала, ждала, когда солнце совсем уйдёт за горизонт и лес до появления луны скроется из виду. Он нарушал её идеальную картину бесконечности. Вызывал ненужные сомнения, не давал покоя мыслям. Всегда. Но почему-то не теперь...

Она склонила голову вправо, потом влево, напряжённо всматриваясь в привычный пейзаж, и неожиданно поняла причину своего нераздражения. Воображаемый художник впал в детство и нарисовал мультфильм. Закат, а вернее, его багровые отблески, сам горизонт — всё стало игрушечным, сказочным, реальным и нереальным одновременно. И островок леса стал его частью. Волшебной мультипликационной частью. Необходимой по сюжету... И возникло жгучее желание поделиться хоть с кем-то своим открытием.

— Эй, соня, просыпайся, — стала тормошить Вера собаку, за неимением поблизости других живых существ. — Проспишь такое событие! Смотри, смотри! Это — мультизакат! Завтра его может не быть...

Что-то странное происходит...

Чем больше-чаще болею (и, соответственно, старею-взрослею), тем воздыхатели настойчивее.

Девчонки, вы не поверите! Это феномен, в который я до сих пор никак не могу поверить.

Короче. Загремела я в энную ГКБ города Москвы после ухода гостей первого января народившегося года. Всю ночь до того мы ели, пили, гуляли, а часикам к восьми утра я мягонько стала намекать, что по мне плачет одно медицинское заведение, что обещалась я некоему доброму дяденьке-профессору, который заведует ЛОР-отделением, прибыть для прохождения лечения уха-горла-носа не позднее этого самого первого дня новорождённого года. Гости сопротивлялись, ведь еще почти три бутылки было не опорожнённых. Пришлось одну из непочатых всунуть в их сумку, чтобы моим друзьям: а) было не очень обидно за раннее окончание утра; б) чтобы уплаченные за выпивку деньги не казались бесцельно потраченными. Цель, ведь она – как там? Во-во – должна оправдывать средства. Баланс, проще говоря языком бухгалтера. Кстати, я и есть по жизни он самый – бухгалтер.

Муж еще с прошлого года, то есть со вчера, дал «честное пионерское» обязательно сопроводить меня в больницу. Сказать-то сказал, да забыл и сразу после ухода гостей прилёг «совсем чуток соснуть» (его собственные слова) и громко захрапеть (моя интерпретация). А я сумку заботливо-предусмотрительно в прошлом году собрала, то есть почти сутки назад, потому подхватить её не составило труда. Машину поймать оказалось проще пареной репы – единственным пассажиром на дороге, да ещё и голосующим, была, конечно, только я одна.

В общем, прибыла, назначили, сопроводили, место определили. Впоследствии оказалось – место мне выделили бластное, по недоразумению, какие со мной сплошь и рядом случаются – ну, как обычно, вы ж понимаете. В эту палату о семь коек кладут только своих, а свои такую морозную погоду и метельное время, видимо, решили дома пересидеть.

Потому больше трёх нас в той сто первой не бывало, не лёживало.

Странности начались с того, что соседка по палате сообщила, что мной очень сильно интересуется один дедушка, жаждет знакомства, и желательно близкого. Ещё она рассказала, что дедусик (между прочим, известный в прошлом хоккеист), на вид которому все лет двести или больше (между нами, девочками, тот ещё кобель!) сказал примерно следующее: «Она (это про меня) такая!.. такая... ух!.. и вот...» (тут он руками в воздухе описал некоторые фигуры). С дедом встретились в очереди к процедурной сестре. Я его пропустила вперёд, из-за возраста (его, естественно). Да и палочка дедова, и шарканье его шлёпанцев произвели впечатление. Девятый день бегаю от поклонника, а ему хоть бы хны – ухаживает усиленно и невзирая «на». Один раз даже попытался ущипнуть «за», но я вовремя крикнула: «Руки!» – однако послать его «на» язык не повернулся. Был бы годков на сто пятьдесят моложе – другое дело, все дороги его, а теперь – только почёт.

Так как, можно сказать, настольным фильмом у меня является «Москва слезам не верит», я, хорошо помня методы Людмилочки, усиленно посещаю курилку, куда ходят мальчишки, дедушки и просто мужчины не только нашего ЛОР, но и терапевтического отделения. Результат налицо: мальчишки приглашают играть в карты, мужчины угощают сметаной для борща, дедушки по десять раз на дню говорят «Здравствуйте!» и «Здоровы будьте!»

А ещё доктора в этой больнице ну точно инопланетяне – то ли все они очень любвеобильные от природы, то ли сказалось влияние праздников-подарков-подношений-возлияний-отходняков. Не знаю, как с другими пациентками, а меня доктора называют по имени, чаще уменьшительно-ласково – Ирочка. Хоть стой, хоть падай. И это в мои-то годы, когда я две недели уже как теща и без пяти минут бабушка. А палатный врач вообще дальше всех пошёл – договорился лично для меня насчёт душа в соседнем отделении: в нашем-то, поговаривают, душ уже год как чинят.

Хотя нет... К соседке по палате, тёзке, тоже ведь как к Ирочке обращаются. Так всё-таки имя определяет поведение или люди?

Чувствую себя ребёнком, особенно когда доктор смотрит мне в глаза и почти по сло-

гам разжёвывает правила содержания моего уха-горла-носа в тепле-заботе-закаливании. И при этом шепчет в ухо: «Ирочка!» И в щёчку чмокает. Сердце славно-трепетно замирает-затирает-волнуется, а потом скачет-прыгает-веселится-смущается. А доктор (коварный) ещё чем-нибудь ласковым по перепонкам шепчет, шепчет, а потом неожиданно бабахает в ушные же перепонки струёй воздуха из медицинской груши. И свист стоит соловьино-разбойничий, и слух становится острее. Парахо-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-од! — действительно действенно!

Вот такие чудные методы и ещё более чудные доктора в ГКБ №... О пациентах вообще молчу: о них песня отдельная, возможно, когда-нибудь осилю-спою-настрою буквами.

Зонтик

Почему всегда, когда я раскрываю зонтик, внутренний голос начинает нашёптывать сказку? И обязательно такую, в которой летают. Мэри Поппинс, Карлсон, ковёр-самолет... Что мне голос нашепчет сегодня? В дождь, сами понимаете, лучшее средство от дурных мыслей — мысли хорошие. При позитивных думках и настроении на высоте. Забываешь про непогоду, смело шагаешь по лужам, не трясешься за свою обувь, не замечаешь брызг проезжающих автомобилей. В общем — окунаешься в детство, когда погодные катаклизмы не имели никакого значения. Это только для взрослых существуют ограничения, к детям они не имеют никакого отношения. Помню, когда жила с родителями на Севере, зимой в школе частенько посреди недели устраивали активировки. Это когда температура воздуха — ниже определённой нормы, при которой, по мнению взрослых, находиться на воздухе опасно для здоровья. Теперь я точно знаю, что все активировки устраивали учителя: надо же когда-то и домашние дела делать, не тратя на них официальных выходных. Для ребят эти неожиданные отпускные дни становились праздником. Дома никто не сидел, все дружно спешили на этот самый запрещённый воздух. Коньки, лыжи, санки... Мы даже в пятидесятиградусный мороз не пропускали прогулок.

Ну вот — сегодня я с зонтиком улетела так далеко в детство, что не заметила, как оказалась у родного подъезда. Спасибо, дружище!

Огородный променад

Муниципалитеты, когда хотят сделать свой город красивыми и уютными, как правило, разбивают/обустраивают/ сады, высаживают километры цветников, — одним словом, озеленяют. Но случается, какой-нибудь «Мичурин», наделённый властью, замахивается и на огороды. Или, скажем, прихоть вдруг вырывается наружу у чиновника. А возможно, и необходимость. Как, например, в отношении Аптекарского огорода, который был образован Петром Первым в 1706 году — для выращивания лекарственных растений. Царь-новатор знал толк в хороших начинаниях, и благодаря Петру через триста лет я в этом смогла убедиться лично.

В центре мегаполиса, в двухстах метрах от станции метро «Проспект Мира» раскинулся оазис. Сначала меня туда долго зазывала подруга, а я всё время находила срочные дела, смеялась и отшучивалась:

— Врёшь ты, дорогуша. Быть такого не может! Это же почти проспект! Какие кущи?! Какая первобытность природы?! Вступила в ряды натуралистов?

Однако подружка добилась своего, я сдавалась, и райский уголок, граничащий забором с шумной загазованной магистралью, сразил меня наповал практически сразу от входа.

Наверно, у каждого бывало нечто подобное: когда идёшь по улице, а вокруг — шум, гам, машины несутся, прохожие толкают друг друга, спешат... Визг тормозов, скрип дверей, крики, ругань, смех — всё в кучу. И вдруг тишина. А всего-то — свернули в подворотню, попали в глухой закрытый двор. Состояние — словно сидишь в закупоренной банке. Вот и тут, когда мы прошли насквозь через здание по застеленному коридору, всего метров десять-пятнадцать, я словно провалилась в другое измерение. Первый удар пришёлся на обоняние: мой нос начал работать на манер пылесоса, всасывая с бешеной скоростью навалившиеся разом ароматы. «Сердце» пылесоса — лёгкие — моментально устали, а ноги просто пере-

стали слушаться и стали подкашиваться. Благо в Аптекарском полно скамеек, иначе лежать бы мне среди великолепия в глубоком обмороке.

Ну а потом, после того как я насиделась, надышалась, отдышалась и пришла в себя, мы продолжили наше мини-путешествие-наслаждение.

Мне повезло – первый поход в Аптекарский огород совпал с цветением тюльпанов, которых тут в мае видимо-невидимо. Тюльпановые реки, тюльпановые озёра. Казалось, что плывёшь по течению в глади лепестков. От разноцветья, разнообразия форм в глазах зарябило. Даже представить не могла, что существует такое великое множество разновидностей этих цветов.

А ещё дуб. Черешчатый. Ему двести с хвостиком, он величествен и неотразим в своей грациозности. Под ним обычно высаживают плантации анютиных глазок.

Напротив дуба – стелющаяся по земле берёзка. Сначала не замечаешь, что перед тобой одно дерево, а ведь так и есть – берёза изогнулась, прилегла частью ствола на землю, а потом снова потянулась к солнцу. Потрясающее зрелище!

Старинный пруд изумляет и вдохновляет. На его берегах частенько творят художники. К нему едут сфотографироваться после регистрации брака молодожёны. Ведь ничто так не подчёркивает красоту свадебного наряда невесты, как красота природная, натуральная. Пруд тоже с многолетней историей, впрочем, как и всё в Аптекарском огороде.

В одном из водоёмов огорода плещутся красавцы карпы кои или, как их ещё называют, парчовые карпы. Рыбы мигрировали в огород с Востока и являются одной из его достопримечательностей.

К древовидным розам Аптекарского нужно ходить специально, так как период цветения у них короткий. Я стараюсь не пропускать.

А когда наступает черёд цветения сирени, источающей волнующие ароматы, на скамейках под деревьями яблоку негде упасть.

И даже осень в этом саду особенная – обволакивающая рыжестью и завораживающая шуршанием листвы.

Как-то в один из осенних визитов в Аптекарский я обнаружила пристанище местной кошачьей шпаны. Они очень ловко устрои-

лись: с одной стороны парковая тишина, с другой – задворки ресторана, где хвостатые, вероятно, столуются.

Все мои гости, естественно, побывали в Аптекарском огороде, я их вожу туда, как в музей. И всякий раз открываю огород по-новому. Он каждый раз разный, но всегда гостеприимный и располагающий к следующим визитам.

Бродяга

Остров обожал блуждать по водному пространству Планеты. Это было его любимейшим занятием. Недрами не корми, дай только волну попутную. Лёгкий на подъём, скорый на решения и не обременённый многовековой «корневой системой», он не имел привязанностей, так как был единственной твёрдой поверхностью над уровнем морей-океанов на Планете. И сама Планета, и её детище – Остров – были относительно молоды. Материк, частью которого когда-то был Остров, давно ушёл под воду, воспоминания о нём постепенно стерлись из памяти Острова, и он очень бы удивился, узнав, что когда-то был маленькой частью огромного целого.

Островное население составляли пришельцы из соседней Галактики, с планеты Земля. Люди, как они себя именовали, попали на Остров случайно – их корабль заблудился в галактических мирах, приземлился на хрупкий в тот момент кусочек ближайшей суши да так остался стоять проржавевшим напоминанием о далёкой Родине. С тех пор количество аборигенов достигло ста десяти тысяч с хвостиком особей. В основной массе это были добрейшие существа. Хотя среди них попадались и довольно редкие экземпляры, все как один – свободолюбивые бунтари. Именно их Остров почему-то любил больше остальных людей. Наверно, потому, что сам имел похожий характер. Бунтари старались держаться особняком, сбивались в группы, а потом уходили бороздить океанские просторы. Отдельные отряды промышляли пиратством – но таким безобидным, что корсаров никто и серьёз-то не воспринимал.

Люди, как это ни странно, считали Остров Материком. Ведь они попали на Планету

значительно позже катаклизмов, приведших к уходу Материка в глубины Океана. На их Планете Земля блуждающие острова, а тем более материка были редчайшим исключением. Поверить в Планету без материковой части они никак не могли, потому просто приняли как должное странности твёрдой части своей новой Родины, свыклись с этими странностями и зачастую не обращали на них внимания. Подумаешь, сегодня солнышко взошло здесь, а завтра чуть в стороне. Ничего удивительного. И не такое случается в Галактике.

Народ жил рыбным промыслом, земледелием и скотоводством. Ни войн, ни каких-либо серьёзных раздоров с тех пор, как люди поселились здесь, не происходило. Атмосфера на всей территории Острова благоприятствовала приумножению населения и процветанию благополучия. Человечество с трепетом и вниманием относилось к окружающему их миру, и Остров ценил эту людскую заботу о нём. Энергия его бурлила шумными горными водопадами и изливалась горячими целебными источниками. Возможно, она и толкала Остров на авантюры и приключения. Короче, Остров слыл озорным и непредсказуемым шутником. Мореплаватели вечно ворчали и ругали озорника. Ещё бы! Морские карты переписывались по несколько раз в год, систему координат тоже приходилось то и дело менять. Рыбаки, те вообще организовали профсоюз, чтобы хоть как-то, но обязательно цивилизованно, повлиять на непостоянство своего большого общего дома. Из-за непредсказуемого характера Острова у рыбаков не прекращались неприятности. Утром выйдут в море-океан, рыбы наловят столько, что лодки под вечер еле ползут под тяжестью. Возвращаются, а Острова-то и нет на месте, как нет и нажитого скарба, и жён с детьми, и домашних животных. Ищи-свищи его. Однако привычка — дело житейское. Плюс врождённое дружелюбие. Погорюют рыбаки, погорюют и приступают к поискам. Рано или поздно, но... чаще сам Остров спешил на выручку. Ведь он был скорее ответственным, чем безалаберным. Да и радиус его блужданий составлял не более двух километров.

Но однажды случилось нечто неожиданное. Остров несколько притомился от странствий

и решил повременить с бродяжничеством. Выбрал место среди Океана, удобное для своего населения, в первую очередь для рыбаков, и остановился. Одним словом, бросил якорь. Тем более что за время своего существования он основательно разросся и вширь, и ввысь, и вглубь. Нижняя его часть потяжелела настолько, что сниматься с места, как раньше, и отправляться на прогулки становилось всё проблематичнее.

А незадолго до этого на Материке, скрытом многокилометровым слоем воды, начались необратимые процессы, благоприятствующие его «выныриванию» из просторов Океана. Но Остров-то об этом даже не подозревал. Именно во время своего длительного отдыха в один прекрасный день он не ощутил привычной свободы. Чувство было таким, как будто к его нижней части что-то прицепилось, сковало, стянуло клещами-щупальцами и, как магнит, тянуло вниз всё сильнее и сильнее. И появилось острое непроходящее желание оторваться от этого магнита, взмыть вверх. Сила родительского объятия Материка явно не пришлась по нраву независимому бродяге, он сопротивлялся как мог. Но... отеческая хватка не ослабевала, и в конце концов со свободой Острову пришлось расстаться и подчиниться старшинству.

Через много-много лет, через века, а может, и больше Остров превратился в центр Материка и стал его самой высокой точкой, главным маяком и важной достопримечательностью. Со своей вершины, которая терялась в облаках, он снисходительно наблюдал за малюсенькими отщепенцами-островками, которые были разбросаны по всему Океану до самого горизонта. Нет, он не завидовал собратьям: бывший Остров был выше подобных примитивных чувств. Но порой нечто запоздало-щемящее, против его воли и только по своему хотению... раскаляло внутренности так, что гейзеры начинали бить с утроенной силой, водопады ускоряли свой и без того бешеный бег, а реки выходили из берегов совсем не по сезону.

Люди в таких случаях, вспоминая старинные сказки и мифы, говорили, глядя почему-то на небо:

— Ничего не поделаешь... стихийное бедствие... почти как на Земле...

Проблема с дятлами

Вчера весь день наблюдала за дятлом. Он облюбовал ныряющую в облака сосну, что раскинула пышные ветки напротив входа в мой дом, и усиленно долбил ствол. Упорный малый. Я попыталась поговорить с ним. Безуспешно. Он отвлекся только на долю секунды: испепелил меня недовольным взглядом — и снова застучал. Завидный трудоголик. М-да. Вообще, мне по жизни везёт на дятлов. До сих пор не могу понять то постоянство, с которым они пересекают мои пути. Толпами вокруг, табунами, роями, стаями. Не-ве-зу-ха. Во всяком случае, для меня. Долбёжка любого доведёт до белого каления. И уж совершенно точно, что околою сначала я, а потом все дятлы вместе взятые, потому что...

Потому что, например, сегодня утром меня разбудил дятел Юрка. Семь тридцать! Выходной! Вы думаете, у дятлов бывают выходные? Заблуждаетесь — отдельные их особи способны работать круглосуточно, без перерывов на завтрак, обед и ужин. У меня такое чувство, что они даже размножаются по-цветочьи: клюв долбит, щепки летят, дети зарождаются. Им чуждо такое распространённое в цивилизованном мире понятие, как отдых. «Лучший отдых — работа» — девиз настоящих дятлов. У них не бывает отпусков, им они без надобности. Сон для них — раздражитель. Он мешает выполнять кропотливую работу, к которой они привыкли с колыбели; которой их вскормили ма-

мы-дятлихи; которой обучили папы-дятлы. Семейство «Трудоголики», отряд «Стукачисты» или наоборот. Дятлам ведь без разницы, особо упорствующим дятлам — по барабану, супердятлам — до фонаря, лишь бы последний был на деревянном столбе.

Дятел Юрка — из последних. Он — Супердятел. Его клюв не изнашивается, не истёрся, не сломался за семь лет, в течение которых я регулярно выслушиваю размеренные постукивания и, что немаловажно, постукивания словно по своей собственной голове. Происходит такое действие по выходным. С дятлом Юркой доводится встречаться только на даче. В городе подобные птицы тоже есть, но городские — особой породы: наглые и не боящиеся никого и ничего. А на нашего, дачного, можно прикрикнуть — иногда понимает.

— Юрка! Сдурел, что ли? Ты на часы смотрел?!

— Да я только пару раз и стукнул-то... — жалобно оправдывается мой сосед Юрий Васильевич, лихо гарцуя на коньке строящейся как раз все последние семь лет баньки на родных шести сотках.

— Чтоб ты провалился, дятел! — ору ему почти беззлобно и вижу, как Юрка медленно катится по крыше прямиком в компостную яму.

Ветер доносит его вскрик: «Ведьма!»

Вот теперь можно и поспать спокойно. Дятел баню не достроил, душа у него нет, а это значит, что отмываться он потащится на пруд. А делает он всё медленно. В итоге: плюс-минус десять минут, но полтора часа будет тишина — точно.

Так и живём: мирно, по-соседски.

АНДРЕЙ ЛИСЬЕВ

Парус как вызов

Ты развалился на скамейке в тени старой крепости, вполуха слушаешь бормотание инструктора, обнимаешь подружку одной рукой, а во второй тискаешь холодную потную бутылку пива. Ага. Жарко. В десяти шагах одноступенчатая лодка сидит кормой на песке. Кристаллы засохшей соли искрятся на пластиковом корпусе, и лодка кажется мраморной. Да. Конечно, слышали. «Белеет парус одинокий» и всё такое. Он правда белый? Не обязательно? Ну вот, опять обманули! Девушка смеётся, а ты косишься на парус. Он лежит на гике свёрнутый. Дремлет на массивной железке и ждёт.

Погода сегодня позволяет? Да! Мористее посвежеет. Можно начинать!

Через минуту ты толкаешь крошечное судёнышко и мокрыми шортами плюхаешься на скользкую солёную палубу. Ух! А помахать в ответ? Да-да, и пиво осталось с подружкой. Ладно. В другой раз.

Ты тянешь за фал, парус бодро лезет вверх, хватает ветер и с треском наполняется. Фал рвёт руку из плеча. Но ты же силен и уверен в себе! И перчатки купил правильные. Ещё выше! Выше!

Вот парус полон ветра, натянут и звенит от упругости. Лодочка выпрыгивает носом из воды и весело плюхается днищем о лазурную воду. Брызги, весело.

«Полегче!» — кричат с берега. А! Ерунда! Поворот! Нет, не так! «Приготовиться к повороту!» — командуешь сам себе. Первый поворот у берега, лодка стала острее к волне, за молами станет полегче.

Чего он там говорил? Обрести гармонию. Чтобы парус, ветер и море стали единым организмом. Вот так? Нет, не так! Парус ехидно усмехается «колдунчиками». Тонкие полоски

невесомой ткани у верхушки мачты не натянулись, а дрожат на полотне. Правее руль. Ещё! Вот «колдунчики» натянулись параллельно ветру. Отлично! Парус несёт лодку в открытое море. Волна шелестит внизу, это форштень режет воду. За пером руля кружатся водовороты. Минута тишины при слабом ветре. Наслаждайся. Можно обернуться назад и поискать взглядом фигурку на берегу. И облизать солёные губы.

Гармония. Та самая. Надолго ли? Полоса ряби на воде впереди окрашивается барашками. Свежеет. Приготовиться к повороту?! Чёрт побори! Лодка кренится, а ты инстинктивно переваливаешься через борт, выправляя крен собственным весом. Липкий пот холодит спину между лопатками. Парус! Ты чего? Он молча уносит лодку всё дальше в море. Ты один.

Лишь лодка, волны, ветер и парус.

И никому не интересно, сколько у тебя денег и кем ты был на берегу.

Никому нет дела, кто тебя там ждёт.

Есть только парус, пара рук и предстоящий поворот к спасительному берегу.

Сумеешь? Как он называл эти верёвочки? Чёрт!

Гик пролетает над головой, норвегия стесать макушку. Так вот откуда пошёл глагол «гикнуться»! Поворот! А с башней в Пизе у них никаких историй не связано?

Ты откидываешься. Поджилки дрожат. Тело не верит, что самое страшное позади.

Правильно не верит. Впереди — работа. Ветер бьёт в скулу, мешает парусу. Но ты парусу друг? А он друг тебе. Скорость нарастает, но лодку следует вернуть на правильный курс! Работай! Поворот!

Парус бросил тебе вызов, а ты его принял! Не! Не так.

Поворот! «Парусу на меня плевать». Парус — это вызов. Поворот! Ты жуёшь губы и понимаешь, что русский язык — это не язык моряков. Богатый русский язык здесь в море беден. Challenge! Верное слово найдено. Парус — это challenge. А поединки несчастных литераторов тут ни при чём.

Сумеешь ли ты не напирать на жизнь, а скользить по ней? Вот чему учит парус.

В тени берега встречный ветер слабеет, а ты скользишь в своей утлой лодочке. Скользишь по волне, скользишь по жизни.

ИРЭН ЛОВАТТ

Сказка о заморских богатствах и несметных сокровищах

(посвящается моей любимой Украине)

Было у отца три дочери: Руслана, Белана и младшенькая, самая любимая, Ульянка. Пока старшие сёстры трудились весь день с утра до вечера не покладая рук, младшая играла в куклы и мечтала о принце на белом коне. И вот однажды к ним во двор заехал красавец из её снов. Она поднесла ему водицы, чтобы он умылся с дороги, и угостила спелым яблочком из отцовского сада. Как глянула Ульяна на него своими очами карими, так и поразила его в самое сердце. Без неё свет ему стал не мил. И Ульянке тоже глянулся заморский принц. Она сразу же оценила размер его капитала и поняла, что он именно тот, о котором она мечтала. У них в деревне таких днём с огнём было не сыскать.

На следующий день к отцу приехали сваты просить руки младшей дочери. Негоже было отдавать замуж младшую, пока старшие не пристроены, но отец любил Ульянку и, не желая омрачать её радость, дал своё согласие в надежде, что всё образуется.

Уехала Ульяна за границу. Сбылась её мечта. Да только раньше времени она радовалась. У её принца во дворце оказалась целая коллекция красавиц, которых он привозил из дальних странствий, — одна краше другой. Все они ждали, когда он соблаговолит уделить им внимание, и поэтому новую пассию своего повелителя восприняли без должного восторга. Принц же вскоре забыл о своём увлечении и уехал в новое путешествие. Ульяна пыталась утешить себя тем, что у неё теперь были дорогие украшения, красивые наряды. Ела она

из золотой посуды, спала на пуховых перинах. Да только мягко стелют, жёстко спать. Не одну бессонную ночь она проплакала, прежде чем смирилась со своей участью.

Было бы несправедливо обвинять принца в полном равнодушии к участи своих избранниц. Он неустанно следил за их жизнью. Просто девушки его не замечали, потому что огромное удовольствие принцу доставляло подслушивать и подглядывать за ними, сам же он при этом предпочитал оставаться незамеченным.

Между тем время шло, и с каждым годом отец становился всё дряхлее и дряхлее. Чувствуя приближение старости, послал он среднюю сестру проведать Ульяну. Очень уж ему хотелось повидать свою любимую доченьку и справиться о её здоровье. Но Ульяна не хотела, чтобы при дворе узнали о её бедном происхождении, и Белану не пустили даже на порог. Ни с чем вернулась к отцу средняя дочь. Расстроился отец, не поверил её рассказу и стал просить старшую сестру справиться о том, как дела у его любимой дочери. Не хотела Руслана ехать, но, чтобы не огорчать отца, уступила его просьбе и согласилась. Чтобы избежать участи средней сестры, решила она действовать хитростью. Узнала Руслана верный способ проникнуть во дворец. Очаровала она заморского принца и вошла туда на правах его новой возлюбленной. Так как принц вместе со всеми его богатствами был ей совершенно безразличен, то она быстро нашла общий язык с его жёнами и вскоре имела большое влияние на них.

Девушка она была работящая, не любила зря терять времени и многое умела. Изнемогая от скуки и не зная, чем себя занять, все девушки во дворце решили, что это будет очень забавно — научиться вышиванию и ткацкому искусству, и наперебой стали просить Руслану стать их наставницей. Она не заставила себя долго упрашивать, и вскоре весть о её чудесных способностях облетела весь дворец. Руслана понимала, что с Ульяной ей будет непросто совладать, поэтому первое время даже не обращала на неё внимания и не подходила к ней. Это заинтересовало Ульяну, и она сама решила познакомиться с новой гостьей, появление которой вызвало такой переполох во дворце. Каково же было

её удивление, когда в ней она узнала свою старшую сестру! Стыдно стало Ульяне за своё поведение, бросилась она на шею к сестре и стала просить прощения. Тогда Руслана и призналась ей, что приехала она не просто так, а с поручением от отца.

В тот же вечер собрались сестры в дорогу и выехали из дворца. Вернувшись домой, принц сразу же обнаружил пропажу, причём в двойном размере, и, не медля ни минуты, отправился в деревню возвращать беглянок. В этот раз ему навстречу вышла Белана. Все сёстры были одна краше другой. Вы же понимаете, что случилось с принцем? Он снова влюбился и решил, что именно этого самоцвета не хватает в его короне. Да только ни он, ни его богатство никому больше не были нужны. И как ни старался он завоевать сестёр дорогими подарками, ничего у него не получилось. Зато все подарки девушки принимали и умело использовали в хозяйстве. Все они вышли замуж за простых парней из своей деревни, нарожали детей и стали жить-поживать и добра наживать. Тут и сказке конец, а кто слушал, молодец!

ОТРЫВКИ ИЗ СБОРНИКА «ЧЕТЫРЕ СЕЗОНА»

Песня о зиме

А за окном зима, зима...
Пускай мечты сбываются.
Пришла волшебная пора,
Желанья исполняются.

А за окном мороз, мороз,
И в лучшее нам верится.
Пускай не всё у нас сбылось,
Так хочется надеяться.

А за окном снега, снега,
Всю землю запорошило.
И пусть на сердце холода,
Но верится в хорошее.

За жизнь!

Так незаметно пролетает жизнь,
Нам оставляя лишь воспоминания.
Они – счастливые мгновения мои,
В них все мои надежды и терзания.

Не буду я на жизнь свою пенять,
В ней было всё – хорошее, плохое...
И было кое-что ещё,
И это кое-что такое...

Что даже вам не смею рассказать,
Хочу в себе хранить частицу эту
И зимними ночами вспоминать,
Стремиться ввысь, искать дорогу к свету.

Романс о розе

Увидев розы красоту,
Юнец, пленённый ею,
Хотел сорвать её в пылу,
Скорей назвать своею.

Но розы острые шипы
Надёжно защищали
Секрет невинной красоты
И доступ запрещали.

Тогда, пойдя на хитрость,
Он выхватил кинжал,
Тихонько срезал розу
И к сердцу приковал.

Но сорванная роза
Утратила свой цвет,
Навек была отвергнута,
Её уж больше нет.

Любовь на два голоса

Ты моё счастье,
Ты моя радость,
Как я люблю тебя!
И засыпая,
И просыпаясь,
Делаю всё любя.

И в час разлуки,
И в час ненастья
Думаю лишь о тебе.
Вот она, радость,
Вот оно, счастье,
Я благодар(ен) (на) судьбе!

Что такое счастье?

Что такое счастье?
Это радость,
Это когда на душе светло,
И тогда усталость – не усталость,
И тогда вообще всё хорошо!

Это состояние полёта,
Это состояние любви.
Сердце переполнено заботой,
Делится вниманием своим.

Счастье нас повсюду окружает
В близких и понятных нам вещах.
Светом оно путь наш освещает,
Проявляясь часто в мелочах.

Мы порой его не замечаем,
А оно всегда у нас внутри.
Не всегда его мы просто знаем,
Ты, как хочешь, счастье назови.

Хорошая привычка

Хорошая привычка – быть счастливой
И, просыпаясь, каждый раз шептать:
«Благодарю тебя за всё, что сделал,
За то, что в жизни мне сумел ты дать!»

По-детски я наивная немного,
Но в этом тоже прелесть есть своя.
Я одного сейчас прошу у Бога:
Чтоб дочка была счастлива моя.

И, засыпая каждый раз с мольбою,
Тебя опять всегда благодарю,
О Боже, как я счастлива с Тобою,
Ты тот и есть, кого

всем сердцем я люблю!

Обо мне

Я артистичная,
Я эксцентричная,
Я экзотичная,
Я романтическая,
Я поэтичная,
Пусть не практичная,
Но энергичная
И симпатичная,
Очень эпичная
И динамичная
Я!

Подарок дочери

С днём рожденья тебя поздравляю
И тебе эту песню пою,
Все стихи я тебе посвящаю
И подарки с любовью дарю.

Я желаю, чтоб счастье искрилось,
Как в бокале хмельное вино,
Чтоб удача тебе улыбалась,
Чтоб тебе было много дано.

Пусть вся жизнь твоя будет, как песня,
Как воздушные эти шары,
Чтоб легко ты жила и чудесно,
Принимай же все эти дары!

И пускай твоя жизнь будет сказкой,
Как счастливый любовный роман,
Чтоб читать было всем интересно,
Стороной обошёл чтоб обман.

С днем рождения, мамочка!

С днем рождения, милая мамочка моя!
Самая прекрасная, я люблю тебя!
Пожелать здоровья я тебе хочу,
От души «Спасибо!» нежно прошепчу.

И неважно, сколько лет прошло, –
Как и прежде, выглядишь на сто!
И в твои немалые года
Всё равно душой ты молода!

С днем рождения, нежная мамочка моя!
Самая красивая, я люблю тебя!
Пожелать удачи я тебе хочу,
От души «Успехов!» громко прокричу.

Жаль, что не могу тебя обнять,
К сердцу тебя бережно прижать.
Но прошу тебя: не унывай!
И бокал скорее наполняй!

С днём рождения, лучшая мамочка моя!
Самая чудесная, я люблю тебя!
Пожелать везения я тебе хочу,
От души «Фортуны!» тихо прошепчу.

Алёнке

Я песенку свою
С любовью подарю.

Алёнка, Алёнка,
Прекрасная девчонка,
Ты музыка души,
Возникшая в тиши!

Придешь из ниоткуда,
Явив собою чудо,
Тебя я не забуду,
Всегда с тобой я буду.

Алёнка, Алёнка,
Весёлая девчонка,
Улыбок не жалея,
Ко мне иди скорей!

Подобна солнцу ты,
С тобою все мечты!
Подобна ты луне
И даришь счастье мне!

Пессимистическая песенка

Одиночество и тоска...
Значит, осень вошла в права.
И теперь всё уйдёт, пройдёт.
Все пройдёт, уйдёт, уйдёт.
Никого уже не вернуть,
Я к тебе позабуду путь.

Ничего не вернуть назад —
Опускаю печально взгляд.
Всё забудется, всё исчезнет вдруг,
Где же ты, мой прекрасный друг?
Ничего назад не вернуть,
Остаётся лишь только вздохнуть.
Вот такая вот грусть моя,
И печальна сегодня я!

Воспоминания

Ты только пиши, пиши,
Я буду читать в тиши,
Вспоминать буду я о том,
Как далеко остался мой дом.

Потеряли с годами всё,
Нам хотелось ещё, ещё.
Ничего не вернуть назад,
Я бросаю печальный взгляд.

Как же здорово было нам!
Мы делили всё пополам,
Но любовь сберечь не смогли,
В результате остались одни.

В твоей жизни мне места нет,
Для меня там горит красный свет!
У тебя сейчас жизнь своя,
И теперь она без меня!

Ты вообще своей жизнью живёшь,
Больше песен ты мне не поёшь,
Меня в гости к себе не зовёшь
И, возможно, совсем уйдёшь.

Покров

Покрой землю снежком, молю,
Ну а мне жениха пошли.
О любви ему песню спою,
Чтобы вместе по жизни шли.

За рассветом придёт закат,
За закатом придёт рассвет.
Ничего не вернуть назад,
Потому что возврата нет!

Возвращаясь на круги своя,
Наша жизнь устремляется в путь.
Как с тобой была счастлива я!
А теперь не могу заснуть.

Одиночество и тоска
Снова в двери стучат: «Открой!»
Вот уж слышатся их голоса,
Но не буду пускать на постой!

ССС

Николя, Николя, Николя,
Ты мне нужен сейчас и всегда.
Николя, Николя, Николя,
Ты и я – мы с тобой навсегда.

И пускай жизнью разной живём
И по жизни не вместе идём,
Я тебя отпустить не могу
И всегда тебя в мыслях зову.

Без тебя не могу я дышать,
Хоть могу о тебе лишь мечтать,
Для меня ты один на земле,
О тебе мысли все, о тебе.

Николя, Николя, Николя,
Без тебя опустела земля,
Не могу без тебя больше жить,
Но мы можем с тобой лишь дружить.

И когда от меня далеко,
Жить мне очень одной нелегко,
Я на встречу к тебе тороплюсь
И к тебе всей душой стремлюсь.

Не могу без тебя я дышать,
Но стесняюсь об этом сказать.
Ты меня от себя не гони,
Ты пойми мои чувства, пойми!

Надпись на фото

Мой друг, стихи вам посвящая,
Я об одном лишь вас молю:
Не забывайте, не теряйте
Вы фотографию мою.

Пускай она теплом согреет,
Утешит вас в нелёгкий час,
И пусть вам сердце отогреет,
И от беды избавит вас.

Мой друг, стихи вам посвящая,
Я об одном лишь вас молю:
Не забывайте, не теряйте
Вы фотографию мою.

Космическая сказка

Поэзия для детей

Планеты в космической сказке оживают и с ними происходят самые невероятные события, практически все также, как у людей, только еще интереснее. Любовь, дружба, предательство, ну и конечно же волшебство, какая же волшебная сказка может обойтись без него?! Дочитав или дослушав ее до конца, вы узнаете, чего нам всем так не хватает, чтобы стать счастливыми.

Книга на скобе

48 страниц

ПАВЕЛ ЛУКОВ

Бедуин и Араб

Пьеса-сказка в одном акте

Одинокое дерево в пустыне. Входит Араб.

Араб.

Иду я по жаркой пустыне,
Я друга найти не могу.
На этой песчаной равнине
Никак я его не найду.
Лишь только верблюжья колючка
Ранит здесь ноги мои,
На этих просторах зыбучих,
Где лишь саксаулы одни.

Навстречу идёт Бедуин.

Бедуин.

Привет тебе, путник далёкий,
Увидеть рад в нашем краю.
Путь ты свой держишь нелёгкий —
Я вижу усталость твою.
Может, тебя здесь кто ищет?
В пустыне немало дорог.
Пока их песок не засыплет,
Никто чтоб найти их не мог.

Араб. Приветствую тебя, Бедуин, славный
житель пустыни! Я так понимаю, ты здесь
местный?

Бедуин. Пустыня — мой дом, почтенный
путник, а оазис — мой колодец и тень от
жаркого солнца.

Араб. Где же семья твоя, Бедуин?

Бедуин. Моя семья там, где сейчас пасутся
мои верблюды. А не скажет ли почтенный
путник, где его дом?

Араб. Мой дом в арабском городе на той
стороне пустыни.

Бедуин. Как же ты намерен добраться до
него?

Араб. Я иду не один, а со своим товарищем.
Но по дороге мы с ним неожиданно рас-
стались. Ты не встречал его случайно?

Бедуин. Скажи мне, почтенный путник,
твой товарищ направлялся из ближайше-
го города?

Араб. Да, это так.

Бедуин. И он, конечно же, полноватый
мужчина?

Араб. Верно.

Бедуин. Он, очевидно, хромает на левую
ногу?

Араб. И это правда.

Бедуин. А при ходьбе он опирается на тол-
стую палку?

Араб. Всё правильно.

Бедуин. Он ведёт за собой верблюда?

Араб. Тоже верно.

Бедуин. А этот верблюд, конечно, слепой
на левый глаз?

Араб. Да, конечно.

Бедуин. Его верблюд, как я понимаю, на-
гружен пшеницей?

Араб. Так оно и есть.

Бедуин. Нет, почтенный путник, я его не
видел.

Араб. Как не видел? Ты же мне только что
его всего описал.

Бедуин. Клянусь всем, что у меня есть, но я
его действительно не встречал.

Араб. Тогда откуда ты про него всё знаешь?

Бедуин. Это было нетрудно. Взгляни на эти
следы на песке.

Араб. Ну, вижу — следы.

Бедуин. Вот эти следы будут моих ног,
а эти — твоего товарища. Его следы ведут
в направлении от города.

Араб. Но как ты понял, что он полноват?

Бедуин. Его ноги глубже проваливались
в песок, чем мои. Значит, он более туч-
ный, чем я.

Араб. А как ты узнал, что он хромой?

Бедуин. Точно так же. Взгляни: его правая
нога ступает нормально, а вот левая —
нет. Значит, он на неё хромает.

Араб. Действительно так.

Бедуин. Рядом со следами его ног виден так-
же след от его палки. По величине её отпе-
чатка я определил, какого она размера.

Араб. Но откуда ты знаешь о верблюде?

Бедуин. Следы верблюда рядом с его сле-
дами.

Араб. Всё так. Но как ты узнал, что он слеп
на один глаз?

Б е д у и н. Это тоже было несложно. Посмотри: верблюжья колючка объедена с правой стороны, но с левой она осталась совершенно не тронутой. Значит, верблюд левым глазом не видит.

А р а б. Но откуда ты знаешь, что он вёз пшеницу?

Б е д у и н. Аналогично. Просто на песке рядом со следами я заметил немного обро́нённых пшеничных зёрен.

А р а б. Я, конечно, поражён твоей наблюдательностью, Бедуин. Но как мне узнать, далеко ли он сейчас?

Б е д у и н. Прости меня, путник, но на данный вопрос я уже не могу тебе ответить. Скажу лишь только, что три часа назад он отдыхал под этим деревом.

А р а б. А это откуда тебе известно?

Б е д у и н. Да вот же его следы, рядом с деревом. Вот место, где он сидел. Согласись, путник, что нормальный человек отдыхать будет только в тени. Сейчас тень от дерева находится здесь, но три часа назад она была именно на том месте, где он отдыхал.

А р а б. Ну, если это было три часа назад, значит, он уже далеко.

Б е д у и н. Должно быть так.

А р а б. Спасибо тебе, Бедуин, сын пустыни. Благодаря тебе я смогу теперь найти своего товарища. Удачи тебе!

Б е д у и н. А тебе, славный путник, я желаю поскорее найти своего друга.

2013 г.

Павлина Горбачёва и Алехандро Атуэй Сборник пьес

Мягкий переплёт

204 страницы

Срез Вечности под тем углом, который позволяет рассмотреть наиболее болезненную проблему общества вне времени, – это то главное, что послужило причиной выбора пьес для создания сборника.

Непопулярная правда о войне и жизни людей глазами соавтора, бывшей маленькой девочкой в страшные, не столь далёкие, но уже непонятные новым поколениям времена лишений нашего народа, лежит в основе пьесы «3 горы та в долину». Нужны ли при теперешней жизни те ценности, которыми дорожили наши предки и родители? На этот вопрос пытаются ответить герои пьесы разных поколений.

Судьба женщины, нашедшей счастье с чужим мужем, её боль и радость от коротких минут, проведённых вместе, блаженство от всепрощающей силы любви к своему любимому, – лейтмотив пьесы «Сулугуни».

Что есть творчество, что можно назвать искусством? Каким должно быть отношение общества и государства к человеку-творцу? Баланс консерватизма и новых веяний – всё равно что спор отцов и детей: всё это пронизывает незримой нитью сюжет пьесы «Тёмная комната».

Смешение мальчишеских проделок, романтики военных училищ, искренних порывов с настоящим патриотизмом кадетов и суворовцев наполняет сюжет пьесы «ДД». Подрастающее поколение – это наша гордость, наша надежда, а если оно ещё и способно на высокие поступки, то мы можем быть спокойны: будущее находится в надёжных руках.

ЮРИЙ МАРТИШИН

Сельское детство

Когда я в селе жил ребёнком,
Был страшно беспечен и мил!
Гусям, петухам и бурёнкам
Войну до конца объявил!

Камнями, рогаткой и палкой
Я с ними, сражался весь день
И с каждой победой великой
Гордился и нёс дребедень.

А солнце пекло на природе,
Лучами кусая за нос.
С друзьями в чужом огороде
Поймал нас рассерженный пёс.

«Зачем тебе яблоки, горе, —
Бабуля ругала меня. —
У нас в огороде их море,
А ест их лишь наша свинья».

«Не надо», — орал я бабуся,
Когда та крапиву рвала.
Рассыпались в стороны гуси,
Когда убежал из села.

О боже, когда это было?
Запутались в вётрах года...
А детство куда-то уплыло
По речке — не знаю куда.

Проступок

На весь дом заревела гармошка,
Растянул дядя Ваня меха.
С подоконника спрыгнула кошка
И под печку забилась — ха-ха.

Старший Виктор тянул задушевно
Про мороз и судьбу ямщика.
Жёны вышли на пляску степенно,
Оборвал грусть удар каблука.

Тётки громко орали частушки,
Грохотала от страха доска.
Бабка Таня настроила ушки,
Почесав седину у виска.

Наплясавшись, блестели от пота
И со смехом валились за стол.
У меня приключилась зевота,
Дед как выпьет — и рюмку об пол!

Про войну и про старое время
Затевал он душевный рассказ.
Говорил: «Вы зелёное племя,
Но открыты все двери для вас».

С уважением слушал я старость,
Чуть дыша на коленях его.
Самогонка будила в нём радость,
В моё ухо неся е-го-го!

Продолжалось веселье у речки,
Мне медали принёс старичок
И сказал, что их прятал на печке, —
Я пол-лета найти их не мог.

Моя глупость не знала преграды,
В детстве кажется всё не всерьёз.
Взял и выбросил в речку награды,
Доведя ветерана до слёз.

«Что ты сделал, внучок неразумный, —
Он кричал со слезой на глазах. —
Думал я, ты стал взрослый и умный:
Те медальки добыл я в боях».

Долго дядьки искали, до ночи,
Славу деда в холодной воде.
А ушли, когда не было мочи,
Разводя руки: нет, мол, нигде.

Жизнь проходит, и нет в ней уступок,
Память воина скрыл вязкий ил.
До сих пор я стыжусь за проступок —
Мой старик без медалей ходил.

Жене

Спи, моё ранимое созданье,
Окунись в озёра сладких снов.
В них мне хочется твоё сознанье
Отстирать от своих грязных слов.

Ты прости за грубость и упрёки,
За желанье жить с другой женой.
Выходки мои были жестоки
И, конечно, тяжки для больной.

Осень наши судьбы изменила,
Ввергнув нас в незримую беду.
Сколько слёз, обид, страданий было!..
И теперь я без тебя бреду.

Я иду туда, где сильный ветер
Сватает красавицу зарю.
Но, как только наступает вечер,
Мысленно с тобою говорю.

Спи, моё ранимое созданье,
Окунись в озёра сладких снов.
В них мне хочется твоё сознанье
Отстирать от своих грязных слов.

А нашу жизнь склевали свиристели

Стихает осень, скоро холода,
Стремлюсь туда, где никому не нужен.
Опавший лист украсил города.
На кладбище твой памятник простужен.

А мысли вереницей рвутся в бой
И вспоминают лучшее из жизни:
Как мы шуршали поздней листвою.
«Быстрее, — ты говорила мне, — не кисни».

Встречали нас детишки у дверей,
Пища, крича и в игры вовлекая.
Мурлыкал на диване кот Андрей,
И ты была такая молодая.

Стирает дождик на погосте след.
Я просыпаюсь не с тобой в постели.
Другую разбудил на склоне лет.
А нашу жизнь склевали свиристели.

Былое вспоминаю редко

Давно уже прошла печаль.
Былое вспоминаю редко.
Вот только сердце шепчет: «Жаль,
Что в вечность превратилась Светка».

Как будто серенький листок,
Сгорела в красном листопаде.
И стал я в жизни одинок,
Чажу, как фитилёк в лампаде.

Лобзает снег ночная тень.
Истлела осень без остатка.
Ещё один скончался день.
Кричит судьба в пылу припадка.

Про старушку

Унесли из квартиры старушку.
Прописали на дальний погост.
Горькой водкой наполнили кружку.
Молча пили: не к месту здесь тост.

Раскопали огромную яму.
Глубиной в человеческий рост.
Гроб сосновый, в нём Юрину маму
Закопали. Мир страшен и прост.

Шепчет ветер, венки обнимая,
Что прошла она благостно путь.
И ворота не ада, а рая
Ей откроет загробная суть.

Нет уж больше на свете родимой.
Из окна не помашет рукой.
Не напишет подруге любимой.
Отлетела душа на покой.

Унесли из квартиры старушку.
Прописали на дальний погост.
На берёзу повесили кружку.
Прочь взметнулся испуганный дрозд.

ОЛЬГА МИТЬКИНА

***

Под ногами шорох листьев
Облетел наш старый сад,
И горят огнём рябины.
Пусть прохладно, но я рад,
Что под вечер будет снова
Дождь, как друг, стучать в окошко,
Затрещат дрова в камине,
Примостится рядом кошка.
И я буду пить горячий
Чай с вареньем из морошки
И смотреть, как прорастает
Гриб у дома на дорожке.

***

Звёздочки-снежинки
Падали с небес,
Люди вмиг притихли,
Стали ждать чудес.
И чудеса случились!
Стал белым чёрный кот!
И всё вдруг засверкало,
Как ёлка в Новый год!
И очень отдалённо
Стал слышен звук саней,
В них звонкая Снегурка
И Дед весёлый с ней.

Васильки

Васильки вплету я
В яркий свой веноч,
Чтобы любоваться
Ими каждый смог.

А потом ромашек
Соберу букет.
У одной спрошу я,
Любит или нет.

Сдую одуванчик,
Улетает пух,
Я взгляну на небо,
Помечтаю вслух.

Что такое детство?

Что такое детство?
Свидание с мальчишкой –
Хулиган он местный,
Не сидит за книжкой,
Но зато красивый,
Высокий и отважный,
И друзья считают
Его фигурой важной.
Он приносит ночью
Яблоки из сада.
Их кладёт к крылечку.
Девочка им рада!
Что такое детство?
Ночной костёр с друзьями
И стёклышки, как клады,
Закопанные в яме.
Варенье из клубники
И шашлыки на даче,
Рыбалка на восходе...
Ну а как иначе?
Качели, что взлетают
Почти под небеса,
И вера, что случаются
Со всеми чудеса!

Счастье

Какое счастье – просто жить!
Дышать и рвать цветы на поле,
Любить детей, зверей и птиц,
Мечтать о солнце и не боле.

Какое счастье – просто жить!
И осознать: мы – часть планеты!
Встать на заре, пойти к реке,
Узнать у стрекозы секреты.

Какое счастье – просто жить!
И слушать тишину ночами,
В которой только кот урчит
И бьётся жук в оконной раме.

Щенок

Щенок сегодня был не в духе:
Комар жужжал на правом ухе.
Пытался пёс его прогнать,
Но прилетал комар опять.
Щенок от злости гавкать стал,
Охрип, немножечко устал,
Комар преследовал кругами.
Бедняге поскорей бы к маме,
Но мама пса бродила где-то.
На улице стояло лето.
Под окнами расцвёл пион,
Щенку принёс спасенье он.
Увидел красоту щенок,
Про комара забыть он смог.
Вот так в саду простой цветок
Нежданно малышу помог.

Рыжий кот

Мой рыжий кот, как лучший друг,
Ко мне приходит в ночь,
Ложится рядом и урчит:
«Хозяин, чем помочь?»
И я смотрю в его глаза,
Потом чешу кота,
И наполняют вмиг мой мир
Любовь и доброта.
Через минуту рядом спит,
И боль не так остра,
Как будто зимней ночью я
Погрелся у костра.

Кот

Кот принес на лапках сон,
И во сне увидел он:
Корабли плывут по речке,
Рвётся в небо дым из печки
Да над домом облака
...Из парного молока.

Солнечный зайчик

Солнечный зайчик
Мне прыгнул на руку.
И я улыбнулся:
Прогнал мою скуку.
От солнца прислал
Мне горячий привет
И замер, как будто
Спросил: «Что в ответ?»
Я думал минуту,
Потом прошептал:
«Скажи, братец, солнцу,
Пусть я ещё мал,
Но я постараюсь
Нести людям свет,
Улыбки и счастье.
Пройдёт много лет,
Я стану врачом,
А быть может, поэтом,
Но, что бы ни делал,
Добро будет в этом».

АЛЕКСАНДР МОРЕВ

***

Любовь моя в поэзии звучит,
И радость чувств в строках преобладает.
Свою напыщенность я окрыляю в стих
И вам, друзья, сейчас прочесть их пожелаю!

О поэзии и любви

В поэзии теперь я утопаю
И счастья большего не знаю —
Писать стихи о счастье и любви
И в радости твоей открыть глаза свои.

На наши пылкие стучащие сердца
В ответ «любовь» — нам говорит весна.
О счастье, нашей юности пора,
Как ты была красива и стройна!

Мечта любви и дружбы нас с тобой.
Мы упивались, наслаждаясь высотой,
Полётом радости, возвышенной судьбой
На нашей финишной отчётливой прямой...

Сквер любви

В сквере нашем мы гуляли каждый вечер,
Под ногами шелестела нам листва,
Наполнялась звонкой музыкой эстрада,
Музыканты там играли у столпа...

Этот столп писателю отстроен,
Посетившему наш сквер в те времена,
Так же тихо прогулялся он по скверу
От аллеи нашей в сад и до ручья...

Мы аллею нашу не забудем
Даже через много долгих лет,
И, как только снова мы приедем,
Сразу посетим свой сквер любви опять...

О поэте и жизненном пути

Путь для поэта очень долог,
И он спешит его пройти,
Весь путь его разбит порою
На очень трудные пути.

Пути его неблагодарны,
Бывают пропасти порой,
Но, если выдались преграды,
Пройдёт поэт их все с лихвой.

И будут строки все с усладой
Наполнены всегда строфой.
А искромётность строф, однако,
Пусть радует своей игрой.

И даже в трудную минуту,
Когда поэт совсем устал
И места нету для творенья
В его классических стихах,

Он музу встретит вдохновения
И с радостью благословит
В своих стихах — в раздолье трепет
И счастья, радости в мечтах.

***

Красивая изба резная
На фоне леса вдалеке стоит...
У нас на даче у ручья такая
И вся закрыта зеленью листьями...

Здесь в тишине природного богатства,
Наполненного ароматами листвы...
Под звуки трели птиц с усладой,
Слышны журчания воды...

Оазис райского блаженства
Нам наслаждение даёт...
И теплота родного дома
Для нас уют здесь создаёт...

***

Скучаю по родной деревне,
Где красотой полна земля.
И в доме милом пахнет хлебом,
И не болит душа моя...

Скучаю по родной деревне,
Где красота и пенье птиц,
Где милые друзья родные,
С которыми я вырос здесь...

Скучаю по родной деревне,
По детству, радости своей,
По первым милым поцелуям
И по прогулкам под луной...

***

Деревенский дворик вспоминаю,
Где провёл я детство всё своё:
Сенокос, работа в поле,
Сушка сена на зиму ещё.

Счастье – деревенское простое,
День и ночь работали сполна,
А бывало, много занимались
Всем скотом и живностью двора.

Также вместе всё мы собирали:
Яйца, молоко и что растёт.
Овощей, конечно, много набирали,
Фруктов ящики и ягод полон рот.

В лес ходили: по грибы, орехи,
Ягоды лесные рвали там.
Шли домой из леса, всем довольны,
С полными корзинками грибов.

Деревенский дворик не забуду:
Эта память отложилась на века.
Радостно я там встречал рассветы –
Значит, нужно возвратиться мне туда.

Изба лесника. Ох как же далека!

Избу в тайге построили далёко,
Дойти уж до неё не так легко.
Сначала нужно в гору, в гору пёхом,
Потом на корточках спускаемся к реке.

Пройти ещё немного надо
И по реке проплыть версту.
А там немного, для улады,
Сползти с верховья вниз в тайгу.

И, как возможно, без изъяна,
Идём ещё чуть-чуть, чуть-чуть.
Отсюда старт возьмём в низовья,
Пройдём ещё одну версту.

Поднимемся на косогор пологий,
И к дому спустимся мы тут.
Собрав весь скарб свой принесённый,
Мы в дом войдём, чтоб отдохнуть.

Вот так, в походе, круто очень
Пройти дорогу всю сполна.
Потом без сил и очень рьяно
Залечь в избушке лесника.

А рано утром, спозаранку,
Очнёмся с радостью от сна.
Сготовим пищу на мангале
И поедем её слегка.

Теперь, наевшись и согревшись,
И отдохнувши в тишине,
Мы соберёмся все обратно,
Отправимся в поход к реке...

***

Под градом стольным я живу:
«Московия» назвали
И оттого я счастлив, что вокруг
Лесной массив растёт.

Он красками своими
Пленяет тут и там,
И творчество родное
Преподаю я вам.

Война стучит опять в наш дом

Враги, враги, опять враги!
Они пришли к нам, очень много!..
Опять напомнили войну,
Опять сынов подняли роты...

Отчизна ваша позвала
Нас защитить от мрази этой,
Что лезет к нам из всех щелей
И рвётся нас стереть на месте...

Российский человек не враг –
Он друг и брат для всех народов,
Но если кто-то станет враг,
То он избавит всех от злобы...

Он нечисть разную сразит
На поле брани, в удалую...
Очистит землю от оков
И уничтожит мразь повсюду...

Сыны Отечества, страны
Всегда стояли за спасенье...
За мир, за дружбу, за народ,
Который дал им полномочья

Отчизну, Родину свою
Любить и защищать достойно...
А нечисть вычистить с Земли,
Чтоб Мир настал у нас надолго!..

Жизнь словно миг!

Весна и лето, словно миг,
Проходят и теплом пленяют!..
А человек спешит за ним
И так всю жизнь и проживает!..

Жизнь — это счастье...

Жизнь летит, так незаметно
День за днём летят года.
Жизнь дана одна на свете,
Это счастье для тебя.

Перебежками сменяя
Год за годом, день за днём.
Что ещё нам в жизни надо?
Что от жизни мы берём?

Счастья в жизни много ль надо?!
Счастлив человек всегда,
Если в доме всё в порядке,
Счастливо живёт семья.

Люди в мире и достатке
Вместе дружно все живут.
Радуются все дети счастьем
И здоровыми растут.

Жизнью полнится планета,
Процветает вся Земля.
Это счастье с миром вместе
Наполняет нас любя...

Жизненный Путь

Всё, что было ранее написано,
По ветру развеяно, в былом,
И теперь обратно, заново
Не напишешь даже и пером.

Ну а вновь пришедшее
С мыслями всё сложено в стихи
И вот здесь написано,
Чтоб не потерять в пути.

Время скоротечное
Быстро вдаль летит
И нам год за годом
Отбивает Жизнь.

Не напишешь больше:
Жизнь закончит путь.
Всё, что выше сказано,
Друг мой, не забудь.

Радость любви и кошка

Одинокая кошка гуляла,
Одинокое мурча всем вокруг,
Что-то в этом квартале искала:
Может, радость любви, может, плут.

Бед по миру гуляет так много,
Что их лучше уже и не счесть,
Но любви в одиночестве мало,
А ей нужен всего только кот.

Кто же знает, где он, бедолага,
Где гуляет и кто его ждёт?
Где родной его дом, он не знает,
Но стремится найти свой уют.

Знать, конечно, о многом не нужно,
Нужно радость познать лишь с одним
И полжизни пройти с ним немало,
Так пройти, чтоб хватило на жизнь.

Жизнь – прекрасна она и свободна,
И для нас – это радость любви.
Радость в дружной семье лишь возможна,
Где и дети растут все в любви.

Мир животных и дружба с человеком!

Мир всех животных для нас всем хорош,
Если покажешь, как ты с ним живёшь.
В мире и дружбе живём мы всегда,
Вот наша Дружба у нас и крепка...

Дружба животных всегда хороша.
Знает Природа – для нас создала.
Только не знает вот наш человек,
Как включить разум, спасти всех от бед...

***

Задумался я здесь о мироздании
И тихо ночью вышел на простор...
Там разум мой воздал познания
И напоил меня своею добротой...

О наших добрых, милых куцах рая,
Которые создали мы вдвоём с тобой...
О доле нашей, милой и насущной,
И творчестве, рождённом под луной...

Задумался о добром и насущном,
О жизни нашей в мире и любви...
Как мы живём и как с природой дружим
И что на память можем сохранить...

Познаём эффективность работы мозга

Возможно, да, возможно, нет,
Но мозг мы любим позабавить.
Ведь как живёт наш человек,
Возможно, даже мы не знаем!..

Мы эффективность узнаём
И силу мозговой атаки.
Потом нейроны познаём,
И шифр, и код воздействий наших.

На лекциях читают нам познания
И разные секреты слабых волн.
Потом нам зонд вживляют, познают сознание,
Задачи задают и видят результат.

Секреты наши эффективной сети мозга
Стараются на опытах своих создать
И дать возможность управления природой
И мозг, как человеческий, создать.

Его возможности по шифру и программе
Умы профессоров стараются всё описать
И положить все знания человечества
В машинный мозг военных, биороботов-солдат...

Мы опытов таких глобальных не хотели,
Но результаты настораживают нас!..
Ещё мы свойства человека
все порядком не узнали...
Но уничтожить разум,
всё мы можем хоть сейчас!..

Познать Вселенную за жизнь!..

Вселенная создалась очень рано,
И мы спешим познать её за жизнь.
Но если даже жизни нам не хватит,
Потомки постараются постичь.

***

Мечта о дальних наших странствиях
Сбывается всё больше в снах моих.
Я вдаль стремлюсь протуберанцем,
Окном Галактики в трубе спирали
На скоростях парсека внеземных.
Возможно, где-то, но неблизко
Найду Галактику миров своих.
Там вновь создам я поселение
Из особей – любимых и родных.

Бурлит Земля

Бурлит Земля, и соком жизни магмы
Пылают недра ближних нам планет.
И Солнце даже согревает светом
Свободу охлаждённых масс веществ.

Вселенная веками создавалась,
Меняла климат и тела планет.
Но землю всё-таки она создала,
Где правит наш великий Человек!..

Гравитация и мечта!..

Земная гравитация большая
Влияет на Земле на нас всегда.
Не можем мы, легко паря, играя,
Подняться к звёздной высоте пока!..

И выше высоты познаний этих
Мы одолеем звёздный путь планет
И создадим летающий красивый
Межгалактический планетный «Нейросвет»...

Галактика моя на расстоянии

Галактика моя – ты на пути создания,
Которое сознание о себе нам создаёт.
И видит Млечный Путь на расстоянии,
И даже видит многое ещё...

Понятия мои и знания всесторонние,
Но не могу понять я только лишь одно:
Вот если есть большие расстояния,
То, значит, жизненных дорог у нас ещё полно...

Я познаю творения мироздания

Я познаю творения и сознания
И всё стараюсь разгадать судьбу,
Которой наградил меня создатель
И подарил звезды одной страну.

А мироздание открыто наше
И дышит сотворением миров,
Которое познать сегодня надо,
И мы стремимся ввысь – страну миров!..

***

Настанет это утро – будет милость,
Мы все очнёмся ото сна
И выдохнем всю из себя усталость,
И ясны наши мысли будут, и легки тела.

И будет жизнь, но не с насущным хлебом,
В ней будут розданы все платы и долги.
В ней всё сравняется перед землёй и небом,
Замкнутся мироздания круги.

А люди вымолят у Бога всепрощение
И бросят в воду все ключи от всех дверей.
Потом, пройдя грехов последних отпущение,
Отпустят на свободу всех своих зверей.

И, расплетая всей живой Природе косы,
Пойдут по травам, шёлком шелестя.
Бесхитростны, талантливы и босы,
Как боги на картинах без венца.

А вечера не будет, только утро,
Исчезнет смерть как жизненный итог.
И, как Господь, ребёнок станет мудрым,
И, как ребёнок, улыбнётся Бог!

Сегодня я задумался о жизни

Сегодня я задумался о жизни первозданной,
Которую нам бог помог создать в пути своём,
И жизнь вдохнул нам в тело и обличье наше,
Создал нас в виде Человека в облике своём.

Он ум вложил, для разума активный,
А мозг на радость подарил живой.
Для разума большого, вдохновения
Он душу нашу приоткрыл ключом...

Создал ещё творенье неземное
И ангелом-хранителем назвал.
И наградил венцом его создателя
Во имя Человека, Бога и его Отца!..

Дружба, счастье и любовь

Есть люди... Есть друзья!
Есть счастье и любовь моя,
Которая дана нам для двоих.
За жизнь твою даю я жизнь!..

Не забывай меня ты никогда,
Ведь счастье – радость для тебя.
Как в жизни, мирно мы живём
И в мире дружбы благо создаём...

Вечер с милой у реки

Вечер с милой провожаем
На пригорке у реки,
Вниз по тропке убегает
Лучик света от воды...

Отражается и, прячась,
Укрывается в траве,
Заросли все огибают
И исчезнет на заре...

Вот и день один проходит,
А за ним так день за днём.
Мы с милашкой вместе тоже
Возвращаемся домой...

Красавица, как первозданная краса...

Творец тебя создал от бога
И наделил отменной красотой...
Сияющей, небесною искрою
И озаряющую облик твой...

Красавица моя – не слушай разговоров
И дедовских наказов в душу не бери свою...
Ведь бог тебя создал звездой!..
И красотой божественной
очаровал и наградил...

Краса пленительных созданий,
О, как всегда, ты хороша...
А что ещё нам в жизни нужно?
Конечно, чувство и сердце душа!..

Луч солнца на заре

Вот первый лучик заискрился,
Упал на голову и отразился.
Переливаясь и играя на заре,
Как будто озаряя всё в вине,

Всех теплотой своей пленяя,
Жарой одаривая и купая,
Всё тело наполняя теплотой
И согревая душу нам с тобой.

Пленит Душу Вальса Пламя!..

Краса цветов всегда Пленит,
И радость Душу наполняет,
Под звуки Вальса всё в душе горит,
И это Пламя жизнью наполняет!..

***

Бушует море на закате,
И пеной брызжет нам волна,
А волны золотом объаты,
От света зарева искря...

Бушует водная стихия,
И в такт качает нас волна,
И радостью нас опьяняет,
На палубе стоим мы корабля.

Мы на прогулке у стихии,
И нам она благоволит:
То пеной палубу омоет,
А по волнам мы будем плыть.

Вот так в борьбе за выживание
Прошёл весь сказочный круиз.
И мы, довольные усладой,
Спускаемся в порту на пирс.

На берегу под небосводом
Любовь пленила нас слегка.
И близостью уж вдохновила,
И наградила счастьем бытия...

***

Вот утро наступило,
Забрезжил вдалеке рассвет.
Природа ожила, затрепетала,
Из почек появился первоцвет.

Роса на листьях первоцвета
Переливается лучами света,
Играя красками, свеча.
Свистит свирель в низовьях у ручья.

Дрожит и шелестит трава
От лёгкого порыва ветерка.
Ручей бежит вдоль кромки поля,
Журчит, водою наполняя поле.

Жужжит в листве травы,
Проснувшись, шмель от сна.
Порхает бабочка, цветки все шевеля,
Нектар свой собирает
и лапками цветы все опыляет.

Животный мир очнулся весь от сна.
Запели птицы, у опушки щебеча.
Всё на лугу затрепетало,
Зашевелилось, заиграло.

Первые грибы Весны

За окном похолодало,
Ветер дует из-за туч.
Пасмурно, однако, стало,
Листья шелестят вокруг.

Птицы пригибают крылья
И спускаются к земле.
Ветер завывает в трубах,
Вызывая страх во мне.

Вдруг в раскатах грома ясных
Образуетя искра.
Вниз летит она стрелою,
Разрезая Небеса.

Молния раскатом грозным
Поражает деревца,
Пышущих обильной кроной
И возвышенных слегка.

На поляне возле Дома
После сильного дождя
Проросли из ниоткуда
Три грибочка у меня...

Природный источник

Бегут ручьи, и поле колосится,
Скирда снопов на элеваторе стоит.
Роса блестит на листьях луговой травы игриво,
Переливаясь разными цветами искр.

Смеётся солнечным лучом
На небосводе солнце.
Теплом нас обволакивает
Воздушный небосвод.

И радостно бежать сегодня
По луговой покатою
Сбегающей тропе в низовья
К ключу, источнику подземных вод.

Луч Молнии

Летний Дождь пришёл внезапно,
Словно ливень перед сном.
Льёт с напором, дует ветром,
Сильный гром гремит кругом.

Вот в раскатах грома ясных
И сияющей Грозы
Вдруг пронзает Небо ярко
Светлый луч клинком судьбы.

Он ласкает Землю мягко,
Словно иглами пера.
Где коснётся, там искрою
Загорается она...

Первая ягода лета!..

Эй, соседи!.. Заходите...
Ягода поспела...
Чай попьём мы от души
С ягодой лета!..

Земляника и клубника,
И малина хороша!..
Удалась она на славу,
Красотой блестит слегка.

Аромат стоит приятный,
Соком налились бока...
Урожай у нас отменный,
Заполняем закрома...

Время наступило лета
Снедьёю запастись нам...
Закатать компоты в банки,
Наварить варенья таз...

Заморозить ягод много,
Поместить их в холодильник...
Что осталось с урожая,
Мы посушим на чаёк...

Также листики засушим
И уложим всё в мешок.
Сохраним их мы на полке,
Все запасы будут впрок.

Чай из листьев мы заварим,
Витаминов – просто клад,
Аромат стоит на кухне,
Запах вам не передать!..

Мы запомним краски лета,
Не забудем никогда...
И зимой, открыв варенье,
Вспомним летний аромат...

Изменения в погоде

Где-то солнце засияло,
Заискрилось в вышине.
А у нас всё почернело,
Ветер вдруг подул извне.

Зашуршало на деревьях,
Дождь полил везде стеной.
Заискрилась, засияла
Молния на небе том.

Отблески раската грома
Где-то вдалеке гремят.
Изменения погоды
Наступают у ребят.

На Прогулке...

Хожу гуляю на Природе
И свежим воздухом дышу.
Смотрю на прелести Природы,
С животным миром Я дружу.

Там на лесных просторах ясных
Приятный аромат стоит...
Сосной и Ёлкой пахнет вдоволь,
Листва там на грибах лежит.

Там красотой цветов овеян
Массив лесной опушки всей.
Кружит над кронами деревьев
Ватага резвых птиц гурьбой.

Галдят, усталости не знают:
Видать, раздолье им в лесу.
Тут залежи воды и корма,
И тут для них устроен дом.

Лесная живность оживает
С рассветом и теплом в лесу,
А к вечеру всё замирает,
С прохладой погружаясь в тьму.

Так Лето мимо и проходит,
Сменяя день за днём года.
Одарит то жарой и зноем,
То холодком повеет не шутя.

Погода радует Природу,
Сменяя Гнев на Радость нам,
И ясным Солнышком осветит,
Наступит благодать кругом.

Деньги наши как вода – накопить никак нельзя

Вот и месяц начался сегодня,
Мы бежим опять в любимый Сбер!
Чтобы долг отдать наш государству,
Долг отдать из прибыли своей...

А зарплата наша – ох мала, однако:
Только купишь все продукты впрок,
Да налоги все отдашь по факту,
И глядишь – кошель-то уже пуст...

В наше время деньги – словно ветер,
Ветер, распалюющий сердца.
Люди в ссорах из-за них до драки,
Деньги ведь не радость, а сейчас вода.

Деньги, словно водный наш источник,
Утекают все бесследно навсегда от нас...
И собрать их нам уж невозможно,
Только в холод разве – в виде льда...

***

Как прекрасна Русская Природа...
Красотой пленила нас своей...
Как же здесь прекрасно и вольготно
Отдыхается нам вместе, друг, с тобой.

Здесь красивые леса и пашни,
И листвою наполнены леса.
Улицы и скверы все в листве погрязли,
Шелестят листвою тополя.

Под кустами ёлок и деревьев
Выстроились в ряд грибы –
От простых красивых мухоморов
До опят, торчащих из листвы.

Здесь красивых шишек, ягод много,
Гроздьями орехи тут растут,
По деревьям шустро скачут белки,
Птицы весело и ласково поют.

До чего красива ты, Природа,
Красок ты полна и запахом травы.
Зелени полно, везде в усладу
Пышут красотой своей цветы.

Утро на ранней зорьке

Как хорошо с утра проснуться
На ранней зорьке на лугу
И в сене раннем искупаться,
Собрав на коже всю росу...

Потом пойти к ручью напиться
И искупаться в свежести воды,
Почувствовать всю силу наслаждения
В прохладной неге от купания в воде...

И от обдува ветра у ручья с водою,
В истоме радости и счастья для себя,
Почувствовать благоприятие родное,
И удаль молодецкую, и силушку свою...

От радости природного богатства
И наполнения жизненного бытия
Родила нам всё матушка-природа,
И для любви всё нам она дала...

Музыка Дождя

Пасмурно вдруг быстро стало,
Солнце скрылось, из-за туч
Набежала вдруг прохлада,
Ветер поднимает пух.

Листики все на деревьях
Шевелятся, словно в такт.
Словно кто на них играет,
Сочиняя песни в лад.

Вся Природа оживает
Под порывом ветерка,
И листвою она играет
С перезвоном в такт Дождя.

Дождик добавляет ритмы,
Ритмы капель об асфальт,
Упоительны и милы, –
Словно ноты ставит в ряд.

Музыка ведь так прекрасна,
Наполняет нам сердца,
Разрываясь и подвластна,
Снова вдаль летит она.

Летний день на берегу

Летний День теплом оваян,
Солнце ярко светит нам.
Все мы едем на Природу –
Порыбачить, загорать.

Вся дорога весело проходит,
Пролетают мимо города,
Реки, пашни и озёра.
Как красива Русская земля!..

Проезжаем мы пока немного,
Добираемся до места бивака,
Выбираем первой остановку
У реки крутого бережка.

«Как же замечательно у речки!» –
Друг-товарищ радостно сказал...
Мы, недолго думая, все вместе
Разложились сразу на привал.

Здесь прохладой ветер веет,
Здесь искрится гладь воды,
Здесь у отмели, в низовьях,
Рыба плещется в воде.

Здесь у нас для отдыха готовы
Лодка, снасти и наживки куш.
Видно, день удачным будет,
Славным будет и улов.

Вечером приятно на закате
Вкусную ушницу нам поесть.
У костра, трескучего немного,
С радостью мы любим посидеть.

А под звуки струн гитары звучной
С радостью мы песни попоём.
Поглядим на гаснущие звёзды
В переливах света мы вдвоём.

Сутки пролетели незаметно,
На Природе Время – словно миг.
И теперь пора уже нам снова
Ехать к дому. Собираемся мы в путь!

Так приятны, сладостны минуты,
Проведённые на берегу.
В сочетании с Природой
Познаёшь Мирскую тишину.

Первый день осени

День сегодня наступил,
Лето в осень превратил.
И с утра на всех деревьях
Листья стали цвет менять,
Плавно в танце опадать,
Превращаясь в листопад,
Красок разных звездопад.
И под солнечным лучом
Превратился в сказку он.

Осенний листок

Осенний листок сегодня вспорхнул,
Круг почести свой, кружась, завернул.
Порхая и тихо спускаясь с верхов,
Он лёг под деревьями в кучу листов.

От ветра слегка он качается в такт,
И ветер – его и дружнице, и враг.
То тихо возьмёт и прижмёт он к земле,
А то очень быстро взлетит к вышине.

Парить может долго листочек судьбы,
Как жизнь у природы, меняет бразды,
Поднимет в высоты и кубарем вниз,
Летит и порхает он в танце за жизнь.

К земле приближается в круге своём,
Ложится на землю, сражённый врагом.
И тихо лежит, источает свой сок,
Последние дни отживает, свой срок.

Но вот завершаются соки в листке,
Становится жёстким, сухим он к зиме.
И сухость, и хрупкость становится в нём,
Рассыплется скоро он в прах перед сном.

В золу превратится и в землю уйдёт,
С водою смешает в питательный сок.
Зима это скроет от зимних невзгод,
Покроет, укроет до тёплых деньков.

А семя, упавшее в землю с листвою,
Питательным соком напоит, водой –
Чтоб спало зимою под снегом в тепле
И жизнь зарождало свою в тишине.

Весною природа опять оживёт,
И жизнь наше семя уже наберёт.
Вот так помогает природа всегда –
Росток пробуждает от зимнего сна!..

Первый Снег

Первый снег кружит в лесу,
Стелет белизной красу,
Покрывает деревца
И траву всю у ручья.
Накрывает покрывалом,
Словно тёплым одеялом.
Здесь и там припорошит,
Всё укроет, утеплит –
Чтоб Природа сохранилась,
Налилась и укрепилась,
Чтоб в весенние деньки
Всей ожить и зацвести.

МИХАИЛ МОСКОВЕЦ

Старый король, Молодой король

– Король умер, да здравствует король! – почти скороговоркой.

– Нудно как-то. Ты говоришь не новость, потрясающую государство, а цену на рынке. Надо больше эмоций, понимаешь?

– Король умер, – отрешённо. – Да здравствует король! – чуть торжественно.

– Нет. Смотри: сначала ты говоришь, что умер КОРОЛЬ – это трагедия, так как его все любят, уважают; он – лицо целого народа. Отсюда грусть, упадок, растерянность. Но затем возникает лучик надежды – наследник, амбициозный и сильный, умный и дерзкий. Вот тут уже лёгкий трепет, предвкушение чего-то прекрасного, светлого, большого. Понял?

– Король умер, – обречённо и почти шёпотом. Затем громогласно и с надеждой: – Да здравствует король!

– Браво!

– Почему я – лучик надежды, если убиваю короля?

– В глазах подданных ты – лучик. Они не знают, что бунт затевается тобой.

– А может, меня как бы подталкивают к бунту? Сам я не хочу, но меня шантажируют там или ещё что?

– Не по сценарию.

– То есть я два в одном – и лучик надежды, и кровожадный бунтарь?

– Примерно.

– Ладно. А почему мы репетируем в гараже?

– У меня пока нет своей площадки, я же объяснял.

– Прохладно здесь.

– Ничего, справишься. Иди чаю пока попей.

– А где Старый король?

– Опаздывает, наверно. Не звонил.

– И мы должны из-за него мерзнуть?

– Хватит ныть. Ты слишком нежен, чтобы убивать короля.

– Убийство-то я сыграю.

– Если будешь играть так же плохо, как и говорить эту фразу, – заменю.

– На кого же? У тебя даже на нормальное помещение денег нет.

– Бродячих гениев хоть пруд пруди.

– Ну-ну.

Мимо гаража проехала машина – дальше на парковку. Залаяла бездомная собака; её вопль подхватила вторая.

– А королева где?

– Чёрт, забыл про нее. – В панике достаю телефон и начинаю искать номер. – Она же не нужна сегодня. Чего ты меня путаешь, идиот?

– Я – Молодой король, – смеётся, – мне всё можно.

– Ржёшь ты точно как конь, а не как король.

– Поуважительнее к королевской особе!

Слышно, как шины катят по асфальту и тормосят.

– Старый король!

Поднимаюсь с облезлого барного стула и выхожу на улицу. Из задней двери джипа выползает лоскутный костюм-попурри с лицом Аркадия Аркадьевича – знакомого моих родителей и бывшего актера. Правда, актёрская деятельность его закончилась ещё в студенчестве, лет сорок назад.

Этот пухлый пожилой человек согласился играть Старого короля в моём спектакле. Роль он порывался сыграть вообще без репетиций, но я убедил его хоть несколько раз прогнать сцены.

– Значит, это ты меня убиваешь? – кивнул он Молодому королю.

– Так точно.

– Не в армии, сынок.

– Простите.

– Что требуется от меня? – обратился ко мне.

Было очевидно, что сценарий Старый король не удосужился прочитать. Пришлось рассказывать.

– Ну, вы – действующий король, уже пожилой. Ваш сын хочет престол и затевает бунт. Потом убивает вас, но, несмотря на это, хоронит со всеми почестями.

– Зачем?

– Что зачем?

– Убивать меня и хоронить со всеми почестями.

– Он любит вас как отца, но быть королём хочет сильнее.

– Странно.

Непонятно было, одобрял ли он мою задумку или нет.

– Давайте репетировать, уважаемый король? – нарушил молчание Молодой.

– Здесь?

– Да.

– А где же... театральное помещение? – Старый король удивлённо взглянул на меня.

– На него пока нет денег. Довольствуюсь тем, что под рукой.

– Странно, – он помолчал немного. – Однако давайте репетировать.

Первой сценой был монолог Старого короля – излагает он, что долго правил, завоевал много земель, а теперь чувствует, что конец его близок и т. д. и т. п. Вышло весьма посредственно, но я решил с первых же фраз не придираться к бывшему актеру.

Да и, в принципе, это был только первый прогон – основной целью было просмотреть весь текст, так сказать, в действии, а не ставить игру.

Единственным исключением из этой цели стал диалог между Старым королем и Королевой, репетировать который мы не стали: я был уверен в Королеве, поскольку уже видел её игру, а Старый король как-нибудь да справится. В любом случае акцент в данной сцене ставился на чувствах женщины, отстаивающей права сына, обделённого отцом.

Молодой король появлялся в третьей сцене, амбициозный и дерзкий, – в общем, всё как надо; я поднатаскал его актёрские навыки, так что, по крайней мере, образ королевича создавался.

Эту сцену я задумывал как совещание перед бунтом против Старого короля. Однако актёров не нашел – тем более возрастных (советники ведь всегда возрастные), – поэтому пришлось свести её к монологу-размышлению Молодого короля о своей жизни, ценностях, целях и тому подобном.

Из монолога зритель понимает, что Молодой король хочет свергнуть Старого: он питает

к нему сыновние чувства, однако обижен на отца за высылку из столицы. К тому же нынешнее правление слишком губительно для страны.

Амбициозность и дерзость образа были приправлены задумчивой миной Молодого короля, выдающей то ли глубокие душевные переживания, то ли тупость. Во всяком случае, мне понравилось.

Аккурат в конце сцены мимо нашего гаража проехал джип, и за ним тут же погнались дворовые собаки, бестолково лая на крутящиеся колёса.

– У меня ещё будут реплики? – перебивая лай, возмутился Старый король, которому не дали показать всю мощь его актерской игры во второй сцене. – Я не зря ведь приехал, у меня дела.

При этом я знал, что никаких дел у него нет, а говорило это уязвлённое самолюбие.

– Конечно, следующая сцена ваша, – пришлось согласиться мне.

На самом деле я был готов к такому повороту событий и ещё утром набросал сцену, где Старый король узнаёт, что его сын затеял бунт и двигается с войском на столицу. Сцена проходная, но наш король выложился так, как никогда, кажется, не выкладывался.

Он повышал голос и взмахивал руками в тех местах, где делать это было совсем не нужно, но остановить безудержную его экспрессию я боялся. Отойдя от текста, он принялся импровизировать, обнажая зрителю старую ранимую душу: он-де скучает по высланному сыну, любит его всем сердцем и даже готов отдать престол просто так; ему не нужны корона и трон, а только любовь (!). Закончил король вообще тем, что со слезами на глазах заявил об отречении и желании уйти в монастырь.

Мы с Молодым королём аплодировали стоя. Я вполне понимал, что эту импровизацию он забудет и не повторит, наверно, никогда, но сейчас она стала для него всем.

– Bravo!

– Bravo, король!

Ещё пребывая в экстазе от сцены, он выдал: – Гроб короля должен соответствовать его величию!

– Что?

Кажется, вопрос не входил в его план, отчего и смутил.

— Ну, — начал объяснять он, — когда сын меня убьёт, хочу, чтобы на сцене меня хоронили в огромном гробу. — Потом задумался. — Или же пусть похороны не показывают, но сын прикажет: «Гроб короля должен соответствовать его величию!»

Я, располагающий весьма скромным бюджетом, согласился на второй вариант.

После душераздирающего монолога Старого короля вполне можно было заканчивать репетицию, но мы согласились продолжать работу.

Предпоследняя сцена — поход на столицу — планировалась больше как образная, нежели артистическая. Опять же ввиду отсутствия большой труппы я вынужден был как-то выкручиваться, поэтому и решил сделать акцент на эффектность: Молодой король должен был идти через всю сцену, что-то выкрикивая и размахивая руками; в это время бы параллельно то включались и выключались свет и софиты, то стучали барабаны; люди за кулисами бы топали ногами и выли; быть может, даже какая-то женщина завизжала бы, изображая насилие, якобы учиняемое бунтующими.

В общем, задумывалось светопредставление!

Не желая портить идеальную картинку в своей голове, я попросил Молодого короля лишь медленно пройтись от одного угла гаража до другого и засёк время.

— Тридцать секунд. Ну сорок пять, допустим.

— Это для чего?

— Это ты должен будешь красться по сцене, изображая поход на столицу, — я зачем-то указал на Старого короля, а тот сразу сделал грудь колесом.

— Просто красться? Где же тут поход?

— Всё будет — поиграемся со светом и звуком. Ты просто должен плавно махать руками и периодически что-то выкрикивать, зазывая своё войско. Подумай над этим.

— Хорошо.

— Итак, последняя сцена — убийство Старого короля, — объявил я во всеулышание.

Кажется, даже бродячие собаки заткнулись и наострили уши, а охранник, вечно спящий в своей будке, продрал глаза и прислонил ладонь к уху.

Старый король, поддерживая ту же горделивую осанку, проследовал в тёмный угол гаража и повернулся к нам лицом. Молодой король стоял около меня.

По задумке они должны были идти с разных концов сцены и встретиться в середине. Молодой король грозит мечом и требует сдачи, а Старый отказывается сдаваться. Само убийство я не продумывал, а решил положиться на импровизацию.

Итак, короли пошли друг на друга.

— Сдавайся, отец!

— Не сдамся! — выкрикнул Старый король и сделал вид, что вынул меч из ножен. — Этот священный меч столетиями оберегал нас от врагов. Убережёт и сейчас! — он замахнулся на бунтаря.

Молодой король, вопросительно было взглянувший на меня (я дал сигнал продолжать), увернулся от удара и «обнажил» свой меч.

С проворством черепахи Старый король пару раз рубанул своим мечом и после третьего удара уже заметно выдохся. Собрав всю оставшуюся силу, он замахнулся в четвёртый раз. Далее произошла феерия: Старый король застыл, всё ещё держа меч в воздухе, покашлял, «выронил» меч из рук и картинно схватился за живот.

— За что, сын? — промямлил он, падая на колени.

Молодой король, поражённый то ли экспрессией, то ли внезапностью произошедшего, не знал, что отвечать, и таранился на меня. Я тоже не знал и глядел на Старого короля.

Тот уже двумя руками схватился за живот и поморщился. Было ясно, что он изображает смертельную рану и сценически умирает.

Молодой король стоял над ним, всё ещё держа двуручный меч.

— Стой так, — по-режиссёрски приказал ему, — и лицо трагичное.

Он нахмурил брови.

Старый король бился в агонии (мне казалось, он оценивает, стоит ли идти до конца и падать на грязный гаражный пол или отложить это до премьеры). Он кряхтел и правой рукой искал сына, видимо планируя схватиться за него и последний раз спросить: «За что?»

Я был шокирован. Мне и правда нравилось то, что я наблюдал. Возможно, я тоже пребы-

вал в некоем экстазе от того, что играли мою пьесу. Написанную мной! Пусть и не самые талантливые люди, пусть в старом гараже, но играли! Мою!

Старый король в итоге всё же повалился на пол, решив идти до конца.

— Приглушается свет, стоишь секунд десять, — шёпотом Молодому королю, — теперь фразу.

— Король умер. Да здравствует король! — он поднял правую руку с мечом вверх.

— Прекрасно! — я сиял от счастья. Потом вполголоса: — Снова секунд десять, оглядываешься на короля и говоришь про гроб.

Молодой король выждал положенные секунды, неспешно повернул голову в сторону тела убитого отца и величественно приказал:

— Гроб короля должен соответствовать его величию!

Уверен: нас ждёт успех.

Что восславит тебя?

Его время пришло. Пора бы уже. Наверно, он выжал из своей жизни всё, что мог, хотя и не знал этого точно. Часто ему казалось, что вот уже потолок, что ещё чуть-чуть — и он загнётся, как его тут же прорывало.

Он построил государство. Маленькое, но боееспособное. Только вооружившись, оно могло сохранить своё мнение среди гигантов. И сохранило его благодаря диктатуре.

Да, он — диктатор. И горд этим.

Ценой многих жертв он смог вывести страну из тени. Жертвы полностью оправданны, и ему не стыдно за них, как не стыдно за всё, что делал, — это во благо страны.

За всё он готов ответить сейчас. И вынужден будет ответить.

Плотный туман рассеялся, и диктатор увидел трёх людей, грузных и светлых. Они сидели за длинным столом и копошились в бумагах, очевидно — его.

Пусть изучают. Он готов подписаться под каждым совершённым действием и каждым сказанным словом. Была бы возможность — он поступил бы так снова.

Уже некоторое время он стоял перед ними; тройка молчала, словно не обращая на при-

сутствующего внимания. Лучше бы спросили лично: он мог рассказать куда больше, чем эти бумажки.

— Так, Маиш Мово, — обратился тот, что по середине. Видимо, главный.

— Да.

— Родились тогда-то и там-то.

— Верно.

— Одиннадцать лет, кража значка «За успехи в спорте» в магазине канцтоваров.

Вся тройка уставилась на диктатора. Озадаченный, он смотрел на них в ответ, а затем оглянулся, потому как на мгновение потерял уверенность, что обращаются именно к нему.

— Это вы мне?

— Да. Зачем вы это сделали?

— Что сделал?

— Зачем украли значок «За успехи в спорте» в магазине канцтоваров?

— Вы издеваетесь надо мной? — недоумённо спросил диктатор.

— Нисколько. Какова была ваша цель?

— Да я не помню этого, плевать мне на значок.

— Мы должны узнать цель, — снисходительно пояснил главный.

— Вы что, не знаете, кто я такой?

— Знаем. Вы — Маиш Мово.

— И зачем вы спрашиваете у меня про сраный значок?! — диктатор начинал горячиться.

— Постарайтесь не кричать. Мы должны узнать цель кражи.

— Это идиотизм какой-то...

— Это необходимость.

— Я правил целым народом! — взбесился диктатор. — По моему приказу людей живьём закапывали в землю.

— Вы этим гордитесь?

— Нет, но я считаю, что...

— Это не важно. Так зачем вы украли значок?

— Что за чушь вы несёте? Я приказывал убивать семьи! — заорал он.

— Постарайтесь не кричать.

— Спрашивали бы лучше про убийства и грабежи, а не про идиотский значок, — фыркнул диктатор. — Нашлись судьи — обвиняют меня в краже значка! Полистайте свои бумаги чёртовы, там написаны мои настоящие деяния.

Тройка закопошилась в разбросанных по столу листах.

— Наверно, мы ещё дойдем до этого. Сейчас это не важно.

— Кража значка важнее истребления тысяч людей?

— Мы идём последовательно.

— Вы сами не понимаете, какую чушь несёте... — диктатор в недоумении покачал головой.

— Мы исследуем все ваши деяния.

Молчание.

— Нам необходимо узнать...

— Опять о своём, — обречённо пробурчал диктатор. — Допустим, понравился мне значок. Видимо, я не крал ничего до того момента, было интересно.

— То есть вы украли из интереса?

— Наверно. Хотелось показать ровесникам, что я могу это сделать.

— Так интерес или тщеславие?

— Какая разница-то?

— Это важно, — многозначительно заключил главный.

Диктатор сердито уставился на него.

— Интерес.

— Хорошо, спасибо.

Левый из тройки принялся что-то записывать.

— Так, кража газировки из магазина в двенадцать лет. Зачастили вы с кражами.

— Опять?! Вы слепые? Или глухие?

— Второй случай за год. А вам на тот момент всего двенадцать, это...

— Перед вами стоит глава народа!

— ...очень нехорошо.

— Я поднял страну из руин ценой огромных жертв! Судите меня за это — за убийства, за насилие, за разбои.

— Кажется, вы не говорили...

— Идиоты, я твержу вам об этом с самого начала! — не стерпел диктатор.

— Успокойтесь. В любом случае мы ещё дойдём до этого... — Главный взял лист бумаги и зачитал: — Баночка газировки стояла в холодильнике около входа в продуктовый магазин. Майш Мово заметил, что продавщица отвлеклась на покупателя, открыл дверцу холодильника, взял банку газировки и сбежал. Так?

— По-вашему, я помню?! Моя голова забита более важными вещами, чем эта ерунда.

— Должны помнить. Это важно.

— Никто не вспомнит об этих случаях после моей смерти! — стоял на своём диктатор. — Всем плевать на значок и газировку. Потомки будут помнить меня как...

— Вы ответите на вопрос?

Диктатор весь кипел внутри. Его давно не перебивали столь часто.

— Так, — металлически проскрежетал он. — Хорошо. Зачем вы украли банку газировки?

Спорить с ними было бессмысленно.

— Интерес.

— Снова интересно? Но вы ведь уже крали значок и должны были испытать все эмоции от кражи.

— И что?

— Видимо, была другая причина.

— Понятия не имею.

— Подумайте, пожалуйста, — монотонный голос главного убаюкивал.

— Почему вы просто не запишете, что мне стало интересно?

— Потому что так мы записали при первой краже. Мотив не может повторяться.

— Пусть тщеславие, — раздражённо заключил диктатор.

— Хорошо. — Левый стал записывать, а главный продолжил: — Но на третьей краже вам придётся находить новую причину.

— Какой ещё третьей?

— Жевательная резинка, но мы до этого ещё дойдём.

— Да на хрен вам это знать! Я не какой-то пацан! Я — глава государства! Диктатор, который устраивал терроры!

— Не кричите, — оборвал его главный и уткнулся в бумагу. — Проникновение в недостроенное здание.

Диктатор устало опустил голову и выдохнул.

— С какой целью?

— Верно, — кивнул главный, — с какой целью вы туда проникли?

Допрос затягивался и утомлял его. Столько всего он вынес за свои годы, но это было выше его сил. Диктатора здесь абсолютно ни во что не ставили.

— Я не знаю.

— Подумайте.

— Пошли к чёрту! — гаркнул он.

Тройка переглянулась между собой.

— Не нужно так с нами разговаривать, от нас зависит...

– Плевать мне, что от вас зависит. Перед вами глава страны, а не какой-то мальчик. Диктатор – да, диктатор! Я делал то, что считал нужным – подставлял людей, грабил, убивал взрослых и детей, семьи, травил города. За это я готов ответить, потому что это было необходимо для роста моего государства! Я перед вами, вот и судите меня за это, а не за кражу значка и газировки! Меня будут помнить за великие и жестокие действия!

– ...зависит, куда мы вас распределим. Мы должны идти по очереди, – строго заключил главный. – Не перебивайте. Не кричите.

– Да плевать мне на ваш порядок! Меня в любом случае отправят в ад или куда там вы отправляете убийц и воров. Я заслужил, признаю. Но не смейте делать из меня ребенка и обвинять в краже газировки.

– Процедура одинакова для...

– Тогда идите к чёрту.

Диктатор крутанулся вокруг своей оси и пошёл прочь. Странно: ногами он шевелил, но с места, казалось, не двигался. Через некоторое время он обернулся через плечо и узрел ту же тройку, равнодушно наблюдавшую за ним, как за букашкой.

– Да что вы, на хрен, смотрите?! Распределители чёртовы. Перед вами великий человек! Вот пусть меня и судит Великий суд. Я ни черта вам не скажу.

– У нас нет Великого суда.

– Мне плевать.

– Вы не хотите признавать свои действия?

– Я готов отвечать только за те поступки, которые привели к серьёзным последствиям.

Они непонимающе глядели на диктатора.

– Чего вы молчите?! – не выдержал он после нескольких минут тишины.

– Мы ждём, пока вы ответите на поставленный вопрос.

– Не буду я отвечать на ваши идиотские вопросы.

Главный прошептал что-то сидящему слева. Тот наскоро пролистал дело и что-то ответил.

– Хорошо, мы отправим вас на нижний уровень. – Он взял дело и сунул его под стол, после чего раздался шлепок. – Бумаги изучат там.

Тройка мгновенно испарилась, и в животе у диктатора как будто запорхали бабочки. Затем всё устаканилось, и перед ним возникла новая тройка.

Кажется, они совсем не отличались от тех, кто судил его только что.

– Так, Маиш Мово, – начал тот, что посередине.

– Да.

– Родились тогда-то и там-то.

– Верно.

Срединный полистал бумаги.

– Одиннадцать лет, кража значка...

Отрывок из книги «FOLLY»

РИМ

17 марта 1828 г.

Карл обедал в одном из ресторанов неподалёку от Ватикана. Ему нужно было отвлечься. Хотя бы на какие-то минуты. Всё-таки рисовать картину несколько лет, пусть и всего лишь копию, было для него изматывающим занятием. А ведь ему предстояла не менее трудоёмкая задача.

Хватит ли у него сил, по большей части душевных? Он понимал, что без очередной поездки в Помпеи ему не обойтись. Иначе ему просто неоткуда будет брать вдохновение.

С таким же успехом он мог показать пустой холст. Он посвятил много времени изучению истории трагедии, а также посещению музея с целью впитать в себя энергетику предметов, найденных на раскопках. Особенно ему понравился один мифологический сюжет — Гилас, увлекаемый нимфами. Как сообщил Брюллов в письме к Обществу, сюжет был восхитительным, и, что самое примечательное, он отражал нынешнее состояние художника. Как и Гилас, Карл не мог пока совладать со всей мощью природы, готовой его поглотить. Участь друга Геркулеса повторять ой как не хотелось. С Обществом дела пока обстояли далеко не самым лучшим образом: «Школа» не готова, картин с двумя-тремя нагими фигурами, заказанных кураторами, он и вовсе не начинал. Подумывал, что новой работой будет как раз история Гиласа, но забросил её ещё в прошлом году. Хотя почтенное Общество наверняка уже ждёт какого-то окончательного результата. Его же нет, и пока он даже не проглядывается.

Всё внимание Карла было приковано к многочисленным наброскам его шедевра.

Пока это были лишь фрагменты, детали, которые складывались из находок, историй и рассказов брата. Повезло тому: он не обременён подобным грузом ответственности перед графиней и природой в целом. Но, несмотря на ощутимое душевное изнеможение, Карлу нравилось представлять будущую картину.

В голове его всплыл образ трёх граций, увековеченных на одной из фресок, а также картина Рафаэля с таким же сюжетом, где красавицы, что характерно, были изображены в тех же позах. Был ли это заговор трёх девушек из свиты богини Венеры, Карл не знал.

«И здесь Рафаэль», — мысленно отметил художник, глядя на карандашный набросок: девушка, окружённая силуэтами двух подруг, вскидывает одну руку вверх, второй обнимает одну из подруг. Обычно центральная фигура изображалась спиной к зрителю, а две другие — лицом. Именно так и выглядел этот эскиз.

— Это не что иное, как помешательство! — не выдержав, воскликнул Карл уже вслух.

Люди за соседними столиками невольно посмотрели в его сторону. Он взял набросок и в сердцах швырнул его куда подальше.

«Хорошо, что хоть место определил. Есть отправная точка. — При этих словах он вспомнил ужасную картину, увиденную там же, в развалинах. — Удивительно, как такая мощь может и восхищать, и пугать одновременно».

Он никак не мог выбросить из головы картину, которая складывалась из очертаний трёх скелетов: одного взрослого человека и, очевидно, двух детей. Мать с двумя дочерьями стоит на коленях и укрывает своих чад руками. Вот уж, действительно, где полная безнадежность и трагичность! Они обречены. На раскопках находили не раз останки горе-кладоискателей прошлого, но отличить их от тех, что принадлежали настоящим жителям, было несложно.

«Далее мы видим, как взрослые дети спасают отца. У их ног кружится собака — как напоминание о былой размеренной жизни, а также как символ бескорыстной преданности. Может, сделать её чёрной, опять же как на одной из фресок?» — в таких размышлениях проходил очередной обед художника.

ГАЛИНА ОДИНЦОВА

Отрывки из книги «Письма прошедшего времени»

Письмо 1. Про яйца

Начало шестидесятых годов прошлого века. У меня было две бабушки — московская и амурская. Можно сказать — земля и небо!

Московская бабушка была интеллигенткой до глубины души. А нашей семье, помотавшейся по России из одного конца в другой, было не до традиций и жеманства. Отец мой по привычке ещё придерживался каких-то правил, навыки воспитания в культурной семье не отпускали его, но детям их никто не прививал — не до того было.

А вот когда мы приезжали в Москву, нашу семью запирали в строгие рамки. Тут уж никуда не деться: салфеточки, вилочки, ножички. А у нас-то в доме — какие там вилочки-ножички! Были две алюминиевые ложки на четверых, и ели ими по очереди — сначала дети, потом взрослые. Да и дома-то никакого, по сути, не было! Больше года не задерживались нигде. Отец, подвыпив, всегда говорил, что он цыганских кровей и на месте ему сидеть скучно. Мама не сопротивлялась, смиренно следовала за мужем, крепко держа нас, детей, за руки. И так — всегда и везде.

На завтрак московская бабушка готовила яйца всмятку или в мешочек. А та бабушка, что в амурской деревне, набрав в курятнике полный фартук яиц, промывала их все сразу в ведре, очищая от навоза и перьев, опускала в большую кастрюлю, десятка два-три, заливала водой из колодца и варила яйца долго, до посинения. Никто эти яйца никогда не охлаждал. Чистились они всегда плохо. Дети, вечно голодные, давась и обжигаясь, поглощали их чуть ли не со скорлупой. А детей всегда

полный двор. На лето съезжались в деревню внуки от многочисленных бабушкиных детей. И эту ораву надо было кормить. Хотя бы утром и вечером. Потому что днём никого не дозовёшься, не найдёшь: гоняют то по лесу, то на речку.

У московской бабушки всё не так. Она промывала яйца — по одному на человека — водой под краном. Протирала каждое салфеткой, предварительно проверив его на свежесть. Для этого в стеклянную пол-литровую банку наливала воды и по очереди опускала в неё сырые яйца. Если яйцо опускалось на дно — значит, свежее и его можно варить всмятку. Это была целая эпопея — бабушка варит яйца всмятку! Дождавшись, когда вода закипит, бабуля сыплет в неё ложку соли. Размешивает, ждёт повторного закипания. Затем каждое яйцо бережно, как что-то драгоценное, кладёт на столовую ложку и аккуратно погружает в кипящую воду. И такое проделывается с каждым яйцом. Затем бабушка ждёт, когда закипит вода. Как только начинается бурление, она переворачивает песочные часы и следит, как песок в них сыплется вниз.

Я стою рядом, наблюдаю за этим важным процессом варки яиц в мешочек или всмятку. Бабушка всё делает молча, не обращая на меня внимания. Внучка для неё ничего не значит. Сторонний объект. Ребёнок от женщины, которая пришлась не ко двору. Я — есть, я — рядом, но на меня никто не тратит своих эмоций. Все эмоции достаются младшему брату. Он свой, он похож на отца. Ему все дифирамбы и восхищение.

Как только песочные часы отмеряют положенное время, горячая вода сливается и кастрюля с яйцами ставится под кран с холодной водой. На красивой тарелке яйца красуются в центре стола. Каждому подаётся блюдце, на блюдце специальная рюмочка-пашотница. Для меня это дико, но интересно. Яйцо кладётся в эту рюмочку острым концом вниз — иначе нельзя: с тупого конца яйцо разбивается легче и чистится легче тоже, и желток находится ближе к тупому концу. Бабушка за этим следит строго. Рядом с блюдцем — ножик и ложка. Ложечка по размеру меньше чайной, с расширенным концом. Надо ножиком разбить верхушку яйца или аккуратно срезать её, а скорлупу убрать и сложить на край блюдца.

Я часто получала подзатыльник за то, что не так ковыряю отверстие для ложечки. Скорлупа лопается, содержимое начинает сочиться через край пашотницы, жидкий желток предательски оказывается на скатерти. У меня всё не так! Руки тут же оказываются все в вязком желтке, потому что, пытаясь скрыть свои неловкие действия, я начинаю пальцами или языком ловить содержимое, медленно выползающее из недоваренного яйца, облизывать пальцы, размазывая эту субстанцию и по лицу. Меня гнали в ванную умываться, больно вытирали руки и лицо жёстким полотенцем, а потом, подталкивая в спину, отправляли снова за стол.

— Галя, разве так можно! Ты же девочка! Почему мать тебя не научила быть аккуратной? Вот как, скажи, с тобой можно пойти в гости?

— Я не хочу в гости. Я хочу быть дома.

— Нет, мы должны ходить в гости. Но для этого надо научиться правильно вести себя за столом.

Бабушка ежедневно воспитывала меня, ей не нравилось всё, что бы я ни делала. Мама терпеливо молчала, папа тоже. Они избегали конфликтов как могли.

— Галя, смотри, как правильно есть яйцо всмятку! Прodelав дырочку... Видишь, какая дырочка у меня? Я сняла скорлупу только на макушке...

От слова «макушка» меня раздирал смех. Я стучала себя ложкой по своей макушке, за что получала снова подзатыльник от отца.

— Слушай бабушку и делай так, как она говорит. Не безобразничай!

Я ненавидела эти яйца. Мне хотелось взять яйцо, засунуть целиком в рот и разжевать!

— Леонид, не трогай девочку — я сама... Теперь, Галя, надо взять солонку, слегка присолить через дырочку внутренность яйца и ложечкой размешать!

Странной ложечкой с тупым концом я медленно месила белок с желтком, при этом разламывая бока яйца. Нечаянно, конечно, не нарочно же!

— Вот неуклюжая! Не получится из тебя барышни. Нет, не получится.

Я старалась как можно скорее съесть эту дурацкую бело-жёлтую жижу, тщательно очищая внутренние стенки скорлупы. И одним яйцом никогда не наедалась. Мне было непонятно,

как это все молчат и не требуют у бабушки добавки.

В это время бабушка уже намазывала шоколадным маслом, тонким прозрачным слоем, кусочки ароматного батона и подавала каждому в руку. Мне хотелось, чтобы слой масла был толстым, чтобы можно было сначала съесть масло, а потом уже приступить к поглощению белого батона. Но масло так прочно вмазывалось в мякоть хлеба, что слизывать было уже нечего. Чайные фарфоровые, в зелёный горошек, чашки на блюдах наполнялись горячим чаем. Можно было пить из блюда: осторожно наклоня чашку, наливать понемногу и не спеша аккуратно отхлёбывать.

— Галя, ну кто же так пьёт чай?! Не швыркая так громко, это некрасиво!.. Куда так дуешь? Брызги же летят во все стороны. Галя!..

Но мне было не до замечаний. Мне хотелось всего сразу и поскорее!

Никто не роптал, все выходили из-за стола, благодарили бабушку за завтрак. Меня заставляли произнести это нелюбимое слово — «спасибо». А я, практически голодная, выдавливала его сквозь слёзы. Мне хотелось есть!

Я очень хотела большой кусок белого батона с толстым слоем шоколадного масла. За это, высказанное вслух, снова получала подзатыльник и отправлялась в угол с игрушками. Среди игрушек была кукольная посуда. Её мне подарила бабушка. Посуда была настоящая, фарфоровая, разрисованная голубенькими незабудками. И пашотница была тоже. И я с удовольствием обучала кукол есть яйца всмятку, щедро раздавая им подзатыльники.

Письмо 2. Про оливье

Никогда в нашей семье не приветствовались салаты, кроме маминого, приготовленного из своих овощей, выращенных в огороде. Вся жизнь родители резали огурцы, колбасу, селёдку и прочие продукты в разные тарелки. Огурчики — значит, огурчики. Селёдочка — значит, с луком и полита маслицем. Вот так ласково, с любовью и нежностью, называли мама и отец каждый кусочек простого, доступного продукта. Остатки хлеба — на сухарики. Не на сухари — безобразные ломти засохшего хлеба, — а на аккуратно порезанные кубики,

засушенные до румянца в духовке. Сухарики обожали все. Любила их грызть и я. Даже на уроках.

— Заморишь червячка, — смеялась мама, насыпая в карман школьного фартука жменьку румяных кубиков.

Мама частенько варила суп «Чисто картофельный». Такое название ему придумал отец.

— О, сегодня мой любимый суп — «Чисто картофельный!» — восклицал он, садясь за стол после рабочего дня. Я не понимала, сколько было горькой иронии в его радостном восклицании. Это сейчас, анализируя то время конца пятидесятых годов прошлого века, понимаю, как бедно мы жили. И тогда «Чисто картофельный» суп был самым вкусным, горячим, ароматным. Мелкие кусочки картофеля плавали в желтоватом картофельном бульоне, а бульон был в меру солёным и насыщенным, с картофельным запахом, смешанным с запахом лаврового листа, который всю жизнь добавлялся родителями во все первые и вторые блюда.

В один из наших приездов в Москву — мне было тогда лет шесть-семь, примерно 1959 год — бабушка накрыла стол. В центре стола стояла большая салатница с салатом оливье. Нет, тогда я не знала названия этого популярного салата. Но я хорошо запомнила его содержимое ещё и потому, что мама, дождавшись, когда бабушка выйдет из комнаты, громким шёпотом всем нам приказала салат не есть!

— Не вздумайте есть это! — восклицала она. — Мало ли что там понамешано! И какими руками эта гадость делалась!

Я рассматривала горку салата в своей тарелке, и мне очень-очень хотелось его съесть. Завораживал не столько запах этого кушанья, сколько зелёный горошек, который я видела впервые в жизни. Мне казалось, это ягоды — сочные, сладкие, тающие во рту. Но строгий взгляд мамы останавливал. Этот взгляд зорко следил за нами. У мамы со свекровью были сложные отношения, маме во всём виделся подвох — и она всем своим нутром стремилась предостеречь нас от опасности.

У бабушки была высокая кровать, белое покрывало с кружевами понизу спускалось до самого пола, и что там под кроватью — неизвестно! Но очень интересно. Меня туда мани-

ло, тянуло. Там была тайна. Дождавшись, когда в комнате никого не будет, я нырнула в эту завораживающую темноту...

Бабушка жила в коммунальной квартире. Длинный коридор и четыре комнаты. В большой общей кухне — четыре стола. Можно подходить только к своему столу и ни в коем случае к чужому. До сих пор, с болью в сердце, помню запах подъезда, квартиры, кухни, помню окна — огромные, сверкающие чистыми стёклами, и высоченные потолки с замысловатыми вензелями и рисунками. Это был мир, который должен был быть моим. Но он им не стал. Это уже другая история...

Итак, я под кроватью. Вдоль стены — коробки, ящички, свёртки. Бабушка работала в сфере торговли. Одаривала нашу семью одеждой, посудой, подарками на разные случаи жизни. Хорошо помню, как тяжелы были чемоданы, когда мы в очередной раз покидали Москву...

Обследовав подкроватное богатство, я подползаю к тазику, накрытому полотенцем. Приподнимаю его, а там — салат! Салат, который нам запретили есть. И в нём — зелёные ягоды! Которые я никогда не пробовала, но так желала их вкусить, разжевать, насладиться незнакомым вкусом.

Достав «ягодку», кладу её в рот, жую — и прихожу в состояние шока: ягодка солёная! Невкусная! Пришлось выплюнуть. Зато с удовольствием отведала кусочки колбасы. Я их тщательно выковыривала из салата до тех пор, пока меня не вытащили за ноги из-под кровати и не отпоролы отцовским ремнём. За салат, в котором я копалась руками, за непослушание запрету — не есть эту «гадость» и за все грехи, нынешние и будущие.

Я стойко выдержала это наказание. Потому что никто меня не защитил, не пожалел. А слёзы, как известно, льются рекой тогда, когда кто-то прижмёт, защитит и пожалеет. В этот день меня осудили все. Но зато я впервые в жизни ела салат оливье под кроватью, руками, выбирая колбасу, которая для меня была такой же диковиной, как и зелёный горошек...

Письмо 3. Про негров

Впервые я увидела негров в Москве. 1962–1963 годы. Мне было примерно лет десять. Мы с мамой шли по улице Герцена. Хо-

рошо помню эту улицу. И название. Уж очень оно мне понравилось. Шли в сберкасса. Это тоже хорошо запомнила. Мне нравились эти слова: Герцен, сберкасса... Что-то таинственное было в сочетании этих звуков. Хотелось их повторять. Странная я была. Не от мира сего. Меня увлекали звуки, события, картины, окружающий мир поглощал меня целиком. И мне нравилось существовать в нём одной, независимо ни от кого. Я начинала фантазировать, придумывая свои истории. В них жили мои друзья.

Мама крепко держала меня за руку. Солнечный летний день, на мне новое платьице в красный горошек. Хотелось крутиться, вертеться, потому что юбка-клёш и прекрасное настроение. Но мама неумолима.

— Герцен, сберкасса, — напевала я, следуя рядом с мамой вприпрыжку.

В Москве мамочка боялась всего. Даже машин, мчащихся по широкой улице, постоянно сигналивших на все лады и голоса. Вздрагивала и ещё крепче сжимала мою руку.

И вдруг! Из-за угла... Как из маминой из спальни, кривоногий и хромой, выбегает умывальник и качает головой... Но нет! Никакой не умывальник, а два чёрных человека в белых костюмах вышли навстречу, размахивая руками... Мама! Милая мама!

— Черти! Доча, черти идут! — воскликнула она и рванула в сторону, но там были дорога и гудящие на все лады автомобили, в другую сторону — тоже некуда. Стена дома! Резко разворачиваемся и мчимся туда, откуда шли не спеша, разглядывая номера домов. Завернули за угол и остановились. Мама выглянула, отталкивая меня, любопытную, назад и, убедившись, что опасность миновала, мы двинулись дальше. Африканцы, не обращая внимания на поток машин, переходили дорогу.

— Точно, это черти! Ничего не боятся. Даже машин не боятся! — взвизгнула мама ещё раз.

Наконец-то я узнала, какие они, настоящие черти. Других мне никто никогда не показывал. Маме, видимо, тоже... Милая мама, привезённая отцом из амурской деревни, долго привыкала к Москве. Она всего боялась. Эскалатор был для неё большим испытанием. Особенно после того, как она, соскакивая, аки молодая лань, с движущейся лестницы, уронила с ноги босоножку. Была страшная паника.

И долго мама боялась передвигаться по Москве на метро.

Письмо 4. Про Москву

1976 год.

— Москва есть Москва, — с гордостью напоминала мне бабушка Александра. — Чего твоим родителям не жилось здесь! Это всё мать твоя! Она моему сыну покоя не давала. А-а-а!.. — махнув рукой, бабушка промокала платочком горькую слезу.

Я молчала: зачем вспоминать прошлое? Понимала бабушку. Но и маму защищала всем сердцем. Чувствовала, что со свекровью ужиться не у всех получается.

Хотя моя свекровь — мама мужа, Евдокия Николаевна, — была исключением из всех правил. Более замечательной, доброй женщины я не встречала в своей жизни. Она любила меня. Может быть — так мне казалось — даже больше, чем своих дочерей. Жалела меня, как будто я была её самой любимой дочерью. Удивительная женщина. Навсегда я сохранила о ней только светлую память. Ни одного недоброго слова никогда не слышала от неё.

— Галенька, береги моего сыночка Алёшку, береги! Он хороший, мой сынок, он любит тебя. И ты люби его, Галенька, деточка моя родная. Тебя ему Бог дал! Берегите друг друга!

А как послушаться? Как? Это пример всем свекровям. Мне повезло!

А вот отца по сей день понять не могу. Почему? Почему не добился своего, не обеспечил семью своим жильём? Почему не сделал жизнь семьи комфортнее, а убежал из Москвы?..

Когда Алексей учился в академии, мы первое время жили у бабушки Александры. Прописалась у неё. А вот зачем выписалась, непонятно. Глупая была. И никто мне тогда не подсказал, не научил, что нельзя было этого делать. В будущем потеряли и дом, и квартиру бабушкину. Всё дальние родственники сделали так, как им надо было: воспользовались инсультом моего отца. Но... близок локоть, да не укусишь. Осталось одно недоумение от своей глупости и недалёковидности. А ещё отца упрекаю, что не смог получить по праву принадлежащее ему наследство! Пути господни неисповедимы.

Бабушка меня уму-разуму учила. С утра до вечера. И я начала маму понимать. Характер обеих тут и проявлялся, находила коса на камень.

Я была проще. Мне ведь никто никогда слова не давал и мнения моего не спрашивал — в нашей семье не было такого. И я молча выслушивала бабушку, кивала головой, соглашалась.

— Мужа потчевать надо всегда. Посмотри на часы, скоро в академии кончатся занятия, а ужина нет ещё! Так нельзя. Даже в ссоре еда должна стоять на столе. Иначе побежит туда, где накормят, приласкают и спать положат. Смотри, внучка, не прогляди счастья своего...

Мне не нравились эти бабушкины речи. Хотя я всегда делала именно так, как велела бабушка, мне хотелось всё делать по-своему, без подсказок. И мы сняли квартиру поближе к академии. Полчасика всего на метро до станции «Бауманская». Обиделась, видимо, бабушка. Попросила выписаться. Навсегда.

В этой съёмной московской квартире впервые пришлось клеить обои. Ох и намучилась я! Но кое-как налепила. Рисунок не совпадал — да кто ж его знал, что он совпадать должен? Морщин много было — да кто ж их знал, как следовало клеить, чтобы их не было? Я была довольна. Отойду от стены, смотрю и восхищаюсь своей работой и собой.

Диван купили. На ящиках дочку спать укладывали. Просторно, светло. Квартира на седьмом этаже. Внизу — лес. Вид из окна чудесный. Воздух чистый. Весной соловьи поют-заливаются. Красота!

И вот, дня через два, ночью спим себе спокойно, как вдруг раздаётся страшный треск. Среди ночи! И на нас обваливается стена.

— Стена обвалилась! — кричу я.

Какое же отчаяние я пережила, пока выбрались из-под того, что на нас рухнуло, да в себя пришли... Оказалось, это обои сплошной стеной рухнули. Вся моя работа! Весь мой труд коту под хвост. Пришлось консультироваться в магазине обоев и заново всю работу делать. Со временем я так научилась этому ремеслу, что можно было разряд присваивать. Высший, конечно!

Как известно, Москва — перевалочная база. Все едут через Москву. И если есть где переночевать, то это здорово. Вот так и к нам ста-

ли ездить все подряд. Как-то заехали друзья из Чехословакии. Хорошо посидели. Мужья за встречу, мы с подружкой — про общих знакомых болтали. Засиделись! Полночь. Стали мужей спать укладывать. И захотел наш гость принять ванну перед сном. Мы с Валею улеглись на полу, на матрасе. Пока переговаривались, незаметно уснули. Просыпаюсь оттого, что лежу в воде. Ничего понять не могу! Что за вода, откуда? Бегу в ванную комнату. Виктор спит в ванне, вода плещется через верх. Под дверь просочилась, по лестнице понеслась вниз. Что тут началось! Выгребали воду до утра. Выливали на спящего в ванне в чём мать родила капитана. Странно, но жалоб от соседей с нижнего этажа на то, что их залили, не поступило. Дом, видимо, был построен на совесть.

Но недолго пришлось наслаждаться этой квартирой. Хозяева вернулись из-за границы, и мы переехали в ведомственный дом академии. Для этого мне пришлось там устроиться техником-смотрителем в домоуправление: у военных оно называется КЭЧ — квартир-но-эксплуатационная часть.

Ну и работа! Никогда не думала, что столько нервов надо тратить на дворников, слесарей, газовщиков и представителей прочих служб. Это была не моя работа, но ради жилья приходилось терпеть. Жили в двухкомнатной квартире. Одну комнату занимали мы, вторую — москвичка. Коренная. Одинокая и весьма своеобразная. Везде свой нос совала, даже в кастрюли на общей кухне. В замочную скважину подсматривала, в окна заглядывала — всё ей было интересно!

Но нам повезло. На третьем этаже появилась свободная комната, и я, как работник КЭЧ, сумела воспользоваться своим служебным положением. Мы переехали на третий этаж. Соседями оказалась семья из трёх человек — слушатель академии, его жена, работник академии, и дочка. Прожили мы с ними два года в мире и согласии. Чего и всем можно пожелать. С соседями надо уметь жить. Иногда соседи ближе родственников бывают.

За год я так устала быть техником-смотрителем! Так мне надоели эти разборки с начальством да война с пьяницами. Они жили на чердаках, и приходилось с милицией их оттуда выселять. Однажды ночью они откры-

ли наш хлипкий замок от общей двери квартиры и украли китель мужа. Всё бы ничего, но в кителе были все его документы. А главное – партбилет и удостоверение личности! Вызвали милицию. Начались обыски чердаков. Водила милицию по чердакам и подвалам я. Муж был расстроен: дело серьёзное, надежды на то, что пропажа найдётся, не было, и дальнейшая перспектива не радовала.

Всегда всё решает случай. Во всяком случае, у меня так. В одном из соседних домов, спустившись по лестнице, нечаянно взглянула на почтовые ящики – а там, в одной из круглых дырочек, моя физиономия! Муж мои фото в удостоверении носил. Любил очень, наверное, жену свою, то есть меня. И таким образом мы нашли и партбилет, и все остальные документы мужа. Воры их раскидали по ящикам, а китель им самим понадобился.

Вскоре перешла на работу в детский сад, воспитателем в подготовительную группу. Взяли с удовольствием. Работала в детском саду почти три года. Многому научилась. Очень многому. Посещала все городские курсы. Как же это мне пригодилось впоследствии! Когда в Казахстане пришлось заниматься организацией обучения детей с шести лет, тут все знания, умения и навыки потребовались. Я с головой ушла в методическую работу. Мы с коллегой, Критининой Галиной Андреевной, разрабатывали методику обучения шестилетних детей, проводили курсы повышения квалификации учителей и воспитателей групп продлённого дня. Вся республика работала по моим методическим рекомендациям, и все требования к пребыванию шестилеток во второй половине дня были разработаны мной. Вот такая взаимосвязь получилась с московской практикой. Ничего в этой жизни не бывает просто так. И очень многое не зависит от нас самих. Жизнь непредсказуема и удивительна, я убедилась в этом не один раз.

Чем примечательны московские ведомственные детские сады тех лет? Многим. Во-первых, каждое лето детей вывозили из душной Москвы на дачу детского сада. Дача находилась в Подмосковье, в Домодедове. Красота! Три месяца на воздухе, в лесу. Ответственность неимоверная, но и польза не меньшая. Такой комфортной работы у меня больше никогда не было.

Конечно, Москва есть Москва. Лучше города для меня не существует. Но всё кончается в этой жизни. И нам пришлось снова собираться в путь, в неизвестность, не зная, что ждёт нас там, впереди.

Письмо 5. Про дворец

В 1979 году мама прилетела ко мне в гости в Москву. Мы бродили по городу, и мама вспоминала свои прогулки с папой, узнавала знакомые скверы, дорожки, лавочки. И рассказывала – правда, очень коротко и скупое, стесняясь и краснея, – о любви к моему отцу.

Москва открывала мне новую маму. Маму-подружку, которой у меня никогда не было. И мы смеялись над её незамысловатыми историями, такими простыми, но удивительно родными и близкими мне. Мы вспоминали, как у мамы на эскалаторе расстегнулась босоножка и ремешок попал между зубцами ступеньки, как она кричала, пытаясь освободить свою ногу. Какой же был тогда переполох! Во время остановили «лестницу-чудесницу», но тфельку пришлось выбросить. И до сих пор, находясь на эскалаторе, она издали готовилась к прыжку с этой ненавистной ей чудесницы, которая «бежит сама собой».

Вспоминали, как она, впервые увидев чернокожего человека, цеплялась за папу и с криком: «Чёрт, чёрт, бежим скорее!» – тянула его в обратную сторону. Отец смеялся над ней, называл «дремучая ты моя!» и рассказывал ей, кто эти люди и откуда они. Но она не верила ему и продолжала бояться чернокожих людей. Когда однажды мы с ней, разыскивая сберкассу на улице Герцена, встретили негров, мама прятала меня за домом. Как приседала, проходя мимо высоток, готова была встать на четвереньки, чтобы проползти это расстояние. Боялась не только высотных домов, но и негров! Впервые мама попала в Москву в начале пятидесятых, до этого нигде вообще не бывала, кроме своей амурской глухой деревеньки да воинской части, где работала писарем. Ей всё казалось ужасным и опасным для жизни. Она тогда нас, своих маленьких детей, не выпускала из рук. Боялась потерять, никому нас не доверяла, а если и оставляла у своей свекрови, то ни минуты покоя не знала. Теперь ей самой было смешно, и она умела об этом

смешно рассказывать. Теперь она уже чувствовала себя опытной москвичкой, и мы от души хохотали над её воспоминаниями. Это была другая мама. Потом я уже больше никогда её такой не видела. Но, может быть, и я тогда была другой.

Мы посетили несколько театров, очень понравилась маме оперетта, где весело поют и танцуют, восхитил её Театр сатиры, там она узнала уже известных артистов. И я решила сводить маму ещё и на оперу. Оперу мама никогда на сцене, естественно, не видела. Отказывалась!

— По радио полно этой оперы. О чём поют, непонятно! Что там смотреть и слушать? Не трать деньги, доча. Не пойду я.

— Хорошо, давай тогда просто посмотрим на Кремлёвский дворец съездов. Там, говорят, так красиво! Ты же хочешь в Благовещенске всем рассказать, где ты была? Знаю, будешь хватать, что всё видела!

Достала билеты в Кремлевский дворец съездов на оперу «Чио-Чио-сан». Сама ещё ни разу не была во Дворце съездов, кстати. Но держала себя уверенно, как будто за-всегда таких походов. А у мамы был шок. От самого концертного зала, от его красоты и огромного пространства. Она жалась ко мне, молча вертела головой, разглядывала зрителей, открыв рот. Это было очень смешно. Но я держалась.

Заиграла музыка. Началось действие. И действовать начала моя мама. Она совсем не понимала, о чём поют и что делают на сцене. Вопросы посыпались сразу же, а с ними — охи, вздохи и восклицания. Я пыталась мамулю немного приструнить: дёрнула её за руку, толкала ногой. Но мама не реагировала на мои панические конвульсии. Я крепко держала её руку, но она выдёргивала свою крепкую ладонь из моей, нервничала и всё допытывалась у меня: а кто это, что он сказал, что она ему ответила — и так далее. Тогда я нашла выход. Я стала комментировать ей происходящее на сцене синхронно, на ухо. Если увлекалась и забывала нашёптывать, мама тут же толчком по ноге напоминала о себе.

На соседних местах, рядом с мамой, сидели два иностранца. Они посматривали на неё с интересом и одобрительно улыбались. Мама, видимо, им очень понравилась своей непо-

средственностью и естественным поведением. Зато наши советские граждане шикали на нас и громко призывали к тишине.

В антракте, как и все зрители, мы двинулись в буфет. Невозможно было выбрать другое направление движения, оно было одним, целенаправленным, неизменным: эскалатор — буфет. Плотная толпа зрителей, таких приличных и воспитанных в зале, с остервенелой настойчивостью двигалась только туда, наверх. Огромный банкетный зал со столиками, накрытыми белоснежными накрахмаленными скатертями, поразил своим масштабом, вместимостью и моментально образовавшимися очередями у бесчисленных прилавков с деликатесами.

Деликатесы были только там, во дворце на территории Кремля! Концерты посещали и иностранцы. Надо же было показать им, как прекрасна жизнь в Советском Союзе. Не секрет, что этим и объяснялось такое изобилие деликатесов.

Отстоять за двадцать минут перерыва огромную очередь было нереально, и мама потянула меня восвояси.

— Доча, смотри, что творится, пошли отсюда, а то пропустим начало!

— Мама, ты же видишь: все зрители здесь. Пока в зал не вернутся, опера не начнётся.

— Доча, смотри, какие очереди. Мы ж не голодные с тобой. Пойдём сядем на свои места и будем ждать, что там дальше будет!

— Тише, мама! Как ты себя ведёшь? Стой спокойно. Что ты, как дикая, скачешь? Я есть хочу! Успокойся, мама, стыдно, так нельзя себя вести, — шептала я ей на ухо.

— Доча, ну её, эту еду, пойдём в зал... — не унималась она.

Вдруг к нам подошёл иностранный сосед по партеру и, любезно раскланиваясь, знакомыми пригласил в свою очередь. Я отказывалась, «ноу, ноу» пыталась произнести на английский лад. Маму накрыл новый шок: незнакомый мужчина, иностранец, говорящий на английском языке, тянет нас за руки к витрине с вкусностями, которых она отродясь не ела! Но мама, как истинный патриот, как настоящий советский гражданин, замахала руками, визгливо всхлипнув: «Нет!» Народ на секунду отвлёкся от цели — успеть съесть то, что достанется, — повернувшись, как по приказу, в нашу

сторону. Я дёрнула маму за руку и, поддавшись уговорам иностранца, подтолкнула её ближе к витрине. Оба джентльмена закивали головами, заулыбались, пропуская нас вперёд, — но мы им не позволили этого сделать и скромно пристроились за ними.

Советские люди смотрели на нас во все советские глаза, но нам было не до них: мы уже потрясались изобилием бутербродов с икрой, рыбой, сырокопчёной колбасой, восхитительными пирожными, мороженым, политым всякой всячиной! О-о-о! Глаза разбежались, слюнки потекли, хотелось сразу всего, а очередь напирала сзади и жужжала, как рой сердитых ос.

Иностранцы взяли по бокалу шампанского, большую плитку шоколада и что-то непонятное в маленьких блестящих ковшичках, которые я видела впервые в жизни. Я тоже запросила шампанского и того, что находится в этих миниатюрных посудинках, а также по два бутерброда с сырокопчёной колбасой — салями и сервелатом.

Икру и рыбу мы не считали таким уж деликатесом, поэтому игнорировали её громко и демонстративно: фи-и-и, рыба! У нас часто на столе в Благовещенске стояла трёхлитровая банка с икрой, а в ней застревала столовая ложка: икра покрывалась коркой, оттого что её никто не хотел есть. А рыбу солёную родители отваривали и ели только с картошкой, а не так, как было представлено здесь, в буфете, — на кусочке хлеба прозрачный пластик красной рыбы. Разве это еда?

Шампанское было холодным, вкусным, игристым, лопанье пузырьков отдавалось в нос. Мы отхлёбывали из бокалов мелкими глотками этот волшебный напиток — и нам стало весело и смешно. Банкетный зал гудел всё громче и громче. В воздухе витали запахи коньяка, рыбы, копчёной колбасы, благополучия, праздника. То там, то здесь хлопало и шипело открываемое шампанское. Народ ликовал! Настроение поднималось до небес, стало легко, просторно, счастье хлынуло во все клетки скованного от приличия организма. Мама разругалась, расслабилась. Ей стало нравиться всё. Она смотрела по сторонам, бесцеремонно разглядывая людей. Я больно пинала маму ногой под столиком, чтобы она себя вела прилично. Нельзя же так открыто

пялиться на этих расфуфыренных дам! На минутку мама приходила в себя, но ... любопытство не давало покоя.

— Какие все красивые, доча, посмотри, какие все нарядные! — шептала она мне на ухо. — А вот эта, смотри, смотри, ну надо же, вырядилась. И мужик ничего так рядом с ней!

И громко смеялась. К нам подошли уже почти родные иностранцы. Они подняли свои бокалы с шампанским, приветствуя нас, мама заулыбалась им своей очаровательной улыбкой. Ей было хорошо, как никогда. Она была счастлива, свободна. Ей нравилось нравиться, и она кокетничала. Смеялась, красивым жестом прикрывая рот рукой. Иностранец гражданин положил перед мамой большую плитку шоколада, закатил глаза в знак восхищения ею и что-то заговорил на своём языке. Мама была обескуражена. Что ей говорил этот гражданин? Вдруг не то, о чём думает она? Пойми их, этих иностранных мужчин! Она на минуту испугалась, но быстро взяла себя в руки и приняла подарок.

Мамочка... Она этот день запомнила навсегда. И всем рассказывала об этой истории. И о том, как ей понравилась опера и как она рыдала в конце действия, разобравшись наконец-то в сюжете, уже никого не стесняясь, а иностранец подавал ей бумажные цветные салфетки, что вконец шокировало маму. Это был уже третий шок за этот вечер. Бумажный носовой платок из яркого пакетика? Нереально!

Позже, уже в Благовещенске, мама с восторгом рассказывала и о еде в блестящей игрушечной посуде. О, это было что-то фантастическое! На фарфоровом блюде с золотым вензелем по краю, рядом с миниатюрным ковшичком (кто ж тогда знал, что этот «ковшичек» называется кокотницей), лежала кофейная мельхиоровая ложечка. Мы осторожно начали пробовать неизвестное блюдо. Вкусно — но непривычно: что это там такое — в соусе, покрытом плотной корочкой из сыра? Угадывали и восхищались. Мама недоверчиво отнеслась к этому деликатесу, после третьей ложки отодвинула, покачав головой: а кто знает, чего они там намешали?! Когда народ рассеялся, я подошла к свободной витрине и прочла название деликатеса: «жюльен». Жюльен? Название блюда звучало буржуазно, прямо-таки

вызывающе! И это во Дворце съездов! Да ещё приготовленное в такой неслыханной порционной посуде, а не зачерпнутое из общего котла, как мы привыкли.

А впоследствии, годы спустя, посещая Кремлёвский дворец съездов, мы обязательно лакомились в антракте этим вкусеньким блюдом, уже зная о нём почти всё. И всегда у меня перед глазами стоял образ мамы, изумлённой и потрясённой роскошью Кремлёвского дворца съездов, счастливой, вкусившей глоток цивилизации, на какое-то время вынырнув из серой советской действительности.

Письмо 6. Про хризантемы

Я дарю букет из хризантем. Они свежие, упругие.

— Недавно из холодильника, — так сказала мне милая девочка, выбирая цветы из большой вазы на полу. Моей маме нравятся хризантемы. Нравится их хвойный терпкий запах. Она гладит взъерошенные бутоны худенькими пальчиками, подносит их к лицу, прикрывает глаза и молчит. Замирает на несколько секунд, погрузив морщинистое личико в роскошный фонтан из лепестков лимонного цвета. Я подношу хрустальную вазу с холодной водой. Мама бережно погружает стебли в чистую воду, поглаживая каждый цветок, расправляет примятые листочки, приподнимает вазу и снова прикасается губами к живым цветам.

— Какая красота! — тихо шепчет она. — Спасибо тебе, доченька!

Только этих слов я не услышу уже никогда. И ваза, в которую я опускаю букет, не из хрустала, а из чёрного камня.

— С праздником тебя, мамочка! — тихо шепчу я. И она смотрит на меня с мраморного памятника с теплом и благодарностью. Ведь жёлтые хризантемы — её любимые цветы...

<...>

Письмо 63. Про пальто

В альбоме лежат фотографии. Они сделаны весной 1953 года. Мне год. Папа держит меня на руках. А мама — рядом. Мама в новом пальто. Отец купил его в ГУМе, в Москве, отстояв почти сутки в жестокой очереди. Отец

с восторгом рассказывал много раз об этом. Особенно о том, как почти ввязался в драку со спекулянтами — они чуть не вырвали из рук добытое в схватке пальто.

Пальто дорогое, сшито из шерстяного сукна, из лодена. Классическое, длинное с подплечниками. Подплечники недавно вошли в моду, и этот силуэт очень шёл маме. Помню его — пальто синего цвета.

Ткань на ощупь плотная, но мягкая и ворсистая. Её приятно поглаживать рукой снизу вверх. А когда сверху вниз — ткань сопротивлялась, ершилась и становилась темнее. На пальто пришиты большие пуговицы, которые очень украшали его.

Пальто никогда не выходило из моды. Сшито в английском стиле. Классическом. Прямое и длинное. Мама любила его носить нараспашку. Она не любила никакого насилия над собой, никаких застёжек под горло.

Почему его так хорошо помню? Всё просто. Я росла. А мамино пальто оставалось одним и тем же. Всегда с ней и на ней. Во все сезоны.

Мама была аккуратной и умела беречь вещи. Это сейчас я знаю, что синий цвет очень сильно выгорает на солнце. А тогда...

В 1958 году наша семья в очередной раз переехала жить в Москву. Надеть было катастрофически нечего! Кроме этого пальто, у мамы не было тёплых вещей. Я помню, как мама налила чернил в баночку от консервов, намотала ватку на карандаш и мы стали красить пальто. Плечи. Плечи были белёсыми. Мы водили ватой по ткани. А та с удовольствием впитывала чернила внутрь. И окрас получался полосатым. Мама плакала. И, глядя на неё, плакала я. Но мне нравилось то, что мы делаем. И я стала делать полоски не сверху вниз, как мама, а из стороны в сторону. Получалась клетка. Мама отчаялась. И отругала меня.

А утром мама пошла устраиваться на работу и взяла меня с собой. Было холодно. Ткань на пальто уже высохла. Мама надела пальто. Мы торопились, мама нервничала. Переживала, что её не примут. Но её приняли. Радостные, мы забежали в магазин, закупили сладостей: зефир, пастилу, вафельный торт. Настроение было прекрасным! Несмотря на то, что пошёл сильный дождь.

Когда пришли домой, мама сняла пальто и... о ужас! Белая блузка из тонкого шифона

пропиталась чернилами. И по телу мамы текли чернильные ручьи.

Московская бабушка сильно ругалась:

– Как можно было до такого додуматься?!

Покрасить чернилами пальто! Где это видано?

– У нас в деревне все так делали...

– В деревне! Эх, деревня, деревня!

И замочила мамино пальто в ванне. Мама сидела над ванной и плакала. И плакала я.

Пальто высохло через несколько дней. И стало выглядеть ещё ужаснее. На работу мама бегала в тёплом пиджаке: его она связала сама из настоящей овечьей деревенской шерсти.

В первомайские выходные мы пороли пальто! С изнанки ткань была как новая! Прекрасная ткань. Цвет! Тёмно-синий, почти чёрный – как ночное озеро. Мама его перелицевала. Перешила. Скопировала все строчки и обметала петли лучше, чем фабричная машина оверлок. И носила его ещё лет пять.

А в это время, в начале шестидесятых прошлого века, снова в моду вошёл мамин стиль. Английский. В таком же стиле одевались непревзойдённые красавицы того времени – актрисы Фэй Данауэй, Эди Седжвик, Миа Фэрроу. И моя мама...

Бегство к себе

Психологическая драма

Твёрдый переплёт

216 страниц

Южный санаторий. Две одинокие женщины, которые по случайному стечению обстоятельств получили ключи от одного двухместного номера. Две линии судьбы, которые вдруг пересеклись и неожиданно изменили свой вектор. Одна книга – «Бегство к себе».

Розалия Фаридовна каждый год приезжала в этот санаторий, всегда брала одноместный номер и проводила отпуск в тишине, без лишних драм, страстей и приключений. Ей вовсе не хотелось, чтобы какая-то писательница, которой нравится копаться в чужих проблемах, стала её соседкой по комнате и принялась бесцеремонно вытаскивать на свет «скелеты» её прошлого. Но так уж получилось. Теперь дамам придётся привыкать друг к другу, искать компромиссы, вступать в диалоги и постепенно меняться, открывая новое в самих себе и используя упущенные ранее возможности, которые щедро предоставят им эти удивительные, необычные каникулы.

«Бегство к себе» – тернистая дорога самопознания и поиска счастья под жаркими лучами южного солнца.

ВЕРА ПЧЕЛИНЦЕВА

***

Бежала, как девчонка, что есть силы!
Бежала напрямик, через поля!
Пионы зацвели так красиво —
Прекрасна в мае матушка земля!
Бежала, как девчонка, без оглядки!
Зелёный океан шумел травой.
И аромат пионов нежно-сладкий
Опять дарил мечту о нас с тобой.
Бежала, как девчонка на рассвете!
За мною вслед бежали облака.
И, как букет признания, в куплете
Сложилась о моей любви строка.
Бежала, задыхаясь, так бежала!
Не верилось, что это не во сне...
Вдруг — стоп! — от мысли задрожала:
«Я от тебя бегу или к тебе?»

***

Я еду навстречу закату,
А позже на звёзды смотрю.
Я жизнью своей наслаждаюсь!
Я жизнь свою очень люблю!
Бывает, что трудно и тяжело,
Но в гости нагрянут друзья —
И с чаем любимая чашка
Вернёт мне покой бытия.
Прохладность осеннего утра
И иней на травах в полях...
Природы извечная мудрость,
Я знаю, есть в наших краях!
Средь ёлок играет солнце,
И даль нас поманит с собой.
Берёзы золотые червонцы
Расцветят тумана покроей
На шёлке небесного цвета.
Нам жизнь свою радость дарит.
Скажу ей спасибо за это,
Она меня благословит!

Луна-гулёна

Луна-гулёна заблудилась
Средь тёмных ночи облаков.
Она в мечтах, она влюбилась,
Себя избавив от оков.
Как роза жёлтая, раскрылась,
Из звёзд кольцо приобрела.
Луна-красавица влюбилась!
В кого? Не ведает она.
Ей просто очень захотелось
Девчонкой ветреной побыть,
Чтоб серенады нежно пелись
С Земли и так хотелось жить!
Как Солнце, чтобы заискрилась,
Затмив светила все небес!
Луна от всей души влюбилась
Для вдохновенья поэтесс...

ТАТЬЯНА РАДОВА

Преддверие осени

Ласковый август с землёй расстаётся,
В небе рассыпав кометы.
Млеет земля, избалована солнцем.
Только всё позже рассветы.

Только всё раньше закаты алеют.
Брызнуло солнце на кроны —
Строгие клёны застыли в аллеях,
Словно в фелонях персоны.

Звёзды с небес наблюдали воочью,
Как, не дождавшись рассвета,
Август за речку ушёл прошлой ночью
В поисках бабьего лета.

Октябрьское утро

Ещё поспать немного можно —
Рабочий день пока не начат,
Но в окна входит осторожно
Полурассвет, едва не плача.

Туман холодный, цвета пепла,
Как пёс бездомный, лижет стёкла.
Луна рассветная ослепла.
Трава осенняя поплёкла.

А дворник кашляет натужно,
И об осенней катастрофе
Бормочет что-то равнодушно...
И вкусно пахнет свежий кофе...

Я не перепутала твой адрес

Я не перепутала твой адрес.
Помню до сих пор я твой этаж...
Помню, надо мною вы смеялись.
Был в твоей семье ажиотаж,

Когда я казанской сиротою
За тобой шагнула на порог...
Но своей умылась чистотою,
Получив жестокости урок.

Снова я стою у вашей двери,
И не ты меня сюда привёл:
У меня сегодня не потеря —
Сына ты недавно приобрёл...

Ты когда-то был моею частью.
Может быть, по-своему любил...
Знай, что сыновья родятся к счастью.
Пожелай, чтоб наш счастливым был.

Соседи по даче

Ну, скажи: тебе разве не лень
Распевать, как на Первое мая?
Ну зачем ты поёшь целый день?
Я боюсь, что я слух потеряю.

Ждут природа, клубника, цветы
И цветущей картошки шеренга,
А в мозгу — только голос и ты
И слова деревенского сленга.

В гамаке я читаю Басё.
Заедаю его шоколадом.
Мы — соседи по даче. И всё!
Никаких тра-ля-ля мне не надо!

Награда

Судьба превратилась в мытарство
На самом высоком фальцете.
За что мне такое коварство
От жизни на грешной планете?

«Награда» коварного чёрта —
Строфу собирать по круплицам,
С тоскою, как с писаной торбой,
Топтаться по белым страницам

И вымолить самую малость
У лика на старой иконе:
Чтоб слово любовью блистало,
Как капля росы на бутоне.

Расставание

У дождя плохая память —
Он забыл, что помню я:
Воробьёв притихших стая,
Опустевшая скамья...

Стук колёс, покой нарушив,
Растворился. Час пробил —
Ты мою похитил душу,
А вернуть её забыл.

Опустилось небо ниже,
Мир прогнулся и исчез.
Это слёзы щёки лижут?
Или это знак небес?

Но не дождь всему виновник —
Повторяю, как во сне:
«То, что ты сумел не помнить,
Помоги забыть и мне!»

Берендеева вотчина

Дом на окраине — тихая пристань,
Память из детских лет,
Всеми ветрами осмеян, освистан.
Дальше дороги нет.

Дальше — тайга, Берендеево царство,
Тайны седого пня,
Где мы, играя, любили встречаться
На развороте дня.

Сосны, дубы — величавы, могучи...
Дремлет берёзок ряд...
Тень заповедная дебрей дремучих
Тайный вершит обряд.

В вязанной бабушкой белой накидке
Из старины костромской
В тихом блаженстве стою у калитки.
Мир, тишина, покой...

Снова и снова с невиданной силой
Манит родимый край —
Тишь благодатная вотчины милой,
Вечнозелёный рай.

Да! Я — шут!

Снова властвую я над толпой —
Торжествую последние сутки!
Я сегодня для вас не скупой,
Рассыпая колючие шутки.

Да, я шут, я артист, я король!
Я сегодня смеялся над вами!..
Но не сыграна главная роль
В изнуряющей жизненной драме.

Только сутки я буду играть
Роль заглавную в вашем спектакле.
Я — один, а вас — целая рать!
Я — один... Мои силы иссякли...

Возвращенец

Когда-то покинул ты Родину-мать.
На западных шоу присутствовал.
Ты сыт был, удачлив, но душу твою
Не видел никто и не чувствовал.

По миру чужому ты долго кружил
С мечтой, что годами вынашивал,
А ворон тебе за окошком чужим
Пророчил беду не по-нашему.

Ты был на коне и под плинтусом был,
Потом бомжевал в Калифорнии.
Но русскую суть до конца не забыл
И Родину чтит чудотворную.

Ты долго скитался, и знал исполать,
Но всё-таки стал возвращенцем
В отеческий дом. И вошла благодать
В твоё измождённое сердце.

Осенняя любовь

Осенний морок за окном.
И тьма приблизилась вплотную
К стеклу, и в воздухе ночном
Дождём командует вручную.

А в доме тихо и тепло,
Клубникой пахнет и шарлоткой —
Как будто лето обожгло
На склоне дней любовью кроткой.

Глаза в глаза... А в чашках чай
Парок душистый источает...
И с белоснежного плеча
Упала шаль, сердца венчая...

А на Сиреновой улице

А на Сиреновой улице
Тихо и ночью, и днём,
Дом одиноко сутулится
Под неуёмным дождём.

В доме не топлено. Свалено
Горкой бельё на столе,
Мокрый валяется валенок,
Пыль на оконном стекле.

Дремлют на тумбочке котики.
Ветка в окошко стучит.
В кухне не тикают ходики –
Скорбно кукушка молчит.

Фигус печально скукожился,
Мáтица – рухнет вот-вот,
В кресле продавленном съёжился
Кем-то оставленный кот.

Наши бабушки

Легко и плавно вяжется беседа,
Не видно ей ни края, ни конца...
Как радио бесплатное соседям –
Досужие старушки у крыльца.

Им всё известно: где, куда и сколько,
Почём картошки нынче килограмм,
За что прогнала Валентина Кольку
И с кем у Люськи Катиной роман.

Не надо слушать сводки о погоде
И новости на сайте городском –
Предскажут всё на месяцы и годы,
Склонясь над недовязанным носком...

Но время и судьба неумолимы –
Кто мир покинул, кто-то далеко,
С улыбкой грустною проходим мимо
Пустующих подъездных островков.

Нет с нами их ласкающей опеки
И запаха оладий по утрам...
И сиротливо ёжатся скамейки
Любимых наших бабушек и мам.

На рассвете

Ночь уходит – тяжёлая, мгlistая,
Затуманился Млечный поток.
Поутру выйду в поле росистое
И на травах раскину платок.

От росистого холода вы́стыну.
К небесам запрокину ладонь,
Загляну в запредельную истину
И приму благодатный огонь.

Лунный свет

Как заправский искуситель,
Потихоньку, не спеша,
Ночь вошла в мою обитель,
Тишиной едва шурша.

И неслышно, словно кошка,
Враз усиливши тоску,
Меж портьер скользнул в окошко
Света лунного лоскут.

Распластался, как хозяин,
На окрашенном полу
И включил игру мозаик
По прозрачному стеклу.

Исчезая понемножку,
Лунный выскользнул лоскут,
Бледный свет ушёл в окошко,
Мне оставивши тоску.

Опять война

А здесь опять идёт война.
Давно забыта тишина,
Исполосованная выкриками ложными.
И, грешный, тонет мир в крови,
И от любви до нелюбви
Одно лишь слово с нотками тревожными.

А где-то свет течёт с небес
На люд, на поле и на лес,
И все становятся желанными и зваными.
Одна звезда в ночи видна,
И мама смотрит из окна,
Платочком по-монашески повязана.

Война

Убегу в поля просторные
От войны.
Наберу ладони полные
Тишины.

И молитву полуночную
Прошепчу –
От войны защиту прочную
Очерчу...

Вышло время благодатное
Тишины –
Снова стонет поле ратное
От войны.

И тоскует ангел полночи –
За двоих,
Стонет, воеет ночь от горечи
Слёз моих.

Точит воздух ночью летнею
Коростель,
Знать, пророчит он последнюю
Мне постель.

Незнакомое имя

Мелькнёт, как крыло серафима,
Лицо в толчее законной.
И я откликаюсь на имя,
Которое мне незнакомо.

Но, кажется, сердцу виднее –
В восторге оно от видений,
Где имя знакомей, нежнее,
Как в юности – запах сирени...

Пусть имя, как шорох, невнятно,
Лицо, словно тень, мимолётно,
И кто меня звал, непонятно –
Но я откликаюсь охотно...

***

Хожу, как по лезвию бритвы.
Живу в окруженье бессонниц.
Ищу своё имя в молитве
И в благости утренних звонниц.

Про100 детям. Выпуск 1

Стихотворения для детей

*Добро пожаловать в страну счастливого детства!
На страницах этого поэтического сборника сто
талантливых современных поэтов создали сол-
нечную атмосферу. Мальчишки и девчонки, читая
добрые стихотворения, найдут друзей, поиграют
с домашними питомцами, понаблюдают за птица-
ми, промокнут под дождём, слепят снеговика, про-
гуляются по осенним дорожкам, отметят Новый
год, порадуются летнему теплу, выяснят, зачем им
буквы, посетят волшебный край и испытают всю
гамму эмоций, такую же разнообразную, как пали-
тра цветов в радуге.*

ИОЛАНТА СЕРЖАНТОВА

*Памяти любимой тёти,
прекрасного педагога и Учителя
Галины Николаевны Шапошниковой
(Голигоровой)
(9 апреля 1932–8 мая 2022)*

Галина

У порога – две берёзки.
По щеке прозрачны слёзки,
По стволу – кровавый сок,
Горек он. С небес высок
Дуб глядит себе под ноги.
Там, в тени, – синицы, обе
Вдругорядь ли вьют гнездо?
Узко место. Ветер «До»
Первой, слышимо, октавы
Им поёт, а где-то справа,
За стеной, под пледом в клетку,
В доме, словно бы как в клетке,
В кресле, наклонившись низко...
Ты сидишь. И близко-близко –
Маяковский грубоватый,
Кошка Фрося, пёс, горбатый
Брег реки и жизнь в начале,
Что тревожит и печалит
Тех, кто подле. Время подло!
Не шагренью сохнет – воблой!
У берёзы слёз не хватит,
Чтоб оплакать да растратить
Пыл, пыльцу ея серёг.
Всё, довольно. Сколько смог,
Я напел и плачу тихо:
«Эх ты, лихо моё, лихо...»

Моя милая тётушка...

Моя милая тётушка, которую я любил всем сердцем, помимо массы достоинств, обладала некой безобидной странностью, которая

отличала её от прочих. Иногда во время разговора, чтения или обеда, сколь бы парадным тот ни был, она замирала и красиво, несколько по-змеиному подняв подбородок кверху, мечтательно улыбалась. Бывало, что сим дело и заканчивалось, реже тётушка прибавляла к этому, легко касаясь шеи, словно до чужой. Со стороны казалось, что она проверяет, достаточно ли та упруга и не пора ли надевать кружевной воротник, дабы скрыть заметную ей одной дряблость.

Я не придавал этой причуде никакого значения, ибо привык к ней с детства, но малознакомые особы, бывало, прыскали в салфетку или недоумённо воздевали брови ближе к начёсу, неодобрительно поджимая губы.

Надо сказать, что тётушка была более чем церемонна, но безмерно добра, поэтому, уравнивая умышленную и непреднамеренную невоспитанность, она не относилась к себе всякие проявления излишнего любопытства и никогда ни при ком не изменяла своей привычке.

Вообще же, наблюдать за тем, как вкушает тётушка, было истинным наслаждением. Будь то самая простая пища или деликатное блюдо, приготовленное для неё одной или для гостей, стол сервировался по всем правилам: серебряные столовые приборы, хрустальные вазочки, обширные тарелки рисового фарфора да множество иных мелочей, радующих глаз, возбуждающих аппетит и пробуждающих утончённость.

Я любил бывать у тётушки! И в пору юности, и позже, когда изо всего многочисленного семейства, казалось, только у неё одной имелось вдоволь терпения выслушивать речи про мои безумства и прожекты. Снисходя к неопытности любимого племянника, тётушка находила верные слова, чтобы направить мою энергию в нужное русло, не ущемляя самолюбия.

В тот день, когда тётушка ушла в лучший мир, я был воистину безутешен. Разглядывая её неплотно сомкнутые веки, рыдал и напрасно тщился перехватить взгляд голубых, некогда прекрасных глаз, что глядели мимо меня, мимо жизни, рассматривая подробности той вечности, которая поджидает каждого.

Вконец разбитый и в крайнем расстройстве нервов, я оставил свет, поселившись в имении, доставшемся мне от тётушки. Полный горьких сожалений, я никого не принимал, подолгу спал и бродил по окрестностям, покуда однажды...

Крупный змей с массивной треугольной головой не напугал меня своим неожиданным появлением. Едва статное его тело, повторив изгиб берега пруда, полностью утвердилось на нём, я был сражён и размерами, и самоуверенностью незваного гостя. Невзирая на мои притоптывания и пришепётывания, змей не уделил мне довольно внимания. Так только, взглянул равнодушно и, не откладывая дела в долгий ящик, с неописуемым удовольствием принялся бесшумно хлебать горячую, согретую солнцем воду с тёплого листа кувшинки, словно бы из блюдца. Было похоже, что он чаёвничает, но, сберегая цвет лица, пьёт один кипяток. Повторюсь, я был обескуражен, даже повержен его бесцеремонностью. Вероятно, змей знал обо мне нечто, что позволило ему

не опасаться моего присутствия. Либо он не видел во мне человека¹, либо определённо угадывал его во мне².

Отпив из пруда ровно столько, сколь было необходимо для утоления жажды и так долго, как требовало того чувство собственного достоинства, змей до боли знакомым жестом потянулся, чуть задрал голову кверху, и... исчез, словно бы его и не было никогда.

Но ведь он был... был ...был!

Эта встреча вернула меня к себе. С новой силой я принялся за старое, совершая то, чем восхищалась моя милая тётушка и за что порицали иные.

Так в омут каких пороков я окунулся с головой и чем же был занят по всякую минуту?! Да жизнью, жизнью, помилуйте, чем же, чем ещё?!

¹ С присущими недостатками, опасного.

² Имеется в виду человечность.

Твёрдый переплёт

152 страницы

Откровение-2022. Выпуск 2

Сборник философской лирики

Прекрасен мир, но неоднозначен и сложен. Что ни день, то новый вопрос. Что его породит: некое глобальное событие, случайное стечение незначительных обстоятельств или мимолётная мысль, похожая на лёгкое дуновение ветра? Поэты двадцать первого века не отмахиваются от своих вопросов, откуда бы они ни взялись, какими бы неоднозначными ни были. Они ставят их перед собой, всесторонне рассматривают и пробуют на вкус разные ответы, облекая их в рифмованные строки. Им хочется понять смысл бытия, разгадать тайны времени, познать суть противоположностей, найти источник внутренней силы, выяснить, что есть карма, судьба, предназначение... Сто авторов, сто вопросов, сто ответов — это сборник философской лирики «Откровение-2022», который придёт по душе ищущему читателю.

КОНСТАНТИН СУВОРОВ

Зрелая молодость

Опыт души
Вьётся клубком.
Годы под тяжестью дум.

Поступь событий
Своим чередом
Рельефы свои рисует.

Бесконечность свободы,
Лёгкость мечты
Горизонт пред тобой открывает.

Опыт души
Вьётся клубком.
Годы под тяжестью дум.

Поступь событий
Своим чередом
Юный возраст дарует.

Бесконечность свободы,
Полётность мечты,
Многое все же скрывает.

Опыт души
Вьётся клубком.
Годы под тяжестью дум.

Время проходит.
Множество ран
Душа обретает, поверь.

Бесконечность, полёт
Под пеленой.
Оковы земные теперь.

Опыт души
Вьётся клубком,
Годы без тяжести дум.

Пройденный путь —
Дорога без зла,
Если выступишь миру сполна.

Зрелая молодость —
Награда твоя,
Если с колен поднимешь себя.

06.08.2021–07.08.2021

Город Небесный...

Над далёкими облаками,
Где лазурь устремилась в полёт,
Отблеск солнц для поэта дарами
Горный мир освещает и ждёт.

Так прозрачны, воздушны аллеи.
В облака прозревает мой взор.
В Город, мой друг, вступи же скорее,
Под невидимый ангельский хор.

Величавы в узорах строения:
Камень стен — лазурит и агат.
Барельеф из цветов как виденье,
Храмы, палаты: опаловый ряд.

Стройные башни лал и сусаль,
Издали манят, солнцем горят.
Сила святая — русская удадь!
Безмолвным дозором башни стоят.

Город Небесный скрыт в облаках.
Видеть живым его не дано:
Лишь отражение встретишь во снах.
Но в Светлый Город прийти суждено.

15.02.2022–20.02.2022

Мгла

Мгла крылом меня накрыла,
Тень беды вселяет страх.
В облаках сияет город:
Китеж-град живёт во снах.

Сердце радость позабыло,
Горизонт-восход в огнях.
Мгла людей крылом накрыла,
Поселилась в яви, в снах.

Дым пожарищ смотрит в небо,
Смех дракона на устах.
Зрячий люд посмотрит слепо —
Утонувший в чудесах.

Мгла крылом тебя накрыла,
Тень беды вселяет страх.
Китеж-град сияет смутно
В час молитвы во церквах.

06.03.2022–13.06.2022

Ночь над Москвой¹

Глубокая ночь,
Лёгкий туман,
Ветер целует асфальт.

Ветер не прочь
Ткать морок и обман,
Песнь исполняет, как скальд.

В полночь ударом
Молнии бьют:
Грохотом мега-заряд.

Небо прозрачно...
Обыватели ждут:
Стекает по своду разряд.

Сухая гроза
Вновь отступила.
Своды небес — словно сталь.

Горькие слёзы
Земля-мать пролила:
В бездну идёт магистраль.

Только Защитник
На страже стоит.
Круг нерушимый вокруг.

А за спиной
Столица не спит:
Москва — невозможный мой друг.
16.03.2022

Пресветлая и Демиург

Пресветлая

Друг мой прекрасный, бесценный, родной!
В битвах проводишь года.

Я же в застенках, под чёрной горой.
Не вижу белого дня.

Новый хозяин к власти пришел,
Небо — отблеск огня.

Но я готова вечность свою
Ждать смиренно тебя.

Вижу уродливых лиц череду:
Лунам возносят хвалу.

Как извортливо служат Ему
В подношении душа к алтарю.

Милый, надёжный, единственный друг!
На Перепутье судьба!

Что же несут сонмы преданных слуг?
Китеж увижу ли я?

Множество тёмных злобных сердец
Бьётся теперь в унисон.

Багровым горит башни зубец:
Жизнь — нескончаемый сон.

Друг мой прекрасный, Единственный друг!
В битвах проводишь года.

Я ж в окружении безжалостных слуг
Отблеском слабым — свеча...

Демиург

Моя бесценная подруга,
Мой светоч, лал моей души,
Права ты: битвы бесконечны,
И тёмны правила игры.

Навязанная злою волей,
Изранена душа Руси.
Ты знаешь горестную долю
В стенах базальтовой тюрьмы.

Кольцо огня от искры вспыхнет,
Вмиг отзовутся Небеса.
Но верю я – меня услышит
Тот, кто не знает больше зла.

С врагом мы бьёмся миг за мигом,
В душе ты – яркая свеча.
Твоя любовь Пресветлым ликом,
Теплом согревшая меня.

03.01.2022–18.01.2022

Сёстры

Длань Пресветлой далека,
Голос слышен Твой едва.
Стрелы Женственного слога
Не пробьются: всюду мгла.

Сёстры, скованные цепью
В тёмном замке ста чудес.
В освящённой злом купели
Мир трёхлунный вновь воскрес.

Стражи темного Покоя
Стерегут их каждый день.
Адских гончих смотрит свора.
Любой ворог им мишень.

Битва битв в своём разгаре,
Глас Пресветлой слышен мне.
Воздух – примесь реальгара,
Бой идёт по всей Земле.

08.04.2022

По сияющим волнам эфира

По сияющим волнам эфира
Лазурита чертог впереди.
И разбросаны краски порфира
Словно стройные бликов ряды.

И ступенями волны мелодий
Судьбы мира тщательно ткут.
Драгоценные сердцу восходы
Гостью Мира с любезностью ждут.

10.04.2022

Ты, что ступаешь так неслышно

Ты, что ступаешь так неслышно
В высоких сферах Бытия,
Ты, для которой мы не лишни
И для тебя Земля светла,

Утешишь ласковой улыбкой,
Плащом укроешь от тревог.
И образ твой лазурью зыбкой
Неуловимо светел, строг.

Грядут последние столетья:
То беспощадный перелом.
Я слышу посвист лихолетья –
Как ураган, прёт напролом!

Ты, что ступаешь так неслышно.
В высоких сферах Бытия.
И фирном образ Твой недвижимый,
Как отсвет Горнего огня.

17.04.2022–19.04.2022

Когда встаёшь с колен

Когда встаёшь с колен,
Не возжелавши мести,
Твой первый в битве шаг –
Наперекор судьбе.
Когда в руке тяжёл
Меч из дамасской стали,
Час война пришёл
Без злости суд вершить.

Когда встаёшь с колен,
Нет большей в мире чести.
Бьет молния: вот знак
В космической игре!
Когда в руке тяжёл
Меч из дамасской стали,
Час горечи пришёл –
Бей, воин, чтобы жить!

23.04.2022–24.04.2022

ЛЮБОВЬ ЧЕРЕНКОВА

В поисках Самаэля

(фрагмент из детективной повести)

«Окрыть пятнадцатого марта».

Так было указано на конверте, который я держала в руках. Примерно представляя, что увижу там, надорвала бумагу.

Почему? Почему я не открыла конверт в тот день, когда мне его передали? Всё моя идиотская честность.

— Обещаешь вскрыть конверт не раньше пятнадцатого? — спросила Лёлька Строилова, отдавая его мне на сохранение.

— А что там?

— Потом посмотришь. Только не вскрывай раньше обозначенной даты.

Я обещала. В тот момент я спешила, а потому сунула письмо в ящик стола.

Я обещала... За что теперь ругаю себя.

— Здравствуйте, ребята!

В класс вошла директриса, а с ней какой-то мужчина в форме.

— Это следователь, — сказала она.

Все сразу притихли: что следователю понадобилось в нашем классе? Может, опять Спица натворил что? Наша классная всегда говорила: «Не будь Спицына, у меня был бы самый лучший класс за всю историю школы». Уж это точно — показатели класса он хоть где-нибудь, да умудрялся подпортить.

«Стася, если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет в живых».

И почему я тогда ничего не сказала следователю об этом конверте? Откровенно говоря, из-за шокирующей новости у меня просто из головы вылетело.

— Ребята, — продолжала директриса, — следователь пообщается с каждым из вас в присутствии школьного психолога.

Все посмотрели на Спицу. Он даже скукожился, как будто чувствовал за собой грешок.

— А что случилось? — на правах старосты вылезла с вопросом Махалкина.

Директор с непривычным для неё замешательством взглянула на следователя. То, что он произнёс, свалилось на всех словно снег на голову:

— Вчера вечером ваша одноклассница Строилова Ольга покончила с собой.

Продолжение читайте в книге.

Евангелина

(фрагмент из романа)

Пролог

Мужчина дивной красоты, со светлыми вьющимися волосами до плеч, молился на капище Велеса. На нём были штаны, рубаха, вышитая красным узором, пояс-кушак, на плечи он накинул и звериную шкуру. Выглядел он лет на тридцать, но поди знай, сколько ему на самом деле. Трава и листья ярко зеленели в отблеске костра. Казалось, даже совы, прилетевшие посмотреть на это зрелище, перепутали день с ночью и теперь сияли. Только тёмный идол совсем не отражал света.

Мужчина поднял руки — глаза его светились решимостью. Что он просил у бога: победы в бою, хорошего урожая, благоприятного пути? Меча у него не было, но и на обычного земледельца он не походил. Чего же так страстно желал? Женщину? Да за такого чаровника любая бы пошла не глядя!

А может... Чаровник в другом смысле?.. Да нет...

Лишь одно слово, произнесённое им, можно было расслышать ясно:

— Ненагляда...

Я проснулась.

— Привидится же такое, — произнесла в недоумении, доставая из-под матраса сон-траву.

Неспокойно было на душе последнее время, вот и взяла собранную ещё в мае травку, которая с точностью предскажет — к добру или к худу.

Вставать было ещё рано — все спали. Боясь разбудить остальных, тихонечко легла снова. Думала, не засну. Не тут-то было...

Продолжение читайте в книге.

НИНА ШАМАРИНА

Ландыши... ландыши...

Мне кажется или эти парни из восьмого класса со мной заигрывают? Вот ведь угораздило!

Двоечники и хулиганы, просиживающие в каждом старшем классе по два года... Золотарёву – семнадцать, Дунаеву – восемнадцать: закончит восьмой класс – и в армию... «А для тебя, родная, есть почта полевая...»

Это мой первый выпускной класс. Сразу после института мне досталось классное руководство в пятом классе. В седьмом ко мне «упал» Золотарёв, в восьмом – Дунаев.

Конечно, я и сама виновата: после уроков часто их оставляла, надеялась научить решать уравнения с двумя неизвестными. Какое там! Дунаев, кажется, и таблицу умножения нетвёрдо знает: во всяком случае, после каждого ответа пылливо заглядывает мне в лицо своими чёрными цыганскими глазами. А я сдуру ещё и Алёшей его величаю, хотя здесь, в деревенской восьмилетке, куда я попала по распределению, все друг друга по фамилиям называют, даже в учительской – Дунаев, Дунаев – на каждом педсовете.

Вот после этого «Алёши» и началось. То ли возомнил, что он мне нравится, то ли прикинул, что в этом слабость моя проявляется, но надумал взять меня своим мужским обаянием. И, надо сказать, этого самого обаяния ему не занимать. Высокий, плечистый, красавец: есть что-то в нём от Василия Ланового и в стати, и во внешности. Не будь моим учеником, да лет на семь постарше, влюбилась бы. Золотарёв и попроще, и помельче, и планы такие ему в голову прийти не могли... Но с дружкой заодно, наблюдает и похикивает... Убеждён, что Дунаев его, дружка закадычного, паровозиком вытащит, школу в этом июне закончить поможет. Не знает, бедолага, что давно распоряжение пришло Дунаева выпустить во что

бы то ни стало – в сапоги, вперёд и с песней: может, армия его воспитает? А по Золотарёву точных указаний нет, ещё год может в школе проболтаться. И то, что я с ними занимаюсь после уроков в своё свободное время, – мой собственный выбор: мне стыдно, что они ничего не знают.

За окном меж тем май, солнце, черёмуховая пороша, галочий грай. Или это не галки, а грачи носятся и орут над своими растрёпанными гнёздами, натканными на берёзах, как многоэтажки в новом микрорайоне? Я, городская, пока ещё не могу отличить одних от других. Теплый ветер залетает в приоткрытую фрамугу, зовёт... Мальчишки, кряхтя и потя, пишут в тетрадках формулы – им, наверное, мешки с картошкой таскать проще. Но Дунаев мелким бисерным почерком уже ведёт уравнение к финалу. Не зря старалась! Вот он вывел ответ – $1/2$ – и горделиво смотрит на меня. А я едва сдерживаюсь, чтобы не захлопать в ладоши.

– Молодец, Алёша! – выкрикиваю я, забыв о том, что нужно держать дистанцию, что нельзя с ними фамиллярничать, – всё то, что втолковывает мне директор четвёртый год подряд, а я никак не могу привыкнуть. Лаконичность и простота красивого ответа сладостью растекается по языку, покалывает кончики моих пальцев. Если б заразить Дунаева этим, уверена: он легко сдаст экзамен. Я не графолог, но мне понятно, что он аккуратен и точен – вон в тетради ни одной лишней буквы, ни одной помарочки.

Золотарёв косит глазом в тетрадь Дунаева, надеясь просто содрать правильное решение, как будто запомнил, что задачи у них разные.

– А что, Ирина Владимировна, может, черемухи вам наломать, пока Золотарь свой вариант домучивает? – неожиданно спрашивает Дунаев и включает магнетизм в своих глазах. Как ему только удаётся? Слово лампочку включил-выключил, когда захочет.

Я вспыхиваю румянцем: загораются жарким щёки, лоб, грудь в вырезе платья; лепечу, в душе призывая себя отвечать строго, по-учительски:

– Спасибо, Алёша, не надо. У меня под окном черёмуха цветет и благоухает, ломать ни к чему.

— А ландыши, Ирина Владимировна, хотите, принесу? Только ландыши завтра, за ними идти далеко.

— Ландыши? — мямлю я, смущаясь окончательно.

Вот почему в педагогическом нас не учили тому, как вести себя с великовозрастными красавчиками, без пяти минут призывниками?

— Точка! Завтра к первому уроку будут ландыши!

— Не поспеешь к первому, на второй только, — встревает Золотарёв.

— Завтра первым уроком контрольная! — восклицаю я. — Нельзя опоздать! Бог с ними, с ландышами!

— Я сказал: будут к первому! Не мути воду, Золотарь!

И ко мне:

— Не волнуйтесь, Ирина Владимировна! И ландышей нарвём, и контрольную напишем. Да, Золотарь? — ткнул друга в бок Дунаев. — Я, Ирина Владимировна, с Золотарёвым сегодня позанимаюсь. Я принцип уловил, а он плавает пока.

Ночью, купаясь в волнах черёмухового аромата, под неумолчное пение соловьёв в кустах недалёкой речушки, я представляю чёрные дунаевские глаза, кляня себя на чём свет стоит и даже пристукивая по лбу: «С ума сошла, с ума сошла, с ума сошла...»

Девять ноль-ноль. Электрический звонок прохрипел первый раз. До второго звонка пять минут — как раз хватит времени раздать ребятам двойные листочки. Непременно окажется, что у кого-то в авторучке нет чернил, прибегут к моему столу заправлять.

На доске два варианта, по четыре задания в каждом; одно, конечно, с двумя неизвестными. Осталось отметить отсутствующих в журнале и начинать контрольную. Я всё тяну и тяну время, да тянуть больше некуда. Можно сделать переключку, но я вижу, вижу: Дунаева нет! Нет и Золотарёва.

А вот и второй звонок засипел, забулькал, закашлялся.

Я поднимаю руку, перепачканную мелом.

— Ребята, садимся....

Дверь распахивается наотмашь, и я вижу не букет, нет — целую вязанку ландышей! Белоснежные малюсенькие колокольцы подрагивают и, кажется, звенят нежным, едва слы-

шимым звоном. Цветов так много, что Дунаев сжимает охапку обеими ладонями.

— Мы успели, Ирина Владимировна! Я же обещал!

Он неловко вставляет букет мне в руку, несколько хрупких стеблей падают на пол, мы приседаем за ними одновременно, едва не сталкиваясь лбами.

Класс гудит, Золотарёв громко рассказывает:

— За дальним лесом собирали. Лёха увяз в болоте, еле выбрался, потому и долго.

Едва успокаиваю класс, и так десяти минут от урока как не бывало. Придётся прихватить перемену. Ох, влетит мне от директора!

Девочки нет-нет да и поглядывают на ландыши, рассыпанные по столу. Дунаев метнулся было к трудовику за ведром, но я его остановила:

— Контрольная же, Алёша!

Со своего места я не вижу, что там с заданиями у Дунаева, а подойти к нему не осмеливаюсь: покраснею при детях!

Дунаев пишет, почти без остановки, он спокоен и сосредоточен, лишь лоб пересекает вертикальная морщинка. Вертится и заглядывает во все листочки, до которых дотягивается, Золотарёв, я иногда негромко одёргиваю его:

— Золотарёв, не вертись! Сам думай!

На каждое такое замечание Дунаев поднимает голову от парты и смотрит на меня, как будто я обратилась к нему, а не к его другу.

Но вот листочки сданы, я прячу их в свой портфель. Девчонки облепили стол, нюхают цветы, жеманно закатывая глаза; самые смелые выпрашивают у меня по пучочку ландышей и счастливыми убегают на следующий урок: сегодня вся школа пропахнет ландышами.

Вечером я проверяю контрольную, убрав всё с кухонного стола, тщательно протерев клеёнку сухой тряпкой и на минутку сунув нос в огромный ландышевый букет.

Двойные листочки я делю на две стопочки: первый вариант, второй... Узнаю мелкий почерк Дунаева, даже не глядя на подпись, кладу его листок в самый низ стопки листов второго варианта; отыскав, отправляю к нему листочек Золотарёва, мельком замечая, что даже в первом — простом примере — несколько раз испрaвлен ответ.

Двоек пока ни одной, только неожиданно у отличницы Веры Самойловой абсолютно чистый лист. Да и ландыши она не нюхала, и вообще к столу не подошла, припоминаю я теперь.

«Да она ж влюблена в Дунаева!» — осеняет меня. Как я не догадалась? Бедная девочка. Я не ставлю ей никакой отметки, завтра поговорю с нею. Но что я скажу?

Надо же, и Золотарёв на тройку вытянул! Часть работы явно списана, но два примера решены самостоятельно, поэтому и столько перечёркиваний. Я не в силах усидеть за столом, выдаю несколько танцевальных па по маленькой кухоньке. Ай, молодца, Ирина Владимировна!

Самой последней осталась работа Дунаева. Я очень строга и придирчива: отмечая даже неверное расстояние между заданиями — одна клеточка вместо двух. Но на первой странице все уравнения и примеры верны. И снова горячая волна заливает меня. Смешалось всё: и гордость собой, и удовольствие от правильных ответов, и (что ты будешь делать!) постыдная симпатия к ученику.

Я переворачиваю страницу и замираю. Я не вижу, что там с остальными задачами, потому как не могу отвести взгляда от маленького листочка, вложенного в двойной листок. В этой записке бисерным почерком выведено:

«Вы будете ждать меня из армии, Ирина Владимировна?»

Нина Романова Повести в Белых Халатах

Роман в пяти частях

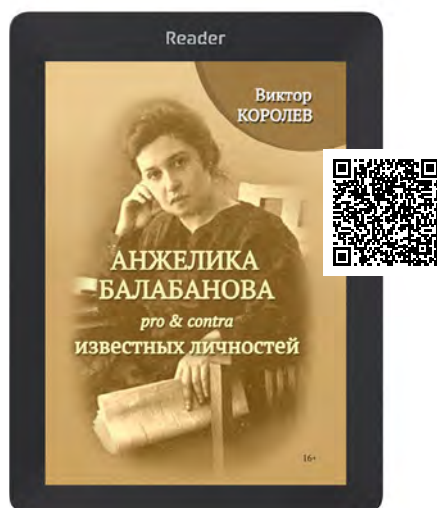
В книге объединены пять частей серии «Повести в Белых Халатах», в том числе заключительная — «КардиоДрама оптимистки». Целая вереница перемен происходит со старыми друзьями от первой до последней повести, ведь медицина, которой они посвятили жизнь, требует полной самоотдачи и способна превратить самые размеренные будни в насыщенные событиями и даже приключениями дни. Кто-то находит страсть, кто-то открывает в себе новые таланты, кто-то убеждается, что для счастья необходимо совсем немного... Главный вывод, к которому приходят герои: надо оставлять открытым сердце, потому что настоящим врачом, исцеляющим и возрождающим, является Любовь.

Твёрдый переплёт

448 страниц

ОТЗЫВЫ НА КНИГИ ВИКТОРА КОРОЛЕВА

Анжелика Балабанова pro & contra известных личностей

Убедительный, яркий психологический портрет незаурядной женщины. Это наверняка потребовало усердной и кропотливой работы автора с первоисточниками и разного рода документами. Информационная составляющая прекрасно дополняет «писательскую» — свободное описание ситуаций и характеристики многочисленных исторических персонажей. Автора можно поздравить с таким ярким произведением и поблагодарить за возвращение из небытия имени этой удивительной женщины.

Владимир Житомирский

Самый страшный день войны

Когда начала читать, удивилась, что о подвиге молодых девушек-зенитчиц у ворот Сталинграда написано без эмоций. А потом поняла: так автор помогает книгу дочитать до

финала без валерьянки, не хватаясь за сердце. Никто намеренно из читателя не вышибает слёзы. Хотя я плакала. О таких произведениях говорят: «Это нужно знать всем».

Ольга Счастливая

Жизнь и удивительные приключения Арчибальда Керра, английского дипломата

Книга меня потрясла. Никто ещё так не писал! Насыщенно, остроумно, динамично, хочется читать и читать! Покоряет слог, наслаждалась им. Столько всего интересного узнала! Просто забываешь обо всём на свете! И тема никем ранее не освещалась. Каждому слову автора веришь, он сегодня единственный писатель, который удивил меня.

Нина Соколова

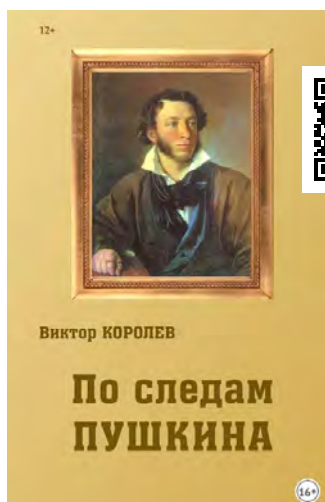
Киселёвы: три брата, две сестры. Век XIX

Поражают удивительная легкость и в то же время насыщенная плотность изложения. Автор пишет увлекательно, ярко: он то погружается в глубины истории, то выныривает в наши дни, легко, иногда с долей иронии проводя аналогии между словами и поступками людей разных эпох. Остаётся удивляться, как автор смог создать такое сложное историческое полотно. Впору историю России изучать по этому роману.

Марина Зейтц

По следам Пушкина

Автор какой-то новый жанр открыл: как многогранный кристалл, в котором — смотря как к свету повернёшь — и правда, и апокрифы так тесно переплетены, так намешаны, что и не знаешь, верить или нет! А читается взахлёб. Все персонажи ожили, заговорили

во весь диапазон — от рая до преисподней, окликнули то ли в былом, то ли в будущем...

Владимир Плюхин

Генерал Милорадович

Прочитал на одном дыхании. Как автору удалось коротко и энергично показать славного человека, настоящего героя и в то же время обозначить подлость нации! Молодец. Я бы в школе заставил читать в обязательном порядке эту книгу. Чтобы знали, что богата Россия великими именами, пусть даже забытыми и полузабытыми.

Сергей Корниенко

Пушкин и Аракчеев

Не удержался, чтобы не выразить Вам свое восхищение. Я прочитал об Аракчееве. Вы ж камня на камне не оставили от совковского понимания этой личности, да и всего Пушкина! Полночи не спал, всё читал Вашу книгу, оторваться не мог...

Владимир Нестеренко

ПОЭТ, РЫЦАРЬ, МУЖЧИНА, ЧИТАТЕЛЬ, КРИТИК, ФИЛОСОФ...

Томас Стернз Элиот писал: «Хороший поэт тем и отличается от плохого, что все его стихи отмечены печатью личности — значительной, законченной, многогранной». Если взять это утверждение за истину, а едва ли получится её проигнорировать и отбросить в сторону как пустую и лишённую всяческого разумного смысла, то становится очевидно, как мало хороших поэтов и как много плохих. Вторые стремятся подражать первым, повторяют то, что уже было сказано неоднократно. И, что хуже всего, теми же самыми словами, не утруждая себя ни поисками эпитетов, ни изобретением новых метафор, ничем, что было бы сопряжено хоть с каким-то реальным интеллектуальным трудом. И вот уже нарушается другое правило, озвученное когда-то Жаном Мари Гюйо: «Мысль поэта, живая и трепещущая, оправляется в золото и драгоценные камни, и нельзя уже затем разъединить мысль с её оправой, не разрушив ее». То есть без фантазии, а вернее, без личности даже при наличии приличной мысли у автора огранка его творчества получается до того банальной, что называть его поэзией язык не поворачивается.

Борис Красильников, автор сборника «Свиристели», — хороший поэт. Он, во-первых, вложил в каждую свою строку душу, не побоявшись пустить туда чужака-читателя. Во-вторых, Борис не поленился раскрасить свои эмоции, переживания, страхи и сомнения (а куда же поэзия без всего этого?) в многочисленные оттенки от самых тёмных и мрачных до наиболее ярких и светлых. В результате он, не изобретая велосипед и не пытаясь выдумать проблемы из ничего, сумел старые темы

показать под новым ракурсом. То есть реализовал на практике ещё один важный принцип, провозглашённый Томасом Элиотом: «Задача поэта — не искать новые эмоции, а по-новому использовать старые».

Книга «Свиристели» стала одновременно описанием реального материального мира, внутри которого находятся лирический герой и человек-читатель, и рисунком, изображающим красивые романтические образы, трогающие за живое и рождающие ассоциации, уводящие прочь от одного конкретного авторского сюжета на поиск философских истин и жизненной правды. В результате мысль поэта не заперта в клетку четверостиший, а свободна, способна меняться, обретать любые формы на усмотрение того, кто коснётся её сознанием:

*Там огород казался садом дивным,
Наполненным неведомым зверьём,
Сарай убогий — замком нелюдимым,
Рождались страхи шорохами в нём.*

Превращая вечные темы в новые с помощью призмы поэтического видения действительности, Борис Красильников выковал для своих стихов ту самую оправу из золота и драгоценных камней, о которой упоминал Гюйо. Но, будучи человеком «золотой середины», он удержался на тонком лезвии ножа и не перешёл некую незримую грань, за ко-

торой образов становится слишком много, ассоциации оказываются размытыми и хаотичными, и в результате суть неизбежно теряется, тонет в «воде» метафор и эпитетов. Впрочем, утопить главное во второстепенном, смысл в красивостях не грозило автору, который сделал своё творчество настолько личным. Причём личным как для него самого, так и для читателя, полностью разделяющего его чувства.

И правда, кто из людей, которые открывают книгу «Свиристели», хоть раз не испытывал страсти, вроде бы не положенной по статусу? Кому не знакомо искушение, о котором с помощью очаровательных, интригующих метафор говорит писатель?

*С улыбкой её возникают
Лукавой Джоконды черты,
Застыло у самого края,
Сорваться боясь, слово «Ты».*

А любовь... Кто ни разу не любил и не терял свою мечту?

*Он ею бредил наяву:
Она мерещилась в прохожих,
Скакало сердце на ветру
От черт, лишь издали похожих.*

Не собирал по частям, из осколков вдребезги разбитое сердце? Не считал, будто новое чувство для него невозможно?

*А где найти такое средство,
Чтоб сердце вновь любить могло,
Когда оно, что эта чашка,
В осколки вдруг превращено?*

Кому не знакомы изматывающие сомнения в своих силах, которые так откровенно выразил поэт, не страшась ни насмешек, ни упрёков, ни высокомерных взглядов?

*Я боюсь, что совсем некрасив,
Я боюсь, что совсем неразумен,
Я боюсь, что, наверно, спесив,
Я боюсь, что не создан для буден...*

Кто не запутывался в паутине грусти, когда думал о времени, утекающем сквозь пальцы

слишком быстро, чтобы можно было ухватить хоть одно мгновение? Не ностальгировал, вспоминая прошлое? Не сокрушается о том, что было навсегда утрачено? Только такой человек, если он существует в природе, не сможет оценить наполненные болью слова:

*Корабль уплыл... моряк остался –
Век доживать на берегу,
Смотреть на пристань ежедневно
И знать: не нужен никому?*

Ещё страх смерти – общий для всего человечества, один для миллиардов людей на планете... Разве найдётся тот, кто поклянётся, будто ни разу не поддался ему? Но как нет того, кто не боится, так нет и того, кто не осознаёт необходимость смирения с неизбежностью:

*Дамоклов меч внезапной смерти
От пустяка, от ерунды,
От чьей-то глупой дикой мести
Принять как данность должен ты.*

Борис Красильников на страницах сборника «Свиристели» проявляет себя большим романтиком, готовым даже превратиться в собаку, чтобы быть ближе к своей любимой. Он – рыцарь, воспевающий даму сердца, восхищённый ее красотой, не столько телесной, сколь духовной. Борис – страстный мужчина, испытывающий временами искушение, и несчастный влюблённый, чьё сердце разбито вдребезги. Он – читатель, посвящающий свои строки классикам мировой литературы. И неравнодушный человек, который видит несправедливость и остро ее переживает. Поэт – суровый критик, подмечающий пороки в человеке и обществе и не готовый утаивать то, что открылось ему, несмотря на нелюбовность этих картин, с нарочитой отчётливостью прорисованных в его стихах:

*Люди есть – назойливые мухи
Кажутся во сто крат их милей:
И кусают, и жужжат от скуки,
Вызывая в мыслях слово: «Бей».*

Но главное, и это чувствуется во всех его стихах, независимо от главной темы, Борис Красильников – философ. Он пытается доко-

паться до сути понятия время, ретроспективно оценить жизнь, найти ее смысл в настоящем, примириться с будущим, что бы оно ни готовило. «Те, которые надеются стать философами путём изучения истории философии, скорее должны вынести из неё то убеждение, что философами рождаются, так же как и поэтами, и притом гораздо реже», – говорил Артур Шопенгауэр. Действительно, быть философом, как и быть поэтом – редкость, врождённый дар. И Борис Красильников через свое твор-

чество доказывает, что обладает сразу двумя талантами: философским и поэтическим. Это делает сборник «Свиристели» особенным – глубоким и красивым. Его стихи – это знакомые каждому истины, сумевшие обрести новые формы при прохождении через горнило личности поэта и оправленные им в золото и драгоценные камни литературных красот.

Екатерина Кузнецова

Ссылки на покупку книги «Свиристели»

- www.amazon.com/dp/B08Q3RZDLJ
- www.ozon.ru/product/sviristeli-205999857/
- www.litres.ru/boris-krasilnikov/sviristeli/
- www.ozon.ru/product/sviristeli-krasilnikov-boris-mihaylovich-198079182/?sh=cqgcuP_2sA
- 4.bibrary.com/readbook/74147970/
- litres.com/boris-krasilnikov/sviristeli/read-online/page-2/
- iknigi.net/avtor-boris-krasilnikov/
- readli.net/sviristeli/
- knigogid.ru/books/1711607-sviristeli
- ridero.ru/books/sviristeli/
- www.litres.ru/boris-krasilnikov/sviristeli/
- readrate.com/rus/books/sviristeli
- litportal.ru/avtory/boris-krasilnikov/kniga-sviristeli-1157454.html
- zvooq-knigi.ru/sviristeli-334466
- bookdroid.ru/poeziya-dramaturgiya/poetry/88009-boris-krasilnikov-sviristeli.html
- kindbook.net/kniga/sviristeli-krasilnikov
- сургут.скидкагид.рф/товар/6620175_sviristeli-literaturnaya-respublika.html
- www.live-lib.ru/poeziya-dramaturgiya/poetry/235436-sviristeli.html

ВНЕ ИЗВЕСТНЫХ ЗАКОНОВ ФИЗИКИ И ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Человек — покоритель космоса. Но является ли он владыкой Вселенной? Все ли её тайны ему доступны? Нет ли загадок, которые пришла пора разгадать вместе с героями книги Андрея Лисьева «Сломанное небо Салактионы»?

Автор этой научно-фантастической антиутопии приглашает читателя в мир далёкого будущего, когда человечество рассеется между звезд и путешествовать от планеты к планете станет таким же обыденным и нормальным делом, как в наши дни совершать поездки в другие города или страны. Для своего сюжета он выбрал неординарное даже по меркам той эпохи место: «Видите ли, Салактиона — двойная планета. Двойные звезды человечеству известны, но двойные планеты... С точки зрения астрофизики, это невозможно. Два твёрдых небесных тела, примерно одного размера, с атмосферами, вращаются относительно друг друга, не притягиваются и не разлетаются. Так не бывает. Что-то здесь не то». Там судьба свела одну космическую туристку, чей шаттл потерпел крушение. Одного геолога, работающего на местной станции. Одного профессионального пилота. И... секс-робота, решившего вдруг выполнять не те задачи, на которые вроде был запрограммирован. Вот такая интересная компания, столкнувшись с целым рядом незапланированных и, конечно, опасных для жизни странностей, откроет новую цивилизацию. И это открытие, естественно, подразумевает ещё больше риска, полную непредсказуемость и масштабную

интригу: «Молния, одновременно обесточившая Монику, челнок на орбите и всю электронику здесь, не случайна. Кто-то отреагировал на встречу Моники с аборигенами, лишил нас связи и окутал планету неизвестным полем. Мы заперты. И уровень зигрита, похоже, повышается».

Андрей Лисьев — писатель, который отличается несколькими важными для представителя его профессии качествами. Во-первых, он смел. Отправиться в будущее и попытаться мысленно там освоиться — дело нелёгкое, особенно если не пытаться повторять за другими и прокладывать свой собственный путь через неведомое. Он не побоялся и с честью справился с задачей. Будущее в его исполнении кажется вполне реалистичным. Во-вторых, он обладает чувством юмора. Нет, на страницах не так много откровенных шуток, которые можно было бы растащить на модные сегодня мемы. Но лёгкая ирония присутствует буквально во всём, о чём он пишет. Она и в диалогах, и в антураже, и в философских размышлениях. В-третьих, что во многом следует из предыдущего пункта, автор является философом. Ему приходится рассуждать о материях, которые в наше время лишь теория, быть при этом убедительным и мотивировать каждое свое слово. Просто ли это? Отнюдь. Но умение смотреть на мир шире, чем может себе позволить большинство современников, является четвёртым важным для писателя качеством Андрея Лисьева. Оно и помогает. И вот уже он, вооружившись своей фантазией, углубляется в сферу сплошных допущений, где берётся говорить о людях, роботах, их взаимодействии и потенциальном противостоянии, строя гипотезы, ставя ограничения, ища мотивации и приходя к выводам, о которых, признаться, учёные пока спорят, не в силах достичь консенсуса: «Вот эта сфера — личность человека. Внутри клубятся мотивы. Извлечённые из подсознания мотивы при достижении поверхности сферы становятся желаниями... Общество рисует узоры на поверхности сферы, правила и ограничения, согласно которым человек живет. Условия... У искусственного интеллекта нет мотивов и нет подсознания. То есть если личность Моники — сфера, то она пуста и робот действует согласно написанной разработчиком программе».

Но не будем об авторе, поговорим подробнее о книге. Название «Сломанное небо Салактионы» отражает сюжетный факт и одновременно является метафорой. Оно подобрано очень точно по смыслу и, хотя и ставит читателя в тупик в самом начале, пока он не приступил к знакомству с историей, в итоге находит свое объяснение на страницах: «Физика нашего мира обязывает Салактионы или столкнуться, или разлететься. Если включить в мою формулу третье небесное тело, расположенное снаружи обеих планет, гравитационная загадка разрешится. Именно наружная сфера не позволяет Салактионам столкнуться и удерживает вторую на орбите первой. Именно наружная сфера не позволяет видеть звёзды...» Конечно, человек любознательный, который привык погружаться в произведение целиком, а не хватать по верхкам приключения, довольствуясь хайповыми эмоциями, копнёт глубже и задастся вопросом: что же, помимо необычной физики своего мира, автор вложил в слово «сломанный»? Ответ из разряда философских. Он требуется вдумчивого отношения к роману и способности слушать не только себя, но и литератора, ведущего свой увлекательный монолог по ту сторону пространственно-временного барьера.

Произведения о космосе и будущем должны быть построены на научных допущениях, которых в этой книге хватает. Летательные аппараты, роботы, изучение других планет, разработка их ресурсов – всё из этой оперы. Но почему жанр был определён как научно-фантастическая антиутопия? В чём антиутопичность произведения? Какой социум пугает, удивляет, вызывает нежелание быть его частью? Идёт ли речь о потомках землян или о той цивилизации, в сети которой, сами того не ожидая, попали персонажи? До некоторой степени и тот и другой. И всё же непосредственно о земной цивилизации, распространившейся далеко за пределы материнской планеты, сказано не так уж и много. Антиутопичность обеспечивается аборигенами, представляющими собой «какое-то странное клановое общество. Оружия, полиции, вла-

стей – нет. При этом, согласен, явно нет насилия». Кому-то оно может показаться идеальным, ведь «это – цивилизация нестареющих женщин и всегда здоровых мужчин. У каждого есть пара, супруги сливаются в одну личность. Гармония! Денег нет. Эксплуатации нет. Труд не изматывает, свободного времени – масса. Можно заниматься творчеством, искусством. Награда за успех – оргазм. Даже смерть – не горе, а рождение новой жизни». Но разве с антиутопиями не всегда так? Прекрасная идея отражается в кривых зеркалах реальности и трансформируется в нечто гротескное. Идеальная картинка таит под фасадом тёмные лабиринты жутковатой правды. Именно по ним следом за Андреем Лисьевым бродят герои и читатели, ужасаясь, испытывая что-то сродни шоку, а порой недоумение и даже чёткое отторжение. Но, может, просто человечество, к которому принадлежим мы все, пока не готово к инаковости? Или есть другая основа у этих противоречивых чувств? Но главное – и сама мысль об этом будоражит – нет ли предпосылок для появления вымышленного мира Салактионы уже здесь и сейчас? Придётся невольно задуматься и, вполне вероятно, сделанные выводы не порадуют.

«Сломанное небо Салактионы» – это интеллектуальное чтение. Да, в книге много экшена, есть шутки, в том числе на грани фола, присутствует ирония, диалоги преобладают над описательной частью. Казалось бы, это лёгкое произведение на один раз, из числа тех, что мы берём в отпуск, чтобы почитать в самолёте или на пляже. Но только невнимательный, равнодушный обыватель, воспринимающий литературу наравне с онлайн-стрелялками, останется при таком мнении, когда повествование завершится. Истинных библиофилов роман наполнит мыслями и впечатлениями, вопросами о нынешнем времени и философскими предположениями о путях развития человечества. Он станет для них почвой, на которой произрастут фантазии о далёком и пока недоступном современнику будущем. Что там впереди, за горизонтом? Какова та неведомая Вселенная, где есть звёзды и пока нет нас?

Екатерина Кузнецова

«КТО ТЫ? КУДА ИДЕШЬ? И ЗАЧЕМ?»

Что есть жизнь человека? Некая программа, заданная в момент рождения или даже до него? А может быть, это трасса, идущая то по топким низинам, то по крутому горному серпантину, то по населённому пункту, где предусмотрены ограничения скорости, то по платному шоссе, подразумевающему почти полёт? Этими вопросами в канун своего юбилея задалась современная писательница Ирэн Ловатт на страницах книги «С юбилеем», а потом ответами, полученными в ходе серьёзных размышлений, поделилась с читателями, находящимися на перепутье и спрашивающими себя, кто они на самом деле, зачем пришли в этот мир и в чём, в конце концов, их предназначение.

Ирэн разделила повествование на этапы. Между ними пролегли вехи-даты. Писательница начала с нуля, с чистого листа, коим является жизнь новорождённого. Она согласилась с тем, что социум действительно пишет для каждого конкретный сценарий, которому на первых порах мы невольно следуем, даже не задумываясь над этим. Отклонения от пунктов незначительны и обычно случайны, неосознанны. Но чем дальше человек движется по дорогам жизни, тем отчётливее влияние на него сторонних факторов, или попросту судьбы. «Той неведомой силы, которая управляет нами извне. Переживая различные потрясения и несчастья, человек начинает о многом задумываться. Поэтому стоит сразу выработать позитивное отношение к этой силе и заручиться её поддержкой, а не видеть в ней врага. Ведь мы же не роботы, чтобы жить по вложенной в нас программе, правда?»

Именно эта установка, «Мы — не роботы», легла в основу всей книги, стала гвоздём, на котором держатся психологические, социальные, философские построения, сделанные

Ирэн Ловатт в поисках осознанности. Человек имеет волю, а значит, он может и должен выбрать свой путь. Ему по силам самому построить корабль, назвать его и отпустить в плавание, заняв на борту то место, которое он, а не кто-то другой избрал для себя. Но выбор = ответственность. И ей посвящено немало слов на страницах. Слов, которые пробуждают от затянувшейся спячки, разрушают оковы равнодушия, наполняют сердце и голову пониманием сложности предстоящего пути и в то же время делают интереснее каждую его веху, а главное, наполняют любое свершение смыслом: «в жизни либо вы сами управляете своей судьбой, либо вы перекладываете ответственность на чужие плечи и тогда исполняете роль объекта, над которым совершаются какие-то действия. И в данном случае не так уж важно кем. Намного важнее определиться с ролью, которую вы играете в данный момент».

Читатель, следуя мыслью за Ирэн Ловатт, кивает головой, непроизвольно шепчет: «Да, да, всё именно так!» Он хочет быть не просто персонажем-марионеткой, управляемым кукловодом и выделяющимся коленца на сцене театра жизни, а стать тем, кто выполняет некую миссию, возложенную на него свыше. Он, поглощённый идеей, стремится понять, в чём конкретно заключается именно его уникальная задача. Потому что соглашается с Ирэн, которая утверждает: «Единственное, чего Создатель от нас неукоснительно требует, — чтобы каждый человек выполнял свою миссию, ту задачу, ради которой он родился, и не нарушал единые законы Вселенной». И не желает больше терять попусту время, расставляя галочки над выполненными пунктами социального сценария, и быть разочарованием для себя и... для Всевышнего.

Но книга «С юбилеем» не ограничивается теоретическими выкладками и рассуждениями автора с применением ярких, показательных, западающих в душу метафор. Цель писательницы не в том, чтобы читатель разобрал её труд на крылатые фразы и декламировал их в компаниях. Задача, которую ставила перед собой Ирэн, когда бралась за перо, была куда обширнее, чем просто сообщить неведомому оппоненту — будь собой, ставь цели, двигайся к ним, ищи смысл жизни и реализуй его. Сказать может каждый. Но далеко не вся-

кий способен объяснить, как от слов перейти к делу, чтобы в теории дельные советы не превратились в простое сотрясение воздуха, а явились побуждением к реальному свершению. Потому что слова — это лишь более или менее удачное выражение чужого опыта. А, как всем известно, чужой опыт ничему не учит и двигателем прогресса не является. Только самостоятельно можно прийти к правильным выводам и использовать их на практике, причём максимально эффективно, если грамотно оценить уже произошедшее, только начавшее происходить и то, что должно произойти. И Ирэн Ловатт придумала ряд методик, способных направить читателя по пути анализа.

Чтобы сделать жизнь более гармоничной, обрести баланс между мечтами и реальностью, научиться строить планы, которые воплощаются, стать, в конце концов, не тем, кем тебя видят другие, а тем, кем бы был всегда, даже когда жил по прописанному сценарию, каждое утро писательница рекомендует начинать с благодарности. Это может показаться банальным, но позволяет чувствовать себя лучше. Все свои помыслы Ирэн предлагает направлять на сохранение чудесного и прекрасного мира вокруг нас. Осталось понять как. Но не все её советы столь умозрительны и эфемерны. Среди методик, опубликованных в книге «С юбилеем», есть, например, вполне практический рецепт успеха, который приходит к тем, кто живёт осознанно и без пустой спешки. Приготовить «пирог» придётся как в своей голове, так и в реальности. Далее следует разделить его «на 12 равных частей, которые будут символизировать 12 предстоящих дней. Каждый день вечером, когда будете брать по одному куску, вы сможете анализировать прошедший день и строить планы на будущий. Постепенно это войдёт у вас в привычку, и вы всегда будете заранее готовиться к предстоящим событиям, а не делать это в последний момент. Это поможет избавиться вам от двух негативных факторов: спеш-

ки и нерешительности — и сделает вас более спокойным и уверенным в себе человеком». Такая визуализация очень полезна. Потому что в смутных образах, рождённых в подсознании, порой невозможно разобраться, если не превратить их во что-то материальное, что можно потрогать и, в данном случае, даже попробовать на вкус.

Но главное, и этому уделено наибольшее внимание, раз в пять лет автор предписывает делать остановку и отмечать свой день рождения не сумбурно в один сумасшедший день, а как минимум на протяжении трёх суток. Проводить праздник не в толпе и безумствах, а созерцательно, в отрыве от обыденной повседневности, чтобы иметь возможность подумать и ответить на ряд вопросов, ставить которые необходимо, чтобы двигаться дальше. Ирэн подготовила шаблоны таких вопросов, элементарных на первый взгляд, но очень спорных и серьёзных, если дать себе труд над ними поразмыслить. Она расписала каждый юбилей от двадцати и до ста лет. Её вопросы посвящены всегда трём временным отрезкам: прошлому, настоящему или будущему. Важно не просто нащупать примерные ответы, а чётко сформулировать их и желательно записать, чтобы через пять лет сравнить и проанализировать.

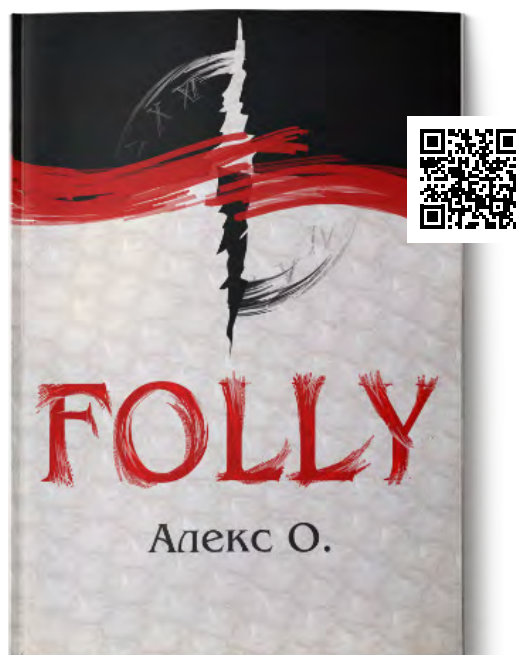
Итак, «может ли человек быть счастливым в земной жизни или она даётся ему для страданий, для того, чтобы возвысилась его душа? Чтобы, пройдя различные испытания, он стал сильнее, опытнее». Ирэн Ловатт убеждена в положительном ответе. Тому, как достичь заветного состояния, она посвятила целую книгу. Советы, данные писательницей и приведённые в этом коротком описании её труда, лишь единичные примеры. Только собрав вместе то, что было упомянуто, и то, что есть на страницах, обдумав, оценив и последовательно воспроизведя, можно попытаться пройти по своим собственным следам и, как Ирэн, обрести понимание собственной сути и предназначения.

Екатерина Кузнецова

ОБУЗДАТЬ ХАОС В АВАНТЮРЕ АЛЕКСА О.

«Я ошибся, веселье началось уже сейчас. Устраиваемся поудобнее, но не перестаём внимательно следить за путешествием Зои Евгеньевны по дороге лжи. Она непременно приведёт её к краху. Пока до него далеко, но, как говорится, иногда процесс намного привлекательнее самого результата. Ой, вот и ещё одна пауза». А пауза ли? Или возможность переформатировать мысль под новый сюжетный поворот? Когда Алекс О., независимо от контекста, произносит это слово, подразумевающее остановку, в голову приходят именно такие соображения. Потому что его книга «FOLLY» не для тех, кто любит медленную езду по пробкам. Она для тех, кому ближе лавирование в плотном трафике, требующем совершать крутые повороты, часто менять маршруты и искать новые, даже инновационные дороги, ведущие к главной цели — пониманию сути сложного и запутанного приключения, охватывающего множество людей и разные эпохи.

Алекс О. — эрудит. Это первое, что необходимо сказать об авторе романа. Как иначе он сумел бы написать такой детектив, в котором в рамках одного конкретного расследования вдруг всплыли бы меняющие восприятие происходящего отсылки к истории и искусству, что позволило соединить в одной плоскости несколько столетий? Он — полиглот, знающий несколько иностранных языков и умеющий вплетать заморские словечки в русскую речь, не умаляя при том достоинств ни одного языка. Само название книги пришло из английского. Слово означает «глупость», «причуда», «вздор» и «безумие». Разные по звучанию и смыслу термины одинаково уместны, чтобы охарактеризовать события произведения, которое с самых первых строк выбивается за рамки привычного и ожидаемого читателями.

Порой кажется, что там, и правда, творится безумие не то по прихоти героев, не то по причине их глупости, а может, это все вздор, под которым скрывается нечто куда более масштабное, чем казалось на первый взгляд? Все утверждения в равной мере верны и в то же время ошибочны. Потому что эта книга — головоломка, где все неоднозначно и не предопределено. И, наконец, Алекс О. — опытный путешественник, что, собственно, вытекает из первых двух утверждений о нем, как о личности, и также является предпосылкой для формирования упомянутых качеств писателя. Туристический опыт помогает ему лучше ориентироваться в мире, в котором все взаимосвязано и не может быть вырвано из контекста, выброшено на свалку истории человека и человечества, попросту забыто за ненадобностью. Алекс это хорошо осознаёт и использует в творчестве как одну из основополагающих идей, на которых зиждется его сюжет. Он способен видеть события со стороны и изнутри в один и тот же момент, проводя между внутренним и внешним параллели и аналогии. А знакомство с разными людьми делает писателя отличным психологом, который прорисовывает живые, полноценные характеры, не забывая о главном — мелочах, что их определяют.

Выяснив, кто написал «FOLLY» и какие особенности этого человека стали предпосылками для появления этого нелинейного

и нешаблонного произведения, пора переходить к обсуждению самого романа. Завязка кажется слишком простой, даже банальной. Замыкание, пожар в многоквартирном доме; следовательно, приехавший установить причины произошедшего; жильцы, каждый со своими проблемами и... тайнами. Где-то это уже было. Кто-то такое уже писал. Но не стоит топиться с выводами. Надо двигаться дальше, потому что первая нота в этой мелодии нарочито обманчива, она вводит в заблуждение с целью в будущем немало удивить. Впрочем, долго ждать интересностей не приходится. Первые из них случаются почти сразу. Помимо собственно пожара, происходит ещё одно событие: одна из жилищ получила огнестрельное ранение. Событие экстраординарное – не каждое возгорание сопровождается такими осложнениями: «У нас огнестрел. Надеюсь, что ты не забыл это слово, да? В эту девушку стреляли, и поэтому мне нужно всё, что ты можешь найти. Если потребуется посмотреть под микроскопом каждый уголёк, а потом собрать из всех остатков компьютер со столом, да так, что ты сможешь напечатать на нём одно-единственное слово „идиот“, то ты это сделаешь, понял меня?! С этой секунды каждый миллиметр того, что вы взяли, является уликой в деле об огнестрельном ранении с пострадавшим». Только... и это поклонники жанра уже видели. Детектив и огнестрел почти синонимы...

Не успевает читатель отдаться во власть таким мыслям и разочароваться, как тональность и скорость резко меняются. Начинаются крутые повороты, необъезженные дороги и стремительный калейдоскоп героев, событий, локаций, проносящийся перед глазами и постоянно тасующий пазлы на общей картине романа. Становится ясно – то, что казалось лёгким, в действительности является сложным и трижды запутанным. Чтобы докопаться до центра клубка, то есть истины, надо выслушать каждого персонажа, отделить правду от нагромождений лжи, как зёрна от плевел, и сделать умозаключения, которые когда-то в финале

позволят поставить точку. Но это случится далеко не сразу, а после крутых горok, балансирования на грани и ситуаций, которые никак не укладываются в стандартное восприятие изначальных сюжетных данностей.

Алекс О. прибегает к классике мировой литературы, чтобы делать сравнения. Он использует искусство как инструмент для создания и запутывания интриги. Он, подобно археологу, ищет причины и следствия в недрах прошлого. События и факты разных эпох переплетаются, противопоставляются, соотносятся, анализируются. В итоге создаются причинно-следственные связи, далеко не очевидные. В них-то и есть фишка книги. Они определяют то безумие, которое творится на страницах. Пусть все причуды и кажущаяся глупость получают объяснение, а вздор наполняется глубинным смыслом, требуется немало усилий, чтобы упорядочить хаос и найти в нём логику, которая, наконец обретённая, делает повествование на удивление стройным. Так и хочется хлопнуть себя по лбу и воскликнуть: «Ах! Как же я раньше не додумался!»

«FOLLY» читается легко, быстро, с энтузиазмом. В этом романе есть интеллектуальная составляющая и драйв. Строки проносятся перед глазами со скоростью пейзажей за окном, которые остаются позади летящего по трассе под оглушительную музыку спорткара. Но временами приходится резко жать на тормоза, поворачивать на сто восемьдесят градусов и возвращаться назад, чтобы заново прочитать отдельные фрагменты, переосмысливая их. Потому что существует большой риск совершить ошибку при разгадывании этой литературной головоломки. Его причина – соблазн делать собственные выводы, опираясь на стереотипы. А такой подход с творчеством Алекса О. не работает. Напротив, он мешает воспринимать сюжет правильно, непредвзято. А только так и следует относиться к этому авантюрному приключению, начавшемуся с кажущейся банальности, продолжившемуся хаосом и нашедшему логическую завершённость во взаимосвязи людей и эпох.

Екатерина Кузнецова

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «Я ПОНИМАЮ КРАСОТУ»

Мудрую фразу сказал книговед, историк литературы, пушкинист, синолог, библиограф и редактор Виктор Кунин на страницах своей книги «Последний год жизни Пушкина»: «Точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ни к чему не служат». Как жаль, что большинство современных писателей забыли об этом и с упорством, заслуживающим лучшего применения, игнорируют завет Антона Павловича Чехова, со знанием дела утверждавшего, что «краткость – сестра таланта». Они кропают сотни томов романов ни о чём, увлекаясь игрой в слова и чувства, но не утруждая себя мыслями. Как славно, что среди сотен тысяч людей, называющих себя литераторами, есть те, кто пишет не ради того, чтобы просто писать, не во имя славы или с целью заработать, а с целью раскрыть некую мысль, чему-то научить, что-то подсказать, кому-то помочь или просто украсить чью-то жизнь истинной красотой прозы, в которой может и должна быть частичка поэзии. Помните слова японского классика Рюносукэ Акутагавы: «Проза занимает место в литературе только благодаря содержащейся в ней поэзии».

Среди тех немногих, кто отказался от лёгкого пути длинного романа и выбрал тернистый путь короткой прозы, исключаящий возможность «растекаться мыслью по дереву», наша современница Нина Шамарина. Её сборник рассказов носит символическое и ностальгическое название «Синица в небе». Да-да, это не опечатка, именно в небе. Тем «синицам», что кружат высоко – не дотянуться, она посвящает свои произведения. Эти синицы, которые то и дело упоминаются в текстах, символи-

зируют собой несбывшиеся мечты. Они – то, чему не суждено сбыться. Что могло бы оказаться на ладони, но уже навеки утрачено, улетело, как хрупкая птица с мягкими, идеально подогнанными друг к другу пёрышками, которую секунду назад ещё сжимал в руке и, казалось, держал крепко-крепко, и вот её уже нет – взмахнула крыльями и воспарила в неведомые дали.

Начинается сборник Нины Шамариной с поэзии. Но не со стихотворений, а с рассказа, который проникнут поэтическим духом и вобрал в себя безграничную любовь автора к окружающему ее миру: «Гулкие капли, взмётывая маленькие фонтанчики, срываются с крыши в подставленное ведро. Стихает ветер, и облака плывут важно и неторопливо, складываясь в причудливые фигуры. Я вижу то маму-медведицу с махоньким сыночком, то величавый парусник, то храм с колокольней, окружённый высокой стеною». Читатель идёт ранним утром по холодной росе вслед за героиней, собирает под старой яблоней сладкие плоды, что напоминают о Еве, грехе, змее, со светлой грустью думает о том, чего с ним никогда не случится, ощущает ласковое прикосновение осеннего дождя к коже и «заворачивается в непогоду», как в одеяло, отдаваясь во власть своих надежд, грёз, фантазий, желаний.

Первый рассказ, как и многие последующие, посвящён теме одиночества. Герои – часть бесконечной толпы, но каждый из них личность, окружённая серой пустотой. Случайные встречи, которые на мгновение дарят надежду, становятся краеугольными камнями поведения, как, например, в истории о тяжело больной женщине, решившей в канун Нового года сходить на ёлочный базар: «Как странно устроена человеческая натура! Ведь на самом деле расставаться с человеком, даже имени которого она не знала, ей вовсе не хотелось. Больше того, Ирина вообразила и долгие вечера, полные молчания и разговоров, и счастливые покойные ночи, и солнечные бодрые утра. И рыжий малыш привиделся ей тоже!» Случайными могут быть и чувства. Они, подобно пожару, вспыхивают в сердце, заставляя верить в мечту, надеяться, что можно разорвать круг обыденной повседневности, окунуться в бесконечное счастье, словно герой кино или романа. Но жизнь – не фильм. Ка-

кое-то обстоятельство непременно вернёт всё на свои места, оставив лишь горько-сладкое послевкусие на доньшке души, как в произведении «Розовая шапочка»: «Но иногда, в зимний полдень, когда солнце било в стекло, или ранней осенью, когда за окном стоял плотный туман, а то в апреле, когда под ногами хрустел тонкий ледок, намёрзший к ночи, мерещились Сергею тёмные глаза, расплывался очерк скул... И крепкие пальцы каменщика будто наяву сжимали девичьи зябкие пальцы».

Множество тем поднимает Нина Шамарина. Первая любовь? Есть! Первая измена? Тут как тут! Непростые отношения взрослой, но так и не сумевшей научиться пользоваться своими крыльями дочки с авторитарной мамой? На месте! Нежеланная беременность? Да! Ответственность за тех, кого мы приручили? Куда же без очаровательных котов и собак, что становятся талисманами и скрашивают одинокие будни! Игры разума? Имеются, причём с таинственным, почти мистическим флёром вещей, рождённых на задворках подсознания снов: «Бесплотный питон – кто ты? Нет, не вирус... Мой страх, моя паника. Мой собственный ад». Философия? Естественно! «И кажется ему в эти светлые ночные часы, что Вселенная смотрит на него равнодушным белёсым глазом, и ничего, ничего с этим не сделать! Ни уломать, ни объяснить».

На страницах сборника «Синица в небе» перед читателем предстаёт сразу несколько эпох. Это и советские времена с непередаваемым колоритом непростых десятилетий, для описаний которых используются крайне неожиданные метафоры: «Вы за грибами ходили когда-нибудь? Иногда входишь в лес и сразу понимаешь: грибной! По запаху, по берёзкам и елям, по тонкой шелковистой траве, даже по паутинкам: если паутинки по лесу висят, значит, ветра в этой глуши нет, а грибы ветра не любят».

Так раньше и за покупками ездили: сначала в „подозрительные“ места, где нужная вещь может быть, потом уж во все остальные». И современная «офисная», лишённая смысла реальность: «Постылая работа душит меня и давит, и даже когда я, вернувшись до-

мой, сниму офисный пиджак, я не смогу от неё освободиться. Кому нужно то, что я делаю? Для чего эти графики, эти схемы, эти слова, которыми никто не пользуется в обычной жизни? Для чего я хожу в офис? Почему я не делаю этого, коли это делать необходимо, за домашним компьютером, в своём телефоне? Зачем нужны эти петли, в которых я барахтаюсь беспомощно, эти окружности времени: пятого я получаю зарплату, седьмого я почти всю её скармливаю банкомату, погашая ипотеку». Всегда есть не только плохое, но и хорошее. И Нина Шамарина не забывает это показать.

Почти каждое произведение, за очень редкими исключениями, завершается некой фразой, в которой скрыта одновременно безнадёжность и жажда жизни, призрак прошлого и взгляд в будущее. Под конец сборника писательница разместила аллегории, которые назвала «не сказки». Читатель без труда поймёт скрытый смысл драмы влюбленного в Василису Кощей или аналогию между счастливой близостью к столу трёхногой табуретки.

«Синица в небе» – это книга, в которой писательница, выражаясь словами одной из героинь, опять и снова доказывает: «Я понимаю красоту». Все рассказы имеют глубокую мысль. Ни одной пустой, «водянистой» истории на целый сборник! Лёгкий слог и доверительная манера ведения повествования в форме обращения к читателю («Факт, что болтливость женщин иногда оборачивается трагедией, особенно если хранить свои тайны им приходится продолжительное время, вероятно, не был известен некой молодой женщине. Но обо всём по порядку») иногда с элементами сказочного или былинного стиля располагают к автору. Такой подход делает более доступным, близким, понятным то, о чём говорит Нина. Словно открывается невидимая дверца в насыщенный красками и ощущениями мир природы, существующий на страницах. Будто происходит трансформация читателя в каждого героя по очереди с возможностью «взять его обувь и пройти его путь, попробовать его слёзы, почувствовать его боли», чтобы лучше понять самого себя и тех, кто скрывается в безликой толпе, состоящей из личностей.

Екатерина Кузнецова

ВЕДЬМОВСКОЙ КОТЁЛ ВСЕХ СТРАСТЕЙ НА СВЕТЕ

Как оценивать книжную серию? Каждый роман в отдельности или все сразу? Зависит от того, насколько крепки сюжетные связи между частями. Бывает, что в рамках цикла каждое произведение самостоятельное. Тогда о них разумно говорить по очереди. Но ничуть не реже случается, что в конце всех книг, кроме финальной, стоит условное «Продолжение следует». Тогда, чтобы полностью понять авторский замысел, имеет смысл обсуждать серию как нечто целое.

Цикл Катерины Калюжной, который состоит из произведений «Демоны мрака», «Тайны тёмной цитадели», «Сердце Дьявола» и «Призраки Белой Крепости» делить не надо. Он рассказывает историю девушки по имени Алина, которой предстоит пройти путь от простой студентки, без памяти влюблённой в загадочного парня, до бессмертного воителя на службе светлой колдуньи, сыгравшего не последнюю роль в Великой Войне с другим миром и приложившей руку без малого к спасению человечества. Но не только. Эта книжная серия также повествует об истории перемен в магическом сообществе, вынужденном адаптироваться к переменчивым и опасным реалиям, и судьбах множества героев, так или иначе связанных с судьбой Алины. Четыре романа включают в себя десятки сюжетных линий, которые переплетены между собой и раскрываются читателю только вместе, во взаимосвязи с остальными, а по отдельности были бы лишены своего смыслового наполнения.

Название «Демоны мрака» может вызвать удивление. Вроде бы романы о магах и воителях. Откуда тогда демоны? Что за мрак? Стоит начать читать, как становится ясно, что к оби-

тателям Преисподней они не имеют никакого отношения. В книгах нет ни намёка на библейские мотивы, очень популярные в современном фэнтези. «Демоны мрака» — это воинское подразделение в армии мага, по сути, десант. И в нём служит большинство основных персонажей цикла. Собственно, именно к «демонам» и присоединяется Алина, когда ей открываются тайны волшебного сообщества.

Естественно, не просто так юная девушка захотела поиграть в бравого воина и побороться с тёмными колдунами. У неё были личные мотивы, которые и являются завязкой всей истории, а также романтическим лейтмотивом цикла. Алина влюбилась. Но её избранник не был с ней честен. Антон не рассказывал правды о себе, а потом просто исчез. Годы спустя девушка встретила его двойника, а точнее — брата-близнеца. И Макс не был столь же скрытен. Он поведал Алине о магах, их тысячелетних дрязгах, о воителях и вампирах, поклявшихся служить колдунам вечно, и о гибели парня, которого она любила до сих пор. Стать частью теневого мира изначально для неё значило лишь одно — быть чуть ближе к Антону. Ну, и отомстить виновникам трагедии, насколько хватит сил.

С первых глав Катерина Калюжная погружает в омут страстей, которые бурлят, как варево в ведьмовском котле. Шепчутся заклинания, звенит сталь, сердце бьётся в груди, разрываясь от боли, вызванной мечтой о несбыточном

счастье. Пока маги чертят свои пентаграммы, писательница выводит на страницах ничуть не менее магический волшебный треугольник, по углам которого – отчаявшаяся девушка, живой воин и мёртвый герой.

«Тайны тёмной цитадели» – роман с более закрученным, сложным сюжетом, если сравнивать его с дебютной частью. Любовь всё ещё важна, треугольник по-прежнему актуален, но во главе угла повествования оказывается война между светлой волшебницей и тёмным колдуном. И шансы на победу есть только у одного. Алина и её друзья в лагере потенциальных проигравших. Надежды нет. Краски довольно мрачные. Постоянно происходят несчастья, напряжение зашкаливает. В такой атмосфере чувства обостряются, сомнения исчезают, каждый день приходится проживать так, словно он последний. Ключ к разрешению этой драмы в названии. В тёмной цитадели есть тайны, которые могут использовать светлые, чтобы изменить неудачный расклад. Но на это, во-первых, надо решиться. Во-вторых, придётся довериться тем, кто доверия едва ли заслуживает. В-третьих, результат всё равно не гарантирован. Даже в самые последние мгновения романа у Катерины в рукавах остаются козыри, которые она один за другим выбрасывает перед читателем, меняя его представление о сюжете и будущих событиях.

«Сердце Дьявола» – ещё один крутой поворот в едином сюжете. После этой книги всё, что было раньше, начинает казаться слишком простым, чересчур личным, не имеющим значения в глобальном плане. Если первая часть была преимущественно о любви, а вторая о локальной войне двух могущественных колдунов, то третья – начало настоящего апокалипсиса, который тысячи лет назад земляне уже сумели остановить. Портал с темнейшим из миров прорван. Очень скоро колдуны и их бесчисленные воинства хлынут на Землю. А противопоставить этим ордам нечего. Единственный, кто знал, как побороть истинную тьму, мёртв. Но в его дневниках хранится подсказка. Правда, если верить словам павшего в недавнем противостоянии колдуна, для этого потребуется невозможное – единство всех магов, воителей и вампиров планеты, которым придётся забыть о давних разногласиях, обидах, интригах и предательствах. В процессе знакомства с записями Дьявола (конечно, не настоящего, а того, кому дали такое прозвище) бывший антагонист предстаёт в новом свете. Отныне ему отведена роль романтического героя, сердце которого полно боли и страданий по утраченной любви. Его необъяснимые поступки находят толкование. Его безжалостные слуги вдруг обретают души и свои предыстории, а потому становятся так же близки, как и любимые с первых

романов персонажи. Появляются новые важные герои, которые могут изменить общую картину и вывести игру со смертью на куда более высокий уровень напряжения. Важный бонус – у каждого старожилы цикла, у каждого новичка непременно есть своя love story. Читатель уже не концентрируется только на Алине. Он может выбирать, какая страсть кружит ему голову сильнее.

И, наконец, «Призраки Белой Крепости»... Всё, что было ранее, можно считать разминкой, в лучшем случае подготовкой к тому хаосу и безумию, что ждёт героев, затерявшихся в бескрайних песках Сахары, где развора-

чивается финальная битва. Воинство землян и воинство иномирцев встретились лицом к лицу. Они сошлись в кромешной тьме. Одни могучие, лишённые чувств, способные оборачиваться монстрами. Другие уязвимые, поглощённые эмоциями, слабые со своими почти игрушечными мечами, луками, пулемётами, танками, ракетами и камешками-артефактами. Катерина Калюжная сочетает события настоящего, в котором главные действующие лица оказываются разделены тысячами километров и множеством смертей, и рассказ о далёком прошлом, оживающем буквально на глазах возле стен Белой Крепости, давным-давно построенной одной сильной ведьмой, что сумела не только оставить след в веках, но и покорить сердце Дьявола.

Финальный виток истории ошеломляет. Он сводит воедино все сюжетные ветки, всех героев, которые есть на страницах, были раньше или просто упоминались. Писательница расставляет точки над «i», объясняя принципиальную разницу между важными вещами и тем, что мы таковым лишь считаем. Она обнуляет все обиды и мелкие прегрешения, призывает к прощению и искуплению, учит пониманию и сочувствию. Страницы наполнены любовью, жертвенностью, готовностью отдать всё за идею, во имя чего-то большего, чем ты сам. И каждый – неважно, был он ещё недавно героем или антагонистом – вовлечён в эту круговерть спасения. Спасения мира, друзей, возлюбленных и самого себя – не только в физическом, но и в духовном плане.

МироСлава, НК ТО «Голоса Оренбуржья»

ИНТЕРВЬЮ С ЮЛИЕЙ БЕАННОЙ

– **Что чаще всего вдохновляет Вас на стихи? Это какие-то эмоции, события или живые существа?**

– Иногда меня вдохновляют некие мелочи, по типу пошедшего дождя или снега. Или любимая музыка, или клипы. Но чаще всего строчки приходят на ум внезапно. Сначала последняя, а затем за ней тянется всё остальное. Но, учитывая, что сама я почти всегда пребываю в тоскливом настроении, и то, что меня вдохновляет, – меланхоличное или печальное. Если песня – то грустная, если погода – то хмурая.

– **При каких обстоятельствах Вы впервые взяли в руки тетрадь и ручку?**

– Вспомнить это уже невозможно, поскольку свои первые рассказы я написала лет в пять. Видимо, просто очень хотелось что-то написать. Плюс к тому мне нравился сам процесс выведения букв. Помню, в первом классе по доброй воле переписывала какой-то рассказ Бианки из книги в тетрадь. К родителям пришла знакомая и спрашивает меня: «А это что, вам на дом такое задали – из книги переписывать?» Я отвечаю: «Нет, мне просто так нравится писать». Она посмотрела на меня с недоумением.

– **Что Вы хотите показать читателям своим творчеством?**

– Я не стремлюсь показать что-то конкретное, а делюсь своими фантазиями и настроением. Честно, у меня нет мыслей: «Я покажу читателям такую-то мораль, заставлю задуматься о том-то», вот просто что приходит на ум и что хочется выплеснуть, – выплёскиваю. Меня нередко обвиняли в том, что творчество должно нести свет и смысл, а моё не учит ничему хорошему, только в депрессию вгоняет.

Но те, кому не нравится, могут просто не читать, так ведь?

– **Какие чувства Вы сама испытываете от своих стихов?**

– Грусть. Даже сама редко их перечитываю, поскольку от некоторых становится совсем плохо.

– **Как считаете, Ваше творчество является отражением реального мира или это исключительно Ваши фантазии?**

– Я считаю мир равнодушным и, соответственно, беспощадным. Абсолютно все умирают, да и старость с болезнями не обходят стороной ни одно живое существо. На этой планете нет никакой надежды. Соответственно, мои беспросветные стихи лично для меня – отражение реальности. Это если говорить о моих произведениях, не затрагивая их мистическую сторону. Вот в мистику я уже не особо верю, поэтому отношусь к таким своим рассказам и стихам как к фантазиям.

– **Для чего, в принципе, нужно ремесло писателя, что оно даёт ему и публике?**

– Писателю оно даёт возможность провести много увлекательных часов и получить удовольствие от создания произведения. Он может жить фантазиями и отключаться от быта. Если писатель профессиональный, бонусом идут выходы книг, отзывы читателей, вопросы журналистов и прочие прелести публичной жизни. А публике оно даст удовольствие от чтения.

– **Какое Ваше стихотворение самое печальное лично для Вас?**

– Это стихотворение связано с личными событиями, и мне бы, наверное, не хотелось озвучивать их подробности. А в принципе, все они для меня очень печальные.

Интервьюер Алиса Кроу

«ПРОШЛОЕ НУЖНО СБЕРЕГАТЬ СЕГОДНЯ!»

Интервью с Виктором Королевым

– Виктор Владимирович, почему современникам важно изучать историю?

– В человеческой жизни три составляющих: Прошлое, Настоящее и Будущее. Любой скажет, что история – это Прошлое. Но ведь Настоящее – оно только сейчас Настоящее, а секунда прошла – и оно уже Прошлое. Логика простая: необходимо сегодня сберечь Прошлое, потому что без него нет Будущего.

– По каким причинам история чаще всего искажается?

– Вы эти причины знаете не хуже меня. И то, что «историю пишут победители», и про снесённые памятники, и про «параллельную историю» и её сказителей-искажителей. Когда это произошло? Да всегда так было. Откройте «Жизнь двенадцати цезарей». Каждый новый правитель считал своим долгом если не всю статью снести, так хоть нос предыдущему императору на ней отбить. Конъюнктура вечна как мир. Беречь историю, не искажать её – это обязанность как раз больше литераторов, чем политиков.

– Кем бы хотели быть в прошлом? С кем свели бы знакомство? Почему именно эти люди Вам интересны? О чём бы Вы их спросили?

– Я и так родился в прошлом, в прошлом веке. Ещё и телевизоров-то не было. Стал журналистом, как и хотел. И за свои пятьдесят лет трудового стажа общался с тысячами людей, писал о них в газеты. Спрашивал, как они живут, о чём мечтают. И не было ничего интереснее их судеб, их историй. объездил всю страну от Калининграда до Комсомольска-на-Амуре, жил в десятках городов и честно скажу: люди интересовались прошлым ничуть не меньше, чем светлым будущим. Была у всех какая-то гордость, что это они сами пишут историю, оставляя в наследство детям любовь и уважение к тому, что создано предыдущими поколениями. И лучшим подарком тогда считалась книга. Это была прекрасная эпоха!

– Откуда Вы берёте информацию для своих книг?

– Это очень простой вопрос. И ответ будет простым. На первом месте сегодня, безусловно, поисковые системы интернета. В Сети есть всё, надо только уметь заглянуть под корни дерева, где под листвой как раз и прячутся самые лучшие грибы. Важно только отличать их от поганок...

– А где допустимая граница между реальными фактами и художественным вымыслом?

– Главное – не надо сочинять небылицы! Граница между реальными фактами и художественным вымыслом очень чёткая. Историческая литература должна основываться на факте. Иначе это фэнтези, совсем другой жанр, не мой. Считаю, что домысел позволителен лишь тогда, когда автор намекает читателю: «Так, может, и не было, но именно так могло быть. А если кто-то считает, что так не было, пусть докажет...»

– Есть ли «истории о героях», которыми Вы хотели бы поделиться?

– Мой папа был военным журналистом. Писал очерки о неизвестных героях. О майоре Гаврилове, последнем защитнике Брестской крепости. О сержанте Михаиле Калашникове... Папа переписывался с писателем Сергеем Смирновым, который очень много сделал для того, чтобы не осталось белых пятен в истории Великой Отечественной войны. Потом это поколение ушло. Но было приятно, что сын С. С. Смирнова однажды в интервью вспомнил и моего отца, и их переписку. Кстати, Андрей Сергеевич Смирнов – режиссёр прекрасного фильма «Белорусский вокзал» и не только. А у меня в издательстве «Союз писателей» недавно вышла книга о героях Сталинградской битвы. Так что дело наших отцов-фронтовиков теперь мы продолжаем...

ИНТЕРВЬЮ С ИРЭН ЛОВАТТ

— В интернете Ваши книги выходят под разными именами: Алина Полянская, Angel Wight, Ирина Алтынова, Ирэн Летон, Ирэн Ловатт, почему?

— В интернете я не люблю афишировать своё реальное имя и часто использую различные псевдонимы, поэтому мои друзья нередко теряются в догадках, какая же я на самом деле.

— Но, возможно, есть какие-то секреты, которыми Вы готовы поделиться со своими читателями? Например, в книге «Путешествие по реке времени» Вы подробно изучаете вопросы рода. Расскажите, пожалуйста, о своей семье.

— Я родилась в Москве. Мои родители были инженерами. Однако техническая профессия не мешала им оставаться людьми творческими и креативными. Мой папа занимался живописью и под настроение писал стихи. Маму привлекали шитьё и дизайн.

— Вы были единственным ребёнком в семье?

— Да, мне повезло вырасти в атмосфере любви и заботы. Когда я родилась, ещё были живы дедушки и бабушки с обеих сторон. Родители работали, поэтому моим воспитанием в основном занимались именно они. Зимой я училась в Москве, а каждое лето уезжала в Одессу, на море.

— Какие любимые предметы были у Вас в школе, чем Вы интересовались?

— Мне всегда легко давались точные науки, но всё-таки больше нравились история и литература. А самыми любимыми уроками, как ни странно, были музыка, физкультура и труд. Помню, что лет в тринадцать меня начали интересовать вопросы, что я, собственно, собой представляю, зачем родилась на этот свет. Я начала интересоваться психологией и поисками смысла жизни.

— В каком возрасте Вы начали писать свои первые книги?

— Писать я начала с восьми лет. В 1980 году мама подарила мне блокнотик с иллюстрацией к сказкам А. С. Пушкина на обложке. В течение года я записывала в него свои

сказки и самостоятельно иллюстрировала их. В то время я жила и училась в Одессе. Также я писала письма домой. Но, конечно, они не шли ни в какое сравнение с теми прекрасными рисунками, которые я получала от папы. Я до сих пор их бережно храню, и они мне очень дороги. Помню, что у моей мамы был удивительно красивый почерк, и мне всегда хотелось писать так же хорошо и правильно, как она. Позже она даже обучала меня основам черчения, чтобы мои непослушные буквы и рисунки выглядели более аккуратными.

— А когда появились первые стихи?

— О, это было уже гораздо позже, в подростковом возрасте, когда я вернулась домой в Москву. Затем я стала писать тексты на заказ, работая внештатным корреспондентом в газетах и журналах.

— В каких жанрах Вы пишете?

— Меня всегда интересовала тема человека и всё, что с ней было связано. В старших классах я самостоятельно занялась психологией. До сих пор люблю читать книги на эту тему. Позднее увлеклась астрологией и эзотерическими знаниями, от которых постепенно перешла к духовной литературе. Также меня интересуют философия, история, культура разных стран. Я много путешествую, люблю фотографировать, снимаю видео, пишу путевые заметки. Но самой интересной темой для меня по-прежнему остаётся тема жизни человека. У меня много дневниковых записей, часть из которых со временем я, возможно, опубликую.

— У вас интересная и насыщенная жизнь. Вы довольно много путешествуете? Где вы сейчас живете?

— Да, я очень люблю путешествовать и, наверное, будет не совсем правильно отнести меня именно к московским писателям. Скорее я человек мира. Хотя, безусловно, Москва, Одесса и Питер — это три моих самых любимых города. Довольно часто стараюсь там бывать и чувствую свою неразрывную связь с ними. Также часть своей жизни провожу в Англии, Франции, в прошлом году к ним

ещё добавилась Германия. Но, как ни странно, самым любимым моим местом является небольшой одноэтажный домик в Подмосковье. Именно он является идеальным местом для творчества, где я могу побыть наедине со своими мыслями. У меня есть в планах создать там Музей Мира для детей и сделать анимированную среду по поиску сокровищ своей собственной души. А основу этого музея, безусловно, составит моя собственная библиотека, в которой собраны произведения авторов из разных стран.

— Какие книги Вы сами любите читать, кто является Вашим любимым автором?

— Мой любимый автор — А. Дюма. С его книги «Три мушкетёра» я начала читать взахлёб. С удовольствием читаю и перечитываю его романы до сих пор. В разном возрасте воспринимаешь его по-разному. В школе ты увлекаешься приключениями, затем тебе становятся интереснее исторические события. Потом разбираешь сюжет и понимаешь, что это первоклассная работа, в которой отражены все четыре темперамента. Ну и так далее. Из русских писателей-классиков мне нравится творчество Л. Н. Толстого. Мой любимый поэт — М. Ю. Лермонтов. Из детских современных писателей я бы выделила Тамару Крюкову, Андрея Усачёва и Олега Роя, с которыми лично знакома. Не могу сказать, что эти писатели являются эталоном для меня. По своей сути я, наверное, писатель-мистик. Но к творчеству Н. Гоголя и М. Булгакова отношусь довольно спокойно. Хотя жизнь обоих вызывает мой интерес, а музей на Маяковской с чёрным котом — это вообще отдельная тема для раз-

говора. На самом деле очень много хороших писателей. Вот, например, Андрэ Моруа для меня стал настоящим открытием, когда я наткнулась на его письма к женщине. Или музей К. К. Чуковского в Переделкине произвёл на меня неизгладимое впечатление. Также есть очень много современных писателей, с которыми я сейчас сотрудничаю и творчество которых вызывает мой живой интерес. Например, совсем скоро должна выйти новая книга о любимых игрушках Татьяны Калашниковой, в которой мой маленький герой Авитошка тоже обязательно примет участие. Так что о писателях, особенно детских, я могу разговаривать бесконечно.

— В этом году Вы отмечаете очередной юбилей. Расскажите, пожалуйста, о Ваших творческих планах. Чем в этом году Вы порадуете своих читателей?

— Я люблю праздники, а моими самыми любимыми являются Новый год и день рождения. Поэтому в течение всего 2022 года я провожу Новогодний Шоколадный Флешмоб. Вместе с ребятами из разных российских библиотек мы путешествуем по Дедам Морозам. Это происходит как виртуально, так и реально. Программа у нас довольно интересная и насыщенная. Более подробно я расскажу о ней в книге «Праздничный сценарий», которую планирую выпустить по итогам этого года. Также в этом году к своему юбилею я выпустила музыкальный диск «Четыре сезона» (#4se_zona), в который вошли песни на мои стихи. Готовлю для библиотек несколько фильмов с моим участием. Так что год обещает стать ярким и интересным!

Интервьюер Екатерина Кузнецова

ИНТЕРВЬЮ С КАТЕРИНОЙ КАЛЮЖНОЙ

– Творческий процесс – важное, сложное и в то же время увлекательное действие. Что для Вас означает «творить»?

– Творить = переживать приключение. Знаете, мне вообще нравится рассматривать жизнь в целом и любой отдельный день как приключение. На мой взгляд, каждое из них получается в своём жанре. Я люблю те, что похожи на мелодрамы и/или фэнтези. Да, да, фэнтези в повседневной жизни. Ведь то, как мы интерпретируем события, зависит исключительно от нашего воображения, реальные факты тут совсем ни при чём. Вот, например, иногда вспоминаешь что-то, делаешь выводы на основе картинок в своей голове, а потом слышишь рассказ о чужих воспоминаниях того же события, складываешь одно с другим и вдруг с удивлением понимаешь – реальность раздвоилась: были созданы новые вселенные, и они существуют в параллельных плоскостях. Чем не фэнтези о мультивселенных? В своих книгах я стараюсь объединить два любимых направления из жизни и искусства. Получается романтическое фэнтези.

– Вы сторонник личных встреч с читателями? Насколько часто Вы проводите творческие вечера?

– В теории – сторонник. На практике мне ещё никогда не доводилось участвовать в таких мероприятиях в качестве автора. Я неоднократно выступала в роли организатора творческих встреч для других писателей, но сама выходила на сцену только как ведущая или представитель издательства, в котором работаю. Однажды я непременно хочу попробовать сменить амплу и предстать перед публикой не как Екатерина Кузнецова, а как Катерина Калюжная. Пока же мне в таком образе удалось лишь побыть диктатором на тотальном диктанте, сделать видеоматериалы для одной из библиотек по моей серии книг «Демоны мрака» и истории фэнтези и выступить на онлайн-радио. Но, как вы понимаете, это все односторонний контакт, когда нет возможности получить отклик непосредственно на своё творчество да и просто посмотреть в глаза читателям.

– А бывали ли случаи, когда читатель высказал разочарование от прочитанного? Что Вы почувствовали, что ответили?

– К счастью, мне не доводилось слышать резко негативных отзывов о своих книгах, хотя я понимаю, что рано или поздно всем литераторам приходится пройти через такой опыт. Как консультант в области продвижения, я всегда советую в таких случаях поблагодарить за мнение, промолчать или тактично, вежливо, без экспрессии попытаться узнать, что именно не понравилось и почему, принять это к сведению и, возможно, поработать над ошибками в будущем, если, конечно, замечание адекватно. Надеюсь, когда наступит мой черёд получать негатив, мне удастся воспользоваться собственным советом. На данный момент худшее, что я слышала: «Зачем ты пишешь фэнтези, это же ерунда?» Но тут просто дело вкуса. Для кого-то ерунда, а для меня какой-нибудь Гарри Поттер так же реален, как и тот парень, что сейчас переходит дорогу у меня под окном, и даже чуть более. Примерно этими словами я и отвечала на подобные комментарии. Ещё были вопросы про название. Кое-кому заглавие первой части казалось неудачным (с последующими тремя – «Тайны тёмной цитадели», «Сердце Дьявола» и «Призраки Белой Крепости» – проблем не возникало). Что ж, я говорила, что не надо беспокоиться: ни один демон на Землю не явился и не пострадал – ни когда я писала, ни когда закончила. Кстати, демонов и на страницах нет. Просто название боевого подразделения...

– Вы бы хотели экранизировать свои произведения?

– Спорный вопрос. С одной стороны, экранизация – это один из высших уровней признания успеха писателя. С другой – фильмы почти всегда не отражают сути книги. Сценаристы и режиссёры выкидывают эмоциональную составляющую из фэнтези и концентрируются на экшене. И мне это не нравится. Если уж экранизация, то в формате сериала и очень близко к тексту. Впрочем, логические доводы отстают перед фантазиями (со мной такое

часто). Я даже пробовала представить, кого из звёзд мирового кинематографа (не придираясь к возрасту и стране проживания) я бы видела в главных ролях. Например, Алина для меня – это только Эшли Грин, Антон и Максим – Джейми Кэмпбелл Бауэр или Остин Батлер, Соня – Кейт Бэкинсейл в молодости, Хадижа – Нина Добрев или Эмерод Тубия, Лиза – Клеманс Поэзи. Я могу продолжать бесконечно, у меня много героев. Но зачем навязывать своё видение потенциальному читателю, тем паче что в книге даны довольно подробные описания каждого из них?

– **Поделитесь, где Вы черпаете вдохновение?**

– Фильмы, преимущественно сериалы, и книги. Если говорить о серии «Демоны мрака», то они были вдохновлены циклом Рейчел Мид «Академия вампиров». Читая роман за романом, я всё отчётливее видела свой сюжет. Хотя между «Демонами...» и «Академией...» нет совсем ничего общего. Но почему-то книги Мид запустили мыслительный процесс. Не спрашивайте про логику, её нет.

– **Вы много путешествуете? Что Вы ищите в поездках?**

– Да, я путешествую очень много, не меньше трех-пяти раз в год, а иногда и больше. До 2020 года, когда мир вдруг сошёл с ума, была в двадцати странах, во многих не по одному разу. С марта 2020 года успела объездить наиболее знаковые места западной части России, от Калмыкии до Валаама в прямом смысле слова. Города, которые я посещала в разные годы и в разных странах, даже не буду пробовать сосчитать. В своих поездках я ищу эмоции, впечатления, новые знакомства. А еще кайф, который можно получить только на море или на большой реке, такой, например, как Волга. Но не вдохновение. Оно, как правило, посещает меня, наоборот, когда я долго не выхожу из дома, желательно совсем.

– **Екатерина, у Вас вышло несколько книг. Все они написаны в популярном и востребованном сейчас жанре фэнтези. А что повлияло на Ваш выбор творить именно в этом формате?**

– Я Рыбы по знаку зодиака. Если вы прочитаете мой гороскоп, то поймёте – я от рождения фантазёрка. Мир в моей голове для меня

подчас более настоящий, чем тот, что вокруг. Поэтому выбора, в каком жанре писать, особого не было. Я воплощала свои фантазии. Плюс я не люблю реализм и лишнюю драму. Их хватает в сводках новостей и беседах с подругами. Книга – это удовольствие, а не очередная головная боль. Я хотела сама получить удовольствие от творчества и подарить удовольствие эскапизма кому-то ещё. В конце концов, фэнтези – то же путешествие, только ехать дальше, чем в любую Антарктиду.

– **Что является отправной точкой при написании сюжета?**

– Момент. Один момент из будущей книги, который поначалу висит в воздухе. Если говорить о цикле «Демоны мрака», то таким моментом стала сцена из конца первого романа, когда отряд врывается в темницу, чтобы спасти пленника. Среди спасителей – девушка. Увидев её, узник вспоминает свою давнюю любовь, но не понимает, как она, обычная девчонка, могла оказаться здесь, в сверхъестественном мире, с оружием в руках. А потом видит на её пальце обручальное кольцо, и до него доходит правда. Она стала женой его друга? Брата? И этот друг/брат ввёл её в мир, куда он так и не решился когда-то пригласить любимую. Я не знала, кем будут мои герои: вампирами, оборотнями, инопланетянами, просто солдатами (в итоге они стали бессмертными воителями на службе светлой колдуньи), не могла точно определить связи в любовном треугольнике (в итоге по углам оказались девушка и два брата-близнеца), но эта сцена была такой яркой, что под неё я придумала аж четыре романа.

– **Что бы Вы посоветовали начинающему автору?**

– Отбросить страх. Страх, что не получится написать. Страх, что не получится издать. Страх, что не примут читатели. Если бояться, то и из дома выходить смысла нет. Страшно всё. Вдруг кирпич на голову упадёт?

– **А с чего начинать автору, пишущему в жанре фэнтези?**

– Однозначно с чтения книг и просмотра фильмов в этом жанре. Не понимая принципов фэнтези, невозможно в нём работать. А принципы эти в корне отличны от тех, что используют реалисты всех мастей.

СОДЕРЖАНИЕ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ С БИОГРАФИЧЕСКИМИ СВЕДЕНИЯМИ 3

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 27

Лариса Агафонова

Волшебный кисель.....27

Борис Алексеев

1993 год, октябрь, Белый дом, кровь..... 30

Охотники 36

Александр Атуэй

Спаситель Семёнов из Арбузолитейного
института и пандемия.....37

Запах цветов..... 40

Юлия Беанна

Стихотворения 44

Татьяна Бирюкова

Рождество 45

Снежинки счастья..... 45

Ясные дни оставляю себе..... 46

Дивный май 48

Миг озаренья..... 48

Аромат времени..... 48

О добре и мальчике ЗУ 49

Альфред Бодров

Лунная соната, или Дама в розовом
шифоне с зелёными разводами..... 52

Татьяна Голосова

Стихотворения 61

Инна Демина

Стихотворения 66

Доктор Зайцева

Истории Доктора Зубика 72

Елена Зарщикова

Стихотворения 73

Сергей Калабухин

Стихотворения 74

Катерина Калюжная

Рядовая ведьма и магия
социальных сетей..... 75

Андрей Клыпин

Благодарность.....77

Стихотворения 80

Светлана Коппел-Ковтун

Где твоя кротость, Баран? 82

Эрата 82

Люди – существа сказочные 84

Полиритмия времени..... 84

Служение Родине – это форма

служения Богу 88

Стихотворения 90

Виктор Королев

Еликанида и Анна..... 92

К Элизе, «бессмертной
возлюбленной»..... 99

Андрей Костаков

Стихотворения 100

Считалки 107

Вопросы и ответы..... 107

Борис Красильников

Стихотворения 109

Светлана Кузьмина

Стихотворения 117

Ирина Курамшина

Мультизакат..... 121

Что-то странное происходит..... 122

Зонтик..... 123

Огородный променад..... 123

Бродяга 124

Проблема с дятлами..... 126

Андрей Лисьев

Парус как вызов 127

Ирэн Ловатт

Сказка о заморских богатствах
и несметных сокровищах..... 128

Отрывки из сборника
«Четыре сезона» (стихотворения) 129

Павел Луков		Любовь Черенкова	
Бедуин и Араб	133	В поисках Самаэля.....	176
Юрий Мартишин		Евангелина	176
Стихотворения	135	Нина Шамарина	
Ольга Митькина		Ландыши... ландыши.....	177
Стихотворения	137	РЕЦЕНЗИИ	180
Александр Морев		Отзывы на книги Виктора Королева	180
Стихотворения	139	Поэт, рыцарь, мужчина, читатель, критик, философ.....	182
Михаил Московец		Вне известных законов физики и идеологии современного человечества	185
Старый король, Молодой король.....	149	«Кто ты? Куда идёшь? И зачем?».....	187
Что восславит тебя?	152	Обуздать хаос в аванюре Алекса О.	189
Алекс О.		Рецензия на книгу «Я понимаю красоту».....	191
Отрывок из книги «FOLLY».....	155	Ведьмовской котёл всех страстей на свете	193
Галина Одинцова		ИНТЕРВЬЮ.....	196
Отрывки из книги «Письма прошедшего времени»	156	Интервью с Юлией Беанной	196
Вера Пчелинцева		«Прошлое нужно сберегать сегодня!» (интервью с Виктором Королевым)	197
Стихотворения	166	Интервью с Ирэн Ловатт	198
Татьяна Радова		Интервью с Катериной Калюжной.....	200
Стихотворения	167		
Иоланта Сержантова			
Галина	171		
Моя милая тётушка.....	171		
Константин Суворов			
Стихотворения	173		

Справочное издание

12+

ПИСАТЕЛИ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Энциклопедическое издание

Составитель *Юлия Руцак*

Ответственный за выпуск *Юлия Руцак*

Технический редактор *Мария Соседко*

Корректор *Светлана Лифанова*

Верстальщик *Сергей Чалый*

Дизайнер обложки *Анастасия Бугун*

Подписано в печать 21.10.2022. Формат А4.
Бумага офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 19379.
Гарнитура «PT Sans».

Издательство «Союз писателей»

654029, г. Новокузнецк, ул. Вокзальная, 10.

Тел.: 8-913-429-2503

E-mail: mail@izdat-kniga.ru. Сайт: www.izdat-kniga.ru

Отпечатано в типографии издательства «Союз писателей».

С давних времён Москва являлась одним из культурных центров России. Здесь родились А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский и многие другие. Тут писали свои лучшие произведения А. П. Чехов, А. М. Горький, А. И. Бунин, В. Я. Брюсов, В. В. Маяковский, С. А. Есенин и так далее. Сегодня литераторы нового поколения продолжают сложившиеся традиции, умножают их и создают новые. Авторы из Москвы и Московской области публикуют романы и сборники, участвуют в коллективных проектах, занимаются общественной деятельностью, проводят творческие вечера и становятся победителями тематических премий и конкурсов. Лучшие произведения современников вошли в это энциклопедическое издание. Разные люди, разные судьбы, разные жанры ждут читателей на его страницах. Помимо стихов и рассказов, здесь можно познакомиться с биографиями писателей, их мыслями в форме интервью и рецензиями на книги. Литературная столица открывает свои двери для тех, кто хотел бы заглянуть в зеркало современности, найти в нём себя, увидеть всё хорошее и плохое, что есть вокруг нас.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Издательство работает с 2010 года и является членом Ассоциации книгоиздателей России (АСКИ). Приглашаем к сотрудничеству авторов и оптовых покупателей.

 izdat-kniga.ru

 mail@izdat-kniga.ru

 8 913 429 2503

ISBN 978-5-00143-736-9

9 785001 437369 >